

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

АНТИЧНАЯ ИСТОРИЯ

Дионисий Галикарнасский

РИМСКИЕ
ДРЕВНОСТИ

В трех томах

АНТИЧНАЯ ИСТОРИЯ

Дионисий Галикарнасский

РИМСКИЕ
ДРЕВНОСТИ

Том второй

УДК 94(37)
ББК 63.3(0)32

Историческая библиотека основана в 1995 г.
Автор проекта и основатель серии: Кулаков Владимир Александрович
Автор серийного оформления: Яковлев Анатолий Тимофеевич
Ответственный редактор: Маяк Ия Леонидовна

Редакционная коллегия серии «Античная история»

Маяк И. Л. — председатель коллегии
Кофанов Л. Л.
Майорова Н. Г.

Сморчков А. М.
Токмаков В. Н.
Шабага И. Ю.

Фролов Э. Д.
Маринович Л. П.

Д46 **Дионисий Галикарнасский.** Римские древности. Том II.
Перевод с древнегреческого. Ответственный редактор: И. Л. Маяк. — М.,
Издательский дом «Рубежи XXI». 2005 г. — 274 с., с иллюстрациями

Книга представляет собой первый русский перевод знаменитых «Римских древностей» греческого историка I века до н. э. Дионисия Галикарнасского, последовательно излагающего в I–XI книгах предысторию и историю Древнего Рима от его основания до середины V века до н. э. Последующие XII–XX книги, освещающие события IV–III веков до н. э., сохранились лишь во фрагментах. Это произведение содержит множество интереснейших подробностей древнейшей истории Рима, его законов, религии и обычаев. Книга предназначена для студентов исторических и юридических вузов, историков, юристов, филологов-классиков, а также для всех тех, кто интересуется римской историей.

УДК 94(37)

- © Кофанов Л. Л., перевод кн. V.
- © Щеголев А. В., перевод кн. VI.
- © Сморчков А. М., перевод кн. VII–VIII.
- © Бисенгалиев В. К., рисунки для заставок и концовок к главам.
- © УпаkГрафика, допечатная подготовка, обработка иллюстраций и карт, 2005.
- © Рубежи XXI, 2005.

ISBN 5-347-00002-3 (2)

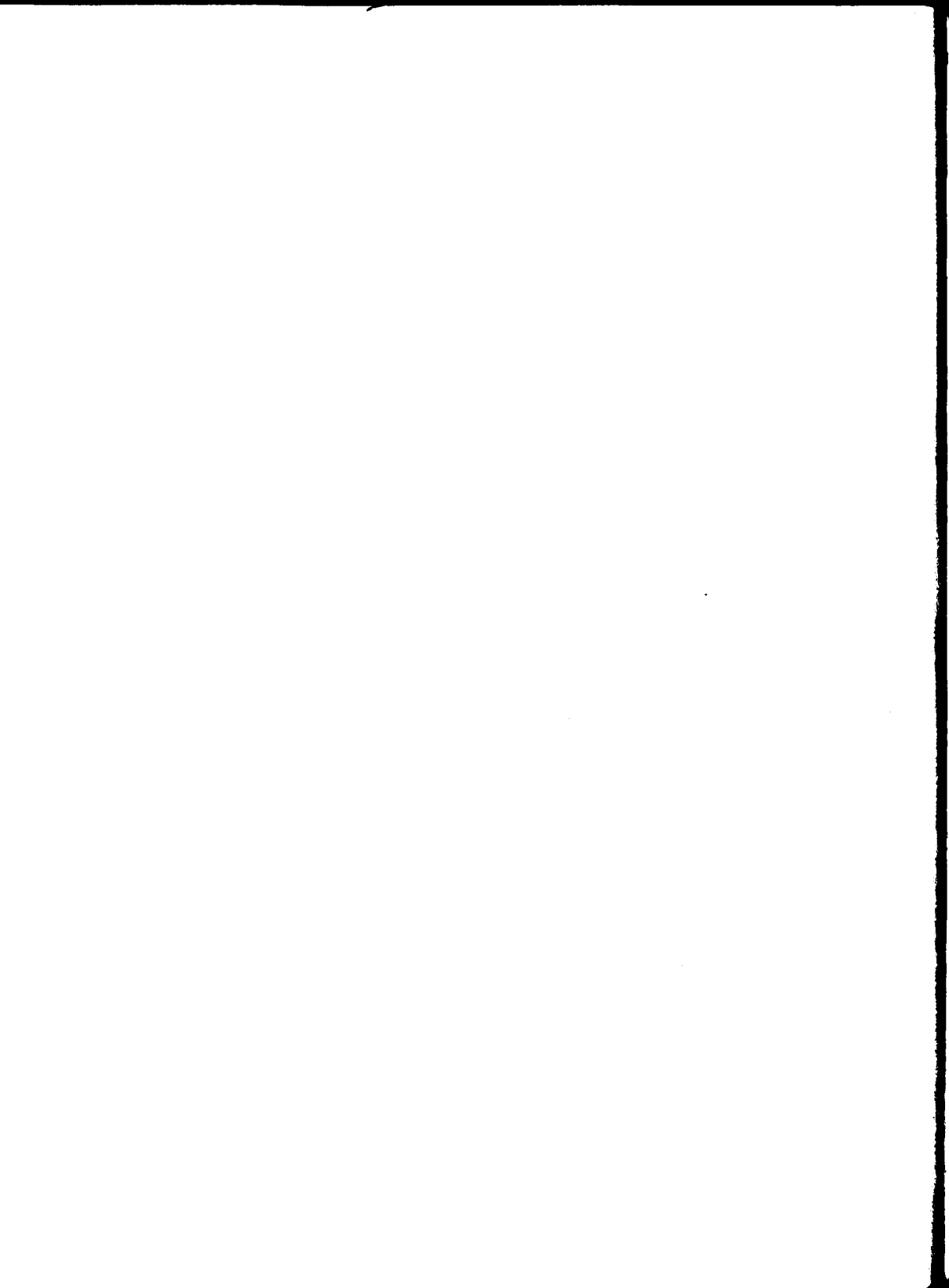

Дионисий Галикарнасский

**РИМСКИЕ
ДРЕВНОСТИ**

**ТОМ ВТОРОЙ
КНИГИ V–VIII**

**Ответственный редактор доктор исторических наук,
профессор И. Л. Маяк**

Книга V

Первые консулы Луций Юний Брут и Луций Тарквиний Кротонийский — Раскрытие заговора против консулов — Наказание заговорщиков — Публий Валерий, новый консул — Войско изгнанных против римлян — Поединок Брута с сыном Тарквиния. Гибель предводителей — Церемония погребения именитых мужей — Постановления Валерия, за которые он получает прозвище «Попликолы» — Царь клузийцев, Ларс, по прозвищу Порсена, объявляет римлянам войну — Спурий Ларций, Тит Герминий и Публий Гораций спасают войско. Этот поступок приносит бессмертную славу Горацию — Мужественный поступок Муция — Завершение войны между римлянами, тарквинийцами и тирренцами — События в третье и четвертое консульство — Война римлян в пятое консульство — Победа над сабинянами. Город возвращает себе прежнее величие — Третье вторжение сабинян — Возвращение консулов после блистательно одержанной победы — Почести, оказанные римлянами при погребении Публия Валерия — События, произошедшие при правлении консулов Постумия Коминия и Тита Ларция — Заговор во время правления консулов Сервия Сульпиция Камерина и Манья Туллия Лонга — Мятежный дух в государстве при правлении консулов Тита Ларция Флава и Квинта Клоилия Секула — Ларций, первый в Риме, назначается единоличным правителем с абсолютной властью — Власть Ларция как первого диктатора

1. Царская власть¹ у римлян, сохранявшаяся от основания Рима в течение двухсот сорока четырех лет и вылившаяся при последнем царе в тиранию, по таким вот причинам и такими людьми была уничтожена во время шестьдесят восьмой Олимпиады², в которой в беге на стадион — победили Исхомах Кротонийский, когда в Афинах архонтом был Исагор. 2. Когда за четыре месяца до окончания года установилось господство знати, правители, принявшие на себя царскую власть, Луций Юний Брут и Луций Тарквиний Коллатин, которых римляне называют на своем языке, как я уже говорил³, консулами, вступили в должность в то время, когда многие другие пришли в город из лагеря после перемирия, заключенного ими с ардеатами. Через несколько дней после изгнания тирана они созвали народ на собрание и произнесли немало слов в пользу согласия, и еще раз утвердили постановление о том, о чем ранее бывшие в городе римляне уже вынесли решение, осудив Тарквиниев на вечное изгнание. 3. После этого, совершив искупительное жертвоприношение за процветание города и принеся присягу⁴, консулы, первые став над жертвенным животным, произнесли клятву и убедили других граждан поклясться в том, что те не возвратят из изгнания ни царя Тарквиния, ни его детей, ни их потомков, и более не приведут в город римлян никакого царя, и не будут потворствовать желающим сделать это. Так они поклялись за себя самих, своих детей и потомков. 4. Так как было ясно, что цари делали много доброго и значительного для государства, консулы, пожелав, чтобы наименование должности сохранялось во все время существования города, приказали понтификам и авгурам определить наиболее достойного из старейшин, дабы тот, называясь царем жертвоприношений⁵, не исполнял никаких других обязанностей, кроме культовых, и не занимал никаких военных и политических должностей. И первым таким царем жертвоприношений был поставлен Маний Папирий, из патрициев, муж, склонный к уединению.

II. После того как это было учреждено⁶, консулы, опасаясь, как мне кажется, чтобы у многих римлян не возникло несправедливое мнение о новой власти: будто

¹ Ср.: *Ливий*. I. 60. 3 и след.

² 507 г. до н.э. по хронологии Дионисия Галикарнасского (=509 г. до н.э. по Варрону). Хронология Дионисия несколько отличается от общепринятой хронологии Варрона. Соответственно, Рим, по Дионисию, был основан не в 753, а в 751 г. до н.э. Это различие в два года сохраняется в изложении Дионисия вплоть до 450 г. до н.э., т.е. до правления децемвиров. Далее при указании дат мы будем давать более общепринятую датировку по Варрону и Ливию, в скобках указывая датировку по Дионисию.

³ См.: *Дионисий*. IV. 76. 2.

⁴ Под искупительными жертвоприношениями за процветание города и присягой, заключенной консулами, имеются в виду обязательства магистратов, ежегодно даваемые ими богам и народу при вступлении в должность о содействии процветанию государства и народа. По-латыни это называлось *vota nuncupata pro salute populi Romani*. Тогда же консулы давали клятву соблюдать римские законы.

⁵ В латинском эквиваленте *rex sacrorum*. Ср.: *Ливий*. II. 8.

⁶ Ср.: *Ливий*. II. 8.

городом правят сразу два царя вместо одного, ибо каждый из консулов, как прежде и цари, имеет по двенадцать секиров, — решили освободить римлян от страха и уменьшить недоверие к власти. Они постановили нести перед одним из консулов двенадцать секиров, а перед другим — лишь фасции и, как рассказывают некоторые, булавы, которые держали двенадцать ликторов, и каждый месяц производить передачу секир друг другу, чтобы распоряжаться ими попеременно⁷. 2. Установив такое государственное устройство и совершив многие другие дела, подобные этим, они подготовили плебе и низкую чернь к прочности общественных дел. Ведь они возродили написанные Сервием Туллем законы об обязательствах⁸, законы, которые казались гуманными и демократичными и которые Тарквиний полностью отменил. Они приказали также жертвоприношения, которые совершали члены одного пага или трибы⁹, собираясь вместе как в черте города, так и в сельской местности, исполнять так же, как это было при Сервии Туллин. Консулы предоставили им право проводить общие собрания относительно самых важных дел, голосовать и делать все прочее, что они делали по прежнему обычаю. 3. Итак, многим римлянам было по вкусу совершаемое ими, так как они перешли от долговечного рабства к нежданной свободе, однако нашлись среди них и такие, которые — то ли по глупости, то ли из корыстолюбия, — тосковали по злодеяниям времен тирании. То были мужи небезызвестные, которые поклялись посредством измены вернуть городу изгнанного Тарквиния и убить консулов. О том, кто были их предводители и благодаря какой неожиданной случайности были избранными те, кто считал свои замыслы скрытыми от всех людей, я расскажу, описав то небольшое, что произошло ранее.

III. После своего изгнания Тарквиний какое-то время пребывал в городе Габии, принимая у себя тех из приходивших к нему из Рима, которым тирания была гораздо приятнее, чем свобода. Он проникся надеждой, что с помощью латинян вернется к власти. Когда же латинские города не обратили на него внимания и не захотели из-за него начинать войну с Римом, то он, отчаявшись в их помощи, бежал в тирренский город Тарквинию, из которого происходил его род по материнской линии¹⁰. 2. Склонив правителей дарами на свою сторону, Тарквиний, будучи введен в народное собрание, напомнил об узах родства, существующих у него с городом, перечислил

⁷ Секиры обозначали право магистрата выносить смертный приговор, а ликторы приводили его в исполнение. Таким образом, указанная мера ограничивала это право лишь тем консулом, который в текущем месяце находился при исполнении обязанностей.

⁸ Имеются в виду 50 куриатных законов о договорах и правонарушениях, принятых римским царем Сервием Туллем. См. об этом: *Дионисий*. IV. 13. 1.

⁹ Греческий термин «демоты» обозначает членов одного дема — афинской территориальной единицы, у римлян этому соответствует паг. Термин «филеты» обозначает членов одной филы, т.е. римской трибы.

¹⁰ Обычно ссылаются на Танакиль, которая была знатного этрусского рода (*Дионисий*. III. 46. 5), однако, по Дионисию (IV. 8), она была бабушкой, а не матерью Тарквиния Гордого.

услуги, которыми его дед угождал всем тирренским городам, а также вспомнил о договоре, который те с ним заключили. Затем он стал оплакивать постигшие его несчастья, сказав, что, будучи изгнан, он, в один день лишенный большого благосостояния и нуждающийся в самом необходимом вместе с тремя сыновьями, был вынужден бежать к тем, кто некогда был под его властью. 3. Таким образом, он перечислял эти бедствия, сетуя и проливая обильные слезы, чем склонил народ прежде всего отправить в Рим послов, дабы они от его имени убедили власть имущих помочь ему оттуда и содействовать его возвращению. После того как послами¹¹ были назначены те, кого он сам выбрал, Тарквиний, научив этих мужей, что следует говорить и что делать, и дав им от тех, кто бежал вместе с ним, письма с такими же просьбами к домашним и друзьям, отправил их в путь, снабдив некоторым количеством золота.

IV. Прибыв в Рим, эти мужи заявили в сенате, что Тарквиний считает справедливым, чтобы он, получив гарантии безопасности, прибыл с немногими спутниками сначала, как это и должно, в сенат, затем, если на то будет согласие сената, и в народное собрание, чтобы дать отчет о всех деяниях, которые он совершил с тех пор, как принял на себя власть; и если кто-либо его обвинит, то он будет иметь в качестве судей всех римлян. 2. А после того как он оправдывается и убедит всех в том, что не сделал ничего, достойного изгнания, и что, если римляне вернут ему царство, он будет править на тех условиях, которые граждане сочтут справедливыми; а если они предпочтут, чтобы никто над ними не царствовал как прежде, но установят какую-либо иную форму правления, то он будет просить, чтобы, оставаясь в городе, — его отечестве, где он имел собственный дом, — он стал гражданином наравне с другими, покончив с изгнанием и скитанием. 3. обстоятельно изложив все это, они попросили, чтобы сенат, основываясь прежде всего на праве, существующем у всех людей, никого не лишал слова и судебного разбирательства, но предоставил человеку возможность оправдаться: ведь судьями будут они сами. Если же римляне не хотят оказать ему такой милости, то ради просящего за него города Тарквинии послы уговаривали их быть сдержанными, чтобы принося этому городу дар, не нарушить ничего из того, что сами они считают достойным для него воздаянием. Они просили также, чтобы римляне, будучи людьми, не слишком зазнавались и не носили гнева бессмертных богов в своем смертном теле, но ради просящих решились бы вопреки желанию сделать что-то хорошее, полагая, что здравомыслящим людям необходимо предпочитать дружбу вражде, а убивать вместе с врагами и друзей: свойственно лишь варварам и безумным.

V. После их речи поднялся Брут и сказал следующее: «Хватит разглагольствовать о возвращении Тарквиниев в город, о мужи тирренские: вы сказали достаточно. Ведь голосование, отправившее их в вечное изгнание, уже проведено и все поклялись именем богов в том, что не вернут тиранов и не позволят никому пытаться сделать

¹¹ Ср.: *Лувий*. II. 3. 5 и след.; II. 4. 3; II. 4. 7 — 5. 1.

это. Если же вы просите что-либо из того небольшого, что нам ни законами, ни клятвами не запрещено делать, то говорите». 2. Тогда послы, выступив вперед, заявляют следующее: «Вопреки нашему желанию первая попытка оказалась тщетной. Ведь посланные мужем, молящим о помощи и считающим справедливым выступить перед вами с ходатайством за него, мы, моля об общей для всех справедливости как об особой милости, так и не смогли добиться этого. Но поскольку вы решили, что нам более ничего не следует просить относительно возвращения Тарквиниев, мы призываем вас к другого рода справедливости, относительно чего нам дала распоряжение родина, и нет ни закона, ни клятвы, которые помешают вам это сделать, а именно — отдать царю имущество, которое его предок нажи не из вашего имущества и которым он владел не благодаря насилию и коварству, но унаследовал от отца и передал его вам. Ведь самому ему, спаси он свое имущество, достаточно будет жить счастливо где-нибудь в другом месте, более вас не беспокоя». 3. Сказав так, послы удалились. Что касается обоих консулов, то Брут посоветовал удержать имущество в наказание за те многочисленные и значительные злодеяния, которые тираны причинили обществу, а также имея в виду выгоду от того, что те не будут иметь средств для ведения войны. Он доказывал, что Тарквинии не удовлетворятся возвращением имущества и не смогут вести частную жизнь, но вместе с чужеземцами начнут войну против римлян и попытаются силой вернуться к власти. 4. Коллатин же советовал обратное, сказав, что не имущество тиранов, а их собственные персоны оскорбили город, и потому он считал необходимым остерегаться двух вещей: чтобы ни у кого не возникло подозрение, будто Тарквинии отстранены от власти из-за богатства, и чтобы претензии в том, что у них отняли их частную собственность, не послужили им поводом к войне. Он считал, что, с одной стороны, еще не ясно, собираются ли они, получив обратно имущество, воевать еще и за свое возвращение, с другой же стороны, очевидно, что они не сочтут возможным жить в мире, лишившись имущества.

VI. После того как консулы высказали это и многие присоединились к обеим сторонам, сенат оказался в затруднении относительно того, что же следует делать, и заседал в течение многих дней подряд, так как, с одной стороны, казалось, что Брут говорит о наиболее полезном, с другой — что Коллатин советует наиболее справедливое. Наконец сенат решил сделать народ судьей и того, что полезно, и того, что справедливо. 2. И после того как каждым из консулов было сказано многое, курии¹² (числом тридцать) провели голосование, причем перевес в ту или иную сторону был столь незначительным, что лишь благодаря преобладанию в один голос желавших отдать имущество оказалось больше, чем желавших присвоить его. Тиррены же, получив ответ от консулов и долго восхваляя город за то, что выгоде он предпочел справедливость, написали Тарквинию, чтобы тот прислал лиц, кто примет обратно имущество, сами же они оставались в городе под предлогом сбора движимого имуще-

¹² У Дионисия «фратрии», что соответствует римскому термину «курия». См.: *Дионисий*. II. 7; VII. 64. 6.

ства и распродажи того, что нельзя ни увезти, ни унести. На самом деле они сеяли смуту и плели заговор среди жителей города, как им это и поручил тиран. 3. Ведь послания от изгнанников они передали их сторонникам и от тех получили другие письма — к изгнанникам. Кроме того, затевая беседы со многими и прощупывая настроения тех, кого они считали легко поддающимися соблазну то ли из-за бессилия духа, то ли из-за недостатка жизненных средств, то ли из-за тоски по преимуществам, которыми они пользовались при тирании, послы стремились подкупить, внушая им добрые надежды и снабжая деньгами¹³. 4. Естественно, в большом и многолюдном городе должны были найтись и такие, кто наилучшему из образов правления предпочтет наихудший, причем не только из черни, но и из знати. Среди них были два Юния, Тит и Тиберий, сыновья консула Брута, лишь недавно начавшие отращивать бороду, а с ними и два Вителлия — Марк и Маний, братья жены Брута, вполне способные к ведению государственных дел, и сыновья сестры другого консула — Коллатина, оба, и Луций, и Марк Аквиллии в том же возрасте, что и сыновья Брута. У этих-то Аквиллиев¹⁴, отца которых уже не было в живых, и происходили многочисленныя собрания, у них же замысливались и способы возвращения тиранов.

VII. Мне кажется, что благодаря не только многим и различным причинам, но и провидению богов дела римлян оказались столь успешными, но более всего — благодаря тому, что тогда произошло. Ведь несчастных заговорщиков охватило такое безрассудство и сумасшествие, что они осмелились написать тирану собственноручно подписанное письмо, открыв ему имена большинства принимавших участие в заговоре людей, а также время, в которое те собирались совершить нападение на консулов. Понеже из присланных от тирана весточек они поняли, что тот хочет знать, кого из римлян ему необходимо будет облагодетельствовать, когда он вернется к власти. 2. Благодаря случайности консулы перехватили эти письма. У Аквиллиев, сыновей сестры Коллатина, собрались самые главные участники заговора, приглашенные якобы на жертвоприношения. После угощения они, приказав слугам удалиться с пирушки и выйти за пределы мужской половины дома, обсудили между собой вопрос о возвращении тиранов и записали решение в собственноручно подписанном письме, которое Аквиллии должны были передать послам от тирренов, а те в свою очередь — Тарквинию. 3. В это время некий виночерпий из прислуги, пленник из города Ценина по имени Виндиций, заподозрив, что эти мужи задумали злое, удалил слуг и, оставшись у дверей один, подслушал их разговор и подглядел через какую-то щель в дверях, что все они пишут письма. 4. Выйдя из дома уже глубокой ночью, будто бы посланный господами по какому-то делу, он не решился пойти к консулам, опасаясь, как бы они из-за родственных соображений не пожелали скрыть дело и не уничтожили самого донесшего о заговоре, но отправился к Публию Валерию, который был

¹³Главы 6. 4–13. 1 этой книги ср.: *Ливий*. II. 3. 1–4. 7; 5. 5–10.

¹⁴*Ливий* (II. 4. 5) говорит, что встречи происходили в доме Вителлиев.

одним из четырех вождей, уничтоживших тиранию¹⁵. Получив от Валерия клятвенное заверение в собственной безопасности, скрепленное рукопожатием, он донес о всем том, что видел и слышал. 5. Узнав об этом, Валерий, ничего не откладывая на потом, под утро заявляется к дому Аквиллиев с многочисленной толпой клиентов и друзей. Войдя беспрепятственно в дверь (он-де зашел по какому-то другому делу), Валерий захватил еще бывших в доме юношей и письма, самих же юношей доставляет к консулам.

VIII. Собираясь вслед за этими событиями поведать о значительных и удивительных деяниях Брута, одного из тех консулов, которыми очень гордятся римляне, я опасаясь, как бы не показалось, будто я рассказываю грекам о жестоких и невероятных событиях, так как всем свойственно судить то, что говорят о других, по своим собственным несчастьям и по самим себе определять, что достойно доверия и во что поверить невозможно. Тем не менее я начну свой рассказ. 2. Ведь с наступлением дня Брут, сев в судебное кресло и рассмотрев письма участников заговора, нашел и письма своих сыновей, которые опознал по печатям, вскрыв их, обнаружил еще и примечательные особенности их почерка и приказал, чтобы писцы прежде всего вслух зачитали оба письма для всех присутствующих. Затем он велел сыновьям сказать, не хотят ли они чего-либо добавить. 3. Когда же ни один из них не дерзнул отпираться, но, признав свою вину, оба заплакали, Брут после недолгого промедления встал, всех призвал к молчанию и при всеобщем ожидании его приговора вдруг заявил, что приговаривает детей к смертной казни. На это все, не считая возможным, чтобы столь достойный муж был наказан смертью своих детей, закричали, что они желают сохранить отцу жизни его сыновей. 4. Он же, не обращая внимания ни на их крики, ни на рыдания, приказал ликторам увести юношей, несмотря на то, что те умоляли и называли его самыми дорогими его сердцу именами. Поразительным показалось всем уже и то, что муж сей нисколько не уступил ни просьбам граждан, ни мольбам детей, но еще более удивительна была суровость их наказания. 5. Ведь он даже не согласился на то, чтобы сыновей казнили не на глазах у всех, а где-нибудь в другом месте, да и сам он не ушел незаметно с Форума до их казни, избежав таким образом страшного зрелища, и даже не позволил им принять свою участь без посрамления, но, сохранив все относящиеся к наказанию установленные законы и обычаи, которые надлежит претерпеть преступникам. В то время как их тела были обесчещены поркой на Форуме при всеобщем обозрении, он сам присутствовал при всем происходящем, а затем позволил отрубить им головы секирами. 6. Более же всего удивительны и необычайны у этого человека были его мужская стойкость и неумолимость. И в то время как все другие люди, присутствовавшие при этом тяжком зрелище, рыдали, только он один, казалось, не оплакивал своих детей и самого

¹⁵ По Ливию (II. 4. 6), он отправился к консулам, но по указанию того же Ливия (II. 2. 11), Валерий тогда уже был консулом.

себя из-за того, что его дом теперь опустел, и не выказывал никакой другой слабости, но без слез и стонов, оставаясь непреклонным, мужественно принял несчастье. Вот до какой степени он был силен духом и тверд в осуществлении приговора и сколь стоек в размышлениях о терзающих его страданиях.

IX. После казни сыновей он тут же призвал Аквилев, племянников его соправителя, у которых происходили собрания тех, кто замыслил заговор против государства. Приказав писцу зачитать их письма, чтобы слышали все присутствующие, Брут предложил им дать объяснение. Когда же юноши подошли к судейскому креслу, то — либо по наущению кого-то из друзей, либо по собственному разумению, — они припадают к коленям своего дяди, чтобы найти у него спасение¹⁶. 2. Когда же Брут приказал оттащить их и предать смерти, раз они не хотят оправдаться, Коллатин велел ликторам немного подождать, пока он поговорит с коллегой. Уединившись с этим мужем, он тянул время многочисленными просьбами за юношей. Ведь Коллатин то оправдывал их тем, что они будто бы впали в такое помешательство из-за юношеской необдуманности и из-за дурных советов друзей, то просил оказать ему любезность, умоляя только о жизни родичей и не беспокоясь ни о чем другом, то доказывал, что есть угроза того, что весь город придет в замешательство, если они начнут осуждать на смерть всех, кто, как они считают, содействует возвращению изгнанников, — ведь те довольно многочисленны и некоторые из них — из известных семей. 3. Не убедив Брута, он просил в конце концов хотя бы не смерти, но более умеренного для них наказания, говоря, что нельзя наказывать тиранов лишь изгнанием, а друзей тиранов — смертью. Однако, поскольку Брут возражал против смягчения приговора, не желая откладывать осуждение обвиняемых на другое время (ведь именно такой была последняя просьба его соправителя), но угрожал и клялся казнить всех немедленно, то Коллатин, встревоженный тем, что ни в чем из того, о чем он просил, не будет иметь успеха, воскликнул: «Что ж, если ты груб и раздражен, то я, имея такую же власть, как и ты, освобожу юношей». А Брут, помрачнев, ответил: «Пока я жив, Коллатин, предатели родины не получают свободы, да и ты получишь наказание, которое не заставит себя ждать».

X. Сказав это и передав юношей страже, он призвал народ на собрание. И когда Форум заполнился народом (ибо по всему городу разнеслась весть о том, какое горе случилось с его сыновьями), он, выступив вперед и поставив рядом наиболее уважаемых из сенаторов, сказал следующее: 2. «Мне бы хотелось, граждане, чтобы мой коллега Коллатин рассуждал обо всем так же, как я, и не только на словах, но и на деле ненавидел тиранов и боролся с ними. Но поскольку мне стало ясно, что он задумал иное и не только по крови является родственником Тарквиниев, но и по образу мыслей склоняется в их сторону и обращает внимание на собственные выгоды в

¹⁶ Ливий ничего не знает об этом эпизоде. Согласно его данным (II, 2. 3–10) Тарквиний Коллатин к тому времени уже ушел в добровольное изгнание.

ущерб общим интересам, то я сам намерен воспрепятствовать ему сделать то зло, которое он замыслил и к которому призывал и вас. Прежде всего я сообщу вам об опасностях, в которых оказалось государство, а затем о том, каким образом каждый из нас проявил себя в них. 3. Некоторые из граждан собрались в доме Аквиллиев, детей сестры Коллатина, среди них были и оба моих сына, и братья моей жены, а вместе с ними и кое-кто еще. Они заключили между собой договор и поклялись убить меня и вернуть к власти Тарквиния. Собственноручно написав об этом письма и запечатав их своими собственными печатями, они намеревались переслать их изгнанникам. 4. Милостью кого-то из богов это стало нам известно из доноса вот этого человека. Это раб Аквиллиев, у которых они собирались прошедшей ночью и составили письма, а мы этими письмами овладели. Нынче я уже наказал Тита и Тиберия, моих сыновей, и ни закон, ни присяга не нарушены из-за моей снисходительности. Но Коллатин отнимает у меня Аквиллиев и заявляет, что не позволит поступить в отношении них так же, как я поступил по отношению к своим сыновьям, хотя они задумали добиться того же, что и те. 5. Если же они не понесут никакого наказания, то мне невозможно будет покарать ни братьев моей жены, ни других предателей родины. Какой приговор смогу я вынести для тех, если отпущу этих? Итак, в пользу чего вы склоняете свое мнение? В пользу любви к городу или в пользу примирения с тиранами? В пользу нерушимости клятв, которыми все, начиная с нас, поклялись, или в пользу их нарушения и клятвопреступления? 6. Если бы даже Коллатин скрылся от нас, то был бы проклят и подвержен наказанию богами, которыми он ложно поклялся. Если же он здесь, перед нами, то нам следует вспомнить, как несколько дней назад он убеждал нас выдать тиранам имущество, чтобы не город мог использовать их в войне против врагов, а враги — против города. Теперь он считает, что те, кто составил заговор о возвращении из изгнания тиранов, должны избежать наказания. Ясно, что он хочет освободить их в угоду тиранам, так чтобы, если они благодаря измене или в результате войны вернуться, то он за принесенные им такие благодеяния получит от них, как друг все, что пожелает. 7. И после всего этого я, не пощадив своих детей, пощажу тебя, Коллатин, который телом с нами, а душой — с врагами, который спасает предателей родины и обрекает на смерть меня, борющегося против этого? Неужели это возможно? Нет, я этого не допущу! Чтобы ничего подобного не произошло, я лишаю тебя власти и приказываю переселиться в другой город. А среди вас, граждане, я тотчас же проведу голосование по центуриям, чтобы вы могли установить, следует ли принимать это решение. Знайте, что вам возможно будет иметь консулом только одного из нас двух — или Коллатина, или Брута.

XI. После этих его слов Коллатин, вознегодовав и жалуясь на нанесенное оскорбление, все время называл Брута коварным лжецом и предателем друзей, оправдывая себя тем, что на него клеветают, и прося защитить племянников, а не устраивать против него всенародного голосования. Тем самым он еще более рассердил народ и всем сказанным вызвал страшный шум. 2. Когда граждане рассвирепели, не приняли

оправданий Коллатина и не одобрили его просьбу, но потребовали провести среди них голосование, Спурий Лукреций, тесть Тарквиния, человек, почитаемый народом, опасаясь, как бы Тарквиния не лишили власти и отечества за его высокомерие, попросил слово у обоих консулов и впервые, как говорят римские писатели, получил это право: ведь тогда у римлян еще не было в обычае, чтобы частное лицо выступало с речью в народном собрании. Он обратил свою просьбу к обоим консулам сразу, уговаривая Коллатина не раздражаться и не удерживать против желания граждан ту власть, которую получили по их доброй воле, но отдать ее добровольно, если давшие эту власть предпочитают отобрать ее, и не словами, а делами опровергать возведенные на него ложные обвинения. Он уговаривал его переселиться в какое-нибудь другое место со всем своим имуществом на то время, пока общественные дела не успокоятся, если народ разрешит это. Затем он просил Коллатина принять во внимание также и то, что по своей природе все склонны сердиться не на уже совершенные несправедливости, а на лишь предполагаемое предательство, считая более благоразумным остерегаться именно предательства, пусть даже и из напрасных опасений, нежели позволить пренебречь им, рискуя погибнуть. 3. Брута же он убеждал не лишать насильно родины с позором и бесчестьем своего коллегу, вместе с которым он принял наилучшие для государства решения. Однако если Коллатин сам осмелится сложить свою власть и добровольно покинет отечество, то следует позволить ему спокойно уложить в дорогу все свое добро и прибавить ему какое-нибудь подношение из государственной казны, чтобы он имел в качестве утешения в своем несчастье подарок от народа.

II. В то время как Лукреций посоветовал это обоим консулам, и граждане одобрили его речь, Коллатин долго оплакивает себя — он, дескать, не совершив никакого преступления, из-за сострадания к родственникам будет вынужден покинуть родину, — и в конце-концов слагает с себя власть. 2. Брут же, поблагодарив его за то, что он принял наилучшее и самое полезное и для него самого, и для города решение, просил Коллатина не держать зла ни на него, ни на отечество, но переселившись в другое место, почитать покидаемое отечество, не участвуя ни в чем: ни в делах, ни в речах его врагов. Он просил также, принимая пребывание вне отчизны как переселение, а не изгнание или высылку за границу, быть телом с теми, кто примет его, но душой с теми, кто его провожает. Посоветовав это Коллатину, он убеждает народ дать ему в качестве дара двадцать талантов и сам прибавляет пять талантов из собственного имущества. 3. Тарквиний Коллатин, встретив такую судьбу, удалился в Лавиний, метрополию рода латинов, где и умер, дожив до старости. Брут же, считая что ему не должно править одному, и чтобы избежать подозрения граждан в том, что он изгнал своего коллегу из отечества, поддавшись желанию монархического правления, призвал народ на поле, на котором для римлян привычным было выбирать царей и других магистратов¹⁷. И народ выбрал Публия

¹⁷ Речь идет о так называемом Марсовом поле, где, обычно, проходили центуриатные комиции.

Валерия¹⁸, потомка, как я уже говорил¹⁹, Валерия Сабина, человека достойного одобрения и почитания за многие другие черты характера, но более всего за независимый образ жизни. Ведь есть в нем некая доморощенная философия, которая проявилась во многих его делах, о которых я расскажу немного позже²⁰.

XIII. Сразу же после этого консулы, действуя с полным единодушием во всем, предали смерти всех участвовавших в заговоре по возвращению изгнанников, а донесшего о заговоре раба наградили свободой, предоставлением гражданских прав и большой суммой денег. Затем, проведя три полезнейших и прекраснейших для государства мероприятия, они привели всех граждан города к согласию и ослабили враждебные группировки. 2. Установления этих мужей были следующими: прежде всего они выбрали из плебеев наилучших, сделали их патрициями и за их счет увеличили сенат до трехсот человек²¹. Затем, собрав имущество тиранов, они выставили его на всеобщее обозрение граждан, позволив, чтобы каждый из них владел стольким, сколько кто возьмет²². Землю же тиранов, всю, которую они имели, консулы разделили между теми, кто не имел никакого участка, исключив только одно поле, которое находится между городом и рекой²³. Ведь римляне еще прежде постановили, чтобы оно было посвящено Марсу и использовалось как дуг для выгула лошадей и как наиболее удобный гимнасий для юношей, занимающихся упражнениями с оружием. Я считаю, что самым большим доказательством того, что это поле и прежде было посвящено этому богу, но Тарквиний присвоил и засеивал его для себя, является то, что сделано было тогда консулами с урожаем, собранным с него. 3. Ведь позволив народу увезти и унести все, принадлежащее тиранам, консулы не разрешили забрать ничего из зерна, выращенного на этом поле, — ни из оставшегося после жатвы, ни из уже убранного, — но постановили, чтобы хлеб был брошен в реку, как проклятый и совершенно негодный для того, чтобы вносить его в жилища. 4. И теперь еще видимым памятником события того времени является большой посвященный Асклепию²⁴ остров, омываемый со всех сторон рекой. Рассказывают, что этот остров возник из куч сгнившей соломы, а отчасти и из прибитого к нему рекой ила. Консулы разрешили бежавшим с тираном римлянам возвратиться без всякого наказания, простив всех ошибавшихся и ограничив срок возвращения двадцатью днями. Если же кто не смог вернуться в этот заранее определенный срок, то для тех консулы

¹⁸ Ср.: *Ливий*. II. 2. 11.

¹⁹ См.: *Дионисий*. IV. 67. 3.

²⁰ См. ниже, гл. 48.

²¹ Ср.: *Ливий*. II. 10 и след.

²² Ср.: *Ливий*. II. 5. 1 и след.

²³ Ср.: *Ливий*. II. 5. 2–4.

²⁴ Греческому богу Асклепию соответствует римский бог Эскулап. В 291 г. до н.э. после окончания в Риме чумы на описываемом острове был построен храм в честь этого бога врачевания. См.: *Ливий*. X. 47.

определили в качестве наказания вечное изгнание и конфискацию их владений. 5. Постановления этих мужей заставили тех, кто взял что-либо из имущества тиранов, предпочесть всякую опасность ради того, чтобы у них не отняли обратно те имения, которыми они завладели. С другой стороны, эти меры привели к тому, чтобы те, кто предпочитал отправиться в изгнание из-за опасения подвергнуться наказанию за противозаконные действия во время тирании, освободившись от этого страха, стали на сторону интересов общества, а не тиранов.

XIV²⁵. Исполнив это и проведя необходимые приготовления к войне, римляне некоторое время держали собранные войска на равнине за стенами города. И поставив их под знамена и под руководство полководцев, провели необходимые военные упражнения, так как узнали, что изгнанники по всем городам Тиррении²⁶ собирают против них войска, а два города — Тарквинии и Вейи — открыто содействуют их возвращению из изгнания, причем оба города помогают значительными воинскими отрядами, и что из других городов им на помощь пришло некоторое число добровольцев, одни из которых снаряжены в поход на средства друзей, другие — наняты за плату. Когда же они узнали, что враги уже выступили, то решили выйти им навстречу и, прежде чем те успели переправиться через реку, сами, перебросив войска, двинулись вперед и разбили лагерь недалеко от тирренов на дугу, называемом Невийским²⁷, близ дубовой рощи, освященной в честь героя Горадия²⁸. 2. Противники имели почти совершенно равные по величине силы, и обе стороны вступили в сражение с одинаковым рвением. Как только они увидели друг друга, произошла небольшая стычка всадников, еще до того как пехота расположилась лагерем. Испытав друг друга в этой стычке и не добившись успеха, но и не понеся потерь, каждая из сторон удалилась в свой лагерь. Затем гоплиты и всадники с обеих сторон сошлись на битву, построившись друг перед другом таким образом, что фаланга пехотинцев заняла середину, а с обоих флангов была поставлена конница. Валерий, недавно избранный консул, стоял во главе правого фланга против вейян, Брут же возглавлял левый фланг в том месте, где находилось войско тарквинийцев, которым командовали сыновья царя Тарквиния.

XV²⁹. Когда войска уже готовы были вступить в рукопашную, один из сыновей Тарквиния по имени Аррунт, самый выдающийся по силе и самый светлый душой из братьев, выступил из рядов тирренов, подогнал коня поближе к римлянам, где все должны были узнать его внешность и голос, и бросил оскорбительные слова в адрес предводителя римлян Брута, обозвав его диким зверем, запятнавшим себя кровью

²⁵ В отношении глав 14–17 Дионисия см.: *Ливий*. II. 6. 1–7. 4.

²⁶ Так греки называли Этрурию — страну этрусков, лежавшую к северу от Рима за рекой Тибр.

²⁷ Плутарх (Попликола. 9. 1) называет этот дуг Анзуйским.

²⁸ О поединке Горадиев и Куриациев см.: *Дионисий*. III. 13; 18–19.

²⁹ Ср.: *Ливий*. II. 6. 7–9.

своих детей, упрекнув его в трусости и, в конце концов, призвав его решить в единоборстве с ним судьбу общего сражения. 2. Брут, посчитав недостойным терпеть его брань, вывел коня из воинских шеренг и, пренебрегши уговорами друзей, поспешил навстречу смерти, предначертанной ему Мойрами³⁰. Оба, охваченные одинаковым гневом и думая не о том, что им суждено претерпеть, но о том, что они хотят сделать, сталкиваются, погнав лошадей с противоположных сторон, и наносят друг другу копьями удары через щиты и панцири, один, окрасив свое копье кровью от удара между ребер противника, другой — ударом в бок. Лошади же их, на полном скаку столкнувшись грудью, встают на дыбы и сбрасывают с себя седоков. 3. Упав и потеряв из-за ран много крови, они находились при последнем издыхании, а остальные войска, увидев, как упали оба их предводителя, с боевыми криками и, бряцая оружием, бросились на врага и судьба была решена для обеих сторон. 4. Те из римлян, которые были на правом фланге и которыми командовал оставшийся из консулов Валерий, разгромили вейян и, преследуя их до самого лагеря, завалили равнину телами убитых. Те же из тирренов, которые находились на своем правом фланге под командованием Тита и Секстия Тарквиниев, царских сыновей, обратили в бегство левый фланг римлян и, оказавшись вблизи от частокола их лагеря, попытались прорваться и захватить с первого натиска укрепления, но после того как находящиеся внутри выдержали нападение, они получили сильный отпор и повернули назад. Охраняли же лагерь так называемые триарии³¹, старые и испытанные во многих сражениях воины, которых использовали последними в наиболее серьезных сражениях, когда не оставалось никакой надежды.

XVI. Уже перед заходом солнца оба войска вернулись в свои лагеря, не столько радуясь победе, сколько оплакивая множество погибших и опасаясь оказаться вынужденными прибегнуть еще к одному сражению, так как оставшихся в живых было недостаточно для того, чтобы желать новой схватки, да и среди них многие были ранены. 2. Из-за смерти предводителя среди римлян царили печаль и уныние, и у многих возникла мысль, что будет лучше покинуть лагерь до наступления дня. И когда они это все обдумывали и обсуждали между собой, где-то во время первой смены караула из леса, рядом с которым они расположились лагерем, раздался какой-то зов, который был обращен к обеим армиям так, чтобы все могли его услышать. Он принадлежал либо герою, которому посвящена была эта священная роща, либо так называемому Фавну³². 3. Ведь римляне приписывали этому божеству пани-

³⁰ Мойры — греческие богини, прядущие нити человеческих судеб, соответствуют римским Паркам.

³¹ Триариями римляне называли старших по возрасту тяжелооруженных воинов-ветеранов, стоявших в последних рядах римского воинского строя (обычно в виде резерва) и последними принимавшими на себя удар противника.

³² Ливий (II. 7. 2) называет его Сильваном. Фавн — это римский бог полей и лесов, покровитель пастухов, известен так же, как прорицатель будущего (*Овидий*. *Фасты*. IV. 649). Сильван — также бог леса, аналогичный Фавну, к тому же это было одно из прозвищ бога войны Марса.

ческий страх, и такие явления в том или ином виде предстают пред взором людей, внушая им ужас или распространяя пугающие слух чудовищные звуки; таково, как говорят, дело этого бога. Этот нечеловеческий крик приказал римлянам не унывать, потому что они выиграли сражение: ведь трупов врагов оказалось больше. Говорят, что Валерий, вдохновленный этим голосом, напал на укрепления тирренов, многих из них убил и, прогнав оставшихся, овладел лагерем.

XVII. Таким вот образом завершилось сражение. На следующий день римляне, сняв доспехи с вражеских трупов и похоронив своих, ушли. Самые сильные из всадников, подняв тело Брута, украшенное наиболее почетными венками, повезли его в Рим, сопровождая многочисленными хвалебными речами и обильными слезами. Они были встречены сенатом, который постановил от имени народа почтить полководца предоставлением триумфа и угощать войско кратерами вина и яствами. 2. По вступлении войска в город консул отпраздновал триумф, как это было в обычае у царей, когда они совершали украшенное трофеями шествие и делали жертвоприношения. Добычу же консул посвятил богам, затем он освятил этот день и дал пир для наиболее именитых из сограждан. Но на следующий день Валерий, облачившись в траурные одежды и выставив на Форуме тело Брута, положенное на превосходное ложе, созвал народ на собрание и, взойдя на трибуну, произнес в его честь надгробную речь. 3. Итак, был ли Валерий первым, кто установил для римлян этот закон, или он перенял установленное еще царями, я не могу сказать определенно. Но, изучив всеобщую историю, которую написали древнейшие из поэтов и ученейшие из писателей, я твердо знаю, что произнесение при погребении именитых мужей речей, прославляющих их доблесть, — это древнее изобретение римлян, и эллины отнюдь не первые ввели его. 4. Эти авторы описали как гимнастические, так и конные состязания в честь умершего, устраиваемые в честь знатных мужей их родственниками, так же как Ахиллом устраивались состязания в честь Патрокла, а еще раньше Гераклом — в честь Пелопса. Произнесенные в их честь речи не записаны никем, кроме афинских трагических поэтов, которые, льстя городу, рассказали о похоронах, устроенных Тесеем³³. Ведь афиняне довольно поздно ввели в обычай надгробную речь, учредив ее либо в честь погибших за отечество при Артемисии, Саламине и Платеях, либо в честь победивших при Марафоне³⁴. А марафонские дела, если именно из-за них было установлено произносить надгробные речи умершим, прои-

³³ Имеются в виду «семеро против Фив», похороны которых описаны Эврипидом.

³⁴ Артемисий — мыс на северном побережье острова Эвбея у берегов Аттики на юго-востоке Греции. Здесь в 480 г. до н.э. состоялось первое морское сражение греков с персами. Саламин — остров у берегов Аттики, возле которого афинянам удалось в 480 г. до н.э. полностью разгромить флот персов. Платеи — город в Беотии, союзник афинян в борьбе с персами, разрушен персидским царем Ксерксом. Марафон — равнина на восточном берегу Аттики, где в 490 г. до н.э. афиняне разгромили высадившиеся на берег войска персов.

зошли на шестнадцать лет позже погребения Брута. 5. Если кто-нибудь, желая выяснить, кто впервые установил надгробные похвальные речи, захочет изучить сам этот обычай и определить, у какого из народов он лучше, то он обнаружит, что у римлян этот обычай гораздо разумнее, чем у афинян, так как афиняне считают, что погребальные речи следует произносить только на похоронах тех, кто погиб на войне, полагая, что следует за одну только доблестную смерть перечислять достоинства, даже если в другом отношении сделано что-либо дурное. 6. Римляне же, наоборот, в отношении всех знаменитых людей, — будь то получившие командование в войне или возглавлявшие гражданские дела, если они принимали разумные решения и осуществляли добрые деяния, — считали достойными этой почести, и не только тех, кто погиб на войне, но и любого, окончившего жизнь каким бы то ни было образом, считая, что следует прославлять человека за все совершенные им в течение жизни доблестные деяния, а не только за славную смерть.

XVIII. Юний же Брут, который уничтожил монархию и первый был назначен консулом, поздно достигший славы и не долго насладившись ею, стал наиболее известным из всех римлян именно из-за такого исхода; он не оставил ни мужского потомства, ни женского, как пишут наиболее достоверные исследователи истории римлян, приводя многочисленные и разнообразные подтверждения этого, но среди всех сведений самым спорным является то, что он был патрицианского рода. Ведь все Юнии и Бруты, считающие, что они принадлежат к его фамилии, были плебеями и получали только те магистратуры, к которым закон допускал плебеев: эдилитет и трибунат, но ни один из них не добился консульства, которое принадлежало только патрициям. 2. Только гораздо позднее они получили и эту магистратуру, когда закон разрешил плебеям занимать должность консула. Но я предоставляю поиск истины тем, заботой и тревогой которых является достоверное знание.

XIX³⁵. После кончины Брута его коллега по должности Валерий был заподозрен народом в том, что он готовит восстановление монархии. Это подозрение возникло во-первых, из-за того, что он удерживал в своих руках единоличную власть, между тем как следовало избрать коллегу так же, как сделал Брут, изгнав Коллатина, во-вторых, из-за того, что он устроил себе жилище в ненавистном месте, выбрав возвышающийся над Форумом холм, довольно высокий и обрывистый, который римляне называют Велия. 2. Валерий же, узнав от друзей, что беспокоит народ, и назначив день для проведения комициев, выбирает консулом Спурия, который через несколько дней после принятия власти умирает. Вместо него выбирают Марка Горация, а Валерий переносит свое жилище с холма вниз, чтобы римлянам можно было, как он сам сказал, выступая на народном собрании, бросать с высоты в него камнями, если его уличат в чем-либо несправедливом. 3. Кроме того, желая, чтобы плебеи получили надежное ручательство своей свободы, Валерий убрал из фасций секиры, и у после-

³⁵ Ср.: *Ливий*. II. 7. 5–8. 4.

дующих консулов установился обычай, который сохранился и в мое время, чтобы, если консулы находятся вне города, они пользовались секирами и сохраняли одни лишь фасции, если находятся внутри города. 4. Он установил также гуманнейшие законы, защищающие плебс. В первом законе он категорически запретил, чтобы кто-либо был правителем над римлянами, если не получил власть от народа, установив в качестве наказания смертную казнь тому, кто поступит вопреки этому, и сделав так, чтобы всякое убийство нарушителей этого закона оставалось безнаказанным. Во втором законе было записано следующее: «Если какой-либо римский магистрат захочет кого-либо казнить или высечь плетью, или наказать денежным штрафом, то частному лицу позволить вызвать магистрата на суд народа и в этот промежуток времени³⁶ запретить подвергать его какому бы то ни было наказанию со стороны магистрата». 5. За эти постановления он стал почитаться плебеями, которые дали ему прозвище Попликола, что можно перевести на греческий язык как «друг народа». Таковы были деяния консулов в том году.

XX. На следующий год³⁷ Валерий снова был назначен консулом, уже во второй раз, и вместе с ним Лукреций. При этих консулах не произошло ничего достойного упоминания, кроме того, что были проведены цензы имущества и определены налоги на войну, как это учредил царь Туллий: ими пренебрегали в течение всего времени правления Тарквиния и при этих консулах впервые восстановили³⁸. Из ценза выяснилось, что римлян, достигших совершеннолетия, было около ста тридцати тысяч. В этот год также был послан отряд в какое-то местечко, называемое римлянами Сигнурий, для того чтобы в находящемся напротив городов латинов и герников укреплении, откуда консулы ожидали войну, была стража.

XXI³⁹. После того как Публий Валерий, прозванный Попликолой, был в третий раз назначен на эту же магистратуру⁴⁰, а вместе с ним Гораций Пувилл — во второй раз, царь клузийцев, живших в Тиррении, по имени Ларс и по прозвищу Порсена, объявил римлянам войну. Когда Тарквинии бежали к нему, он пообещал им одно из двух: либо примирить их с гражданами относительно их возвращения и восстановления их власти, либо вернуть им отнятое у них имущество. Но так как послы, отправленные в Рим в прошлом году, принесли заявления римлян, пронизанные угрозами, царь не добился ни примирения римлян с изгнанниками, ни возвращения их, так как сенат выставил в качестве причины отказа проклятия и клятвы, которые приняли на себя римляне в связи с изгнанниками; не вернул он им и имущества, так

³⁶ То есть с момента обращения к народу до времени вынесения судебного решения в народном собрании.

³⁷ 508 г. до н.э. (= 506 г. до н.э. по Дионисию).

³⁸ Речь идет о восстановлении системы римского ценза и подоходного налогообложения, созданных царем Сервием Туллеем.

³⁹ Ср. главы 21. 1–23. 1 с соответствующим местом у Ливия (II. 9).

⁴⁰ 507 г. до н.э. (= 505 г. до н.э. по Дионисию).

как те, между кем оно было поделено, не хотели его отдавать. 2. Заявив, что он оскорблен римлянами и терпит обиду, Тарквиний, человек надменный, с рассудком, ослепленным величиной своего богатства, имущества и власти, решил, что имеет прекрасный повод для низвержения власти римлян, уже издавна желая этого, и объявил им войну. 3. В этой войне ему содействовал Октавий Мамилий, зять Тарквиния; желая проявить всяческое усердие, он выступил из города Тускул, возглавив всех камерийцев и антемнатов, которые относились к латинским племенам и уже открыто отпали от римлян. Из других же латинских народов, которым не хотелось открыто начинать войну против союзного и обладающего значительной силой города из-за недостаточно серьезных причин, Мамилий с помощью личного влияния привлек большое количество добровольцев.

XXII. Узнав об этом, римские консулы прежде всего приказали земледельцам перевезти имущество, скот и рабов с полей на близлежащие холмы, устроив там крепости, достаточно укрепленные, чтобы защитить укрывшихся в них. Затем они укрепили так называемый Яникул (высокий холм, находящийся близ Рима на противоположной стороне реки Тибр) весьма прочными сооружениями и охраной, устроив все в округе так, чтобы враги не нашли какого-либо удобного места для создания укрепления против города. На этом они закончили приготовления к войне. Внутренние дела консулы устривали в высшей степени в интересах народа, введя многочисленные гуманные меры в пользу бедняков, чтобы они не перешли на сторону тиранов, предпочтя предать государство ради личной выгоды. 2. В самом деле, они провели голосование относительно освобождения бедняков от всех налогов, которые те платили, когда город был под властью царей, они также освободили их от налогов, которые тратились на содержание войска и войны, считая весьма выгодным для государства уже и то, что их тела будут подвергаться опасности за отечество. Таким образом, имея хорошо подготовленную и вооруженную армию, консулы расположились лагерем на прилегающем к городу поле. 3. Но царь Порсена, выступив с войском, с ходу захватил Яникул, разгромив охранявших его, и размести там отряд тирренов. Затем он выступил против города, рассчитывая без труда овладеть им; когда же он оказался рядом с мостом и увидел находящихся перед рекой римлян, то подготовился к сражению, намереваясь уничтожить их благодаря перевесу в силах, и, совершенно пренебрегая противником, повел войско к мосту. 4. Левым флангом командовали сыновья Тарквиния, ведя с собой римских изгнанников вместе с отборным войском из города Габии и значительными отрядами чужеземцев и наемников. На правом же фланге командовал Мамилий, зять Тарквиния, здесь были построены те из латинов, которые отделились от римлян. Центр строя взял на себя царь Порсена. 5. У римлян же на правом фланге напротив Тарквиниев находились Спурий Ларций и Тит Герминий. Левый фланг держали Марк Валерий, брат Попликолы, одного из консулов, и Тит Лукреций, бывший консулом в прошедшем году; им предстояло сразиться с Мамилием и латинами. В середине между флангами стояли оба консула.

XXIII. Сойдясь врукопашную, обе армии сражались достойно и продержались довольно долго — римляне превосходили противника опытностью и выносливостью, а тиррены и латины значительно превышали римлян числом. А когда уже многие с обеих сторон пали, страх охватил римлян, сперва находящихся на левом фланге, когда они увидели, что раненые Валерий и Лукреций выведены с поля битвы, затем и тех, кто занимал правый фланг, и которых, уже одерживавших верх над войском Тарквиниев, при виде бегства остальных охватило отчаяние. 2. Когда же все они бросились бежать в город и войска стали прорываться по единственному мосту⁴¹, противником было предпринято серьезное нападение. Еще немного, и город, не укрепленный со стороны реки, был бы взят приступом, если бы преследователи вторглись в него вместе с обращенными в бегство римлянами. Однако нашлись три человека, которые сдержали натиск противника и спасли целое войско — это Спурий Ларций и Тит Герминий, командующие правым флангом, из числа пожилых людей, и Публий Гораций, из числа молодых, прозванный Коклесом⁴² из-за недостатка зрения, так как у него был выбит в сражении один глаз, человек, обладавший прекраснейшей внешностью и наилучшими душевными качествами. Он был племянником Марка Горация, одного из консулов. 3. Род свой он вел от Марка Горация, одного из трех братьев, победивших альбанскую троицу, когда три города, вступив в войну за превосходство, договорились подвергнуть опасности не все силы, но лишь трех мужей с каждой стороны, как я это уже описал в предыдущих книгах⁴³. 4. Эти люди в одиночку, имея позади себя мост, надолго задержали продвижение противника и оставались на том же самом месте, забрасываемые многочисленными метательными снарядами разного рода и сражаясь мечами в рукопашном бою до тех пор, пока все войско не переправилось через реку.

XXIV. Поняв, что их люди находятся в безопасности, двое из них, Герминий и Ларций, начали медленно отступать, так как их оружие в ожесточенной схватке пришлось в негодность. Гораций же, хотя и консулы, и другие граждане призывали его покинуть мост, считая самым важным спасение такого мужа для отечества и родителей, не повиновался им и один остался на прежнем месте, попросив Герминия и окружающих его передать консулам его личную просьбу немедленно разрушить мост со стороны города (этот единственный в то время мост⁴⁴ был построен из дерева без единого гвоздя, связанный лишь деревянными креплениями: римляне сохранили его до моего времени). Он также приказал попросить этих мужей, чтобы те, когда большая часть моста будет разрушена и останется лишь незначительная его часть,

⁴¹ Ср.: *Ливий*. II. 10.

⁴² Слово «Коклес», возможно, соотносится с греческим *κῆκλος*, дословно означающее «круглоокий», но обычно переводится как «одноглазый».

⁴³ См.: *Дионисий*. III. 12 и след.

⁴⁴ Так называемый «Сублициев мост» (*pons sublicius*).

сообщили ему об этом какими-нибудь знаками или сильным криком, сказав, что об остальном он позаботится сам. 2. Наказав это Герминию и Ларцию, он занимает позицию на мосту. Когда враги напали на него, он одних изрубил мечом, других оглушил щитом, отогнал всех, устремившихся на мост, так что нападавшие уже не отваживались сражаться с Горацием в рукопашном бою, как с неистовым человеком, несущим смерть. И им нельзя было свободно пройти мимо него: ведь и слева, и справа он в качестве защиты имел реку, а спереди — груды оружия и трупов. Тогда все они, встав подальше от Горация, начали бросать в него копьями, дротиками и небольшими камнями, а у кого этого не было — мечами и щитами погибших. 3. Он же защищался, используя против них их же оружие, и метая его в толпу, старался, естественно, все время находить какую-нибудь цель. Когда же его забросали метательными снарядами, в результате чего он получил множество ран (причем одну рану — копьем, которое, попав через ягодицу в верхнюю часть бедра, причинило ему боль и повредило ногу), он услышал позади себя кричавших о том, что большая часть моста разрушена. Тогда он прыгнул вместе с оружием в реку и, с большим трудом преодолев течение реки (ведь поток, разделяемый опорами моста, был быстрым и создавал сильные водовороты), выплыл на берег, не бросив во время плавания ничего из своего оружия.

XXV. Этот поступок принес ему бессмертную славу. Тотчас же римляне увенчали его венком и отнесли в город, прославляя его, как одного из героев. И все жители вышли из домов, желая, пока он еще жив, увидеть его в последний раз, так как считали, что он скоро скончается от ран. 2. Когда же он избежал смерти, народ установил его бронзовую статую в лучшей части Форума и дал ему из общественной земли земельный участок такой по размеру, какой он сможет опахать кругом за один день упряжкой волов. Кроме даров из общественной казны, каждый человек — и мужчины, и женщины — отдал ему однодневную порцию пищи, хотя все испытывали крайний недостаток самого необходимого, а всего людей насчитывалось более трехсот тысяч. 3. Гораций, проявивший в то время такую вот доблесть, более достоин удивления, чем какой бы то ни было другой когда-либо родившийся римлянин, однако из-за увечья ног он не мог служить городу впредь. Из-за этого несчастья он ни разу не получил ни консульства, ни какого иного военного командования. 4. Таким образом, он, совершив необыкновенный поступок в происшедшей тогда войне, достоин благодарности римлян как никто другой из прославившихся своим мужеством. А кроме него, был еще Гай Муций, по прозвищу Корвин, муж из знатного рода и сам стремящийся к великим делам. О нем я расскажу немного позже, обратившись сперва к тому, каким несчастьям подвергся город в то время.

XXVI⁴⁵. Ведь после того сражения царь тирренов разместился лагерем на близлежащем холме, с которого прогнал римский гарнизон и теперь стал хозяином всех

⁴⁵ Ср.: *Ливий*. II. 11. 1–12. 1.

земель, лежащих по ту сторону реки Тибр. Сыновья же Тарквиния и его зять Мамилий на плотках и челноках переправились со своими войсками на противоположную сторону реки, прилегающую к Риму, и в укрепленном месте разбивают лагерь. Делая оттуда вылазки, они опустошали римскую округу, разрушали жилища и нападали на скот, выходявший из укреплений на пастбища. 2. Так как враги господствовали над всем тем, что находилось под открытым небом, и ни съестные припасы из сельской округи не ввозились в город, ни по реке ничего не доставлялось, разве только самая малость, вскоре многие тысячи людей, израсходовав то небольшое, что у них было запасено, стали испытывать нужду в самом необходимом. 3. Вскоре множество рабов, бросив своих хозяев, начали ежедневно сбегать, ушли к тирренам и многие из беднейших плебеев. Консулы, видевшие все это, решили просить латинов, еще сохранявших союз с римлянами и предпочитавших сохранять дружбу, поскорее прислать им военную помощь. Консулы также решили отправить послов в Кумы в Кампании и в города, находящиеся в Помптинской долине, чтобы те попросили предоставить им хлеб на вывоз. 4. Латины же уклонились от помощи на том основании, что им нельзя воевать ни против Тарквиниев, ни против римлян, так как они заключили договор о дружбе с обеими сторонами. Но Ларций и Герминий, отправленные послами для привоза хлеба, в безлунную ночь доставили по реке со стороны моря многочисленные челны, заполненные разнообразной провизией из Помптинской равнины, и при этом остались незамеченными противником. 5. Когда эти припасы быстро истощились и люди испытали такую же нужду, как и прежде, то тирронец, узнав от перебежчиков, что жители страдают от голода, обратился к ним, приказав принять Тарквиния, если хотят освободиться от войны и голода.

XXVII⁴⁶. Когда же римляне не приняли его повеления, но предпочли терпеть все невзгоды, Муций понял, что им останется одно из двух: либо в силу нехватки продовольствия вскоре отказаться от своего решения, либо твердо стоя на своем, погибнуть жалкой смертью. Попросив консулов созвать для него сенат: он, мол, откроет ему нечто значительное и важное, — Муций, когда сенат был собран, заявляет следующее: «Отцы, я, решив отважиться на предприятие, благодаря которому город освободится от сегодняшних несчастий, вполне уверен в этом деле и думаю, что без труда осилю его. Что же касается моей жизни, я не имею больших надежд на то, что мне удастся остаться в живых после этого предприятия, вернее, если говорить честно, у меня нет вообще никаких надежд. 2. Собираясь подвергнуться опасности, я не считаю верным, что никто не узнает о моих великих замыслах даже в том случае, если меня постигнет неудача в этом деле, но в случае успеха я рассчитываю встретить высокие почести, благодаря которым вместо смертного тела мне достанется бессмертная слава. 3. Сейчас небезопасно рассказывать народу о том, что я задумал, чтобы кто-нибудь, руководствуясь личной выгодой, не разгласил то врагу, что подобно сокровенным

⁴⁶Главы 27–30 ср.: *Ливий*. II. 12.

мистериям следует хранить в глубокой тайне. Вам же (ведь я полагаю, что вы будете крепко хранить этот секрет), я первым и единственным открываю ее, а от вас в надлежащее время о ней узнают и другие граждане. 4. Замысел же мой таков: я собираюсь, притворившись перебежчиком, отправиться в лагерь Тарквиниев. Если, разоблаченный ими, я погибну, то ваша численность уменьшится только на одного гражданина. Если же мне удастся проникнуть в лагерь, то я обещаю вам убить вражеского царя. По смерти Порсены война кончится, а я претерплю то, что уготовано мне божеством. Имея вас, как будущих очевидцев этих моих замыслов и свидетелей перед народом, я ухожу, сделав надежду на лучшее будущее отечества своим проводником в пути».

XXVIII. Получив одобрение заседавших в сенате и благоприятные предзнаменования относительно этого предприятия, он переправляется через реку и, достигнув лагеря тирренов, входит в него, обманув охранявших ворота и прикинувшись одним из их единоплеменников: ведь он не имел никакого видимого оружия и изъяснялся на тирренском языке, который узнал еще ребенком, будучи обучен своим воспитателем, тирреном по происхождению. 2. Когда же он пришел на площадь к палатке командующего, то увидел мужа, выделяющегося своим ростом и физической силой, облаченного в пурпурную одежду и расположившегося на командном возвышении; вокруг него стояло много вооруженных людей. Сделав ложный вывод, (ведь он никогда не видел царя тирренов), Муций решил, что этот человек и есть Порсена. На самом деле это был секретарь царя, который восседал на трибунале, пересчитывая воинов и раздавая им продовольственные пайки. 3. Направившись к секретарию сквозь окружающую того толпу, никем не остановленный, без видимого оружия, он поднимается на возвышение, выхватывает кинжал и разит сего мужа в голову. Секретарь сразу же умирает, а Муция, немедленно схваченного теми, кто находился рядом с трибуналом, отводят к царю, уже узнавшего от других об убийстве секретаря. 4. Порсена при виде Муция воскликнул: «О негоднейший из людей, ты, кто вскоре будет наказан по достоинству, скажи, кто ты, откуда пришел и с чьей помощью собирался свершить столь значительное дело? И кого ты задумал убить, только моего секретаря или и меня тоже? Каких ты имеешь сообщников в заговоре или доверенных лиц? Не скрывай правды, чтобы тебе не пришлось говорить под пытками».

XXIX. Муций же, не переменявшись в лице, не выказав ни страха и ни каких-либо иных чувств, обычно испытываемых теми, кого ждет смерть, отвечал ему: «Я римлянин и по рождению не из простолюдинов. Решив освободить отечество от войны, я под видом перебежчика прошел в ваш лагерь, желая убить тебя. Я хорошо знал, что мне предстоит умереть независимо от того, достигну ли я успеха или обманусь в своих ожиданиях, и все же предпочел отдать свою жизнь родине и вместо смертного тела обрести бессмертную славу. Обманувшись в этих расчетах, я, введенный в заблуждение пурпурной одеждой, курьюльным креслом и другими знаками власти, вместо тебя убил твоего секретаря, который был мне совсем не нужен. 2. Я, конечно,

не буду просить освободить меня от смерти, к которой сам себя приговорил, собираясь приступить к своему предприятию. Но если ты избавишь меня от пыток и других оскорблений, дав поручительства в этом перед богами, то я обещаю открыть тебе весьма важное дело, которое касается твоего спасения». 3. Так он сказал, задумав перехитрить Порсену. Царь же, придя в смятение и предполагая, что опасность исходит от многих людей, немедленно дает ему клятвенные заверения. После этого Муций, придумав столь необычайный способ обмана, который не может иметь явного подтверждения, говорит ему: «О царь, мы, триста римлян одинакового возраста, все патрицианского рода, собравшись, задумали убить тебя и скрепили замысел взаимными клятвами. Обсуждая способ заговора, мы решили идти на это дело не всем вместе, а по одному и не спрашивать друг у друга, когда, как, где и с помощью каких средств каждый нападет на тебя, чтобы нам легче было скрыть заговор. Решив так, мы бросили жребий и мне первому досталось начать это предприятие. Итак, узнав теперь, что многочисленные и доблестные люди, стремясь к славе, будут иметь те же намерения, что и я, и что одному из них, может быть, удастся добиться лучшей участи, нежели моя, подумай, какой охраны от всех них будет тебе достаточно».

XXX. Когда царь услышал все это, он приказал телохранителям увести Муция и, связав его, тщательно охранять. Сам же он, собрав наиболее верных из друзей и посадив возле себя своего сына Аррунта, стал обсуждать, что делать, чтобы помешать заговору этих людей. 2. И в то время как все прочие предлагали настолько простые меры безопасности, что, казалось, они не знают того, что нужно; его сын, выступая последним, высказал не по возрасту мудрое соображение. Он требовал, чтобы отец размышлял не о том, в какой охране он нуждается для того, чтобы избежать опасности, а о том, как сделать, чтобы вовсе не нуждаться в охране. Когда же все пришли в удивление от его предложения и захотели узнать, как это можно сделать, он сказал: «Если бы ты сделал этих мужей вместо своих врагов своими друзьями, сочтя свою собственную жизнь более ценной, нежели возвращение Тарквиния с изгнанниками». 3. Царь ответил, что он предложил наилучшее решение, но оно также требует совета, каким образом можно будет заключить с римлянами благопристойное перемирие. Он утверждал, что будет большим бесчестьем, если он, победив их в битве и держа в осаде, уйдет, не добившись ничего из того, что обещал Тарквиниям, словно побежденный побежденными и бежавший от тех, кто все еще не решается выйти за ворота. Наконец, он объявил, что здесь возможен будет единственно достойный способ окончания вражды: если от врагов к нему явятся какие-нибудь лица для переговоров о дружбе.

XXXI. Вот что он сказал тогда своему сыну и присутствующим. Однако через несколько дней он вынужден был первым начать переговоры по следующей причине: когда его воины рассеялись по полям и грабили продовольственные обозы, направлявшиеся в город (а делали они это постоянно), римские консулы, устроив им в подходящем месте засаду, многих из них уничтожили и еще больше, чем убитых,

захватили пленных. Негодяя на это, тиррены обсуждали свое положение между собой на сходках, обвиняя царя и других предводителей за длительность войны и желая разойтись по домам. 2. Поняв, что переговоры будут угодны всем, царь отправляет самых близких из своих друзей в качестве послов⁴⁷. Некоторые же рассказывают, что вместе с ними был послан и Муций, дав царю клятву в том, что он вернется обратно. А другие говорят, что тот содержался под стражей в лагере в качестве заложника до заключения перемирия и это, пожалуй, будет ближе к истине. 3. Поручения, которые царь дал послам, были таковы: о возвращении Тарквиния никаких переговоров не вести, но потребовать, чтобы им было возвращено имущество, прежде всего все то, что оставил им Тарквиний Древний и которым они владели, приобретя законным образом. Если же это невозможно, то требовать, что возможно в качестве компенсации за земли, жилища, скот и те доходы, которые римляне получили с земли. И по их выбору следует предпочесть одно из двух: или чтобы эту сумму внесли владеющие имуществом и извлекающие из него доходы, или чтобы было уплачено из общественной казны. 4. Это относительно Тарквиниев, себе же, чтобы он прекратил вражду, Порсена приказал просить так называемые «Семь холмов» (это была древняя земля тирренов, римляне же приобрели ее в результате войны, отняв ее у владельцев) и попросить у них также в качестве заложников сыновей из наиболее знатных домов, чтобы римляне остались в будущем надежными друзьями тирренов.

XXXII. Когда послы прибыли в Рим, сенат, убежденный Попликолой, одним из консулов, проголосовал за то, чтобы предоставить все, чего требовал тиррен. Ведь сенат думал, что масса плебеев и неимущих страдает от нехватки продовольствия и охотно примет окончание войны на любых условиях, если те будут справедливы. 2. Однако народ, хотя и утвердил все остальные предложения сената, не согласился на выдачу имущества, но, как я узнал, вынес противоположное решение — ничего ни из частного имущества, ни из общественного не отдавать тиранам, но отправить к царю Порсене послов по этому вопросу с просьбой принять заложников и землю. Что же касается имущества, то они хотят, чтобы он сам, став судьей между Тарквиниями и римлянами и выслушав обе стороны, вынес справедливое решение, на которое не повлияют ни его склонности, ни вражда. 3. Тиррены, вернувшись, принесли царю этот ответ, а вместе с ними прибыли и те, кто был назначен народом, приведя с собой двадцать детей из первых семей, которые должны были стать заложниками за отечество. Первыми отдали своих детей консулы: Марк Горацій — сына, а Публий Валерий — дочь, которая достигла поры замужества. 4. Когда они пришли в лагерь, царь обрадовался и, горячо похвалив римлян, заключил с ними перемирие на определенное количество дней, а сам взял на себя ведение судебного разбирательства. Тарквинии же были огорчены, лишившись великих надежд, которые

⁴⁷ Ливий говорит, что отправка посольства была вызвана страхом Порсены за свою безопасность. Отличаются и требования, которые, по словам Ливия, выдвинул римлянам Порсена (II. 13. 1–4).

они связывали с царем: ведь они рассчитывали, что тот вернет им власть. Однако они вынуждены были довольствоваться настоящим положением и принять то, что предлагалось. Когда в назначенное время из города прибыли те, кому предстояло защищать справедливость...⁴⁸ и старейшие из сената, то царь, воссев на трибуне вместе со своими друзьями и приказав своему сыну судить вместе с ним, предоставил им слово.

XXXIII⁴⁹. Когда еще велась судебная защита, какой-то человек принес весть о бегстве являвшихся заложницами девушек. Они попросили охранников разрешить им пойти на речку искупаться. Получив такое дозволение, они уговорили мужчин отойти от реки, пока они будут купаться и надевать платья, чтобы те не увидели их обнаженными. Когда мужчины это сделали, то, поддавшись уговорам Клелии, первой подавшей пример, девушки переплыли реку и вернулись в Рим. 2. Тогда Тарквиний, обвинив римлян в клятвopеступлении и вероломстве, стал побуждать царя к тому, чтобы он, обманутый этими коварными людьми, больше не заботился о них. Когда же консул стал оправдываться, говоря, что этот поступок совершен самими девушками без приказа их отцов и что скоро будут представлены доказательства того, что никакого злого умысла они не имели, царь, поверив ему, позволил пойти и привести этих девушек согласно обещанию. 3. И Валерий удалился, чтобы вернуть девушек обратно. Тарквиний же и его зять, презрев законы, тайно подослали на дорогу отряд всадников, чтобы не только похитить ведомых девушек, но и схватить консула и других, направлявшихся в лагерь. Он хотел сделать этих людей залогом спасения добра, которое римляне отняли у Тарквиния, не дожидаясь окончания суда. 4. Однако божественные силы не позволили им осуществить заговор в соответствии с их замыслом. Ведь когда собравшиеся напасть на пришедших выехали из лагеря латинян, римский консул, опередив их, оказался уже у самых ворот тирренского лагеря, и только там был настигнут теми, кто преследовал его со стороны другого лагеря. 5. Тиррены быстро заметили начавшуюся между ними рукопашную схватку, и царский сын в сопровождении отряда всадников немедленно поспешил на помощь, ему также содействовали те из пехотинцев, которые охраняли лагерь.

XXXIV. Рассердившись на это, Порсена созвал тирренов на собрание и рассказал им, что после того как римляне поручили ему до вынесения судебного решения рассмотреть обвинения, сделанные в их адрес Тарквинием, справедливо изгнанные римлянами Тарквинии попытались во время перемирия поступить противозаконно по отношению к неприкосновенным особам послов и заложников. По этой причине тиррены освобождают римлян от обвинений и разрывают союз с Тарквинием и

⁴⁸ Видимо, в этом месте рукописи несколько слов было утрачено. Издатели английского перевода предлагают здесь вставку «Валерий, один из консулов». См.: *The Roman Antiquities of Dionysius of Halicarnassus.* /Ed. E. Warmington./ L., 1971. Vol. 3. (LCL.) P. 95, Not. 1.

⁴⁹ Ср.: *Лувий.* II. 13. 6–14. 4.

Мамилием. Он также приказал, чтобы они в тот же день покинули лагерь. 2. Итак, Тарквинии, которые сначала имели серьезные надежды на власть, или на то, что с помощью тирренов они снова станут тиранами города или получат обратно имущество, из-за противозаконных действий по отношению к послам и заложникам не достигли ни того, ни другого и покинули лагерь, окруженные позором и ненавистью. 3. А царь тирренов, приказав привести к трибуналу римских заложниц, отдал их консулу, сказав, что он более всего предпочитает верность города какому бы то ни было заложничеству. Одну же девушку из числа заложниц, которая убедила остальных переплыть реку, он похвалил за весьма значительный, несмотря на ее пол и возраст, образ мыслей. Город же он восславил за то, что тот воспитал не только доблестных мужей, но и дев, не уступающих мужчинам. Сей девице царь подарил боевого коня, украшенного великолепными металлическими бляхами на сбруе. 4. После этого собрания царь дал римским послам клятву мира и дружбы и заключил с ними союз. В качестве подарка городу он разрешил забрать без всякого выкупа всех весьма многочисленных пленников, а также то место, на котором он располагался лагерем. Этот лагерь был устроен не как временная стоянка в чужой земле, а как постоянный город, в котором было достаточное количество частных и общественных сооружений, хотя и не в обычае тирренов было, снимая лагерь и уходя из вражеской страны, оставлять постройки невредимыми: обычно они их сжигали. Таким образом, в денежном выражении царь принес городу немалый дар. Это показала распродажа, которую провели квесторы после ухода царя. 5. Итак, война, происшедшая между римлянами и Тарквиниями, а также царем клузийцев Ларсом Порсеной, война, которая привела город к столь великим опасностям, имела такое вот завершение.

XXXV. После ухода тирренов римский сенат постановил послать Порсене трон из слоновой кости, скипетр, золотой венок и триумфаторские одежды, которыми украшаются цари. Муцию же, пожелавшему умереть за отечество, что считалось главной причиной окончания войны, сенат приказал даровать участок из общественной земли за рекой Тибр (такой же как и в предыдущем случае со сражавшимся за мост Горацием), а именно такой, какой Муций смог бы охватить плугом за один день. Это место и в наше время все еще зовется Муциевыми дугами⁵⁰. 2. Так римляне наградили мужчин, а в честь девицы Клелии они приказали установить бронзовую статую, которую отцы девушек поставили на Священной дороге, ведущей на Форум⁵¹. Мы уже не застали ее на месте; говорят, она была уничтожена во время пожара в соседних домах. 3. В том же году было завершено строительство храма Юпитера Капитолийского⁵², о котором я отдельно говорил в предыдущей книге⁵³. Посвящение этого храма и

⁵⁰ Ср.: *Ливий*. II. 13. 5.

⁵¹ Ср.: *Ливий*. II. 13. 11.

⁵² *Ливий* (II. 8. 6–8) относит это событие к первому консульству.

⁵³ См.: *Дионисий*. IV. 61.

надпись на нем⁵⁴ достались Марку Горацию, одному из консулов, успевшему совершить этот ритуал до возвращения своего коллеги. Как раз в это время Валерий выступил с войском из города для защиты сельской округи. Ведь как только люди покинули крепости и вернулись на поля, Мамилий, послав туда шайки грабителей, нанес земледельцам значительный вред. Вот такие события произошли в третье консульство.

XXXVI. Консулы четвертого года⁵⁵ Спурий Ларций и Гай Герминий завершили свое правление без войны. При них погиб Аррунт, сын царя тирренов Порсены, в течение двух лет осаждавших город арицийцев. 2⁵⁶. Ведь как только был заключен мир с римлянами, Аррунт, получив от отца половину войска, отправился в поход против арицийцев, чтобы установить единоличную власть над ними. Он уже чуть было не захватил город, когда к арицийцам пришла помощь из Анция, Тускула и кампанских Кум. Выстроив меньшие силы против превосходящего противника, Аррунт обратил его в бегство и преследовал до самого города. Однако побежденный куманцами, которыми командовал Аристодем, по прозвищу «Кроткий»⁵⁷, он погибает, а войско тирренов, после его смерти будучи не в состоянии противостоять врагу, обращается в бегство. 3. Многие из тирренов, преследуемые куманцами, погибли, но большая их часть, рассеянная по полям, бежала в земли римлян, находящиеся неподалеку, потеряв оружие и слишком обессилев от ран, чтобы уйти дальше. Римляне же на повозках, телегах и вьючных животных доставили их из полей в город; некоторые тиррены были едва живы, и римляне принесли их в свои дома и вылечили, обеспечив питание, уход и другие услуги, свидетельствовавшие об их большом сострадании. Так что многие из тирренов, тронутые таким отношением к ним со стороны римлян, не имели никакого желания возвращаться домой, но захотели остаться со своими благодетелями. 4. Сенат дал им место в городе, на котором они должны были устроить свои жилища: в низменности между Палатином и Капитолием, имевшей в длину почти четыре стадия. Отсюда и в мое время путь, ведущий от Форума к Большому цирку, называется у римлян на местном языке «жилище тирренов». За них римляне получили от царя тирренов незначительный дар, но такой, которому римляне очень обрадовались, а именно: землю за рекой, которую тот забрал при заключении мира. И римляне принесли в жертву богам много вещей, которые они по обету обещали посвятить им, если снова станут хозяевами «Семи холмов».

XXXVII⁵⁸. Пятому году после изгнания царя соответствовала шестьдесят девятая Олимпиада⁵⁹, на которой во второй раз победил в беге на стадий Исхомах из Кротона,

⁵⁴ На фронтоне римских храмов обычно делалась надпись с указанием имени того магистрата, который построил и освятил данный храм.

⁵⁵ 506 г. до н.э. (= 504 г. до н.э. по Дионисию).

⁵⁶ Ср. параграфы 2–4 у Дионисия с соответствующим местом у Ливия (II. 14. 5–9).

⁵⁷ Происхождение этого прозвища Аристодема объясняется Дионисием ниже (VII. 2. 4).

⁵⁸ Главы 37–39 ср.: *Ливий*. II. 16. 1 и след.

⁵⁹ 505 г. до н.э. (= 503 г. до н.э. по Дионисию).

афинским архонтом тогда был Акесторид, а у римлян консулами были Марк Валерий, брат Валерия Попликолы, и Публий Постумий, по прозвищу Туберт. 2. В их консульство римлян ожидала еще одна война, теперь с их ближайшими соседями. Она была начата шайками грабителей и привела к многочисленным и тяжелым сражениям, однако завершилась достойным миром на третий год после консульства этих мужей, не ослабевая в течение всего этого времени. Некоторые из сабинян, узнав об ослаблении Рима из-за поражения, полученного от тирренов, и считая, что Рим уже не следует почитать как прежде, организовали разбойничьи отряды и напали на земледельцев, спустившихся из укреплений на поля, и причинили им большой ущерб. 3. В связи с этими событиями римляне, прежде чем начать военные действия, отправили к сабинянам посольство, потребовав справедливости и сочтя необходимым, чтобы впредь ничего противозаконного против земледельцев не совершалось. Получив же высокомерный ответ, римляне объявили сабинянам войну. Сначала, неожиданно для грабивших поля сабинян, выступил с кавалерией и отборной частью легковооруженной пехоты один из консулов, Валерий, и начал жестокое избиение совершивших набег, хотя те и были гораздо многочисленней. Это избиение стало возможным благодаря тому, что сабиняне были неорганизованны и не ожидали нападения. 4. Затем, когда сабиняне послали против них большие силы под командованием испытанного в войне полководца, римляне снаряжают еще одно войско, составленное из всех остальных воинов под командованием обоих консулов. Постумий расположился лагерем в холмистой местности недалеко от Рима, опасаясь какого-либо неожиданного нападения на город со стороны изгнанников. Валерий же разбил лагерь рядом с противником у реки Аниен, которая за городом Тибур с грохотом низвергается с высокой скалы и протекает через поля сабинян и римлян, разделяя их земли, затем эта река, живописная на вид и несущая вкусную для питья воду, сливается с рекой Тибр.

XXXVIII. На другой стороне реки располагался лагерь сабинян: он также находился недалеко от берега на пологом, почти не укрепленном холме. Сначала противники остерегались друг друга и не торопились, перейдя реку, начать сражение, но через некоторое время, презрев расчет и возможную выгоду, охваченные гневом и духом соперничества, вступают в сражение. 2. Ходя за водой и вода лошадей на водопой, они заходили далеко в реку, которая, еще не наполнившись зимними дождями, была тогда довольно узкой, так что они переходили ее вброд, так как вода была лишь немного выше колен. Сначала, когда завязалась какая-то стычка между небольшими группками, из обоих лагерей на помощь своим прибежал еще кое-кто, затем еще одни то из одного, то из другого лагеря, чтобы помочь тем, кто в данный момент терпел поражение, причем то римляне отгоняли сабинян от воды, то сабиняне прогоняли римлян из реки. 3. Когда появились убитые и раненые и всеми овладел дух соперничества, как это обыкновенно бывает во время внезапно завязавшихся стычек, то обоих предводителей войск охватило одинаковое желание перейти реку.

4. Но римский консул опередил сабинян и, переправив армию, когда те еще только вооружались и строили войска, подошел к ним вплотную. Они же не намеревались ввязываться в сражение, но окрыленные презрением к врагу оттого что им предстояло биться не с обоими консулами и не со всей римской армией; они вступили в бой со всей возможной смелостью и рвением.

XXXIX. Когда завязалась упорная схватка и правый фланг римлян, на котором находился консул, продвинулся, напав на врагов, далеко вперед, а левый фланг, уже выдохшись, под натиском противника отступил к самой реке, то командовавший вторым лагерем римлян консул, узнав о происходящем, начал выводить свое войско из лагеря. 2. Сам он, возглавляя фалангу пехотинцев, двигался обычным шагом, но послал легата Спурия Ларция, консула прошлого года, вместе с конницей поспешить вперед. Ларций же, погнав лошадей во весь опор, легко, поскольку никто не препятствовал ему, переправляется через реку, и, обойдя правый фланг противника, нападает на конницу сабинян с фланга. И как только всадники с обеих сторон вступают в ближний бой, то сразу же разгорается нешуточное сражение, длившееся долгое время. 3. Между тем подошел и Постумий с пехотинцами. Напав на пехоту противника, он многих убивает в сражении, а остальных приводит в смятение. Если бы не наступила ночь, то все до одного сабиняне были бы уже уничтожены, окруженные римлянами, которые с помощью конницы уже начали разгром врага. Теперь же бежавших с поля сражения сабинян, безоружных и весьма немногочисленных, темнота спасла и довела в сохранности до домов. Консулы без боя заняли лагерь сабинян, покинутый внутренней охраной сразу после того, как она увидела бегство своих. Захватив в лагере большую добычу и позволив увести или унести ее воинам, консулы отвели войско домой. 4. Тогда впервые Рим, придя в себя после поражения, нанесенного тирренами, вернул себе прежний дух и решился, как прежде, добиваться верховенства над соседями. Город также отметил общим триумфом возвращение обоих консулов, а одному из них, Валерию, приказал, кроме того, подарить участок для жилища в лучшей части Палатина и оплатить расходы на строительство из общественной казны. Двери этого дома, возле которого стоял медный бык, были единственными в Риме как среди общественных, так и частных домов, которые открывались наружу⁶⁰.

XL⁶¹. От этих мужей консульскую власть приняли Публий Валерий, прозванный Попликолой, избранный в четвертый раз, и Тит Лукреций, ставший коллегой Валерия во второй раз⁶². При них все сабиняне, проведя общее собрание городов, решили

⁶⁰ Плутарх (Попликола. 22. 2) дает следующее объяснение этой почести: «исключение, означавшее, что он всегда может принять участие в любом из государственных дел». См. также: *Плиний*. Естественная история. XXXVI. 112.

⁶¹ Главы 40–43 ср.: *Ливий*. II. 16. 2–6.

⁶² 504 г. до н.э. (=502 г. до н.э. по Дионисию).

воевать с римлянами якобы из-за того, что договор с ними был нарушен, так как царь Тарквиний, которому они присягали, лишился власти. 2. Предводительствовал ими Секстий, один из сыновей Тарквиния, который, обхаживая каждого из них по отдельности и умоляя могущественных людей каждого города, вовлек их всех в войну против римлян и привлек на свою сторону еще два города, Фидену и Камерию, склонив их к измене римлянам и убедив вступить в союз с сабинянами. За это сабиняне выбрали его диктатором и позволили ему произвести набор войск в каждом городе, так как, по их мнению, они потерпели поражение в прошлом сражении из-за слабости войска и тупости военачальника. 3. В то время как они занимались этим, судьба, желая уравнивать несчастья римлян — ведь их покинули союзники — выгодами, предоставила со стороны врагов неожиданную помощь следующего рода. Некий муж из сабинян, живший в городе Региллы, богатый и благородного происхождения, Тит Клавдий⁶³, переходит к римлянам, приведя с собой множество родичей, друзей и многочисленных клиентов, переселившихся со своими домочадцами, всего не менее пяти тысяч человек, способных носить оружие. Говорят, что причина, заставившая его переселиться в Рим, была таковой. 4. Правители наиболее крупных городов, из-за политического честолюбия относясь враждебно к этому мужу, вызвали его в суд и обвинили в предательстве, а именно в том, что он не только не захотел вступить в войну с римлянами, но и единственный на общем собрании возражал тем, которые считали необходимым разорвать договор с римлянами, и не позволил гражданам своего города провести собрание, чтобы одобрить решения других городов. 5. Боясь этого суда (ведь его должны были судить другие города), он, собрав имущество и друзей, уходит к римлянам. Он оказал немалое воздействие на ход событий и, по-видимому, стал главной причиной того, что эта война закончилась успешно. За это сенат и народ причислил его к патрициям, разрешив ему взять любую часть города, какую тот захочет, под строительство домов и прибавив к этому земельный участок между Фиденами и Пицетией из числа общественной земли с таким расчетом, чтобы он мог раздать земельные наделы всем своим сторонникам. От этих людей и возникла триба, впоследствии названная Клавдиевой, и эта триба сохранила свое название неизменным вплоть до моего времени.

XLI. Когда обеими сторонами были сделаны все необходимые приготовления, первыми вывели свои войска сабиняне и разбили два лагеря: один — в поле недалеко от Фиден, а другой — в самих Фиденгах, для охраны жителей города и в качестве убежища для тех, кто расположился лагерем вне города на случай, если их постигнет какая-либо неудача. Затем римские консулы, узнав о выступлении сабинян против них, также набрали всех римлян призывного возраста и расположились лагерем отдельно друг от друга: Валерий — рядом с лагерем сабинян, находившимся в открытом месте, а Лукреций — немного в стороне на каком-то холме, с которого был хорошо

⁶³ Ливий (II. 16.4) называет его Аттием Клавзом (Attius Clausus), а его родной город — Инрегиллом.

виден другой лагерь. 2. Итак, римляне считали, что исход войны будет быстро решен в открытом сражении, однако полководец сабинян, боясь вступать в открытое сражение против смелых и самоотверженных римлян, готовых претерпеть все испытания, решил напасть на них ночью. 3. Приготовившись к засыпке рва и захвату частокола, когда все необходимое для атаки было полностью приготовлено, он, подняв лучшую часть войска, намерился вести ее с наступлением ночи против римских укреплений. Он также приказал, чтобы расположившиеся лагерем в Фиденгах, как только они узнают о выступлении своих, тоже выступили из города, снаряженные легким вооружением. Затем, когда сабиняне устроили в удобном месте засаду, им было приказано, чтобы в случае, если Валерию придет какая-либо помощь из другого лагеря, они выскочили и подняли сильный крик и шум, напад на римлян с тыла. 4. Предпочтя такой план, Секстий рассказал о нем центурионам, а когда и они его одобрили, он стал ждать подходящего момента. Но какой-то перебежчик рассказал о его намерениях консулу, а вскоре после этого прибыло несколько всадников, приведших с собой пленных сабинян, захваченных в то время, когда они вышли за дровами. Допрошенные по отдельности о том, что собирается предпринять их командующий, они сообщили, что готовятся лестницы и тараны, однако сказали, что не знают, где и когда их намерены использовать. 5. Узнав об этом, Валерий посылает легата Ларция с сообщением о замыслах противника в другой лагерь к командиру тамошнего войска, Лукрецию, а также с предложением о том, каким способом напасть на врагов. Сам же он, собрав трибунов и центурионов и рассказав о том, что услышал от перебежчика и пленных, также попросил, чтобы эти доблестные воины поняли, что получили прекрасную возможность должным образом наказать врагов. Затем, разъяснив, что каждому из них следует делать, и дав пароль, он распустил их по отрядам.

XLII. Еще не наступила полночь, когда полководец сабинян, подняв отборную часть войска, повел ее против вражеского лагеря, приказав не шуметь и не греметь оружием, чтобы враги не обнаружили их прежде, чем они достигнут укреплений. Когда же передовые отряды подошли вплотную к лагерю, не увидев в нем света факелов и не услышав голосов стражников, они предположили, что римляне сделали большую глупость, не поставив никакой охраны и уснув внутри лагеря. Тогда они во многих местах заполнили рвы кустарником и переправились через них, так как никто не препятствовал им. 2. Римляне же, разбившись по манипулам, засели между рвом и палисадом, невидимые под покровом темноты, и убивали переходящих к ним, как только те оказывались рядом. Сначала гибель шедших впереди была скрыта от следящих за ними, когда же появился свет взошедшей луны, то приближающиеся ко рву, увидев не только множество соотечественников, погибших возле рва, но и сильные отряды врагов, наступающих на них, побросали оружие и обратились в бегство. 3. Римляне же, громко закричав (ведь это был знак тем, кто находился в другом лагере), все вместе обрушиваются на них. Лукреций, услышав шум, посылает вперед всадников, чтобы разведать, не устроена ли какая-то вражеская засада, и вскоре

последовал за ними, взяв с собой наилучшую часть пехоты. 4. Одновременно и всадники, наткнувшись на отряды из Фиден, обращают их в бегство, и пехотинцы, убивая явившихся со стороны лагеря сабинян, начали преследовать их, не сохранявших ни оружия, ни порядка в строю. В этом сражении сабинян и их союзников погибло около тринадцати с половиной тысяч человек, пленных же взято четыре тысячи двести человек. В тот же день был захвачен и их лагерь.

XLIII. Фидены же, осаждавшиеся несколько дней, были взяты в том самом месте, в котором они считались наиболее труднодоступными и потому охранялись немногими. Этот город не был подвергнут порабощению или разрушению, и после завоевания были убиты лишь немногие, так как консулы считали, что для единоплеменного с ними города, совершившего ошибку, достаточным наказанием было то, что они захватили у него имущество и рабов, а также то, что многие его жители погибли в сражении. К тому же, чтобы покоренные тотчас снова не взялись за оружие, они решили оставить в городе умеренную охрану и произвести обычное для римлян наказание виновников восстания. 2. Созвав покоренных фиденян на площадь, консулы долго обвиняли их в безрассудстве, говоря, что они все поголовно достойны смерти, поскольку не проявили благодарности римлянам за их благодеяния и не образумились под гнетом своих несчастий. Затем консулы на глазах у всех приказали высечь розгами и предать смертной казни наиболее выдающихся фиденян. Остальным же консулы позволили жить как прежде, но поселили у них стражей, количество которых определил сенат, а некоторую часть отнятой у Фиден земли передали этим стражникам. Свершив все это, консулы отвели войско из вражеской земли и по решению сената отпраздновали триумф. Вот что произошло в их консульство.

XLIV⁶⁴. Когда консулами были выбраны Публий Постумий, по прозвищу Туберт, во второй раз и Агриппа Менений, называемый Ланатом, произошло третье вторжение сабинян с еще большим войском, и когда римляне узнали об их нападении, враги подступили уже к самым стенам Рима. В этой войне погибло много римлян, причем не только земледельцев, которых неожиданное бедствие захватило прежде, чем каждый из них успел укрыться в близлежащем укреплении, но и живших в то время в городе. 2. Тогда Постумий, один из консулов, считая, что наглость врагов нестерпима, выступил на помощь, ведя поспешно собранное войско и действуя более чем опрометчиво. Увидев римлян, наступающих на них с большой беспечностью — не соблюдая строя и на удалении друг от друга, — сабиняне, желая еще больше усилить их беспечность, начали поспешно отступать, будто бы обратившись в бегство, пока не пришли в густой лес, в котором сидело в засаде остальное их войско. Затем, повернув назад, они напали на преследователей: в то же время остальные, выйдя из леса, с громкими криками также устремились на римлян. 3. Сабиняне, полные

⁶⁴Главы 44–47 ср.: *Ливий*. II. 16. 8 и след. Ливий под этим годом не упоминает о вторжении сабинян, зато говорит о войне с аврунками.

воодушевления, наступая в боевом порядке на беспорядочную толпу людей, приведенных в замешательство и задыхающихся от бега, сразу же в рукопашном бою опрокидывают римлян. Обращенных в бегство они, перекрыв дороги, ведущие в город, запирают в каком-то безлюдном горном ущелье. Затем, расположив лагерь рядом с римлянами, сабиняне установили охрану на всю ночь (ведь ночь уже наступила), чтобы те тайком не сбежали. 4. Когда же весть о поражении достигла Рима, всех охватил большой страх, и римляне бросились к городским стенам, боясь, как бы враги, воодушевленные успехом, не проникли в город ночью. Все оплакивали погибших и сострадали оставшимся в живых как людям, которым из-за недостатка продовольствия грозит скорая смерть, если им не будет оказана немедленная помощь. 5. Итак, эту ночь римляне провели в подавленном настроении и не смыкая глаз. На следующий день второй консул, Менений, вооружив всех граждан призывного возраста, повел их, сохранявших порядок и дисциплину, на помощь находившимся в горах. Сабиняне же, увидев приближавшихся римлян, не остались на месте, а подняв свое войско, покинули горы, решив, что им достаточно имеющегося успеха. И не тратя больше времени, сабиняне с великой гордостью вернулись к себе на родину, прихватив с собой обильную добычу из скота, рабов и имущества.

XLV. Римляне, раздраженные неудачей, в которой они обвиняли Постумия, одного из консулов, решили немедленно всеми силами отправиться в поход против земли сабинян, стремясь отыграть за нанесенное им отчаянное поражение; к тому же они были рассержены на недавно приходившее от врагов посольство, которое проявило большое высокомерие и самодовольство. 2. Ведь сабиняне, словно они уже покорили римлян и были способны без труда захватить и сам Рим в случае нежелания римлян выполнять их приказания, требовали вернуть Тарквиниев, уступить им верховную власть, а также установить такое государственное устройство и законы, какие предпишут им завоеватели. Отвечая посольству, римляне велели передать общине, что они приказывают сабинянам сложить оружие, сдать свои города и снова перейти в такое подчинение к ним, в каком они были прежде, а выполнив все эти требования, сабиняне, если хотят сохранить мир и дружбу с римлянами, должны будут прийти в Рим для проведения судебного разбирательства относительно тех, кого они обидели и кому повредили во время совершенного ими вторжения. Если же они не выполняют требования римлян, то пусть ждут войну, которая вскоре придет в их города. 3. Обменявшись друг с другом такими требованиями, обе стороны подготовили все необходимое для ведения военных действий и начали выводить войска. Сабиняне выставили наиболее сильную молодежь из всех городов, снаряженную превосходным оружием, а римляне собрали все войско — не только находившееся в городе, но и стоявшее в крепостях, считая, что для охраны города и сельских укреплений достаточно достигшей призывного возраста молодежи и толпы рабов. 4. Сойдясь между собой, обе армии разбивают лагерь в непосредственной близости друг от друга, недалеко от города Эрета, который принадлежал сабинянам.

XLVI. Когда же оба противника увидели силы друг друга, вычислив их по величине лагеря и услышав об этом от пленников, сабиняне охватили отвraga и презрение к немногочисленности врагов, а римлян — страх из-за превосходства соперника. Однако римляне не унывали и питали немалые надежды на победу, так как им были посланы различные божественные предзнаменования, а также, когда они собирались строиться, предсказание исхода битвы следующего рода: 2. из воткнутых возле палаток копий (ведь у римлян метательные снаряды, которые они бросают в противника, вступая с ним врукопашную, таковы: это продолговатые древки, удобные для руки и имеющие железные наконечники не менее трех футов длиной, которые закреплены на конце древка, и эти копия вместе с железным наконечником равны дротикам средней длины); так вот из этих копий, связанных за наконечники, были сделаны костры и огонь был по всему лагерю как от факелов, и горел он значительную часть ночи. 3. Отсюда римляне заключили, как это объявили гаруспики и не трудно было понять всем людям, что божество предрекает им скорую и славную победу, так как все подвластно огню, и нет ничего, чего бы не уничтожил огонь. Поскольку этот огонь зажегся от защищающего римлян оружия, то они выступили из лагеря весьма осмелевшими и, столкнувшись с сабинянами, начали сражение, значительно уступая им по численности, но уверенные в своем мужестве. Кроме того, значительно больший военный опыт, соединенный с трудолюбием, позволил римлянам пренебречь опасностью. 4. Итак, сначала Постумий, командуя левым флангом и стремясь исправить прежнее поражение, теснит правое крыло противника, ради победы не только не предохраняя собственную жизнь, но наоборот, подобно умалишенным и самоубийцам, бросаясь в самую гущу врагов. А затем и находящиеся вместе с Менением на правом фланге римляне, уже уставшие и оттесненные со своей позиции, узнав, что воины Постумия одерживают верх над своими противниками, и воодушевившись этим, также начинают наступать на врага. Когда оба фланга сабинян стали отступать, началось поголовное бегство. Так как края были обнажены, то не устояли и находящиеся в центре строя, но под ударами зашедшей с флангов римской конницы отступили. Когда же началось общее бегство сабинян в их лагерь, римляне, преследуя их и вместе с ними ворвавшись в лагерь, захватили оба их укрепления. Причиной того, что не все вражеское войско было уничтожено, стала ночь, а также то обстоятельство, что поражение было нанесено сабинянам на их собственной земле. Ведь бежавшие в свои собственные владения легче спасались благодаря знанию местности.

XLVII. На следующий день консулы, предав погребальному огню своих убитых, собрав доспехи (ведь было захвачено и кое-какое оружие уцелевших сабинян, бросивших его в бегстве) и взяв с собой пленников, которых захватили немало, и имущество, кроме того, которое разграбили воины (когда это имущество было распродано на публичных торгах, все римляне получили обратно возложенные на них налоги, благодаря которым вооружали воинов), вернулись домой, одержав блистательную победу. 2. И оба консула были удостоены сенатом почестей, но Менений — более

значительных и почетных, вступив в город на царской колеснице, а Постумий менее значительных и важных, которые они называют овацией, затемнив значение слова, которое, между прочим, является греческим⁶⁵. Ведь, как и я сам считаю, и как я это нахожу у многих местных писателей, первоначально появившись, оно соответствовало слову «эвастес», а как сообщает Лициний⁶⁶, тогда впервые сенат использовал такого рода почесть. 3. Она отличается от триумфа тем, что получивший в качестве награды овацию, входит в город пешком в сопровождении своего войска, а не на колеснице, как во время триумфа. Кроме того, отмеченный овацией не надевает разукрашенного золотого платья, которым украшается триумфатор, а также не имеет золотого венка, но облачается в белую тогу с пурпурной каймой; в отличие от триумфатора он также не имеет скипетра, но все остальное у него то же самое. 4. Причина же, по которой этому мужу, хотя и самому выдающемуся из всех в битве, была оказана меньшая почесть, заключалась в понесенном им прежде большом и позорном поражении во время его нападения, из-за которого он не только погубил многих римских воинов, но и сам вместе с уцелевшими от бегства едва не оказался пленным.

XLVIII⁶⁷. В консульство этих мужей Публий Валерий, по прозвищу Попликола, почитавшийся наилучшим из всех римлян того времени во всех доблестях, заболел и скончался. Не стоит говорить о всех деяниях этого мужа, за которые его следует почитать и хранить о нем память, так как я о многих из них уже рассказал в начале этой книги. Я думаю, что не следует обходить молчанием то, что еще не было упомянуто, но является наиболее удивительным из всех достойных похвалы свершений этого мужа. Я считаю, что более всего письменной истории подобает не только рассказывать о военных деяниях знаменитых полководцев или об их какой-либо достойной и спасительной мере по общественному устройству, которую они, найдя, предложили государству, но и показывать их жизнь, если они прожили ее умеренно и мудро, придерживаясь обычаев отечества. 2. Итак, этот римлянин, один из первых четырех патрициев, изгнавших царей и конфисковавших их имущество, четырежды удостоенный консульской власти, дважды победивший в крупных войнах и получивший за обе триумф (в первый раз за победу над тирренским народом, второй раз за победу над сабинянами), и такие возможности для обогащения, которые никто не смог бы истолковать, как постыдные и незаконные, тем не менее не был охвачен сребролюбием, поработавшим всех людей и заставляющим их поступать недостойно. Вопреки этому он оставался при своем незначительном, доставшемся от отца имуществе, ведя образ жизни разумный, независимый и наиболее желательный из всех других. И при таком небольшом состоянии он воспитал детей вполне достойными

⁶⁵ Глагол *ovare*, по-видимому, первоначально писался как *evare* (εὐοῖ), т.е. был эквивалентом греческому *εὐάζειν* (прославлять).

⁶⁶ Имеется в виду римский историк Лициний Макр.

⁶⁷ Ср.: *Ливий*. II. 16. 7.

своего рода и сделал для всех ясным, что богатым является не тот, кто много приобрел, а тот, кто довольствуется немногим. 3. Точным и бесспорным доказательством независимости этого мужа, которую он проявлял всю свою жизнь, является бедность, которая обнаружилась после его смерти. Ведь он не оставил достаточно средств даже на вынос и похороны своего тела, которые подобает иметь для мужа такого ранга, так что его родичи собирались, вынеся его из города, как одного из простолюдинов, сжечь и похоронить Валерия обычным способом. Однако сенат, узнав, насколько стеснены они в средствах, решил похоронить его на общественные деньги и определил ему, единственному из родившихся вплоть до моего времени выдающихся мужей, место в самом городе рядом с Форумом у подножия Велии, где он и был сожжен и погребен⁶⁸. Место это священно и предоставлено для погребения потомков его рода, что является гораздо большей почестью, чем любые богатства и царства, если счастье измерять не постыдными наслаждениями, но добродетелью. 4. Ведь Валерий Попликола, предпочитавший не приобретать ничего, кроме средств на самое необходимое, был удостоен пышных похорон, словно один из богатейших царей. И все римские матроны, сговорившись между собой о том, что так же, как и после смерти Брута, они откажутся от ношения золота и пурпура, сохраняли траур по нему в течение года. Ведь у них имеется обычай сохранять траур по наиболее близким из родственников.

XLIX⁶⁹. На следующий год консулами были назначены Спурий Кассий, по прозвищу Вецемин, и Опитер Вергиний Трикост⁷⁰. При них была закончена война с сабинянами одним из консулов — Спурием, после того как произошло большое сражение недалеко от города уритов, в котором было убито около десяти тысяч трехсот сабинян, а пленных захвачено почти четыре тысячи. 2. Пораженные этим последним несчастьем, сабиняне отправили к консулу посольство, чтобы договориться о дружбе. Затем, после того как Кассий отправил их в сенат, они, придя в Рим, многочисленными мольбами добились примирения и завершения войны, отдав не только хлеб для войска, как это приказал им Кассий, но и определенное количество серебра с каждого человека, а также десять тысяч плетров⁷¹ обрабатываемой земли. 3. Спурий же Кассий получил триумф за одержанную им победу. Второй консул, Вергиний, отправился в поход против города камерийцев, отпавшего от союза с римлянами во время предыдущей войны. Он взял с собой половину другого войска и, никому не сказав, куда собирается отправиться, за ночь совершил весь переход, с тем чтобы напасть на неподготовленных и не ожидавших нападения жителей города, что и

⁶⁸ Погребение в черте города позднее было запрещено законами XII таблиц.

⁶⁹ Ср.: *Ливий*. II. 17.

⁷⁰ 502 г. до н.э. (= 500 г. до н.э. по Дионисию).

⁷¹ Греческое слово *πλεθρον* обозначает меру, равную примерно 10 тыс. кв. футам, но обычно римляне использовали в качестве меры земли югеры. Один югер равен примерно 2519 м².

произошло в действительности. 4. Ведь консул, подойдя вплотную к стенам города, оставался никем не замеченным до самого рассвета, а прежде чем расположиться лагерем, подвел к стенам тараны, лестницы и использовал всякого рода другие осадные сооружения. И в то время как камерийцы поразились неожиданности его появления, причем одни считали необходимым открыть ворота и выпустить консула, а другие наоборот — защищаться всеми силами и не впускать врага внутрь, в общем, пока у них в городе господствовали замешательство и распри, Вергиний, взломав ворота и захватив с помощью лестниц наименее укрепленные части стен, силой завоевал город. 5. Консул разрешил своим воинам грабить город в течение этого дня и последующей ночи, а на следующий день, приказав собрать всех пленников в одно место, казнил всех зачинщиков мятежа, остальную массу народа продал в рабство, а город разрушил до основания.

Л. В семидесятую Олимпиаду (на которой победу в беге на стадий одержал Никей из Опунта в Локрах), когда архонтом в Афинах был Смирос, консульскую власть получили Постумий Коминий и Тит Ларций⁷². В их консульство от римлян отпали латинские города, так как Октавий Мамелий, породнившийся с Тарквинием, убедил наиболее выдающихся мужей из всех общин (одних обещанием даров, других уговорами) помочь изгнанникам. И начинается общее собрание встретившихся в Ферентинах городов за исключением Рима (ибо ему единственному они не предложили присутствовать на нем, как это обычно происходило раньше). 2. На этом собрании города должны были провести голосование относительно войны, назначить военачальников и принять решение касательно других приготовлений. 3. Как раз в это время Марк Валерий, муж из консульского рода, был отправлен в качестве посла в соседние города, чтобы просить их не восставать, так как какие-то отряды из них, посланные властью имущими, грабили приграничные поля, нанося много вреда земледельцам римлян. Затем, когда он узнал о происходящем общем собрании общин, с тем чтобы всем им проголосовать относительно войны, то, придя на собрание и попросив у председателей слова, он сказал, что отправлен Римом в качестве посла к отправлявшим грабителей городам, дабы просить их, найдя виновников преступлений, выдать их римлянам, чтобы те подвергли их наказанию в соответствии с установленным в союзном договоре законом. Наконец, Валерий также потребовал, чтобы они остерегались совершать новые ошибки, которые могут разрушить их дружбу и родство. 4. Увидев, что все города вместе решились на войну с римлянами (он догадался об этом и по многим иным причинам, но более всего по тому, что они одних только римлян не пригласили на совет, хотя в договоре было записано, что на общих собраниях должны присутствовать все государства латинского племени, после уведомления об этом председателями), он сказал, что удивлен, по какой причине или по какому доносу против города члены совета его единственного не пригласили на

⁷² 501 г. до н.э. (= 499 г. до н.э. по Дионисию).

собрание, хотя он-то прежде всего должен присутствовать и первый высказывать мнение, имея лидерство в латинском племени, полученное от них по их собственному желанию за многочисленные и значительные благодеяния.

LI. После этого арицийцы, попросив слова, обвинили римлян в том, что те, будучи родичами, вовлекли их в тирренскую войну и позволили, насколько это зависело от них самих, чтобы тиррены отняли свободу у всех латинских общин; а царь Тарквиний, возобновив с общего согласия городов заключенный с ним договор о дружбе и союзе, попросил их соблюдать клятвы и вернуть его к власти. Беглецы же из Камерий и Фиден, одни, оплакивая завоевание и бегство из отечества, другие — порабощение и разрушение их города, призвали латинов к войне. 2. Последним из всех зять Тарквиния Мамиллий, имевший в то время среди латинов большую силу, встав, произнес длинную политическую речь против Рима. Так как Валерий защищался от всех обвинений и, казалось, что он превосходит их справедливостью своих слов, то в тот день, прошедший во взаимных обвинениях и оправданиях, они так и не вынесли никакого решения в совете. На следующий же день председатели уже не пригласили посольство римлян на собрание, но зато дали слово Тарквинию, Мамилию, арицийцам и всем другим, желавшим обвинить Рим. Затем, выслушав всех, они провели голосование о том, что именно римлянами нарушен договор и передали посольству Валерия такой ответ: поскольку, мол, римляне несправедливыми действиями сами разрушили их родство, то они решат на досуге, каким именно способом следует отплатить им за это. 3. В то время как все это происходило, против государства возник заговор множества рабов, договорившихся захватить укрепленные холмы и в нескольких местах поджечь город. Но как только знавшими об этом был сделан донос, консулы немедленно заперли ворота, а всадники заняли все укрепления города. И тотчас же одни из тех, кого доносчики называли участниками заговора, были выхвачены из жилищ, другие — приведены из сельской местности. Все они были высечены и подвергнуты пыткам, а затем посажены на кол. Вот такие события произошли при этих консулах.

LII. Когда Сервий Сульпиций Камерин и Маний Туллий Лонг получили консульскую власть, некоторые из фиденян, призвав войско Тарквиния, захватывают крепость и, одних из не пожелавших того же, что и они, предав смерти, а других изгнав, снова отпадают от города римлян. Когда же прибыли римские послы, они хотели обойтись с этими мужами, как с врагами, но, остановленные старцами, лишь изгнали их из города, не посчитав нужным ни выслушать их, ни дать ответ. 2. Римский сенат, узнав об этом, все еще не хотел начинать войну с союзом латинов, зная, что решение представителей городов разделяют не все, но что в каждом городе плебеи избегают войны и сторонников сохранения договоров больше, чем тех, кто предлагал разрывать их. Все же сенат решил послать против фиденян одного из консулов — Мания Туллия — во главе большого войска. Он же опустошил их землю совершенно безнаказанно, так как никто не защищал ее, и расположившись лагерем рядом со стенами

города, начал расставлять охрану, чтобы ни продовольствие, ни оружие и никакая иная помощь не поступала жителям города. 3. Фиденяне, оказавшись в осаде, отправили послов к латинским общинам, прося у них немедленной помощи. Вожди латинов, созвав собрание городов и снова дав слово Тарквиниям и пришедшим от осажденных, стали приглашать членов совета высказывать мнение, начав с наиболее старых и известных, о том, каким способом следует воевать с римлянами. 4. Было сказано много слов и прежде всего о самой войне, следует ли решаться на нее. Ведь, с одной стороны, наиболее беспокойные из членов совета считали необходимым вернуть царя к власти и советовали помочь фиденянам, желая стать вождями воинов и взяться за великие деяния, но более всего стремясь к монархии и тирании в своих полисах, в чем, как они считали, им помогут Тарквинии, вернув себе власть над римлянами. С другой стороны, наиболее разумные и порядочные из участников совета считали, что города должны соблюдать договоры и не вступать поспешно в войну. И они пользовались наибольшим доверием у простолюдинов. 5. Сторонники войны, отесненные теми, кто призывал сохранить мир, в конце концов убедили провести собрание хотя бы относительно того, чтобы отправить в Рим послов, которые призовут и вместе с тем посоветуют городу предоставить Тарквиниям и всем другим изгнанникам безопасность и полную амнистию, а также подготовят соглашения относительно того, чтобы римляне установили прежнюю форму правления и отвели войска от города фиденян, так как латины не позволят, чтобы их сородичи и друзья были лишены отечества. Если же римляне ничего из этого делать не согласятся, тогда они и решат относительно войны. 6. Ведь латины знали, что римляне не примут ни одного из этих требований, желая лишь получить благовидные поводы для войны и считая, что они тем временем ухаживаниями и подарками склонят противников на свою сторону. Проведя голосование об этом и назначив римлянам годичный срок для принятия решения, а себе — для приготовления к войне, а также назначив послами тех, кого хотел Тарквиний, председательствующие закрыли собрание.

ЛIII. Когда латины разошлись по городам, сторонники Мамелия Тарквиния, видя, что многие из них охладели в своем рвении, почти потеряли надежду на чужеземную помощь, поскольку не были уверены в ней, и, поменяв свои замыслы, стали обдумывать средства к тому, чтобы в самом Риме развязать гражданскую войну, от которой тот ничем не был защищен, и поднять восстание бедняков против богатей. 2. К тому времени значительная часть плебеев уже пришла в движение и начала испытывать страдания, но более всего бедняки и те, кто из-за притеснений заимодавцев уже более не желал наилучшего для государства. Ведь кредиторы не проявляли умеренности, но тасили должников в тюрьму и обращались с ними, как с купленными рабами. 3. Узнав об этом, Тарквиний послал в Рим нескольких не вызывающих подозрения людей вместе с послами латинов, которые принесли с собой деньги и вступили в переговоры с бедняками и наиболее дерзкими из римлян. Послы вручали последним принесенные деньги и посулили добавить еще после возвращения царей

из изгнания, и таким способом они подкупили очень многих граждан. Против аристократии сложился заговор не только из свободных бедняков, но и из подлых рабов, прельщенных надеждой освобождения. Из-за казни в прошлом году их товарищей они были настроены враждебно и злонамеренно по отношению к своим хозяевам и, поскольку утратили их доверие и подозревались в том, что нападут на своих господ, если представится удобный случай, с радостью откликнулись на призыв к бунту. 4. План их заговора состоял в следующем: вожаки предприятия должны, дождавшись безлунной ночи, захватить холмы и укрепленные места города. Слуги же, при известии о том, что другие уже заняли важные места (подразумевалось, что это станет им ясно по их кличу), должны убить спящих хозяев, а после этого разграбить жилища богачей и открыть ворота тиранам.

LIV. Однако богиня Провидения, во всех случаях спасавшая град, да и в наше время продолжающая оберегать его, раскрыла их козни, так как одному из консулов, Сульпицию, был сделан донос двумя братьями, Публием и Марком Тарквиниями из Лаврента, главарями участников заговора, принужденными к этому богиней Судьбы. 2. Дело в том, что во сне им привиделось, будто им угрожают самые страшные кары, если они не прекратят заговора и не откажутся от своих намерений; и им представилось, что их преследуют некие духи и нападают на них, и выкалывают им глаза и, наконец, что они претерпевают другие многочисленные и страшные мучения. Они проснулись, дрожа от страха, и из-за него уже не могли заснуть. 3. Сначала они пытались умилостивить преследовавших их божеств наиболее отвращающими несчастья и наиболее успокаивающими их жертвоприношениями, но, ничего не добившись, обратились, скрывая тайный замысел своего предприятия, к оракулу, желая выведать только, наступило ли подходящее время для совершения того, что они задумали. Когда же оракул ответил, что они идут дурным и гибельным путем и, если не откажутся от своих намерений, погибнут самым позорным способом, то Тарквинии, опасаясь, как бы другие не опередили их в раскрытии тайны, сами сделали донос тому из консулов, который оказался тогда в городе. 4. Консул же, похвалив их и пообещав отблагодарить, если и дела их не разойдутся со словами, запер их у себя в доме, ничего никому не сказав. И хотя ранее он не допускал к себе послов латинов и медлил с ответом, теперь он, введя послов в сенат, высказывает им мнение сенаторов. 5. «Друзья и сородичи, вернувшись домой, ответьте высшему совету латинов, что римский народ не угождал гражданам города Тарквинии, которые первые требовали возвращения тиранов, и затем не склонился перед всеми тирренами, коих приводил царь Порсена, и которые, прося за них, развязали тяжелейшую из всех войну, но ради свободы терпел, видя свою землю опустошенной, деревенские дома сожженными, а себя осажденным, но так и не подчинился ничему из того, чего не желал делать. И римский народ удивлен вами, латины: ведь вы, зная об этом, тем не менее пришли с требованием принять тиранов и прекратить осаду Фиден и угрожаете войной, если мы не подчинимся. Так перестаньте прикрываться пустыми и

неубедительными доводами в пользу взаимной вражды, и, если вы намерены разрушить из-за этого наше родство и объявить войну, то долее не медлите».

LV. Дав такой ответ послам и выпроводив их из города, консул затем рассказывает сенату о тайном заговоре, о котором он узнал от доносчиков. Но получив от сенаторов неограниченные права на розыск участников тайных замыслов и наказание обнаруженных заговорщиков, он тем не менее не пошел по жестокому и тираническому пути, как сделал бы кто-нибудь другой, очутившись в подобных обстоятельствах, но предпочел обдуманый и надежный путь, учитывая вид установленного тогда правления. 2. Прежде всего он не хотел, чтобы граждане, схваченные в своих домах, уводились на казнь, насильно оторванные от своих жен, детей и отцов, но учитывал сострадание, которое обязательно возникнет у каждого при аресте наиболее близких родственников, опасаясь, как бы некоторые, потеряв рассудок, не взялись за оружие и как бы необходимость действовать противозаконно не привела к кровопролитию соплеменников. И он не считал нужным назначать суд над ними, полагая, что все они будут отказываться, и у судей не будет никакого ясного и бесспорного доказательства, кроме доноса, поверив которому, они осудят граждан на смерть. 3. Но он нашел новый способ обмануть заговорщиков, с помощью которого сперва сами без чьего-либо понуждения главари злоумышленников соберутся в одном месте, а затем будут пойманы с бесспорными доказательствами вины, так что у них не будет никакого оправдания. Благодаря этому, они будут собраны не в безлюдном месте и допрошены не в присутствии немногих свидетелей, но на Форуме, будучи выставлены на всеобщее обозрение, подчинятся тому, что они заслужили, и в городе не будет никакого волнения и никакого восстания со стороны других, что часто случается при наказании заговорщиков, особенно в смутные времена.

LVI. Другой бы сейчас посчитал достаточным рассказать лишь самое главное, то есть, что консул схватил участников заговора и казнил их — как если бы эти события нуждались лишь в кратком описании. Я же, поскольку способ ареста этих мужей достоин внимания истории, решил не обходить его молчанием, полагая, что читателям недостаточно знать только сам итог событий, ведь всякий требует изложить и причины происшедшего, и способы осуществления этих деяний и намерения совершивших их, а также свершенное по воле божества, кроме того, не зная ничего из случившегося, читатель требует следовать за событиями. Я считаю, что гражданам крайне необходимо знание этих подробностей для того, чтобы при случае воспользоваться им. 2. Итак, способ захвата заговорщиков, который придумал консул, был следующим: выбрав из числа сенаторов наиболее сильных, он поручил, чтобы они, как только получат сигнал, вместе с ближайшими друзьями и родственниками заняли те укрепленные места города, в которых каждый из них как раз имеет свое жилище. Всадникам же он приказал, вооружившись мечами, поджидать в наиболее удобных домах вокруг Форума и делать то, что он им прикажет. 3. И чтобы во время ареста граждан их родственники и некоторые другие граждане не устроили никакой смуты

и из-за этого раздора не пролилась бы кровь соплеменников, консул, послав письмо другому консулу, которому было предписано вести осаду Фиден, приказал ему с наступлением ночи вместе с лучшей частью войска вернуться в город и расположить войско вблизи городских стен на возвышенном месте.

LVIII. Завершив эти приготовления, консул приказал тем, кто сообщил о заговоре, предложить руководителям смуты в середине ночи явиться на Форум вместе с наиболее надежными из своих друзей, чтобы там получить свое назначение, место и условный знак, а также узнать, что каждому из них надлежит делать. Это было выполнено. И когда все руководители заговорщиков сошлись на Форуме, по невидимому для них сигналу холмы неожиданно были заняты теми, кто ради защиты города взялся за оружие. 2. Одновременно другой консул, Маний, уйдя из Фиден, пришел на равнину вместе со своим войском. Как только наступил день, консулы, окруженные гоплитами, взошли на трибунал и приказали глашатаям возвестить по всем улицам, чтобы народ шел на собрание. Когда все жители города собрались, они объявили им о заговоре, готовившем возвращение тирании, и вывели доносчиков. А все окрестности Форума оказались под охраной всадников, и у желавших бежать не осталось никакого выхода. 3. После этого консулы предоставили заговорщикам возможность оправдаться, если кто-либо захочет оспорить донос; когда никто из них не попытался отрицать свою вину, консулы, удалившись с Форума в сенат, расспросили сенаторов об их мнении относительно этих мятежников и, записав их ответ, снова пришли в собрание, где обнародовали предварительное решение сената, которое было следующим: «Тарквиниям, сообщившим о заговоре, дать гражданство и десять тысяч драм серебра каждому, а также по двадцать плетров общественной земли; заговорщиков же, схватив, предать смерти, если это будет угодно народу». 4. Когда же собравшаяся толпа утвердила постановление сената, консулы, приказав удалить сошедшихся на собрание людей, затем призвали ликторов, вооруженных мечами, которые, окружив осужденных в том месте, где те были схвачены, всех до единого предали смерти. Уничтожив их, консулы больше уже не принимали никаких доносов ни о ком из участников заговора, но освободили от вины всех, избежавших немедленной казни, чтобы всякий беспорядок был удален из города. 5. Таким вот способом были уничтожены те, кто устроил заговор. Сенат же вынес решение о том, чтобы все граждане были подвергнуты обряду очищения. Так как они были вынуждены вынести решение о смерти граждан, им теперь нельзя было присутствовать при священнодействиях, пока они не очистятся от греха и не смоют с себя скверну с помощью общепринятых очистительных жертвоприношений. Когда же было сделано все, что установлено толкователями божественного закона⁷³ в соответствии с местным правом, сенат постановил, чтобы были совершены благодарственные жертвоприношения и проведены общественные игры, и для этого выделил в качестве священных три

⁷³ Т.е. понтификами.

дня. Так как один из консулов, Маний Туллий, во время священных и названных по имени города игр⁷⁴ на торжественном шествии в самом Цирке упал со священной колесницы и через три дня после этой процессии скончался, то оставшийся до сложения власти срок Сульпиций правил в одиночестве.

LVIII. В следующем году⁷⁵ консулами были назначены Публий Ветурий Гемин и Публий Эбуций Эльв⁷⁶. Из них Эбуций был назначен для гражданских дел, которые, как представлялось, нуждались в немалом внимании, чтобы никто из бедняков не поднял еще один мятеж. Ветурий же, взяв себе половину войска, стал опустошать фиденскую землю, не встретив никакого сопротивления, а затем, остановившись возле города, начал непрерывно атаковать его. Но, не сумев взять стены осадой, он окружил город палисадом и рвом, чтобы покорить горожан с помощью голода. 2. К уже уставшим фиденянам неожиданно пришла помощь латинов, посланная Секстием Тарквинием, а кроме того, прибыли хлеб, оружие и прочее, что необходимо в войне. Обнадеженные этим, фиденяне решились выйти из города с большой армией и расположились лагерем в открытом поле. Римлянам теперь уже не требовались осадные укрепления вокруг города, но, очевидно, было необходимо сражение. И битва происходит недалеко от города, некоторое время идя с переменным успехом. Затем под натиском более опытных римлян фиденяне, хотя и более многочисленные, были опрокинуты малочисленным противником и обратились в бегство. 3. Потери у них оказались незначительными, так как бегство в город было недолгим, а защитники на стенах отразили преследователей. После этого пришедшие на помощь Фиденам войска были рассеяны и ушли, не оказав никакой помощи жителям. Город же снова оказался в том же самом несчастном положении и испытывал недостаток в съестных припасах. 4. В это время Секст Тарквиний отправился вместе с латинским войском в поход против принадлежавшего римлянам Сигния с целью захватить эту крепость первым же приступом. Но поскольку защитники крепости храбро оборонялись, он подготовился к тому, чтобы голодом принудить этих людей покинуть данное место; и он оставался там довольно долгое время, не сделав ничего, достойного внимания. Однако, потерпев неудачу в своем замысле, так как к защитникам крепости прибыли провизия и подмога от консулов, Секст снял осаду и увел войска.

LIX⁷⁷. На следующий год римляне избрали консулами Тита Ларция Флава и Квинта Клелия Сикула. Из них Клелию было назначено сенатом заниматься гражданскими делами, имея при себе половину войска для охраны от заговорщиков, так как он казался добрым по характеру и преданным народу. Ларций же начал войну против фиденян, взяв с собой хорошо снаряженное войско и приготовив все необходимое

⁷⁴ Так называемые «Римские игры» (ludi Romani).

⁷⁵ 499 г. до н.э. (= 497 г. до н.э. по Дионисию).

⁷⁶ Ливий (II. 19. 1) называет консулами этого года Гая Ветузия и Тита Эбуция.

⁷⁷ Главы 59–77 ср.: *Ливий*. II. 21. 1; 18. 4–8.

для осады. 2. К фиденянам, измученным долгой войной и не имевшим никакой провизии, он был суров, подкапывая основания стен, воздвигая валы, используя осадные орудия и не прекращая осады ни днем, ни ночью, рассчитывая таким образом в короткий срок захватить город. 3. Ведь ни один город в одиночку не способен был снять осаду фиденян, а общее войско всего латинского народа еще не было создано, однако предводители общин много раз давали послам фиденян обещания вскоре прислать им помощь. Дела же, соответствующего обещаниям, не было, и надежды на военный союз основывались только на словах. 4. Фиденяне уже не рассчитывали ни на какую помощь от латинов, но, терпя все невзгоды, теперь надеялись только на себя. Из всех горестей наиболее нестерпимой был голод, который принес гибель многим людям. Наконец, чтобы избавиться от этих несчастий, они отправили послов просить у консулов перемирия на какое-то определенное количество дней, чтобы в это время они могли заключить договор о дружбе с римлянами на справедливых условиях. 5. Однако они просили время не ради принятия решения, но для снаряжения союзников, о чем сообщили некоторые из недавно прибывших перебежчиков. Ведь в предыдущую ночь они послали в Латинский союз в качестве вестников граждан, самых достойных и обладавших наибольшим влиянием в латинских городах, чтобы они обратились к тем с мольбой о помощи.

LX. Узнав об этом, Ларций приказал просившим о перемирии, чтобы они сначала сложили оружие и открыли ворота, и только после этого вели с ним переговоры. В противном случае, сказал он, не будет им никаких переговоров, никакого перемирия и никакого человеческого или сдержанного отношения римлян к их городу. Что же касается отправленных к латинам послов, то консул следил за тем, чтобы ни один из них не вернулся внутрь городских стен, перекрыв все ведущие в город дороги наиболее усердными дозорами, так что осаждаемые, потеряв надежду на союзническую помощь, были вынуждены обратиться с мольбами к своим врагам. Сойдясь на собрание, они решили принять те условия мира, которые установит завоеватель. Что же, таковы были обычай того времени: они столь значительно отличались от самоуправления тиранов (которого лишь совсем немногим из современных правителей, облеченных большой властью, удалось избежать), что консул, захватив город, ничего не сделал по собственному разумению, но, приказав людям сложить оружие и оставив в крепости охрану, сам отправился в Рим и, собрав сенат, предоставил им обдумывать решение, приемлемое для захваченных консулом пленников. 3. Довольные этим мужем за проявленное к ним уважение, сенаторы вынесли приговор, чтобы наиболее почитаемые из фиденян и зачинщики мятежа, которых укажет консул, были высечены розгами и обезглавлены, а относительно остальных они дали ему право делать все, что он сам пожелает. 4. Ларций же, получив власть над всеми, лишь немногих из фиденян, обвиняемых их политическими противниками, казнил на глазах у всех и отобрал их имущество, а всем остальным оставил во владение и город, и имущество, но отобрал половину земли, которую получили в наделы римляне,

оставшиеся в городе в качестве крепостной стражи. Совершив это, консул отвел войско домой.

LXI. Когда о взятии Фиден стало известно латинам, то волнение и страх охватили все города, и все негодовали на предводителей общин, как на предавших союзников. И когда в Ферентинах проводилось собрание, люди, убеждавшие латинов снова взяться за оружие, — особенно Тарквиний и его зять Мамилий, а также предводители города Ариция, — стали предъявлять серьезные обвинения против тех, кто удерживал их от войны. 2. Привлеченные ими на свою сторону, все города, принадлежащие к латинскому роду, объявляют общую войну против римлян. И чтобы ни один город не предал союз и преждевременно не прекратил вражду с римлянами, они дали друг другу клятвы и проголосовали за то, чтобы не сдержавшие договора были исключены из союза, а также были прокляты и объявлены всеобщими врагами. 3. Уполномоченными, подписавшими договор и принесшими клятвы верности, были мужи из следующих городов: Ардея, Ариция, Бовиллы, Бубент, Кора, Карвент, Цирцея, Кориолы, Корбион, Кабан, Фортинея, Габии, Лаврент, Ланувий, Лавиний, Лабик, Номент, Норба, Пренесте, Педан, Кверкветула, Сатрик, Скаптия, Сетия, Тибурт, Тускул, Толерий, Теллены, Велитры. Они решили, что граждан призывного возраста будет отправлено в поход столько, сколько потребуется предводителям Октавию Мамилию и Сексту Тарквинию, которых они назначили военачальниками. 4. Для того чтобы казалось, будто они выдвигают благовидную причину для войны, латиняне отправили в Рим из каждого города наиболее знатных граждан в качестве послов, которые, введенные в сенат, заявили следующее: когда тирренцы пошли войной на арицийцев, римляне не только позволили им свободный проход через свои владения, но и помогли в том, что им было нужно для войны, кроме того, римляне спасли обращенных в бегство тирренов, израненных и совершенно безоружных, хотя хорошо знали, что те вели общую войну со всеми их сородичами римлян, и если бы подчинили своей власти город арицийцев, то им уже ничего бы не помешало поработить и все остальные города. 5. «Если римляне, — продолжали послы, — захотят дать арицийцам удовлетворение, придя на общий суд латинов и стерпят наказание, которое им будет вынесено всеми, то не будет необходимости вести войну. Если же римляне, сохраняя свойственную им надменность, не пожелают подчиниться справедливому и разумному решению своих сородичей, то, — грозили послы, — все латины всей своей силой начнут с ними войну».

LXII. После того как послы предложили это, сенат, не считая достойным для Рима обещать арицийцам судебное разбирательство относительно тех дел, по которым судьями намеревались стать сами же обвинители, и не желая, чтобы враги стали судьями не только по этим делам, но присовокупили еще более обременительные, чем эти, проголосовал за принятие войны. Ведь благодаря доблести и опыту римлян в сражениях ни один из них не допускал, что город постигнет несчастье, ибо многие из врагов боялись их. И отправив послов во многие места, римляне призвали сосед-

ние города к военному союзу, в то время как латины, со своей стороны, также разослали посольства в те же самые города, крепко обвиняя Рим. 2. Герники, сойдясь на собрание, обоим посольствам дали невразумительный и вызывающий подозрение ответ, а именно: в настоящее время они не заключат союза ни с теми, ни с другими, и решат на досуге, кого из них считать более справедливыми, а для принятия решения возьмут себе один год времени. 3. Рутулы же открыто пообещали латинам, что пошлют им подмогу, а римлянам сказали, что, если те хотят прекратить вражду, то благодаря их посредничеству латины станут более умеренными в своих требованиях и что они помогут им в заключение мирного договора. Вольски заявили, что удивлены бесстыдством римлян, так как сами зная, что и раньше римляне поступали с ними несправедливо, а в последний раз, отняв у них лучшую часть земли, присвоили ее себе, они тем не менее осмеливаются теперь призывать их, своих врагов, к военному союзу; они посоветовали римлянам сперва вернуть им их землю, а уж потом искать у них справедливости, как у друзей. Тиррены же воспротивились обеим сторонам, напомнив, что с римлянами они недавно заключили мирный договор, а с Тарквиниями у них родство и дружба. 4. Когда они дали такой ответ, римляне, будучи подавлены (это, естественно, испытывают те, кто взвалил на себя войну и потерял всякую надежду на помощь союзников) и, рассчитывая только на свои собственные силы, гораздо лучше подготовились к сражению, дабы в случае необходимости храбро встретить опасность. И если римляне по своему желанию только своими собственными доблестными деяниями добьются успеха в войне, то им не придется делить славу ни с кем. Столь велики были гордость и отвага, которые римляне приобрели благодаря многочисленным войнам.

LXIII. Подготавливая все необходимое для войны и начав составлять войсковые списки, римляне оказались в весьма затруднительном положении, так как далеко не все проявляли одинаковое рвение в делах. Ведь нуждающиеся в средствах к жизни и особенно те, кто был не в состоянии уплатить долги заимодавцам (а они были весьма многочисленны), будучи призваны к оружию, не повиновались, ибо не хотели иметь никаких общих дел с патрициями, если те не проголосуют за прощение им долгов. А некоторые из них даже говорили о том, чтобы оставить город, и побуждали друг друга не привязываться к отечеству, не предоставившему им ничего хорошего. 2. Патриции же сперва и не пытались ободрить и переубедить их. Когда же на военный призыв откликнулись немногие, то патриции, собравшись в Курии, задумались о том, как наиболее благопристойным образом освободиться от овладевшей градом смуты. Конечно, те из них, которые были по натуре порядочными людьми и вели умеренный образ жизни, советовали простить беднякам долги и купить гражданское согласие за малую цену, приобретя таким образом большие выгоды как для частных лиц, так и для государства.

LXIV. Выразителем этого мнения был Марк Валерий, сын Публия Валерия, одного из тех, кто уничтожил тиранию, будучи прозван за свою любовь к плебсу

Попликолой. Он советовал патрициям насаждать среди борющихся за равноправие честолюбивые надежды на будущее, ибо ничего благого не приходит в голову тем, кому не предстоит наслаждаться никакими благами. Он сказал также, что все бедняки раздражены и, сходясь на Форум, рассуждают: 2. «Какую мы будем иметь выгоду, победив внешних врагов, если затем заимодавцы за долги силой уведут нас в заточение, если, завоевав для Рима власть, сами не будем в состоянии сохранить даже свободу собственной личности?» Он показал им также, что следует страшиться не только этой угрозы; что если плебс поссорится с сенатом, он может покинуть город во время опасности — этого-то и следует опасаться всем желающим сохранить общественное дело. Попликола сказал также, что возможно несчастье еще более тяжелое: если народ, обманутый ласковостью тиранов, поднимет оружие против патрициев и окажет содействие в возвращении Тарквиния к власти. 3. И пока это еще только слова и угрозы, не перешедшие в злобные действия плебса, он советовал, чтобы патриции, на деле желая стать друзьями народа, заранее поспешили оказать ему помощь. Ведь они не первые проводят подобную политическую меру и этим отнюдь не заслужат позора, но наоборот, ожидавшим не только этой беды, но много еще более тяжелых бедствий, когда казалось бы уже ничего нельзя сделать, покажут, что имеются многие способы разрешения разногласий. Ведь необходимость сильнее человеческой природы, и все люди считают нужным рассуждать о благопристойности только тогда, когда уже находятся в безопасности.

LXV. Перечислив многочисленные примеры из других государств, в конце концов он указал, что город Афины, который тогда был наиболее почитаем за мудрость, не в давние времена, а еще при их отцах, проголосовал под предводительством Солона⁷⁸ за прощение долгов неимущим, и никто тогда не упрекнул полис за эту политическую меру и не назвал предложившего это искателем народной благосклонности и злодеем, но все указывали на большую рассудительность тех, кто убеждал сделать это, и на чрезвычайную мудрость того, кто предлагал закон. 2. Что касается римлян, то в то время как им грозит не какая-то мелкая распря, но гораздо большая опасность — оказаться во власти жестокого, хуже всякого зверя, тирана, — кто из имеющих разум будет порицать их, если в городе случится так, что они проявят народолюбие по отношению к плебейам, сражающимся против врагов? 3. Изложив чужеземные образцы, в конце он присоединил к этому и пример из отечественных событий, напомнив о недавно перенесенных римлянами бедах, когда после захвата их земли тирренами они имели большой недостаток в провианте, и тем не менее не поддались безумной панике беснующихся, обреченных на смерть людей, но, уступив

⁷⁸Солон, сын Эксеkestида, древнего царского рода, в 594 г. до н.э. став архонтом Афин, провел целый ряд реформ, в том числе и закон об освобождении всех афинян от долгов, о запрещении долгового рабства и выкупе государством всех афинян, обращенных в рабство за долги. См.: *Аристотель*. Афинская политика. 5–12; *Плутарх*. Солон. 13–19.

существующим обстоятельствам и руководствуясь своим бедственным положением, ради окончания войны они были вынуждены отдать своих наиболее знатных дочерей в залог царю Порсене, чего прежде никогда не испытывали, а также утратить часть своей земли, передав тирренам «Семь холмов», и иметь врага в качестве судьи относительно того, в чем их обвинял тиран; наконец, передать тирренам съестные припасы, оружие и все прочее, что те желали. 4. Воспользовавшись подобными примерами, он заявил, что при таком образе мыслей не дело спорить с врагами о чем-либо из-за того, что те считают справедливым, и в то же время из-за незначительного спора воевать с собственными гражданами, которые вели многочисленные успешные войны за верховенство Рима во времена царской власти, которые проявили немалое усердие, когда вместе с патрициями освобождали город от тирании, не имея средств к существованию, а свои тела и души — единственное, что осталось у них — щедро отдавая за отечество во время бедствий. 5. В заключение он сказал, что даже если плебеи под воздействием стыда и не скажут и не потребуют ничего подобного рода, тем не менее патриции должны взять на себя заботу о том необходимом, в чем, как они знают, нуждаются бедняки, и добровольно предоставить им это. Патриции обязаны также подумать о том, что поступают высокомерно, требуя от плебеев их жизни и не давая им взамен ни денег, ни имущества и, публично заявляя о том, что те воюют ради общей свободы, на деле отнимать у них эту самую завоеванную общими силами свободу, осмеливаясь упрекать их не за злодеяния, а за бедность, между тем как следовало бы лучше пожалеть об этом, нежели ненавидеть за это.

LXVI. После того как Валерий выступил с такой речью и многие одобрили его мнение, Аппий Клавдий Сабин, спрошенный следующим, стал советовать прямо противоположное, поучая, что если они проголосуют за погашение долгов, то не только невозможно будет истребить бунтарский дух в городе, но он станет еще хуже, так как от бедняков перейдет к богачам. 2. Всем ясно, что он возрастет, потому что те, кому предстоит лишиться денег, с трудом перенесут это, будучи полноправными гражданами, участвующими во всех военных походах, предпринимаемых государством, и будут считать несправедливым, что те средства, которые им оставили их отцы и которые они сами, будучи трудолюбивы и ведя умеренный образ жизни, приобрели, будут конфискованы в пользу самых плохих и самых ленивых граждан. Ведь это большая глупость, исходящая от тех, кто желает угодить худшей части граждан и пренебречь лучшей и ради худших граждан отнять чужое имущество, конфисковав его у тех, кто нажили его законным образом. 3. Аппий также просил их обратить внимание на то, что государства уничтожаются не бедняками и не теми, кто не имеет никакой силы, так что они вынуждены поступать справедливо, но людьми богатыми и способными вершить государственные дела, когда они обижены чернью и не могут добиться справедливости. И даже если, лишившись своих долговых контрактов, сильные мира сего не затаят в душе раздражения, но предпочтут относительно спокойно и хладнокровно перенести этот ущерб, то, сказал он, и в этом случае для римлян будет нехорошо и

небезопасно предоставлять беднякам такой вот подарок, из-за которого общественная жизнь станет разобщенной и полной взаимной ненависти, лишенная необходимых обязательств и связей, без которых города не могут быть заселены, так как ни земледельцы не будут засеивать и обрабатывать землю, ни купцы — плавать по морю и посещать заморские рынки, ни бедняки — делать какую бы то ни было работу. 4. Ведь ни один из богачей не предоставит своих денег нуждающимся в средствах на все эти виды деятельности, и тогда благосостоянию будут завидовать, прилежание же будет уничтожено, своевольная часть людей возобладает над благоразумными, несправедливые — над справедливыми, присваивающие чужое — над бережливыми свое. И это привело бы к тому, что в городах был бы посеян раздор, бесконечное взаимное истребление и все прочие виды зла, из-за чего наиболее удачливые потеряли бы свободу, а оказавшиеся в худшем положении были бы совершенно истреблены.

LXVII. Но более всего он просил их, устанавливая новое государственное устройство, обратить внимание на то, чтобы не пройти мимо неплохого ныне принятого обычая, говоря, что каким бы ни был общественный образ жизни полисов, очень важно, чтобы были созданы соответствующие условия жизни частных лиц. Ведь есть не самый худший в общинах или семьях — чтобы каждый жил к собственному удовольствию и чтобы низшим все из милости или по необходимости предоставлялось от высших. Поелику исполнение требований глупцов не удовлетворит плебеев по получении испрошенного, но они тотчас предъявят другие, более значительные вожеления, то так будет продолжаться до бесконечности, поскольку это более всего свойственно черни. Ибо каждый в отдельности постыдился бы или под давлением более сильного побоялся бы действовать так, но сообща плебеи всегда вполне готовы поступать противозаконно, взяв в подмогу наклонности тех, кто требует равноправия. 2. Он сказал также, что сенату без всякой меры и ограничений следует воспрепятствовать зарождающимся, но еще управляемым желаниям безумной толпы, пока бунтовщики еще слабы, а не пытаться сокрушить их, когда они станут сильными и многочисленными. Ведь все люди, окрыленные сделанными им уступками, имеют гораздо более тяжелый характер, чем те, чьи надежды оказались тщетными. 3. Аппий перечислил множество случаев, касаясь дел греческих полисов, которые, будучи по тем или иным причинам изнежены, позволили зачаткам дурных обычаев одержать верх, а затем уже не имели сил остановить и уничтожить их, вследствие чего вынуждены были дойти до позорных и ужасных бедствий. Он сказал также, что государство подобно одному человеку, так как сенат уподоблен человеческой душе, а народ — телу. 4. Итак, если патриции позволят, чтобы безумный народ управлял сенатом, то, по словам Аппия, они испытают подобное тем, кто подчинил душу телу и будут жить не по разуму, а под влиянием страстей. Если же сенаторы приучат народ к тому, чтобы он повиновался сенату и направлялся им, то это означает действовать подобно людям, подчинившим тело душе и ведущим свою жизнь к лучшему, а не к наиболее приятному. 5. Аппий показал, что не будет большого вреда для города, если бедняки, раздраженные тем, что им не простили

их долгов, не захотят из-за этого братья за оружие, сказав, что лишь немногим из них совершенно нечего терять, кроме самих себя: такие своим присутствием в войсках не окажут обществу сколько-нибудь значительной помощи, а их отсутствие не нанесет ущерба. Он напомнил сенаторам, что имеющие самый низкий имущественный ценз занимают в сражениях последнее место и находятся во вспомогательных частях построенных в фалангу воинов, присутствуя лишь ради устрашения врагов, так как не имеют никакого оружия, кроме пращи, польза от которой в битвах самая ничтожная.

LXVIII. Аппий заявил, что тем, кто считает необходимым пожалеть о бедных согражданах и советует помочь неспособным заплатить долги, следует выяснить, что сделало тех бедняками в то время, когда они и владели оставленными им их отцами участками, и многое получили от военных походов, и, в конце концов, приобрели положенную им часть конфискованного имущества тиранов. Ибо если они увидят, что те бедняки жили ради своего брюха и наиболее гнусных наслаждений, из-за чего и лишились средств к существованию, то следует считать это позором и пагубой государства и признать за великое благо для общества, если те добровольно уйдут из города. Если же они поймут, что бедняки лишились средств к существованию из-за бедствий судьбы, то следует помочь им частным образом. 2. Он продолжал далее, что давшие им займы сами наилучшим образом и поймут, и сделают это, и помогут им в их бедствиях, лишь бы они поступали так не под принуждением, а добровольно, чтобы вместо денег им досталась благодарность как моральное удовлетворение. Но оказывать помощь для всех без разбора, когда бесчестные будут иметь свою долю наравне с порядочными, и делать доброе дело посредством не самих частных лиц, а кого-то другого, и тем, кто лишится своих денег, не отплатить за их благодеяния даже благодарностью, — все это вовсе не свойственно римской добродетели. 3. Но кроме всего этого и прочего, опасно и невыносимо для римлян, стремящихся к верховенству, которое, с большим трудом приобретя его для потомков, оставили им их отцы, создавать наилучшее и полезное для общества не по собственному выбору и убеждению и не в подобающее время, но, словно город уже покорен или ожидает этого, быть вынужденными вопреки собственному желанию делать то, от чего они не получили бы или никакой пользы, или какое-нибудь ничтожное воздаяние, подвергаясь в то же время опасности претерпеть самое страшное из зол. 4. Много лучше будет для них выполнить более умеренные требования латинов и не испытывать жребий войны, нежели согласиться с совершенно непригодными предложениями тех, кто, намереваясь заручиться в войне помощью прашников, советует изгнать из города богиню Верности клятве, которую сооружением храма и ежегодными жертвоприношениями предписали им почитать их отцы⁷⁹. 5. Суть его мнения сводилась к следующему:

⁷⁹О сооружении храма Верности (Fides) и ее культе см.: *Ливий*. I. 21. 1–4; *Дионисий*. II. 75. 3. Несоблюдение договора рассматривалось как нарушение клятвы верности и считалось одним из тяжчайших уголовных преступлений, караемых смертной казнью. См.: *Законы XII таблиц*. III. 5–6.

тех из граждан, которые хотят разделить жребий войны на тех же правах, что и всякий другой римлянин, принять в дело; считающим же необходимым взяться за оружие ради отечества лишь при каких бы то ни было условиях, позволить уйти, так как они не могут быть полезными, и сами будут рады этому. Ибо такие, если они узнают об этом решении, сами, как он утверждал, отступят и, легко подчинившись, предоставят себя в распоряжение тех, кто советует для общества наилучшее. Ведь любой мучец всегда имеет обыкновение, когда ему льстят, превозносить себя, а когда его же пугают, становится благоразумным.

LXIX. Такие вот были высказаны мнения, представлявшие крайние точки зрения, однако существовали и многие другие, занимавшие среднее между ними положение. Так некоторые считали, что следует освободить от долгов только тех, кто не имеет никакого состояния, позволяя кредиторам наложить арест только на имущество должников, а не на их личности. Другие же советовали, чтобы обязательства неплатежеспособных римлян погасила общественная казна, чтобы клятва верности бедняков была соблюдена благодаря народной милости и чтобы займодавцы не причинили им никакого вреда. Наконец, некоторым представлялось необходимым освободить тех, кто уже находится в заключении за долги, и тех, кому предстоит лишиться свободы, вместо них предоставив кредиторам какую-то долю из имущества пленников. 2. После того как были высказаны такого рода рассуждения, в итоге возобладало мнение не принимать никакого предварительного решения об этом в настоящее время, но решать это по благополучному окончанию военных действий; тогда консулы дадут слово сенаторам и проведут голосование; до тех же пор, чтобы не было никаких взысканий ни по обязательственным договорам, ни по приговору суда, чтобы также не было никаких других судебных разбирательств, чтобы суд не заседал и магистраты не выносили никаких решений, кроме относящихся к войне. 3. Когда этот декрет был предложен народу, то несколько успокоил политические волнения, хотя полностью не изгнал дух мятежа из государства. Ведь там были и некоторые из наемной толпы, которым предложенное сенатом не сулило никакой надежды, так как не содержало ничего особенного и определенного, достаточного для помощи им; но они требовали, чтобы сенат сделал одно из двух: либо немедленно обещал им прощение долгов, если желал, чтобы они действовали сообща в опасностях войны, либо не обманывать их отерочкой на будущее время. Ведь различен, говорили они, образ мыслей людей, нуждающихся, и людей, удовлетворенных в том, что они просили.

LXX⁸⁰. Пока общественные дела находились в таком состоянии, сенат, размышляя, какими средствами наиболее действенно можно не допустить плебеев к возбуждению

⁸⁰О создании диктатуры, описанном в гл. 70–76, см. также: *Ливий*. II. 18. 4–8. В отличие от Дионисия Ливий датирует первую диктатуру тремя годами ранее и называет первым диктатором Тита Ларция, а начальником конницы — Спурия Кассия. Об институте диктатуры см.: *Дементьева В.В.* Магистратура диктатора в ранней Римской республике (V–III вв. до н.э.). Ярославль, 1996.

все новых и более опасных волнений, решил отстранить от власти тогдашних консулов и установить какую-то другую магистратуру с неограниченными полномочиями во время войны и мира и во всех других случаях, носители которой будут наделены абсолютной властью и никому не будут давать никакого отчета ни в своих планах, ни в своих действиях. 2. Причины, вынудившие сенат подчиниться добровольной тирании, были связаны со стремлением положить конец войне, поднятой против римлян тираном; были они многочисленны и различны, но главной причиной был закон, введенный консулом Публием Валерием, прозванным Попликолой, (касающийся, как я сказал в начале книги⁸¹, того, что судебные решения консула признавались не имеющими силы). Этот закон установил, чтобы никто из римлян не наказывался по решению суда консулов, предоставил всякому осужденному консулами право обжаловать их решение у народа и обеспечивал безопасность как личности, так и имущества осужденных на время, пока относительно них не будет проведено народное голосование. Кроме того, закон устанавливал, что если какое-либо лицо попытается сделать что-либо вопреки этому, оно должно быть предано смерти без суда. 3. Сенат считал, что, поскольку этот закон оставался в силе, бедняков нельзя было заставить подчиняться властям, так как были основания полагать, что они будут презирать наказания, которым подвергнутся не сразу, но только после того, как будут осуждены народом, в то время как после отмены этого закона у всех появится необходимость исполнять то, что приказано. И чтобы бедняки не смогли противостоять в случае, если будет предпринята открытая попытка отменить сам закон, сенат решил ввести в государственное устройство должность, равную по власти тирании, которая должна будет стать выше всех законов. 4. И тогда записывается предварительное решение сената, которым бедняки были обмануты, а закон, даровавший им свободу, тайком был отменен. Постановление же сената было следующего содержания: чтобы сложили с себя полномочия Ларций и Клелий, которые были в то время консулами, а равным образом и всякое другое лицо, имеющее власть или занимающееся каким-либо из государственных дел; чтобы муж, который будет избран сенатом и утвержден народом, был облечен всей полнотой государственной власти и правил сроком не более шести месяцев, имея полномочия выше, чем у консулов. 5. Не зная, какую силу имеет это решение, плебс проголосовал за то, чтобы предложение сената имело силу закона, хотя на самом деле власть, стоящая выше законов, является тиранией. И они дали сенаторам разрешение своей волей освобождать и назначать тех, кто должен править ими.

LXXI. После этого ведущие члены сената начали подыскивать подходящего человека, и все были озабочены способом введения единоличного правления. Ведь сенаторы считали, что положение требует человека энергичного в делах и имеющего большой опыт в военных действиях, но прежде всего благоразумного и мудрого,

⁸¹ См.: Дионисий. V. 19. 4.

который под тяжестью полномочий не впадет в крайности. А более всех этих и иных качеств, важных для хороших военачальников, требовалось, чтобы он управлял твердо и не проявлял снисходительности к непокорным, — качество, в котором они особенно нуждались. 2. И поскольку они считали, что все требуемые ими достоинства сосредоточены в Тите Ларции, одном из консулов (ведь Клелий был совершенно иным в государственных доблестях, — он не имел ни предприимчивости, ни воинственности, ни даже способности править и внушать страх, а тем более карать как следует неповинующихся), то они все же стыдились лишать одного из консулов той власти, которую он имел по закону и даровать другому власть обоих, становящуюся значительнее царской формы правления. Кроме того, они были охвачены неким тайным опасением, как бы Клелий, приняв близко к сердцу свое отстранение от должности и расценив его как наложенное на него сенатом бесчестье, не изменил свой образ жизни и, став защитником народа, не опрокинул бы все государственное правление. И все стыдились вынести на публику то, что думали про себя, и это тянулось довольно долгое время; наконец, старейший и наиболее почитаемый из бывших консулов высказал мнение, по которому он предлагал сохранить равную долю почета обоим консулам и им самим найти среди себя одного, который более подходил бы для командования. Ведь, сказал он, раз сенат постановил, а народ в подтверждение этого проголосовал, чтобы власть той должности была дана одному; и раз осталось два обстоятельства, которые нуждаются в немалом обсуждении и обдумывании, а именно: кто будет тем единственным, кто получит ту должность, которая по могуществу равна тирании, и какой законной властью он будет назначен, — то один из действующих консулов либо с согласия своего коллеги, либо посредством жребия изберет среди всех римлян то лицо, которое, по его мнению, будет править государством самым лучшим и наиболее полезным образом. Он сказал также, что в данном случае нет нужды в междуцарствии⁸², к которому обыкновенно прибегали при царях для того, чтобы наделить единоличной властью или назначить будущего правителя, так как государство уже имеет установленную божественным законом власть.

LXXII. Когда это мнение было одобрено всеми, встал другой сенатор и сказал: «Я считаю, сенаторы, что следует высказать еще одно мнение: поскольку два мужа высочайших достоинств в одно и то же время управляют государством и лучшего из них вы выбрать не можете, следует, чтобы один из них был уполномочен публично объявить о назначении, а другой был назначен своим же коллегой. Затем пусть они обменяются между собой мнениями о том, кто из них является наиболее подходящим лицом, чтобы, раз у них почет равный, то и радость была бы равной: одному — в

⁸² Об институте междуцарствия (interregnum) см.: Дионисий. II. 57. 1–4. Институт междуцарей, или интеррегов возник еще в царский период и позволял сенату в промежутке между смертью одного царя и избранием другого осуществлять верховную власть. Подробнее см.: Дементьева В.В. Римское республиканское междуцарствие как политический институт. М., 1998.

объявлении своего коллеги наилучшим, другому же — быть объявленным наилучшим со стороны своего коллеги, — ведь каждая из этих вещей приятна и почетна. Таким образом, я уверен, что даже если мое мнение не будет одобрено сенатом, тем не менее, мне кажется, и сами эти мужи могут поступить так в частном порядке, но лучше, если и вы поддержите именно это мнение». 2. Кажется, и это предложение было поддержано всеми, и решение было принято без добавления еще и других мнений. Когда консулы получили право решать, кто из них является более подходящим для того, чтобы править, они совершили деяние не только само по себе удивительное, но и достойное уважения всем человеческим родом. Ведь каждый из них объявил достойным властвовать не себя, а другого, и они в течение всего того дня перечисляли достоинства друг друга и настаивали на том, что сами они не могут получить власть, так что все присутствовавшие в сенате оказались в весьма затруднительном положении. 3. Когда сенат был распущен, родственники из рода каждого из них и наиболее почитаемые из других сенаторов, толпой придя к Ларцию, продолжали уговаривать его до самой ночи, поясняя, что именно с ним сенат связывает все свои надежды, и говоря, что его безразличие к власти является злом для государства. Но Ларций оставался непреклонен, умоляя всех по очереди и обращаясь с просьбой к каждому из них. На следующий день, когда сенат собрался снова и Ларций все еще отказывался, то, убежденный всеми не менять своего мнения, встал Клелий и провозгласил его диктатором, как это было принято у междуцарей, а сам сложил с себя консульскую должность.

LXXIII. Ларций был первым в Риме, назначенным единоличным правителем с высшей властью как в военное, так и в мирное время и во всех других обстоятельствах⁸³. Они называют эту должность диктатурой либо от его власти приказывать то, что он хочет и предписывать другим те права и добродетели, которые были ему угодны (ведь римляне называли приказы и предписания о справедливом и несправедливом словом «эдикт»)⁸⁴, либо, как пишут некоторые другие, от способа его назначения, который был тогда введен, так как диктатор должен был получать полномочия не от народа в соответствии с обычаями предков, но посредством назначения его одним человеком⁸⁵. 2. Ведь римляне не считали необходимым давать ненавистное и тягостное название какой-либо власти, опекающей свободных граждан. Это делалось как ради самих управляемых, дабы из-за ненавистных названий никто не

⁸³ 503 г. до н.э. (= 501 г. до н.э. по Дионисию).

⁸⁴ Эдикт — латинский термин, обозначающий всякое административное распоряжение римского магистрата, в том числе и диктатора. Однако в отличие от эдиктов других магистратов распоряжение диктатора не могло быть опротестовано ни в суде, ни в народном собрании.

⁸⁵ Диктатор не избирался на народном собрании, как другие магистраты, но по предложению сената назначался одним из консулов, как это и описано выше Дионисием. Однако в некоторых случаях закон о назначении диктатора утверждался в куриатных комициях (*Ливий*. IX. 38. 15).

тревожился понапрасну, так и в заботе о берущих эту власть, дабы те ненароком не подверглись со стороны других какому-либо насилию, либо чтобы сами они не пожелали совершить нечто подобное тому, что обычно приносит с собой такого рода могущество. Величина власти, которой обладает диктатор, менее всего проявляется в названии, ибо диктатура является выборной тиранией. 3. Мне кажется, что римляне этот государственный институт также заимствовали у греков. Ведь в древности магистраты назывались у греков «эсимнетами»⁸⁶ и, как рассказывает Теофраст в исследовании «О царях»⁸⁷, это были некие выборные тираны. Они избирались гражданами не на какое-то ограниченное или постоянное время, но лишь в случае опасности, так часто и на такой срок, какой считался необходимым, как, например, митиленцы однажды избрали Питтака⁸⁸ для борьбы против изгнанников, возглавляемых поэтом Алкеем⁸⁹.

LXXIV. Питтак был первым, кто прибег к помощи этого государственного управления, узнав его преимущества из опыта. Ведь в древности все греческие полисы управлялись царями, но не деспотически, как варварские народы, а в соответствии с некими законами и отеческими обычаями. Они были наилучшими царями — наиболее справедливыми и законопослушными, никогда не отступающими от отеческих обычаев. 2. Это доказывает Гомер, называя царей «вершащими суд» и «охраняющими законность». И царская форма правления, устроенная на определенных условиях, продолжалась на протяжении долгого времени, как например, у лакедемонян. Но когда некоторые цари начали злоупотреблять своей властью, мало пользуясь законами, но в основном руководствуясь лишь собственным мнением, то многие народы, недовольные этим институтом в целом, освободились от царской формы правления и, установив законы и избрав должностных лиц, стали пользоваться ими как защитой полисов. 3. Когда же ни принятые ими законы не оказались достаточными для укрепления правосудия, ни магистраты, взявшие на себя заботу о них, не защищали законы, времена смуты, вводя много нового зла, вынуждают их избирать не наилучшие формы политического устройства, а наиболее подходящие тем обстоятельствам, в которых они оказались, причем не только в неожиданных бедствиях, но и при полном процветании, когда политическое устройство из-за плохих правителей уничтожается и нуждается в скором и решительном восстановлении: тогда-то

⁸⁶ Дословно означает «управляющие», «распорядители».

⁸⁷ Теофраст — древнегреческий философ, перипатетик, родом из г. Эфеса на о. Лесбос. Жил в IV — начале III в. до н.э. Из многочисленных сочинений сохранилось только пять: по этике, по ботанике и минералогии. Упомянутая Дионисием книга не сохранилась.

⁸⁸ Питтак — один из семи мудрецов Греции, родился в г. Митилене на о. Лесбос в 648 г. до н.э. Известен тем, что освободил свой город от тирании Меланхра. В 580 г. до н.э. добровольно сложил свою власть.

⁸⁹ Знаменитый древнегреческий лирик, уроженец г. Митилены на о. Лесбос, жил в конце VII в. до н.э., один из лидеров аристократической партии.

они и были вынуждены восстановить царскую и тираническую власти, скрывая их под благопристойными названиями. Так, фессалийцы называли их словом «архой»⁹⁰ (вожди), лакедемоняне — словом «гармосты» (устроители), боясь называть их тиранами или царями, так как у них не было права снова утверждать у себя ту власть, которую они уничтожили с клятвами и молитвами, санкционированными прорицаниями богов. 4. По моему мнению, римляне, как я уже говорил, взяли этот образец у греков, Лициний⁹¹ же верит, что они переняли диктатуру у альбанцев⁹², которые, по его словам, были первыми, кто после прекращения царского рода со смертью Амулия и Нумитора⁹³ назначили ежегодно сменяемую власть, имеющую те же полномочия, что и у царей; назывались эти магистраты диктаторами. Я же считаю, что дело не в том, откуда римское государство взяло это название, а в том, откуда он взял пример власти, определяемой этим словом. Но об этом, пожалуй, нет пользы писать более пространно.

LXXV. Теперь я постараюсь кратко изложить, как Ларций воспользовался обстоятельствами, будучи назначен первым диктатором, и в какие одежды облачил он эту власть. Я покажу читателям, что в этом есть наиболее полезного, поскольку представлю несчетное множество достойных и полезных примеров не только для законодателей и народных вождей, но и для всех других, кто намеревается управлять государством и заниматься общественными делами. Ведь я собираюсь рассказывать о государственном устройстве и жизни не какого-то жалкого и ничтожного города и не о решениях и делах каких-то безвестных и мелких людей, так что мой труд мог бы показаться докучливой и пустой болтовней о мелком и пустячном, но я пишу о полисе, который определяет для всех народов, что есть хорошее и законное, о вождях, добившихся такого уважения к этому государству, что едва ли какой-либо философ и политик поспешит не заметить его. 2. Итак, едва получив власть, Ларций назначил начальником конницы Спурия Кассия, который был консулом во время семидесятой Олимпиады⁹⁴. Этот обычай сохранялся у римлян вплоть до наших дней и ни один назначенный на протяжении всего этого времени диктатор не исполнял свою должность без начальника конницы. Затем, вознамерившись показать, какова сила его власти, он, скорее ради испуга, нежели по необходимости, приказал ликторам пронести через весь город вместе со связками фасций также и секиры, вновь возродив

⁹⁰ На самом деле фессалийские вожди обычно назывались «тагами» (ταγοί).

⁹¹ Лициний Макр — римский историк начала I в. до н.э., автор римских annales, в 66 г. до н.э. был осужден за взятки и вымогательства.

⁹² Альбанцы — жители города Альба-Лонга, древнейшей метрополии всех латинов, включая и римлян. См. об этом: *Дионисий*. I. 45.

⁹³ Амулий — царь Альба-Лонги в первой половине VIII в. до н.э. Был свергнут Ромулом и Ремом, которые в 754 г. до н.э. передали царскую власть над Альба-Лонгой старшему брату Амулия — Нумитору (*Дионисий*. I. 71. 4–5).

⁹⁴ Он был консулом четырьмя годами ранее (см. *Дионисий*. V. 49), т.е. в последний год 69-й Олимпиады.

обычай, принятый при царях, но отмененный консулами, посредством чего Валерий Попликола в свое первое консульство уменьшил нелюбовь к этой должности⁹⁵. 3. Устрашив смутьянов и возмутителей этим и другими знаками царского достоинства, Ларций приказал воссоздать первый наилучший из законов, установленных самым народолюбивым царем Сервием Туллием, и произвести всем римлянам оценку имущества по трибам⁹⁶, записав имена жен и детей, а также возраст как их самих, так и своих детей. Все римляне произвели оценку в короткое время из-за значительности наказания (ведь у неповиновавшихся надлежало конфисковать имущество и лишить их гражданства); всего римлян, достигших мужского возраста, оказалось 150 700 человек. 4. После этого Ларций отделил имеющих призывной возраст от стариков и, распределив по сотням⁹⁷, разделил пеших и всадников на четыре части. Первую, самую лучшую часть, он оставил для себя; из оставшихся частей приказал своему коллеге по консульству взять себе ту, которую он сам захочет, начальнику конницы Спурию Кассию он поручил взять третью часть, а своему брату Спурию Ларцию — оставшуюся часть. Эту последнюю часть войска вместе со стариками он назначил охранять город, оставив ее внутри стен.

LXXVI. Когда весь необходимый для войны провиант и снаряжение были подготовлены, диктатор вывел войска в поле и поставил три военных лагеря в тех местах, где, как он подозревал, латины нападут скорее всего. Рассудив, что разумному военачальнику свойственно не только укреплять собственные позиции, но и ослаблять вражеские, но более всего — оканчивать войны без битв и страданий, а если это невозможно, — то с наименьшими потерями воинского состава, и считая, что наилучшими, самыми тяжелыми из всех войн являются те, которые кто-либо вынужден предпринимать против своих сородичей и друзей, Ларций понял, что римлянам необходимо закончить войну скорее с наибольшей снисходительностью, нежели с наибольшей справедливостью. 2. Тайно послав к наиболее важным латинам неких не вызывающих подозрение людей, он стал убеждать их заключить между городами дружеский союз. Открыто же он отправил в латинские города и в их союз послов и без труда удерживал их от дальнейшего стремления к войне. Но более всего он расположил их к себе и настроил против их вождей следующими благодеяниями. 3. Ведь получившие от латинов неограниченную военную власть Мамилий и Секет, разместив войска в городе Тускуле, готовились к походу на Рим, но, ожидая то ли

⁹⁵ Ликторские секиры указывали на право диктатора по собственному судебному решению подвергать римских граждан смертной казни без права апелляции к народу. См.: Дионисий. V. 19.3; Цицерон. О государстве. II. 53. Подробнее о роли этих атрибутов власти см.: Кобанов Л.Л. Атрибуты власти магистратов в архаическом Риме // Древнее право. 1998. № 3. С. 50 и след.

⁹⁶ В греческом тексте стоит «фила», что соответствует латинскому термину «триба» — первоначально племенная, а после Сервия Туллия — основная территориальная единица Рима.

⁹⁷ Употребленный Дионисием греческий военный термин «лох» приравнивается к римской центурии, т.е. к сотне.

опаздывавшие с ответом города, то ли благоприятные жертвоприношения⁹⁸ — потеряли из-за промедления много времени. А в это время некоторые из латинов, покинув лагерь, стали опустошать римскую территорию. 4. Узнав об этом, Ларций послал против них Клелия вместе с наиболее мужественными из конницы и легковооруженной пехоты. Клелий же, неожиданно напав на латинов, немногих сопротивлявшихся убил в сражении, а остальных взял в плен. Тогда Ларций, излечив пленных латинов от ран и расположив к себе и другими благодеяниями, отпустил их без всякого наказания и без выкупа в Тускул, отправив вместе с ними наиболее известных римлян в качестве послов. Послы же добились прекращения военных действий со стороны латинов и заключили между общинами годичное перемирие.

LXXVII. Совершив это, Ларций отвел войска с полей и, еще до истечения всего срока сложив с себя полномочия и назначив консулов, завершил свое правление, не казнив ни одного из римлян, никого не изгнав из отечества и не подвергнув ни одного римлянина тяжелой участи. 2. Такая добрая слава диктаторской власти, начало которой положил сей муж, сохранялась всеми получавшими эту должность римлянами вплоть до третьего от нашего времени поколения. Действительно, в истории мы не найдем ни одного, кто не пользовался бы этим институтом умеренно и как приличествует гражданину, хотя городу не раз приходилось освобождаться от законных властей и передавать все дела в руки одного лица. 3. И если бы из получивших диктаторские полномочия хорошими правителями отечества, не развратившимися от значительности своей власти, были только назначенные для ведения внешних войн, то это было бы менее достойно удивления. Но все они, в том числе и те, кто был назначен в случае значительных и многочисленных гражданских смут и для освобождения Рима от лиц, подозреваемых в стремлении к царской власти и тирании, или для того, чтобы воспрепятствовать другим бесчисленным бедствиям, имея столь значительную власть, тем не менее были безукоризненны и во всем подобны первому, обретшему такую власть. Так что все придерживались одного и того же мнения: есть только одно лекарство от неизлечимой болезни и последняя надежда на спасение, когда из-за каких-то несчастий все разрушено, — это власть диктатора. 4. Однако во времена наших отцов, ровно через четыреста лет после диктатуры Тита Ларция, этот институт изменился и стал ненавистным всем людям из-за Луция Корнелия Суллы⁹⁹, который первый и единственный употребил его с суровостью и жестокостью. И тогда римляне впервые узнали то, о чем не ведали во все прежние времена — что власть диктатора

⁹⁸Прежде чем выступить в поход, военачальники проводили ауспиции — особый вид гаданий по жертвоприношениям. Для удачи в войне требовались благоприятные знамения богов во время таких жертвоприношений.

⁹⁹Корнелий Сулла в 83 г. до н.э. с помощью военной силы захватывает власть и, истребив политических противников, впервые сам провозглашает себя диктатором на неограниченный срок (*Плутарх. Сулла. 29–33*).

является тиранией. 5. Ведь Сулла составил сенат из случайных людей, свел к минимуму власть плебейских трибунов, опустошил целые города, упразднил целые царства, а другие создал сам, и совершил множество других самоуправств, лишь перечислить которые — тяжкий труд. Граждан же, не считая погибших в сражениях и сдавшихся ему, он уничтожил не менее сорока тысяч, причем некоторые из них были сначала подвергнуты пыткам. 6. Были ли все эти деяния необходимы и полезны государству, современность не разберет должным образом. Все, что я хотел показать, так это то, что само слово «диктатор» из-за всего этого стало ненавистным и ужасным. Так случилось не только с данной формой правления, но и с другими достойными обсуждения и удивляющими нас учреждениями общественной жизни. Ведь этот институт всем пользующимся им казался хорошим и полезным, пока отправлялся добросовестно, но стал отвратительным и вредным, когда попал в руки дурных вождей. Виной тому природа, добавляющая ко всякому хорошему началу какое-нибудь внешне подобное ему зло. Но об этом гораздо лучше поговорить в другом подходящем для этого месте.

Книга VI

Мирная передышка во времена правления консулов Семпрония Атратина и Марка Минуция — Авл Постумий получает власть диктатора — Сражения латинов с римлянами — Условия заключения мирного договора с латинами — Возникновение гражданской смуты после окончания внешних войн — Сенат голосует за войну против вольсков — Сервилию удается прекратить смуту и собрать новое войско — Победа Сервилия — Новая победа римлян над сабинянами и новые сражения за господство — Консульство Авла Вергиния и Тита Ветурия — Назначения Мания Валерия диктатором — Убедительная речь Валерия перед народом. Народ дает согласие воевать — Исход войны с вольсками — Недовольные плебеи покидают город — Переговоры сената с народом. Взаимные обвинения — Речь Менения Агриппы — Заключение с сенатом соглашения. Утверждение новой магистратуры — Набор полководцами армии против внешних врагов Сражения и победы римлян — Заключение нового договора о мире со всеми латинскими городами — Конец жизни Менения Агриппы. Установление сенатом ритуала и правила погребения самых знаменитых римлян

I. Принявшие на следующий год, т.е. в год семьдесят первой Олимпиады¹, когда Тисикрат из Кротона одержал победу в беге на стадий, когда архонтом в Афинах был Гиппарх, консульские полномочия Авл Семпроний Атратин² и Марк Минуций не совершили ничего достойного упоминания в истории ни в военной, ни в гражданской области во все время исполнения ими должности консулов. Ибо перемирие с латинами дало им значительную передышку во внешних войнах, а принятое сенатом постановление против взыскания долгов во время войны, благополучный исход которой ожидался, уладило общественное волнение, охватившее бедных граждан, которые требовали погашения долгов публично. 2. Добились они и такого, вполне справедливого решения сената, которое предусматривало, что римлянки, состоящие в браке с латинами, или латинки, состоящие в браке с римлянами, будут в зависимости от своего желания самостоятельно решать, остаться ли со своими мужьями или вернуться на родину; и чтобы потомство мужского пола оставалось с отцами, а потомство женского пола и еще не вышедшие замуж оставались с матерями. И случилось так, что вследствие соседства двух общин и дружбы между ними очень многие женщины, отданные замуж в другую общину (римлянки к латинам, а латинки — в Рим), получив свободу принимать самостоятельное решение, данную им постановлением сената, продемонстрировали, сколь велико их желание жить в Риме. 3. Ибо почти все римлянки, проживавшие в латинских городах, оставили своих мужей и вернулись к отцам, и все латинки, состоявшие в браке с римлянами, за исключением двух, остались с мужьями, пренебрегши родиной, что было счастливым знамением, предвещавшим, какая из двух общин победит в войне. 4. Передают, что при этих консулах на дороге, идущей вверх от Форума на Капитолий, был освящен храм Сатурна и учреждены этому богу ежегодные празднества и жертвоприношения, совершающиеся на общественный счет. Говорят, что прежде там был установлен алтарь, изготовленный Геркулесом, на котором те, кто был научен им совершению священнодействий, приносили в жертву первинки урожая, сжигая их в соответствии с обычаем эллинов. Одни историки утверждают, что честь положившего начало храму принадлежит Титу Ларцию, консулу предыдущего года; другие — царю Тарквинию, тому самому, который был лишен власти; освящение же в соответствии с постановлением сената было совершено Постумом Коминием. Таким образом, эти консулы, как я сказал, имели возможность наслаждаться совершенным миром.

II. После них консульскую власть приняли Авл Постумий и Тит Вергиний, при которых истек годичный срок перемирия с латинами; и обе стороны делали серьезные

¹ 495 г. до н.э. (= 493 г. до н.э. по Дионисию).

² Тит Ливий (II. 21. 1) сообщает, что в их консульство был освящен храм Сатурна и учрежден праздник Сатурналий. В то же время Дионисий в другом месте говорит о том, что Сатурналии были учреждены еще Туллом Гостилием (III. 32. 4). Сатурналии приходились на 17 декабря и праздновались три дня. Этот праздник рассматривался как воспоминание о веке свободы и изобилия и был весьма популярен.

приготовления к войне³. Со стороны римлян весь народ отправился на бой по собственной воле и с большим рвением. Латины же по большей части — неохотно и по принуждению. Влиятельные люди в городах были почти все подкуплены дарами и обещаниями Тарквиния и Мамилия. В то же время тем из простого люда, кто не хотел войны, не дали возможность обсудить это в народном собрании, ибо желающим слово не дали. 2. Итак, многие, возмущенные этим, были вынуждены оставить свои города и бежать в Рим. Ибо те, кто обладал властью в городах, не препятствовали им, полагая, что те сами испытывали большую благодарность к врагам за добровольное изгнание. Римляне их приняли, и тех из них, кто пришел с женами и детьми, взяли на военную службу внутри городских стен, включив в центурии граждан, остальных же отправили по крепостям рядом с городом или разослали по колониям, содержа их под охраной, чтобы они не произвели никаких беспорядков. 3. И после этого все пришли к выводу, что положение опять требует учреждения единоличной магистратуры, обладатель которой решал бы все вопросы по своему собственному усмотрению и не отвечал ни перед кем за свои действия⁴. Авл Постумий, более молодой из консулов, назначается своим коллегой Вергинием диктатором. И тем же самым образом, что и прежний диктатор, он выбрал себе начальника конницы⁵ по имени Тит Эбуций Элб и, записав в короткий промежуток времени на военную службу тех, кто достиг призывного возраста, он разделил войско на четыре части, одной из которых командовал сам, другую передал под начало своему коллеге Вергинию, третью — Эбуцию, начальнику конницы, а четвертую оставил под командованием Авла Семпрония, которого поставил охранять город.

III. После того как диктатор приготовил все необходимое для войны, наблюдатели известили его, что латины выступили со всем своим войском. Потом и другие сообщили ему, что латины захватили хорошо укрепленное место, называемое Корбион⁶, где находился небольшой римский гарнизон. Гарнизон они полностью уничтожили,

³ См.: *Ливий*. II. 21. 2-4.

⁴ Чрезвычайная власть диктатора впервые была учреждена в 501 г. до н.э. (см.: *Дионисий*. V. 73-77). К данной мере прибегали как к последнему средству не только при внешней угрозе, но и во время внутренних беспорядков. Позднее, с возрастанием могущества плебеев полномочия диктатора были несколько ограничены. С целью предупредить злоупотребления этой властью (примеров чему, однако, в римской истории очень мало) законом было определено, чтобы диктатура продолжалась не более шести месяцев, и обычай требовал, чтобы диктатор по исполнению возложенного на него поручения, и до срока, слагал с себя свою должность. Знаками отличия диктатора служили курульное кресло, пурпурная тога-претекста и 12, а затем 24 ликтора.

⁵ Начальник конницы был непременным помощником диктатора и его заместителем. Он командовал конницей и был обязан беспрекословно подчиняться диктатору, который и назначал его на эту должность. Ему также предоставлялись курульное кресло, тога-претекста и шесть ликторов.

⁶ Корбион — город в Лации, расположен на восточной оконечности Альбанских гор. С конца V в. до н.э. входил в Латинский союз.

а само место, завладев им, превратили в опорный пункт для ведения войны. Они, за исключением захваченного в Корбионе, не брали пленных и не захватывали скот в сельских местностях, так как земледельцы давно укрыли в ближайших крепостях все, что могли унести и увезти. Однако они жгли покинутые дома и опустошали землю. 2. После того как латины уже выступили, к ним из Анция, очень значительного города племени вольсков⁷, подошло большое войско с оружием, съестными припасами и всем остальным, что необходимо для военных действий. Весьма воодушевленные этим, латины пребывали в доброй надежде на то, что другие вольски присоединятся к ним для войны, коль скоро город Анций положил тому начало. 3. Узнав об этом, Постумий, прежде чем все противники могли бы соединиться, быстро выступил на помощь. И проведя свое войско ночью, усиленным шагом, он оказался поблизости от латинов, разбивших лагерь на защищенном месте у озера, называемого Регильским⁸, и стал над ним лагерем на высоком и неприступном холме, где — останься он там — у него должно было быть много преимуществ перед неприятелем.

IV. Вожди латинов, Октавий из Тускула, зять, или, как некоторые пишут, сын зятя царя Тарквиния, и Секст Тарквиний, соединили свои силы (ибо случилось так, что они в то время стояли лагерем отдельно друг от друга) и, собрав трибунов и центурионов, обсудили, каким образом надлежит вести войну⁹. 2. И было высказано много мнений: одни думали, что следует тотчас атаковать войска, находящиеся с диктатором на холме, пока они еще могут внушать им страх, так как полагали, что занимаемое римлянами укрепленное место свидетельствует не об их надежном положении, но о трусости; другие считали, что нужно опоясать римский лагерь рвом и, держа их в окружении посредством немногочисленной стражи, с оставшимся войском двинуться на Рим, ибо они рассчитывали, что теперь, когда наиболее отборная молодежь отправилась в поход, город станет легкой добычей; прочие же советовали им подождать подкрепления от вольсков и других союзников, сделав выбор между более безопасными и более решительными мерами в пользу первых. Ибо римляне, говорили они, не получают ничего от этого промедления, их же собственное положение улучшится. 3. Пока они совещались, из Рима внезапно подошел со своим войском другой консул, Тит Вергиний, совершив поход ближайшей ночью, и стал лагерем отдельно от диктатора у другой горы, весьма скалистой и надежной в качестве укреп-

⁷ Анций — древнейший город в Лации на далеко выдающейся в море скале. По преданию, он был основан сыном Одиссея и Кирки. Тарквиний Гордый присоединил Анций к Латинскому союзу, затем он отошел к вольскам, а в 468 г. до н.э. был взят и колонизован римлянами. Впоследствии Анций стал любимым местопребыванием римской знати. Здесь родился император Нерон, в развалинах дворца которого была найдена статуя Аполлона Бельведерского.

⁸ Регильское озеро — небольшое озеро, расположенное в Лации, на востоке от Рима, между Габиями и Лабиком.

⁹ Битву, о которой идет речь, Ливий датирует тремя годами раньше, чем Дионисий. См.: *Ливий*. II. 19. 3–20.

ления. Таким образом, латинам с двух сторон были отрезаны пути в неприятельскую страну. Консул находился с левой стороны, а диктатор — с правой. Смущение латинских вождей, оказавших предпочтение безопасности, а также их страх за то, что в связи с задержкой они будут вынуждены использовать съестные припасы, которых было недостаточно, еще более возросли. Когда Постумий увидел, что полководцы латинов неопытны, он посылает начальника конницы Тита Эбуция с отрядом конницы и легковооруженных воинов, состоящих из мужей в расцвете сил, занять холм, расположенный у дороги, по которой латинам могли из дома доставить припасы. И прежде чем враг заметил это, войска, посланные с начальником конницы, прошли ночью мимо их лагеря и, пробравшись через труднопроходимый лес, овладели холмом.

V. Неприятельские вожди, осознав, что оба укрепленных места у них в тылу захвачены, и не имея более никакой надежды на то, что провизия из дома благополучно до них дойдет, решили сбросить римлян с холма прежде чем те укрепятся частоколом и рвом. 2. И Секст, один из двух вождей, с конницей что есть мочи устремился на римлян, надеясь, что для римской конницы его нападение будет неожиданным. Но когда те храбро выдержали его натиск, он некоторое время продолжал борьбу, то отступая, то возобновляя наступление. И так как природа местности давала больше преимуществ тем, кто уже владел высотами, не предоставляя в то же время ничего, кроме множества ударов и бесконечного изнурения тем, кто наседал снизу, а также потому что на помощь римлянам подоспел новый отряд пехоты вспомогательных войск, состоящий из отборных мужей, посланный Постумием вслед за первым отрядом, Секст, будучи не в состоянии ничего больше предпринять, увел конницу в лагерь. Римляне же, прочно овладев укрепленным местом, открыто усилили его охрану. 3. После этого Мамилий и Секст постановили долго не ждать, но покончить дело решительным сражением. Римский же диктатор, который сначала не знал об этом их намерении, но надеялся завершить войну без боя, полностью полагаясь на неопытность полководцев врага, теперь решил принять сражение. Ибо охраняющими дорогу всадниками были схвачены послы, везущие письма от вольсков латинским вождям, в которых сообщалось, что примерно на третий день к ним на помощь придет многочисленное войско и затем еще другое от герников¹⁰. 4. Именно это пробудило у вождей обеих сторон сознание необходимости скорее вступить в битву, которого прежде в мыслях не было¹¹. После того как обеими сторонами были даны знаки к битве, оба войска выступили на пространство между двумя лагерями и построились следующим образом: Секст Тарквиний на левом фланге латинов, а Октавий Мамилий — на правом. Другой сын Тарквиния, Тит, держал середину, где находились

¹⁰ Герники — самый большой народ сабинского племени. В 486 г. до н.э. они вступили в Латинский союз и потому относились к Лацию. В 306 г. до н.э. были покорены, но сохранили свои законы.

¹¹ В греческом тексте стоит местоимение «их», что едва ли верно. Поэтому вслед за другими издателями текста здесь принимается чтение «вождей обеих сторон».

также римские перебежчики и изгнанники. Вся конница их была поделена на три части: две были поставлены на обоих флангах, а третья — в центре боевых порядков. 5. Левым крылом римского войска, приходившимся против Октавия Мамилия, командовал начальник конницы Тит Эбудий; правым, напротив Секста Тарквиния, — консул Тит Вергиний; центром — лично диктатор Постумий, вступивший в сражение с Титом Тарквинием и бывшими при нем изгнанниками. Численность же каждого войска, вступившего в бой, была такова: у римлян двадцать три тысячи семьсот пехоты и тысяча конницы, у латинов вместе с союзниками приблизительно сорок тысяч пехоты и три тысячи конницы.

VI. Намереваясь вступить в схватку, латинские военачальники созвали своих людей и сказали им много такого, что пробудило бы в них мужество, и обратились к воинам с пространными увещеваниями. Римский же диктатор, заметив, что его люди встревожились тем, что им предстояло сойтись в бою с противником, много превосходившим их в числе, и желая освободить их от этого страха, созвал их на сходку, расположив подле себя старейших и наиболее уважаемых сенаторов, и сказал следующее: 2. «Боги своими предзнаменованиями, жертвоприношениями и другими знаменами обещают даровать государству свободу и счастливую победу, воздавая нам добром и за почитание их, и за справедливость, которую мы творили в продолжение всей жизни, и негодуя, судя по всему, на наших врагов, потому что, получив от нас много значительных благодеяний, будучи нашими сородичами и друзьями и поклявшись считать всех наших врагов и друзей своими собственными, они пренебрегли всем этим и начали против нас незаконную войну не за власть и господство, дабы решить, кому из нас более приличествует это (ибо это было бы менее ужасно), но за тиранию Тарквиния, чтобы снова принести в наше государство рабство вместо свободы. 3. Но нужно, чтобы вы, и командиры, и солдаты, твердо помня, что в числе союзников вы имеете богов, тех самых, кои всегда хранили наше государство, выказали себя в этой битве доблестными мужами; и знали, что боги помогают тем, кто сражается доблестно и готов все принести в жертву ради победы; не тем, кто бежит от опасностей, но предпочитающим терпеть страдания ради своего дела. У нас есть и много других преимуществ для того, чтобы одержать победу, дарованных нам судьбой, но три из них самые значительные и самые очевидные.

VII. Во-первых, у вас есть доверие друг к другу, весьма необходимое тем, кто намеревается одолеть врагов. Ибо вам не нужно становиться крепкими друзьями и надежными союзниками друг другу с сегодняшнего дня, но отечество давно уготовило это благо для всех вас. Ибо вы и выросли вместе, и получили одинаковое воспитание; и приносили жертвы богам на одних и тех же алтарях и вместе наслаждались многими благами и вынесли много зла, что порождает у всех людей крепкую и нескончаемую дружбу. 2. Во-вторых, борьба за общее для всех великое дело. Так как если вы следуете подвластны врагам, это не значит, что одни из вас ничего не изменят в своем существовании, а другие претерпят худшее, но все вы в равной мере лишитесь

честь, господства и свободы, и не будете наслаждаться ни женами, ни детьми, ни имуществом, ни какими-либо другими благами, которые имеете. И вожди общины, которые управляют общественными делами, умрут несчастной смертью с позором и мучениями. 3. Ибо когда враги¹² ваши, не претерпев от вас никакого зла, ни большого, ни малого, совершили много разных высокомерных деяний в отношении всех вас, то что следует от них ожидать, если они сейчас одолеют вас оружием, питая ненависть к вам, потому что вы изгнали их из города, лишили имущества и не позволяете вступить на родную землю? 4. И последнее, о преимуществах, о которых я говорил. Если вы правильно посмотрите на дело, то не сможете назвать никакое другое преимущество меньшим, чем то, что неприятель оказался не столь многочисленным, как мы представляли, но гораздо меньше числом, потому что, кроме помощи со стороны анциатов, вы не видите никаких других союзников, бывших бы с ними, чтобы принять участие в войне. Мы же думали, что к ним придут как союзники все вольски и очень многие из сабинян и герников, и тысячи других и понапрасну сами у себя порождали страх. 5. В действительности же все это сны, пустые обещания и тщетные надежды, которыми одержимы латины. Ибо одни их союзники не стали им помогать, презрев неопытность их полководцев, другие скорее будут медлить, чем поспешать на помощь, тратя время на то, чтобы питать их надежды. Те же, кто теперь пребывает в приготовлениях, опоздает на битву и более не будет им полезен.

VIII. Если же некоторые из вас, признавая справедливым то, что я сказал, все же опасаются многочисленности врагов, пусть послушают небольшое наставление — скорее даже воспоминание о том, чего они устрашились. Во-первых, пусть поразмыслят над тем, что большинство их врагов принудили поднять оружие против нас, что они многократно выказывали нам и на деле, и на словах, и что желающих сражаться за тиранов добровольно и с усердием очень немного, вернее же — самая незначительная часть из наших. Во-вторых, все войны успешно доводятся до конца не теми, кто превосходит численностью, но кто превосходит доблестью. 2. Было бы весьма утомительно приводить в качестве примеров войска как эллинов, так и варваров, которые, хотя они превосходили числом, были одолены весьма малыми силами, так что многие не верят рассказам об этом. Но оставлю другие примеры — сколько вы сами счастливо завершили войн меньшими силами, чем располагаете сейчас, противостоя более многочисленному неприятелю, чем нынешние ваши враги, вместе взятые? Но может, вы, оставаясь грозными для тех, кого не один раз одолевали в сражении, презираетесь латинами и их союзниками вольсками, потому что они никогда не испытывали вас в битве? Однако, все вы знаете, что наши отцы побеждали оба этих народа во многих сражениях. 3. Следовательно, разумно ли полагать, что положение побежденных после стольких несчастий улучшилось, положение же победителей после значительных удач ухудшилось? И кто, будучи в своем уме,

¹² Здесь имеются в виду Тарквинии.

сказал бы такое? Я бы удивился, если бы кто-нибудь из вас побоялся многочисленности врагов, у которых мало благородства, а собственным войском, столь многочисленным и прекрасным, которое, будучи непревзойденным ни по доблести, ни по численности, как никогда прежде не собиралось во время всех наших предыдущих войн, пренебрег.

IX. Есть, сограждане, и еще одно, что должно воодушевить вас на то, чтобы не бояться и не бежать от опасностей — это то, что все первенствующие сенаторы, которых и возраст, и закон освобождают от военной службы, как вы видите, присутствуют здесь, чтобы вместе с вами сообща переносить превратности войны. 2. Разве не позорно для вас, пребывающих во цвете лет, бежать от многочисленного врага, в то время как те, кто уже вышел из возраста, когда призывают на военную службу, преследуют его; и в то время, когда благодаря своему усердию старики, не имея достаточно сил убить кого бы то ни было из врагов, по крайней мере, добровольно примут смерть за отчизну, вы, находящиеся в расцвете сил и имеющие возможность в случае успеха спасти всех и победить, в случае же поражения вести себя благородно и перетерпеть все, не испытаете судьбу и не оставите славу о своей доблести? 3. Не вдохновляет ли вас, римляне, то, что у вас перед глазами множество славных деяний отцов, которые никакие слова не в состоянии достойно прославить, и в случае успеха еще и в этой войне, ваши потомки будут наслаждаться плодами множества ваших собственных славных деяний? И дабы и лучшим из вас, поступающим благородно, не остаться без награды, и убоявшимся опасностей более, чем должно, не остаться безнаказанными, послушайте меня, прежде чем начнется битва, какой каждому выпадет жребий. 4. Всякому, кто проявит себя в бою доблестно или благородно и засвидетельствует тем самым, что ему присущи эти качества, я тотчас дам наряду с прочими почестями, которые можно получить каждому в соответствии с отеческими обычаями, еще и надел из общественной земли, достаточный для того, чтобы иметь все необходимое. Но если кому-либо трусливый и безрассудный образ мыслей внушит стремление к постыдному бегству, тому я определю смерть, которой он здесь старается избежать. Ибо такому гражданину было бы лучше умереть, причем, как для него самого, так и для других. И избежавшие смерти таким образом не удостоятся ни погребения, ни других установленных законами обрядов, но жалкие и не оплаканные будут растерзаны птицами и зверьем. 5. Итак, зная об этом заранее, ступайте же все бодро на битву, влекомые на прекрасные дела надеждами, что одним этим смелым поступком в случае лучшего и такого, как все мы желаем, исхода, вы приобретете величайшие из всех благ: освободите самих себя от страха тирании; отблагодарите город, в котором родились, и который требует от вас заслуженной признательности; не допустите детям, которые еще у вас младенцы, и женам принять смерть от врагов; позвольте престарелым отцам то небольшое время, которое им отпущено, наслаждаться жизнью. 6. Счастливы те из вас, кому выпадет справить триумф за эту войну, после того как вас гостеприимно встретят дети, жены и родители. Но славны и

счастливы своей доблестью те, кто пожертвует свои жизни за отчизну. Ибо умереть придется всем людям, и трусливым, и мужественным, но достойную и славную смерть встретят только мужественные».

X. Еще он не закончил свою речь, побуждая присутствующих к благородному мужеству, как что-то божественное нисходит на войско, и все воины, будто они имели одну душу, вместе воскликнули: «Будь спокоен и веди нас». И Постумий похвалил их воодушевление и дал обет богам принести многочисленные и обильные жертвы и учредить пышные общественные игры, которые ежегодно устраивались бы римским народом, в случае если битва увенчается счастливым и славным концом. После этого он распустил воинов по отрядам. 2. А когда они получили от командиров условный знак и трубы дали сигнал к битве, они, издавая воинственный клич, сошлись с неприятелем. Впереди с каждой стороны шли легковооруженные воины и конница, затем — тяжелооруженные фаланги пехоты в сходных сомкнутых рядах. И началась тяжелая битва, в которой все в беспорядке смешалось и каждый сражался врукопашную. 3. Однако обе стороны пребывали в большом заблуждении относительно друг друга, так как никто из них не ожидал, что придется сражаться, но полагали, что при первом же натиске враг обратится в бегство. Латины, надеясь на величину своей конницы, считали, что римские всадники не выдержат ее удара, римляне же думали утратить врагов, решительно и дерзко бросившись навстречу опасностям. Думая так вначале друг о друге, они увидели, что происходит противоположное. Считая более не страх противника, но только собственную смелость основанием для спасения и победы, каждая сторона проявила себя доблестно сражающейся, и даже свыше своих сил. И битва эта была отмечена разнообразными и быстро меняющимися обстоятельствами.

XI. Итак, вначале римляне, выстроенные в центре боевой линии, где находился диктатор с отборной конницей, причем сам он сражался в первых рядах, сдерживая находящегося перед ним неприятеля, после того как Тит, один из двух сыновей Тарквиния, был ранен копьем в правое плечо и больше не мог действовать этой рукой. 2. Ибо Лициний и Геллий¹³, не исследовав в действительности ни правдоподобия, ни возможности описываемых событий, представляют раненым и сражающимся на коне самого царя — мужа, приближающегося к девяностолетнему возрасту. А когда Тит упал, те, кто был подле него, продержавшись немного времени и подобрав его, еще живого, не проявили более доблести, но постепенно отступили перед наседавшими римлянами. Вслед за этим они снова остановились и двинулись вперед на противника, так как Секст, другой сын Тарквиния, пришел к ним на помощь вместе с римскими изгнанниками и отборной конницей. 3. Таким образом, они, придя в себя, снова вступили в бой. Тит же Эбуций и Мамелий Октавий, командующие отрядами пехоты на флангах¹⁴, сражались лучше всех и обращали противника в бегство, где бы

¹³ К этим двум авторам можно добавить и Ливия (II. 19. 6).

¹⁴ Возглавляемые ими отряды сражались друг против друга. См.: VI. 5. 5.

он их ни атаковывал, приводя в порядок тех из своих, кто находился в замешательстве. Затем, приняв друг от друга вызов, противники сошлись в поединке и в этой стычке нанесли друг другу сильные раны, однако, не смертельные. Начальник конницы вонзил, пробив панцирь, копьё в грудь Мамилию, Мамиллий же пронзил последнему правое предплечье, и они оба упали с коней.

ХII. После того как их обоих вынесли из боя, Марк Валерий, вновь назначенный легатом¹⁵, принял на себя командование конницей, атаковал вместе с бывшими при нем всадниками находящегося против него неприятеля и после непродолжительного сопротивления со стороны последнего быстро погнал его подальше от места боя. Но к тем пришли на помощь состоящие из римских изгнанников отряды конницы и легковооруженных воинов, и Мамиллий, уже оправившийся от раны, снова появился во главе большого и сильного отряда конницы и пехоты. В этом сражении и легат Марк Валерий, который был первым, кто справил триумф над сабинянами и поднял дух города, поникший после поражения от тирренов, падает под ударами копья и многие другие славные римляне рядом с ним. 2. У его тела начинается сильная борьба, так как сыновья Попликолы, Публий и Марк, защищали дядю. И так, они передали его оруженосцам едва дышавшего, не сняв доспехи, чтобы те отнесли его в лагерь. Сами же они в силу присущего им мужества с воодушевлением бросились в гущу врагов и теснимые со всех сторон римскими изгнанниками вместе погибли, получив множество ран. 3. После этого несчастья римский отряд был вынужден отступить далеко влево и расстроить свои ряды вплоть до центра. Когда диктатор узнал о бегстве своих воинов, то быстро помчался к ним на помощь с бывшими при нем всадниками, приказав другому легату, Титу Герминию, взять отряд конницы, следовать за его отрядом и поворачивать назад бегущих, а если те откажутся повиноваться, то разить их. Сам же он вместе с лучшими своими людьми бросился в самое пекло и, оказавшись поблизости от врагов, первым кинулся на них, отпустив узду у коня. 4. И так как все всадники таким устрашающим способом устремились на врагов, те, не сумев противостоять их безумному и грозному натиску, обращаются в бегство, и многие из них погибают. В это время и легат Герминий собрал обратившихся от страха в бегство и повел их против воинов Мамилия. И встретившись в бою с этим величайшим и мужественнейшим из живущих тогда мужей, поражает его, но, снимая с мертвого доспехи, погибает сам, получив удары мечом в бок. 5. Секст же Тарквиний, командующий левым флангом латинов, еще противостоял тем опасностям, которые на него обрушились, и теснил правый фланг римлян. Но когда он увидел появившегося с отборной конницей Постумия, то, оставив всякую надежду, устремился в самую гущу неприятеля. Там же, будучи окружен римской конницей и пехотой и поражаемый отовсюду, как затравленный зверь, погибает, убив прежде много подступивших к нему римлян. После гибели вождей, латинское войско тотчас всей толпой обращается

¹⁵ Здесь легат — помощник полководца.

в бегство, и лагерь их, оставленный стражниками, был захвачен. И отсюда римляне взяли много хорошей добычи. 6. Это было величайшим бедствием для латинов, в результате которого они претерпели очень много зла и потеряли столь много людей, как никогда прежде. Ибо из сорока тысяч пехотинцев и трех тысяч всадников, как я сказал, менее десяти тысяч осталось в живых и вернулось к своим очагам.

XIII. Говорят, что в этой битве двое всадников, гораздо лучших по красоте и величию, чем это бывает в соответствии с нашей природой, и только начавших мужать, появились перед диктатором Постумием и построенным около него войском, возглавили римскую конницу и, сойдясь с латинами, гнали их всех копытами без остановки. А после обращения латинов в бегство и захвата их лагеря, ближе к позднему вечеру, когда битва завершилась, на римском Форуме, говорят, тем же самым образом появились двое юношей, в военных одеждах, очень высокие и красивые и того же возраста; сами они сохраняют на лицах боевое выражение, будто они возвращаются с битвы, и лошади, которых они ведут, все в мыле. 2. Когда каждый из них напоил и вымыл коней у источника, который бьет у храма Весты и образует небольшой глубокий пруд, толпа народа окружает их, желая узнать, принесли ли они новости из лагеря. Они сообщают, как произошла битва и что римляне одерживают победу. Говорят, что после того как они покинули Форум, никто их более не видел, хотя магистрат, оставленный во главе города¹⁶, усердно разыскивал их. 3. Когда на следующий день стоящие во главе государства получили от диктатора письмо и вместе с другим, произошедшим в битве, узнали о явлении божеств, они признали совершенно правдоподобным то, что в обоих местах было явление тех же самых богов, и были убеждены, что это были призраки Диоскуров¹⁷.

4. В Риме имеется множество доказательств этого необыкновенного и удивительного явления божеств: и храм Диоскуров, которые граждане воздвигли на Форуме в том месте, где видели их призраки¹⁸; и находящийся рядом источник, называемый по имени этих богов¹⁹ и считающийся с того времени священным; и роскошные жертвоприношения, которые народ ежегодно совершает посредством верховных жрецов в месяц, называемый Квинтилием²⁰, в так называемые иды, день, в который

¹⁶ Имеется в виду префект города. Эта магистратура возникла уже в царский период. В отсутствие царей, а затем консулов, которыми префект города назначался, он заступал на их место в Риме и, кроме прочих заместительских прав, особенно обязан был заботиться об отправлении правосудия, а также имел полномочия созывать сенат и делать ему доклады.

¹⁷ Диоскуры (у римлян — Касторы) — Кастор и Поллукс (греч. Полидевк), которые в соответствии с греческими мифами являлись сыновьями Зевса и Леды и братьями Елены и Клитемнестры. Их культ был довольно рано усвоен римлянами, у которых они стали богами-покровителями всадников.

¹⁸ О том, что Диоскуры участвовали в битве у Регилльского озера, пишут Цицерон (О природе богов. II. 6) и Флор (I. 11. 4). Поставленный им по обету храм был посвящен в 484 г. до н.э.

¹⁹ Единственный источник, известный в этой части Форума, называется источником Ютурны.

²⁰ Позднее этот месяц в честь Юлия Цезаря был назван июлем. Иды в июле приходились на 15-е число.

они счастливо провели сражение. Кроме всего этого, после жертвоприношения устраивается процессия обладателей общественного коня, которые, будучи поделены на трибы и центурии, едут верхом рядами, словно возвращаются с битвы, увенчанные масличными венками и одетые в пурпурные одежды с красными полосами, так называемые траеи, начиная процессию от известного храма Марса, сооруженного вне города, и, проходя через другие части города и Форум, шествуют мимо храма Диоскуров. Иногда их число достигает пяти тысяч, и они несут награды за храбрость, которые получили от военачальников в этой битве — прекрасное и достойное величия римского господства зрелище. 5. То, что я узнал, рассказывается и совершается римлянами в ознаменование явления Диоскуров. Отсюда, как и из многого другого важного, каждый мог бы догадаться, как любезны были тогда богам люди.

XIV. Постумий же расположил той ночью войско лагерем на равнине, на следующий день наградил отличившихся в сражении, устроил охрану пленных и совершил жертвоприношение богам по случаю победы. И в то время, когда он еще носил на себе венок и возлагал на алтари первинки от плодов, приносимые в жертву, некие наблюдатели, сбегая с возвышенностей и сообщают, что против них движется вражеское войско, состоявшее из отборных в расцвете сил молодых людей племени вольсков, посланных в качестве союзников латинам прежде чем завершилось сражение. 2. Узнав об этом, он приказал всем вооружиться и оставаться в лагере, каждому у своего собственного знамени, сохраняя молчание и порядок до тех пор, пока он сам не прикажет, что нужно делать. Вожди же вольсков, расположив войско вне поля зрения римлян, когда увидели равнину, всю покрытую мертвыми телами, и оба лагеря невредимыми, и никого, ни врага, ни друга, движущегося из лагерей, некоторое время пребывали в недоумении и с трудом могли понять, какой поворот судьбы привел к такому положению дел. Однако, когда они все узнали о битве от возвратившихся из числа беглецов, они вместе с другими командирами стали думать, что необходимо предпринять. 3. Итак, самые храбрые из них полагали, что лучше всего будет тотчас двинуться на римский лагерь, пока многие из римлян страдали от ран, все они изнемогали от усталости, оружие у большинства было в негодности, у одних недостает сил, другие сокрушены, и свежие силы на помощь им еще не пришли из дому, их же собственное войско многочисленное и доблестное, и прекрасно вооруженное, и опытное в военном деле, и при внезапном появлении перед не ожидавшими этого страх должен был появиться и у самых отважных.

XV. Наиболее мудрым, однако, казалось небезопасным напасть без союзников на доблестных воинов, недавно разгромивших столь значительное войско латинов, будучи вынужденными подвергнуть риску все в чужой стране, где, в случае если выпадет какая-нибудь неудача, они не смогут убежать ни в какое безопасное место. И они посоветовали, что лучше заранее как можно скорее позаботиться о безопасном возвращении домой и считать большой удачей, если они не получат большого вреда от похода. 2. Другим же из них казалось, что не следует делать ни то ни другое,

доказывая, что смелый порыв броситься в битву присущ юности. Неразумное же бегство домой — позор, так что, чтобы из этого они не совершили, враги приняли бы это за исполнение своего собственного желания. И их мнение по этому поводу было таково, что в настоящее время нужно укрепить лагерь и подготовиться к битве, и отправив гонцов к прочим вольскам просить их сделать одно из двух — или послать другое войско, равноценное римскому, или отозвать посланное. 3. Однако мнение, которое показалось большинству самым убедительным и которое было поддержано лицами, облеченными высшей властью, состояло в том, чтобы послать каких-нибудь лазутчиков в римский лагерь под видом посольства для безопасности, которые поприветствуют полководца и скажут, что будучи союзниками римлян, посланными народом вольсков, они огорчены тем, что опоздали на битву, потому что они не получают никакой или получают небольшую благодарности за свое благорасположение, но, конечно, они радуются вместе с римлянами такому счастью, что те без союзников имели успех в важной битве. Совершенно обманув их ласковостью слов и сделав так, чтобы те поверили в то, что они их друзья, они все осмотрят и, вернувшись, сообщат об их численности, вооружении, готовности и о том, что они намереваются делать. И когда вольски основательно себе это уяснят, тогда они соберут совет, дабы решить, что для них было бы лучше: послать ли за другим войском и атаковать римлян, или вернуть обратно имеющееся.

XVI. И когда они это постановили, отряженные ими послы явились к диктатору и, представ перед собравшимся войском, произнесли совершенно лживую речь. Постумий, выждав немного времени, сказал им: «Худые помыслы, вольски, облеченные в хорошие слова, принесли вы. И совершая враждебные деяния, хотите, чтобы вас считали друзьями. 2. Ибо вы были посланы вашей общиной сражаться вместе с латинами против нас, но, после того как вы заявили после сражения и увидели их побежденными, вы пожелали обмануть нас, говоря противоположное тому, что вы намеревались делать. И ни ласковость слов, которые вы сочиняете для настоящего случая, ни притворство вашего прихода сюда, не являются непорочными, но полны коварства и обмана. Поскольку вы посланы не поздравлять нас с удачей, но выведать слабость и силу нашего положения. И послами вы являетесь на словах, на деле же лазутчиками». 3. Когда же те отреклись от всего этого, он сказал, что скоро предоставит им доказательство и немедленно предъявил их письма, доставляемые ими вождям латинов, которые он захватил перед сражением и где им обещается послать помощь, и представил тех, кто их нес. После же того как письма были оглашены и пленники изложили приказ, который они получили, толпа бросилась избивать вольсков как лазутчиков, пойманных непосредственно на месте преступления. Постумий же полагал, что благородным людям не следует уподобляться дурным, говоря, что лучше и благороднее поберечь гнев в отношении пославших, чем посланных, и лучше, вследствие их звания послов, которое является явным, отпустить мужей, чем уничтожить из-за тайного занятия соглядатайством, дабы они не дали

благовидного повода к войне и вольскам, которые бы заявляли, что послы были умерщвлены вопреки праву народов, и другим врагам не дали повод для обвинения, хотя и ложного, но разумного и основательного.

XVII. Сдержав это побуждение толпы, Постумий приказал этим людям идти без оглядки, поручив их охране всадников, которые проводили их до лагеря вольсков. Изгнав лазутчиков, он приказал воинам приготовиться к сражению, как будто на следующий день собирался выстраивать войско для битвы. Однако никакой необходимости в сражении у него не возникло, так как вожди вольсков еще до рассвета подняли войско и ушли домой. 2. После того как все совершилось в соответствии с его желанием, он похоронил своих погибших и, совершив обряд очищения войска, вернулся в город, будучи украшен замечательным триумфом, везя на многочисленных повозках горы оружия, внося значительное количество военной добычи и приведя с собой пять тысяч пятьсот захваченных в сражении пленных. Отложив десятую часть добычи, он предоставил сорок талантов на игры и жертвоприношения богам и во исполнение обета отдал на откуп устройство храмов Церере, Либеру и Либере²¹. 3. Ибо сначала съестных припасов для ведения войны не хватало, и это вызвало у римлян большой страх за то, как бы они не иссякли, так как и земля стала неплодородной, и извне продовольствие не доставлялось из-за войны. По причине этого страха он приказал подробно изучить Сивиллины книги их хранителям и узнал, что оракулы повелевали умиловить названных богов²². И он, собираясь вывести войско, дал обет, что в случае, если урожай в городе во время его собственного командования войском будет такой же, как прежде, то он воздвигнет им храмы и установит ежегодные жертвоприношения. 4. И боги, выслушав это, устроили так, чтобы земля давала богатые урожаи, и не только зерна, но и плодов, и чтобы всех привозимых продуктов было больше, чем прежде. Увидев это, Постумий сам принял решение о сооружении этих храмов. Римляне же, отразив милостью богов военное нападение тирана, устраивали им праздники и совершали жертвоприношения.

XVIII. Немного дней спустя в качестве послов от Латинского союза²³ явились избранные всеми их общинами те, кто был настроен против войны, неся перед собой

²¹ Либер и Либера — древние римские боги плодородия и виноградарства, отождествлявшиеся с греческим Дионисом и Персефоной. Хотя Дионисий говорит о храмах, там была только одна постройка.

²² Сивиллины книги хранились в каменном ящике под сводом храма Юпитера на Капитолии. Хранение Сивиллиных книг и производство по ним предсказаний были поручены коллегии жрецов священнодействий, состоявшей в описываемый период из двух жрецов, которые были освобождены от всех других государственных должностей и повинностей и имели обязанность по приказанию сената и в присутствии магистратов раскрывать священные книги, узнавать, что можно ожидать от какого-либо важного предприятия, какого умиловления требовали боги и т. п.

²³ Латинский союз — религиозно-политическое объединение городов Лация, ведущее место в котором занимали Тускул и Ариция. Рим вошел в союз при Тарквинии Гордом и отпал от него после изгнания царя.

оливковые ветви и лавровые венки, обвитые белой шерстью²⁴. Явившись в сенат, они объявили, что в начале войны виновны люди, облеченные властью в общинах. Народ же, сказали они, согрешил только в том, что следовал за подлыми демагогами, добивавшимися своей собственной выгоды. 2. И за этот обман, сказали они, во власти которого находилась большая часть населения, каждая община понесла наказание, чтобы уже не быть презираемой, потеряв лучших молодых людей, так что нелегко найти дом, который был бы свободен от траура по умершим. И они по своей воле просили римлян принять их, и больше ни о власти не спорили, ни на равенстве не настаивали, но во все оставшееся время желали быть их союзниками и подданными и все то достоинство, которое судьбой отнято у латинов, прибавить к счастливому жребью римлян. 3. Заканчивая речь, они воззвали к своему родству с римлянами, напомнили, что некогда они были вполне преданными союзниками, и оплакивали выпавшие на них в чем неповинных несчастья, которых было много больше, чем прегрешений, скорбя обо всем, прикасаясь к коленям всех сенаторов и возлагая масличные ветви, обвитые белой шерстью, на ноги Постумию, так что весь сенат сокрушался от их слез и мольбы.

XIX. Когда они удалились из сената и слово было предоставлено тем, кто, по обыкновению, первыми высказывали свое мнение²⁵, Тит Ларций, который первым был назначен диктатором в минувшем году, посоветовал им воспользоваться счастливым случаем, говоря, что самая большая похвала как для одного человека, так и для всего государства состоит в том, чтобы не быть погубленными счастьем, но переносить успех благопристойно и скромно. 2. Ибо всякому счастьем завидуют, в особенности же тому, которое сопровождается высокомерием и суровостью в отношении смирившихся и подчинившихся. И он посоветовал не полагаться на судьбу, испытав много раз на собственных неудачах и удачах, что она ненадежна и переменчива. И не стоит принуждать врагов к необходимости подвергать себя крайней опасности, благодаря чему некоторые вопреки желанию становятся дерзкими и сражаются сверх силы. 3. Он предупредил, что им следует опасаться, как бы не навлечь на себя общей ненависти со стороны всех тех, кем они желают править, если потребуют суровых и неотвратимых наказаний для заблуждавшихся, так как тем самым они преступят свои обычные нравы, забывая, с помощью чего они достигли славы, и сделают свою власть тиранией, а не предводительством и покровительством, как было прежде. И он сказал, что прегрешения умеренны и не достойны негодования, если какие-либо общины, приверженные свободе и некогда научившиеся управлять, не пренебрегают своим древним достоинством. И если стремящиеся к лучшему будут неисцелимо

²⁴ Оливковые ветви и лавровые венки, обвитые белой шерстью, держали в руках или клали на алтарь бога те, кто умолял о защите.

²⁵ Первыми подавали свое мнение те, кто был избран консулами на следующий год. Затем высказывались лица, ранее занимавшие магистратуры.

наказываться в случае, если обманутся в своей надежде, то не будет ничего, препятствующего всем людям уничтожить друг друга, ибо всем присуща страстная любовь к свободе. 4. Он объявил, что намного сильнее и крепче власть, которая предпочитает управлять подданными с помощью благодеяний, а не наказаний. Ибо за первым следует благоволение, за вторым же — страх, а природе свойственно ненавидеть все ужасное. И наконец, он попросил их принять за образцы самые лучшие деяния предков, за которые те получили похвалу, напомнив о столь многих захваченных силою городов, которые они не уничтожили, не истребили поголовно всех возмужалых людей и не поработили их себе, но, превратив их в колонии Рима и предоставив гражданство тем из побежденных, кто желал жить вместе с ними, сделали город из маленького большим. Вкратце его мнение было таково: возобновить договоры с Латинским союзом, которые были заключены ранее, и никакому городу не мстить ни за какой из проступков.

XX. Сервий Сульпиций не возражал ни против мира, ни против возобновления договоров. Но так как латины первыми нарушили договоры, и не впервые сейчас, когда в качестве оправданий они выставляли нужду и обман, и следовало оказать им некоторое снисхождение, но и много раз прежде, и поэтому они нуждаются в исправлении; и он предложил, чтобы благодаря их родству им были предоставлены освобождение от наказания и свобода, но чтобы у них была отнята половина земли, и туда были посланы римские колонисты получать с нее какие бы то ни было доходы и заботиться о том, чтобы латины не устраивали больше восстаний. 2. Но Спурий Кассий посоветовал разрушить их города, говоря, что он удивляется глупости тех, кто убеждает оставить эти проступки безнаказанными, если только они не могут понять, что из-за врожденной и неискоренимой зависти, которую латины испытывают к увеличению их города, они придумывают одну войну за другой и никогда не пожелают оставить коварные замыслы, пока эта мелкая страсть живет в их душах. Таким образом, они добились того, что сделали свою родную общину подвластной тирану, более жестокому, чем все дикие звери, нарушив все соглашения, соблюдать которые клялись богами, и не имея никаких других надежд, кроме той, что в случае если бы война не оказалась удачной, как они того желали, они бы или не подверглись никакому наказанию, или понесли бы кару совершенно незначительную. 3. Он также пожелал, чтобы они воспользовались примерами деяний предков, кои после того как узнали, что город Альба, из которого и они сами, и все латины вывели города посредством колонистов, позавидовал их благополучию и посчитал безнаказанность, которую они получили за прежние грехи, средством для большего коварства, решили его в один день разрушить, полагая, что не пожалеть никого из совершающих умеренные проступки то же самое, что не наказывать величайшие и непоправимые грехи²⁶.

²⁶ Римляне разрушили Альба-Лонгу в наказание за измену альбанского диктатора Меттия Фуфеттия, а жителей переселили на Целий.

4. И не требовать никакого наказания для выказывавших много раз непримиримую ненависть — деяние величайшей глупости и тупоумия, а, конечно, не человеколюбия и не умеренности для тех, кто не стерпел зависти своей метрополии, когда она оказалась сверх меры тягостной и невыносимой, чтобы теперь переносить ее со стороны родичей, и для тех, кто наказал врагов, уличенных в более слабых попытках такого рода, лишением городов. 5. Сказав это и перечислив все измены латинов и напомнив о множестве римлян, погибших в войнах с ними, он посчитал справедливым поступить с ними таким же образом, как раньше они поступили с жителями Альбы, а именно: города их разрушить и земли их присоединить к Риму; с другой стороны, тем, кто продемонстрировал некоторую благосклонность к римлянам, предоставить свое гражданство, сохранив за ними их собственное имущество, виновных же в измене, благодаря которым были уничтожены соглашения, приговорить к смерти как изменников и превратить в рабов тех из народа, кто является нищим, бездельником и ни к чему не годным.

XXI. Вот что было высказано первенствующими лицами сената. Однако диктатор предпочел мнение Ларция; и так как более ничего не было сказано против этого, послы были приглашены в сенат получить ответ. И Постумий, побранив их за зло, которое никогда не сможет быть поправлено, сказал: «Справедливо было бы претерпеть вам самое крайнее несчастье²⁷, такое именно, которому сами вы намеревались подвергнуть нас, если бы достигли успеха, неоднократно идя этим путем против нас». Однако римляне не стали отдавать предпочтение праву перед человеколюбием, полагая, что латины их сородичи, и прибегли к состраданию по отношению к поступавшим с ними несправедливо; но и эти грехи им они оставляют без наказания ради родовых богов и неопределенности Судьбы, от которых они сами обрели свое могущество. 2. «Итак, — сказал он, — теперь отправляйтесь, свободные от всякого страха; и если вы отпустите взятых в плен, выдадите сами самовольно ушедших и вышлите изгнанников, тогда посылайте к нам посольство, чтобы вести переговоры о дружбе и союзе, будучи уверены, что они не потерпят неудачи ни в чем благоразумном». Получив такой ответ, послы удалились и через несколько дней вернулись, отпустив взятых в плен, ведя в оковах пойманных перебежчиков и выслав из своих городов тех, кто был изгнан вместе с Тарквинием. В обмен на это они получили от сената прежнюю дружбу и союз и принесли через фециалов клятвы в том, в чем уже некогда клялись. Так закончилась война против тиранов, через четырнадцать лет после их изгнания. 3. Царь же Тарквиний, ибо он еще оставался в живых из своего семейства и ему в это время было почти девяносто лет, лишившись детей и имущества от родственников по браку²⁸, доживал свою старость, да к тому же среди врагов.

²⁷ Т.е. смерть.

²⁸ Единственным известным родственником по браку был Мамий, его пасынок. Однако ср.: Дионисий. VI. 4. 1.

И так как ни латины, ни тиррены, ни сабиняне, ни другие свободные общины, находящиеся по соседству, не принимали его более в свои города, он отправился в Кумы в Кампании²⁹ к Аристодему, прозванному Кротким³⁰, который тогда был тираном в Кумах. Прожив у него небольшое число дней, он умер и был им похоронен³¹. Бывшие же вместе с ним изгнанники одни остались в Кумах, иные же, рассеявшись по некоторым другим городам, закончили жизнь в чужой стороне.

XXII. После того как римляне закончили внешние войны, снова возникла гражданская смута; так как сенат постановил созвать суды и решить в соответствии с законами спорные вопросы, которые из-за войны были отложены. Споры, возникшие относительно договоров, вызвали большие смятения и ужасные бессмыслицы, и бесстыдства. С одной стороны, плебеи ссылались на то, что они не в состоянии платить долги, так как земля их была опустошена в многолетней войне, скот истреблен, они испытывают недостаток в рабах из-за их самовольного ухода и вследствие набегов, и их имущество в городе истощено расходами на войну. С другой стороны, заимодавцы утверждали, что эти бедствия стали общими для всех, а не только для должников, и считали, что для них невыносимо лишиться не только того, что у них было отнято врагами вследствие войны, но и того, что они в мирное время дали в долг некоторым нуждающимся согражданам. 2. И так как ни кредиторы не желали нисколько подождать, что было бы благоразумно, ни должники не желали делать ничего, что было бы справедливо, но одни не хотели простить даже процентов, другие же не хотели заплатить даже долг сам по себе, то вследствие этого те, кто очутился в одинаковом положении, сходились кучками и выстраивались друг против друга на Форуме, а иногда устраивали рукопашные потасовки; и все государственное устройство было приведено в смятение. 3. Видя это, Постумий, пока еще он пользовался равным уважением со стороны всех, ибо довел тяжкую войну до благополучного завершения, решил избежать бури в государстве и прежде, чем окончательно завершился срок его неограниченной власти, отказался от диктатуры. Назначив день выборов, он вместе со своим товарищем по консульству восстановил учрежденную предками власть³².

²⁹ Кумы — колония города Кима в Эолиде (Малая Азия). Расположен он на вершине Гавра к северу от Мисенского мыса. Был древнейшей и самой цветущей греческой колонией в Италии. Благодаря морской торговле Кумы сделались богатыми и значительными и основали сначала Дикеархию (позднее Путеолы), Палеополь, Неаполь и Занклу (впоследствии Мессана в Сицилии). В 475 г. до н.э. с помощью Гиерона Сиракузского Кумы отразили нападение этрусков. Во время этой обороны высшей властью в Кумах завладел Аристодем, к которому и бежал Тарквиний Гордый. Этот город был известен еще кумской Сивиллой.

³⁰ Ниже Дионисий приводит два различных объяснения этому прозвищу (VII. 2. 4).

³¹ Ливий относит его смерть на следующий год. См.: *Ливий*. II. 21. 5.

³² Хотя здесь говорится об установленной предками власти, однако консулы существовали еще только 14 лет.

XXIII³³. Консулами, которые вновь получили годичную и законную власть, были Аппий Клавдий Сабин и Публий Сервилий Приск. Они правильно понимали, что высшая польза заключается в необходимости обратить внутреннее волнение на внешние войны; и они устроили так, чтобы один из них повел войско против племени вольсков, дабы за посланную латинам против римлян помощь отомстить им и чтобы их приготовления, которые еще не зашли далеко, предупредить. Ибо они уже были извещены, что у вольсков со всей поспешностью идет запись в войско и к соседям ими отправлено посольство, чтобы призвать их к союзу, так как они ведали, что плебеи отпали от патрициев, и думали, что взять город, страдающий от домашней брани, несложно. 2. И так, после того как консулы решили вывести войско в поход и всем сенатом было постановлено, что их решение правильно, они приказали всем военнообязанным мужчинам явиться в установленное ими время, в которое они должны были составить список воинов. Однако, так как плебеи, неоднократно призываемые к военной присяге, не повиновались им, и каждый из консулов не имел одинакового мнения по этому поводу, то начиная с той поры они разошлись и противодействовали друг другу во все время, пока продолжалась их магистратура. 3. И так как Сервилию казалось, что им следовало бы избрать более умеренный путь, придерживаясь мнения Манья Валерия, самого большого приверженца демократии, который советовал исцелить мятеж вначале, особенно принятием решения о прощении или уменьшении долгов, а если нет, то воспрепятствованием в настоящее время заключать в тюрьму просрочивших срок должников, то он советовал лучше призывать бедных принять воинскую присягу, чем заставлять делать это по принуждению, и не налагать наказаний тяжелых и неотвратимых на непокорных, как то имеет место в городе, где царит единомыслие, но какие-либо умеренные и снисходительные. Ибо существует опасность того, как бы люди, нуждающиеся в повседневном, будучи принуждены служить в войске на собственный счет, не объединились бы против этого, дойдя до отчаяния.

XXIV. Суждение же Аппия, самого главного из предводителей аристократии, было суровым и самоуверенным. Он заявлял, что следует не оказывать народу никакого снисхождения, но позволить займодавцам требовать от него уплаты по долговым обязательствам на установленных условиях, и созвать суды, и чтобы оставшийся в городе консул в соответствии с отеческими обычаями потребовал наказаний, которые положены законами против уклоняющихся от военной службы, и не позволять плебеям ничего, что является несправедливым и что давало бы им возможность причинять беспокойство. 2. «Ибо и сейчас, — сказал он, — они сверх меры избалованы, будучи освобождены от налогов, которые прежде платили царям, и сделавшись свободными от телесных наказаний, которым те их подвергали, когда они не выполняли быстро тех или иных приказаний. Но если они пойдут дальше, стремясь

³³ О событиях в главах 22–23 см. также: *Ливий*. II. 22–27.

устраивать какие-либо возмущения или перевороты, дайте нам воспрепятствовать им при помощи рассудительной и здоровой части граждан, которых найдется больше, нежели порочных. 3. Против этих неприятностей у нас имеется немалая сила — патрицианская молодежь, готовая выполнять приказания. Величайшим же из всех оружием, которому трудно сопротивляться и используя которое мы без труда одолеем плебеев, — это могущество сената; давайте же этим внушим им страх, встав на сторону законов. Если же мы уступим их требованиям, то, во-первых, мы навлечем на себя позор, если доверим общественное благо народу, в то время, как единственно возможно, чтобы их вела аристократия. Во-вторых, мы подвергнемся значительной опасности снова быть лишенными свободы, в случае если какой-нибудь муж, склонный к тирании, расположит их к себе и установит господство над законами». Так как консулы до такой степени находились в разногласии, как сами по себе между собой, так и всякий раз когда собирался сенат, и многие присоединялись поочередно то к одному, то к другому, то сенат, выслушав их препирательства, гам и непристойные речи, разошелся, не приняв никакого спасительного решения.

XXV. После долгого времени, проведенного в этих склоках, Сервилий, один из двух консулов, настроив многочисленными мольбами и заискиванием чернь на то, чтобы принять участие в войне, ибо ему выпал жребий вести ее, начал военные действия с войском, не набранным по войсковым спискам военнообязанных, но из добровольцев, как того требовали текущие обстоятельства. Вольски еще были заняты приготовлениями и не ожидали, что римляне, будучи управляемы при таких разногласиях и до такой степени настроенные враждебно друг против друга, выступят против них с войском, и не думали, что сойдутся в ближнем бою с нападшими на них, но полагали, что сами они обладают полной возможностью начать войну тогда, когда бы они того пожелали. 2. Однако после того как они обнаружили, что сами подверглись нападению и вынуждены воевать, тогда наконец старейшие из них, встревоженные быстротой римлян, вышли из городов, взяв с собой масличные ветви, обвитые белой шерстью³⁴ и предоставив Сервилию обращаться с ними так, как он сам пожелал бы обращаться с теми, кто так согрешил. Он же, взяв у них для войска продовольствие и одежду и выбрав триста мужей из самых знатных семейств в качестве заложников, возвратился, полагая, что война закончена. 3. Однако на самом деле это не было завершением войны, но некоторой отсрочкой и средством для подготовки для тех, кто был поражен произошедшим против ожидания нападением; и как только римское войско было отведено, вольски снова сосредоточились на войне, укрепляя города и усиливая гарнизонами другие места, которые могли бы обеспечить им безопасность. Герники и сабиняне помогали им и в этой опасности открыто, а во многих других тайно. Латины же, когда к ним прибыли послы от вольсков просить помощи, связали их и отвели в Рим. 4. Сенат отблагодарил их за прочную верность и еще

³⁴ См. примеч. 24.

более за их готовность к борьбе (ибо те готовы были добровольно воевать вместе с ними) и охотно даровал им то, что, как думали, они больше всего желали, но стыдились просить, а именно — безвозмездно передал им взятых у них в плен во время войн, которых без малого было шесть тысяч, и дабы подарок мог получить наибольший блеск, приличествующий их родству, они всех их обрядили в одежды, присвоенные свободным людям. В отношении же помощи со стороны латинов сенат заявил, что они в ней не нуждаются, говоря, что у Рима достаточно своих собственных сил, чтобы наказать изменников. Дав им такой ответ, сенат проголосовал за войну против вольсков.

XXVI. Пока еще сенат заседал в Курии и обдумывал, какими силами следует вступать в войну, на Форуме появился старец, одетый в рубище, с длинной бородой и отпущенными волосами, и воплями призывал людей на помощь. И когда его обступил находящийся поблизости народ, он, став на место, откуда должен был быть виден большинству, воскликнул: «Будучи рожден свободным, приняв участие во всех военных походах, являясь годным к военной службе, сразившись в двадцати восьми битвах и часто получая награды за проявленную в войнах храбрость, после того как наступили такие времена, которые довели государство до величайших бедствий, я был вынужден, чтобы заплатить взимаемые намоги³⁵, взять в долг. Когда же враги опустошили грабежами мое имение, а недостаток в продовольствии истощил мое хозяйство в городе, я, не имея средств заплатить мой долг, был вместе с двумя сыновьями уведен займодавцем в рабство. И когда хозяин приказал сделать одну нелегкую работу и я возразил против этого, то получил очень много ударов плетью». 2. Произнеся это, он сбросил рубище и показал грудь, покрытую ранами, и спину, истекающую кровью от ударов. Со стороны присутствующих раздался крик и плач, заседание сената было прервано и по всему городу бегали бедняки, со слезами жалуясь на свое собственное несчастье и требуя, чтобы соседи пришли им на помощь. Обращенные в рабство за долги, с распущенными длинными волосами, устремились из домов кредиторов, и большинство их владели на себе цепи и оковы; никто не осмеливался препятствовать им, и если кто-нибудь только прикоснулся бы к ним, он был бы растерзан на куски. 3. Такая ярость овладела народом в то время, и Форум был наполнен толпами вырвавшихся из неволи. Аппий, конечно же, опасавшийся нападений толпы, так как он служил виновником зом и считалось, что все это разразилось благодаря ему, пустился наутек с Форума. Сервилий же, сбросив окаймленную пурпуром тогу и валяясь со слезами в ногах у каждого плебея, с трудом уговорил их переждать этот день и прийти на следующий, уверяя, что сенат проявит о них некоторую заботу. Сказав это, он приказал глашатаю объявить, что никому из кредиторов не позволено за частный долг уводить гражданина до тех пор, пока сенат не вынесет о них решение, и что все присутствующие в настоящее время могут без опаски уйти куда пожелают. Тем самым смуту он прекратил.

³⁵ Речь идет о налогах на военные нужды.

XVII. Действительно, тогда они ушли с Форума. На следующий же день там появилась не только городская чернь, но и множество плебса из близлежащих деревень, и с утра Форум был заполнен. После того как был собран сенат, чтобы принять решение о том, что нужно делать, Аппий обозвал своего коллегу заискивающим перед народом и главарем бедняков в их безумии. Сервилий же назвал последнего жестоким и надменным и виновником текущих бед в государстве. 2. И не было никакого конца словопрениям. И в это время латинские всадники быстро въехали верхом на Форум, сообщая, что враги выступили с большим войском и уже находятся у их собственных границ. Таковы были известия, которые они принесли. Патриции и большая часть всадников, а также другие, кто имел богатство или унаследованное от предков доброе имя, и которые, конечно, многим рисковали, поспешно вооружились. 3. Но те из них, кто был беден, и в особенности те, кто находился в стесненном положении из-за взятых в долг денег, и за оружие не взялись, и иной какой помощи не предоставили государству, но ликовали и восприняли внешнюю войну как соответствующую их желаниям, так как, по их мнению, она освободит их от настоящих бедствий. Тем же, кто просил их помочь, они показывали цепи и оковы и, насмехаясь, спрашивали, стоит ли им воевать ради того, чтобы защитить это добро. Многие даже осмеливались заявлять, что лучше было бы скорее быть рабами у вольсков, чем переносить бесчинства патрициев. И город был наполнен жалобным ропотом, смятением и всевозможными женскими причитаниями.

XXVIII. Наблюдая это, сенаторы взмолили Сервилия, второго консула, который казался пользующимся доверием у большинства при настоящих обстоятельствах, помочь отечеству. И он, созвав народ на Форум, указал, что нынешние бедствия не допускают более гражданских распрей, и требовал, чтобы теперь они единодушно выступили против врагов и не взирали равнодушно на разорение отчизны, в которой пребывают отеческие боги и могилы предков каждого из них, являющиеся драгоценными для любого человека. Он настаивал, чтобы они выказали почтение к родителям, не имеющим вследствие старости достаточно сил защищать самих себя, и сострадание к женам, которые очень скоро будут вынуждены переносить ужасные и невыносимые оскорбления, в особенности же пожалеть малолетних детей, выращиваемых с такими надеждами, кои подвергнутся безжалостным унижениям и обидам. 2. Когда же все они благодаря общему усердию отринут теперешнюю угрозу, именно тогда придет время обдумать, каким образом установить справедливое, равное для всех и спасительное общественное устройство, дабы и бедные не злоумышляли против имущества богатых, и последние не унижали тех, кто куда более унижен судьбой (ибо такие государственные дела являются наихудшим злом), но чтобы, кроме государственной защиты нуждающихся, умеренная помощь была и тем, кто сужал деньгами в долг, и, разумеется, тем, кто претерпел несправедливость, и чтобы лучшее из лучшего, что есть среди людей и что сохраняет все общины в единомыслии — вера в заключенные соглашения — не была уничтожена полностью и навсегда только

в одном римском государстве. 3. Высказав это и все прочее, что приличествовало данным обстоятельствам, он в заключение поведал в свое оправдание о собственной любви, которую питал к народу, и выразил желание, чтобы они вместе с ним приняли участие в этом военном походе в ответ на его усердие в отношении них. Попечение о городе было возложено на его коллегу, а ему было предоставлено командование на войне, ибо так было определено им по жребию. И он сказал, что сенат ему посулил твердо соблюдать то, о чем он договорится с народом, а сам он пообещал сенаторам убедить сограждан не предавать отечество врагам.

XXIX. После этой речи Сервилий приказал глашатаю объявить, что никому не дозволяется ни завладевать, ни продавать, ни удерживать в качестве залога дома тех римлян, которые выступают в поход на войну; ни семью их отводить в темницу за какой-либо долг; ни препятствовать участвовать в военном походе тому, кто того пожелал. Но с тех, кто оставит военную службу, займодавцам позволено взыскивать долги на тех условиях, на которых они каждому дали в долг. И когда бедные это услышали, они тотчас согласились, и все с большим рвением отправились на войну; одних побуждали надежды на добычу, других — чувство благодарности к полководцу, большинство же — чтобы ускользнуть от Аппия и оскорблений в отношении оставшихся в городе.

2. Сервилий же, приняв войско, с великой поспешностью, не теряя времени, ведет его встретиться с врагами прежде, чем они вторгнутся в римские пределы. И обнаружив, что те расположились лагерем близ Помедии и разоряли латинскую землю, так как последние в ответ на их просьбу не помогли им в войне, он ближе к позднему вечеру устроил укрепленный лагерь возле некоего холма, примерно в двадцати стадиях от их лагеря. Ночью же вольски напали на них, полагая, что их немного, что они изнурены долгим переходом и недостаточно усердны из-за возмущений по поводу долгов со стороны бедняков, которые казались находящимися в особенном затруднении. 3. Сервилий же всю ночь держался в укрепленном лагере, но тотчас с наступлением дня узнав, что враги в беспорядке предаются грабежам, приказал незаметно отворить большое число калиток в лагере, и единым сигналом послал против них войско. И когда вдруг это неожиданная напасть обрушилась на вольсков, то немногие оказали противодействие и в сражении у лагеря были изрублены на куски. Другие же, убегая без оглядки и оставляя многих своих, в большинстве своем раненые и лишившиеся оружия, спаслись в лагере. 4. Когда же римляне, преследуя их по пятам, окружили их лагерь, вольски после непродолжительного сопротивления, сдали лагерь, наполненный большим количеством рабов, скота, оружия и военного снаряжения. Было там собрано и много свободных людей, частью — самих вольсков, частью — из помогавших им народов, а также очень много имущества, такого, как золото, серебро и одежда, словно был захвачен богатейший город. Сервилий разрешил солдатам разделить это между собой, чтобы каждый получил добычу, и приказал ничего не относить в государственную казну. Предав лагерь огню, он взял войско и

привел его к находящейся поблизости Свессе Помедии, так как и размерами, и количеством жителей, да к тому же славой и богатством она считалась намного превосходящей подобные ей города, и являлась как бы главным градом народа. Расположившись вокруг него лагерем и не отзывая войско ни днем ни ночью, дабы враги не могли нисколько передохнуть ни предавшись сну, ни получив передышку от войны, он измотал их голодом, нуждой и отсутствием союзной помощи, и в скором времени овладел ими и предал смерти всех, кто пребывал в юношеском возрасте. После чего, позволив воинам разграбить пожитки, которые здесь находились, он повел войско к другим городам, и никто из вольсков более не был в состоянии обороняться от него.

XXX. После того как могущество вольсков было ослаблено римлянами, второй консул, Аппий Клавдий, побудил привести на Форум их заложников, — триста мужей, и чтобы те, кто дал им в знак верности заложников, остерегались нарушать договоры, приказал на виду у всех бить их плетью и обезглавить. 2. Когда же несколько дней спустя из военного похода вернулся его товарищ по консульству и вознамерился получить триумф, обыкновенно, предоставляемый сенатом полководцам, которые блестяще провели сражения, Аппий, обзывая его мятежником и приверженцем дурного общественного устройства, воспрепятствовал этому и особенно обвинял его в том, что он из военной добычи нисколько не принес в государственную казну, но пожертвовал из угождения тем, кому пожелал. И он убедил сенат не предоставлять ему триумф. Но Сервилий, полагая, что он оскорблен сенатом, повел себя с необычным для римлян высокомерием. Ибо, созвав народ на собрание на равнине перед городом³⁶, перечислив совершенное им на войне и рассказав о зависти его коллеги и об оскорблении со стороны сената, он заявил, что за свои собственные деяния и за сражавшееся вместе с ним воинство он имеет право справить триумф в честь славных и успешных трудов. 3. Сказав это, он приказал украсить лавровыми ветвями фасции и, увенчав себя самого, выступил в город, сопровождаемый всем народом до тех пор, пока он, взошед на Капитолий, не исполнил обет и не посвятил богам снятые с убитых врагов доспехи³⁷. Этим он еще более навлек на себя зависть патрициев, но приблизил к себе плебеев.

XXXI. В то время как государство находилось в таком неустойчивом положении, перемирие, наступившее вследствие традиционных жертвоприношений и последо-

³⁶ Имеется в виду Марсово поле, находящееся к западу от стены Сервия Туллия, в излучине Тибра, между Тибром и Фламиниевой дорогой. Площадь его примерно 250 га. Марсово поле играло очень важную роль в жизни Рима; здесь проходили народные собрания по центуриям, устраивались триумфальные шествия, проводилась перепись населения и т. п. См.: Дионисий. V. 12–13.

³⁷ Во времена Республики триумф назначался сенатом по просьбе и предложению самого полководца. Необходимыми условиями для получения триумфа первоначально являлись следующие: самостоятельное командование войсками при занятии постоянной должности, успешное окончание войны и расширение пределов римского государства, не менее пяти тысяч убитых в одном сражении врагов. Описание триумфа см.: Дионисий. II. 34–35.

вавших за ними празднеств, которые справлялись на щедрые траты, остановило на этот период смуту среди народа. Но когда римляне совершали эти торжества, сабиняне, которые долго ждали столь удобного случая, с большими силами напали на них. Они выступили, как только настала ночь, дабы можно было приблизиться к городу прежде, чем находящиеся внутри города сумели бы обнаружить их появление. И они смогли бы легко захватить римлян, если бы некоторые из их легковооруженных воинов не оставили своих мест в строю и не устроили бы переполох, напав на окрестные селения. 2. Тотчас поднялся шум, и земледельцы бросились за стены города до того, как враги приблизились к воротам. Находившиеся в городе, узнав о нападении в то время, когда они наблюдали за зрелищами и были украшены обычными венками, оставили представления и обратились к оружию. И вокруг Сервилия в кратчайший срок собрался солидный отряд добровольцев, который он построил и вместе с ним обрушился на противника, который был утомлен бессонницей и усталостью и не ожидал нападения римлян. 3. Когда рати сошлись, произошло сражение, в котором из-за рвения обеих сторон не доставало порядка и послушания, однако словно по воле случая они сошлись строй на строй или центурия на центурию, или муж на мужа, и всадники, и пехота сражались, смешавшись вместе. И так как города их находились недалеко, к обеим сторонам подтягивались свежие силы, которые, вновь ободряя своих соратников, заставляли их переносить тяготы боя в течение долгого времени. Римляне, после того как к ним на помощь подошла конница, вновь одержали победу над сабинянами и, перебив многих из них, вернулись в город с большим числом пленных. Там, разыскивая сабинян, пришедших в город будто бы для того, чтобы смотреть представления, в действительности же за тем, чтобы, как было условлено, заранее захватить укрепленные места в городе, дабы помочь своим во время их приступа, они заключали их в тюрьму. И проголосовав за то, чтобы прерванные войной жертвоприношения совершались с двойным великолепием, они снова стали предаваться наслаждениям.

XXXII. Но пока они занимались празднествами, к ним явились послы от аврунков³⁸, обитавших в прекраснейших долинах Кампаний. Представ перед сенатом, они потребовали, чтобы римляне вернули им землю вольсков, называемую Эцетра³⁹, которую они у тех отобрали и разделили на участки между колонистами, посланными туда наблюдать за тем народом, и чтобы вывели оттуда свой гарнизон. Если же римляне не сделают этого, то через короткий промежуток времени аврунки нападут на них, чтобы отомстить за оскорбления, которые те нанесли своим соседям. 2. Римляне же дали им такой ответ: «Послы, сообщите аврункам, что мы, римляне, считаем справед-

³⁸ Аврунки — народ, родственник оскам, обитал к югу от вольсков, между реками Лирис и Вольтуры. Главным городом аврунков была Свесса Помеция.

³⁹ Эцетра — город вольсков, расположенный на границе их владений в непосредственной близости к землям эквов.

ливым, когда кто-либо владеет чем бы то ни было, что завоевано у врагов благодаря доблести, и оставляет это своему потомству как свое собственное. Войны же с аврунками, которая будет ни первой, ни самой трудной, мы не боимся. Но у нас всегда был обычай сражаться со всеми за господство, и так как мы осознаем, что это будет состязание в доблести, мы будем ожидать его без содрогания». 3. После этого аврунки, выступившие со своей земли с большим воинством, и римляне со своими собственными силами под командованием Сервилия, встретились у города Ариции, расположенного на расстоянии ста двадцати стадиев от Рима⁴⁰. И каждый из них расположился лагерем на укрепленных холмах, отстоявших недалеко друг от друга. После укрепления своих лагерей, они вышли на равнину, чтобы сразиться, и, начав рано утром, продолжали битву до полудня, так что с обеих сторон было много воинов убито. Ибо аврунки были воинственным народом и благодаря крепости своей физической силы и свирепости взоров, в которых было много животной жестокости, он был самым ужасным.

XXXIII. Говорят, что в этом сражении римская конница и ее командир, Авл Постумий Альб, бывший диктатором годом раньше, оказался самым храбрым. Ибо место, где произошла битва, было самым неподходящим для применения конницы; там были каменистые холмы и глубокие ущелья, так что конница ни той ни другой стороне не могла бы помочь. 2. Постумий же, приказав следовавшим за ним спешиться, сформировал небольшие отряды по шестьсот человек, и заметив, где римский строй находился в наиболее трудном положении, будучи прижат к холму, вступил в бой с врагами в этих местах и быстро смешал их ряды. Варвары были остановлены, храбрость вернулась к римлянам, пехота последовала примеру конницы; та и другая образовали сомкнутую колонну и отбросили правый фланг врагов к холму. Некоторые преследовали ту часть из них, которая бежала к своему лагерю, и многих перебили, в то время как другие напали на тылы тех, кто еще продолжал сражаться. 3. И когда римляне также обратили их в бегство, то преследовали аврунков при их трудном и медленном отступлении по направлению к холмистой местности, рубя мечами сухожилия на их ногах и коленях до тех пор, пока те не добрались до своего лагеря. Одолев немногочисленную стражу, римляне завладели лагерем и разграбили его. Однако они не нашли там много добра, за исключением оружия, лошадей и другого военного снаряжения. Вот что произошло в консульство Сервилия и Аппия.

XXXIV. После этого консульскую власть получили Авл Вергиний Целимонтан и Тит Ветурий Гемин, когда архонтом в Афинах был Фемистокл, в 206 году от основания Рима и за год до семьдесят второй Олимпиады⁴¹, на которой Тисикрат из Кротона стал победителем во второй раз⁴². В их консульство сабиняне готовились

⁴⁰ Ариция — древнейший город Лация, расположенный на Аппиевой дороге у подошвы Альбанской горы.

⁴¹ 494 г. до н.э. (= 492 г. до н.э. по Дионисию).

⁴² Состязания в беге.

повести против римлян армию еще большую, чем прежде, и медуллийцы⁴³, отпавшие от римлян, заключили с сабинянами договор о союзе. 2. Патриции, узнав об их намерении, готовились немедленно начать военные действия всеми своими силами, плебеи же отказывались подчиниться их приказам, с негодованием вспоминая неоднократные нарушения ими обещаний, которые они давали по поводу бедняков, нуждающихся в облегчении бремени, голосования, которые проходили ...⁴⁴. И собравшись одновременно по несколько человек, они связали друг друга клятвой, что больше не станут помогать патрициям в какой бы то ни было войне и что каждому притесняемому бедняку они сообща окажут помощь против всякого, кого они встретят. И сговор этот оказался явным и во многих других случаях, и в словесных перебранках, и в физических столкновениях, в особенности же он стал очевидным для консулов, после того как плебеи, будучи призваны на военную службу, не явились. 3. Ибо всякий раз, когда они⁴⁵ приказывали схватить кого-либо из народа, бедняки собирались в толпу и старались освободить того, кого уводили, и когда ликторы консулов отказывались его освободить, они их избивали и прогоняли; и если кто-нибудь из присутствовавших всадников или патрициев пытался прекратить это, они не удерживались и от того, чтобы их колотить. И через небольшой промежуток времени город был охвачен беспорядками и смутой. И по мере того как мятеж в городе усиливался, возросли и приготовления врагов к вторжению на их земли. И когда вольски снова задумали измену и так называемые эквы⁴⁶, ото всех народов, бывших под властью Рима, прибыли послы просить помощи, потому что их земли находились там, где должна была пройти война. 4. Ибо латины сказали, что эквы совершили вторжение в их пределы, опустошили их поля и разграбили некоторые их города; гарнизон Крустумерия⁴⁷ сообщил, что сабиняне находятся возле крепости и полны решимости осадить ее; другие же возвещали об иных бедах, которые произошли и которые вскоре могли произойти, и просили о немедленной помощи. Появились перед сенатом и послы вольсков, требуя, чтобы римляне, прежде чем они начнут войну, вернули им отнятые у них земли.

⁴³ Медуллия — альбанская колония в земле сабинян, между Тибром и Аниеном. Ее область была присоединена к Риму при Тарквинии Древнем.

⁴⁴ В этом месте текст испорчен и его удовлетворительное восстановление не представляется возможным. Определенно сказать, какие голосования имеет здесь в виду Дионисий, также нельзя, однако можно предположить, что это были голосования, проходившие в сенате, особенно принимая во внимание тот факт, что Дионисий чаще всего не использует глагол, когда речь идет о голосовании в комедиях.

⁴⁵ Подлежащее здесь пропущено, но очевидно, что имелись в виду консулы.

⁴⁶ Эквы — среднеиталийский воинственный народ, обитавший по обеим сторонам реки Аниен. Их главными городами были: Альба, Тибур, Пренесте, Карсиолы. В союзе с вольсками эквы вели кровопролитные войны против Рима, пока в 389 г. до н.э. Каилл навсегда не смирил их. Далее в тексте лагуна. Здесь должны были быть упомянуты и сабиняне. См.: *Дионисий*. VI. 42. 1.

⁴⁷ Крустумерий — сабинский город, расположенный к северу от Рима и Фиден, недалеко от левого берега Тибра. Этот город был завоеван Римом одним из первых.

XXXV. Когда был собран сенат, чтобы обсудить это, консулы предложили высказать свое мнение первому Титу Ларцию, считавшемуся мужем большого достоинства и высочайшей мудрости. Выступив вперед, он сказал: «Сенаторы, то, что другие считают ужасным и требующим безотлагательной помощи, мне не кажется ни ужасным, ни очень срочным, я имею в виду, каким образом нам следует помочь союзникам или как отразить врагов. Однако то, что они не считают ни величайшим злом, ни неотложным в текущее время, но чем продолжают пренебрегать как не причиняющим нам никакого вреда, как раз и кажется мне самым ужасным. И если мы быстро не положим этому конец, то оно станет причиной полного крушения и уничтожения государства. Я говорю и о неповиновении плебеев, которые отказываются выполнять приказы консулов, и о нашей собственной строгости по отношению к этому неповиновению и их независимому нраву. 2. Я думаю, что нам следует в настоящий момент рассмотреть не что иное, как то, каким образом отвратить эти бедствия от государства, и всем нам (римлянам) единодушно отдать предпочтение соображениям общественным перед личными в тех мерах, которые мы изберем. Ибо при единомыслии сила гражданства достаточна для того, чтобы обеспечить безопасность союзникам и внушить страх врагам, при разногласиях же, как нынче, оно не в состоянии этого достичь. Я удивлюсь, если оно и само себя не уничтожит, и врагам без труда не уступит победу. Клянусь Юпитером и другими богами, что это вскоре случится, если вы будете таким же образом продолжать вести государственные дела.

XXXVI. Ибо вы видите, что мы живем отдельно друг от друга и населяем два города, один из которых управляется бедностью и нуждой, другой же — пресыщенностью и высокомерием; стыдливости же, порядка и справедливости, которыми сохраняется всякое сообщество граждан, не остается ни в одном из этих городов. По этой причине мы уже силой требуем друг от друга справедливости и делаем силу высшей мерой справедливости, предпочитая, как дикие звери, скорее уничтожить своего врага, хотя бы и погибнув вместе с ним, чем спастись вместе с противником, принимая во внимание свою собственную безопасность. 2. Я прошу вас обратить большое внимание на это обстоятельство, как только вы отпустите послов. Что же касается ответов, данных им теперь, то я имею предложить вот что: так как вольски требуют возратить то, чем мы владеем по праву войны, и угрожают нам войной, если мы откажемся вернуть это, то давайте ответим им, что мы, римляне, считаем приобретения, полученные нами в соответствии с правом войны, честнейшими и справедливейшими, и что мы не позволим по глупости уничтожить плоды нашей доблести. Возратив же эти владения, которые нам следует разделить с нашими детьми и которые мы постараемся оставить их потомству, тому, кто их утратил, мы лишимся того, что уже является нашим, и поступим с собой столь же жестоко, как поступили бы со своими собственными врагами. 3. Латинцев же давайте похвалим за их доброжелательство и рассеем их опасения, заверив их, что мы с нашей помощью не оставим их в опасности, в которой они могут оказаться, до тех пор, пока они

хранят нам верность, но через небольшой промежуток времени пошлем им войско, достаточное для того, чтобы защитить их. Я считаю, что такие ответы будут лучшими и самыми справедливыми. Я говорю, что, после того как послы удалятся, нам следует посвятить первое собрание сената беспорядкам в городе, и это собрание не следует надолго откладывать, но назначить на следующий день».

XXXVII. Когда Ларций изложил это мнение, и оно было всеми одобрено, тогда послы получили указанные ответы и удалились. На следующий день консулы собрали сенат и предложили обсудить, каким образом устранить возникшее в государстве смятение. Итак, прежде попросили высказать суждение Публия Вергиния, преданного народу мужа, который придерживался среднего мнения, и он сказал: «Так как в прошлом году плебеи выказали величайшее рвение в войнах за общее благо, противостоя вместе с нами вольскам и аврункам, когда те с огромным воинством напали на нас, то я думаю, что всех, кто тогда помогал нам и принимал участие в этих боевых действиях, следует простить, и ни их личности, ни их имущество не должны быть во власти заимодавцев; и тот же принцип справедливости должен распространяться на их отцов так же, как и на их дедов, и на их детей так же, как на внуков; но прочие могут быть отведены в тюрьму теми, кто давал им в долг деньги, на тех условиях, на которых каждым из них они были даны». 2. После этого Тит Ларций сказал: «Мне кажется, сенаторы, что не только те, кто хорошо проявил себя во время войн, но и весь остальной народ следует освободить от их обязательств. Ибо только так мы приведем весь город к согласию». Третьим выступил Анний Клавдий, консул предыдущего года, и заявил:

XXXVIII. «Всякий раз, сенаторы, обсуждая это, я всегда придерживался одного и того же мнения: не соглашаться ни с одним требованием народа, которое является незаконным и недостойным, и не унижать достоинства государства. И сейчас я не изменю того мнения, которого я придерживался сначала. Действительно, я буду самым безумным из людей, если в прошлом году, когда я был консулом и мой коллега противодействовал мне и возбуждал против меня народ, я сопротивлялся и твердо отстаивал свои решения, не будучи удержан страхом и не уступив ни мольбам, ни любезности, а теперь, когда я являюсь частным гражданином, унижу свое достоинство и изменю своей откровенности. 2. Вы можете назвать это свободой духа благородного или себялюбивого — как каждый из вас пожелает, — человека, но сколько бы я ни жил, я никогда не предложу в качестве благодеяния в отношении порочных людей освобождение от долгов, но буду со всей решительностью, на какую способен, противодействовать тем, кто все же предложит это, полагая, что всякое зло, порча и, коротко говоря, уничтожение государства начинается с освобождения от долгов. 3. И если кто-либо надумает, что то, что я говорю, проистекает от благоразумия или от некоторого безумия (так как я считаю нужным принимать во внимание безопасность, не себя самого, но общего блага), либо по какой-либо другой причине, я позволяю тому думать так, как ему заблагорассудится; но я до самого конца буду про-

тивиться тем, кто станет предлагать меры, несогласные с обычаями предков. И так как обстоятельства требуют не прощения долгов, но значительной помощи, я утверждаю, что в настоящее время есть только одно средство против смуты: немедленно избрать диктатора, который, имея неограниченную возможность действовать, заставит и сенат, и народ принять то мнение, которое является самым полезным для государства. Ибо нет иного освобождения от столь большого зла».

XXXIX⁴⁸. Сия речь Аппия была встречена молодыми сенаторами шумным одобрением как предлагающая те меры, которые были необходимы, но Сервилий и некоторые другие более пожилые сенаторы воспротивились этому. Однако они были одолены молодежью, которая явилась, предварительно подготовившись и использовав насилие. Наконец было принято предложение Аппия. 2. И после этого, хотя большинство сенаторов полагало, что диктатором будет назначен Аппий как единственный, кто был способен успокоить волнения, консулы, действуя единодушно, исключили его и назначили Манья Валерия, брата Публия Валерия, впервые ставшего консулом, которого считали наиболее угодным народу и который, кроме того, был пожилым человеком. Ибо они полагали, что достаточно одного страха перед властью диктатора, и что настоящие обстоятельства требовали человека справедливого во всех отношениях, дабы он не подал повода к новым беспорядкам. .

XI. После принятия Валерием власти и назначения Квинта Сервилия, брата Сервилия, бывшего коллегой Аппия по консульству, начальником конницы, Валерий созвал народ на сходку. И как только громадная толпа собралась тогда вместе впервые с тех пор, как Сервилий сложил с себя полномочия, и народ, принуждаемый к военной службе, был доведен до явного отчаяния, он выступил на трибунал и сказал: «Сограждане, мы хорошо знаем, что вы всегда были рады тому, что вами управлял кто-либо из рода Валериев, который освободил вас от тягостной тирании, и, возможно, вы никогда не будете ожидать того, что не получите каких-нибудь разумных приобретений, доверившись однажды тем, кого считают самыми демократичными из всех. 2. Так что вы, к кому обращены мои слова, не нуждаетесь в том, чтобы говорить вам, что мы будем поддерживать свободу народа, которую даровали ему вначале. Но вам необходимо только умеренная поддержка, чтобы поверить нам, что мы исполним то, что вам обещаем. Ибо я дожид до столь зрелого возраста, который менее всего подходит для того, чтобы лгать, и обладаю в значительной степени почетом, чтобы поступать легкомысленно; и я не намерен провести остаток жизни где-либо, кроме как среди вас, где я буду готов отвечать перед судом за любой, как вам может показаться, обман, который я совершил в отношении вас. 3. Итак, об этом я больше говорить не буду, потому что, как я сказал, не нуждаются в многочисленных доказательствах на словах те, кто знает факты. Но претерпев от других, вы, кажется мне, справедливо относитесь ко всему с подозрением: вы всегда наблюдали,

⁴⁸ Об описываемых в этой главе событиях повествует и Тит Ливий: (II. 30. 2-7).

что тот или иной консул, когда им требовалось побудить вас идти против врагов, обещает получить для вас от сената то, что вы требуете, но никогда не выполняет ни одного из своих обещаний. То, что у вас нет справедливых оснований питать такие же подозрения и ко мне, я докажу прежде всего при помощи двух следующих соображений: во-первых, то, что сенат не использовал бы меня, считающегося самым большим другом народа, для этой службы, когда имеются другие, более подходящие для нее, и во-вторых, не возложил бы на меня высшую власть, с помощью которой у меня будет возможность вводить то, что я считаю наилучшим, даже без его участия.

XLII. Ибо вы, несомненно, не думаете, что я сознательно присоединяюсь к обману и сговорился с ними, чтобы причинить вам вред. Конечно, если такие мысли обо мне приходят вам в голову, делайте со мной, что пожелаете, считая меня самым порочным из людей. Доверившись мне, освободите себя от этих подозрений и обратите ваш гнев от друзей на врагов, которые пришли с целью захватить ваши города и из свободных людей превратить в рабов и стараются навлечь на вас другие тяготы, удерживающие человечество в величайшем страхе, и которые, как сообщают, находятся недалеко от вашей земли. 2. Итак, с усердием дадим отпор им и покажем, что мощь римлян, хотя и ослабленная смутой, превосходит мощь всех других, когда имеет место согласие. Поскольку или они не выдержат вашего единодушного нападения, или получают заслуженное наказание за свою дерзость. Помните, что тех, кто затевает войну против вас — вольсков и сабинян, вы неоднократно одолевали на поле брани, и что теперь у них и тела не крепче, и сердца не храбрее, чем у их предков, но что они презирают вас потому, что думали, будто вы в разладе друг с другом. И когда вы отомстите своим врагам, я лично клянусь, что сенат вознаградит вас, как уладив споры относительно долгов, так и предоставив все прочее, что вы справедливо просите у него, в той мере, в какой вы продемонстрируете свою доблесть на войне. 3. До того же времени пусть все имущество, личность каждого и всякое право римского гражданина будет надежно защищено от ареста за долг или какое-нибудь другое обязательство. Тем же, кто будет сражаться с усердием, самой прекрасной наградой будет то, что город, в котором они родились, останется невредимым, и им будет принадлежать похвала от их сотоварищей. И пожалованных нами наград будет достаточно и для того, чтобы с их помощью привести в порядок хозяйства, и для того, чтобы оказанной честью прославить семейства. Я желаю также, чтобы мое рвение в стремлении подвергнуться опасностям могло быть примером для вас. Ибо я буду сражаться за Отечество столь же упорно, как самый сильный из вас».

XLIII⁴⁹. В то время как он говорил это, весь народ с удовольствием внимал ему в надежде, что больше его не обманывают, пообещав предоставить свою помощь на войне; и было образовано десять военных соединений⁵⁰ по четыре тысячи бойцов

⁴⁹ О повествуемых в главе 42–43. 1. см. также: *Ливий*. II. 30. 7–31. 6.

⁵⁰ Употребленное Дионисием слово «τάγμα» обычно соответствует латинскому «легион».

в каждом. Из них каждый из консулов взял три и столько конницы, сколько было присвоено каждому соединению; другие четыре вместе с оставшейся конницей находились под командованием диктатора. Немедленно все подготовив, они поспешно выступили: Тит Ветурий против эквов, Авл Вергиний против вольсков, сам же диктатор Валерий против сабинян, в то время как город защищал Тит Ларций вместе с престарелыми и небольшим отрядом, состоявшим из мужей призывного возраста. 2. Таким образом, исход войны с вольсками был скоро предрешен. Так как они, считая себя намного превосходящими в числе и припоминая то зло, которое они претерпели, были побуждаемы сражаться скорее с большей поспешностью, чем с рассуждением, и первыми атаковали римлян, как только те стали лагерем у них на виду. Разразилась упорная битва, в которой они, хотя и проявили много благородства, однако понесли огромные потери и были вынуждены обратиться в бегство; их лагерь был захвачен, а знаменитый город, по имени Велитры⁵¹, был взят приступом. 3. Подобным же образом была в очень короткий промежуток времени укрошена и заносчивость сабинян, т.е. и тех, как и первых, вознамерившихся взять верх в одном сражении. После этого их земли были опустошены, и было захвачено несколько небольших городов, из которых войны забрали много людей и имущества. Эквы же, ощущая свою собственную слабость и узнав, что война, которую вели их союзники, закончилась, не только засели в укрепленных лагерях и не желали выходить на битву, но и тайно готовились к отступлению туда, где бы они могли, благодаря горам и лесам, задержаться и продолжить войну. Однако они не смогли сохранить в целости свое войско, так как римляне смело атаковали их в их сильных укреплениях и приступом захватили их лагерь. Вслед за этим последовало их бегство с земли латинов и сдача городов, которые они захватили во время своего первого нашествия, а также пленение некоторых из тех, кто из любви к распрям не покинул укрепления.

XLIII. Валерий же, победив в соответствии со своим замыслом в этой войне и справив обычный триумф в честь своей победы⁵², распустил людей с военной службы, хотя сенат пока еще не считал это своевременным, опасаясь, как бы бедняки не потребовали выполнения обещаний. После этого он выслал колонистов занимать отнятые у вольсков земли, выбрав их из числа бедняков, которые должны были как охранять завоеванные земли, так и поубавить в городе количество склонных к мятежу. 2⁵³. Осуществив это, он попросил сенат выполнить данные ему обещания теперь, когда они достигли единодушия с плебеями в этих войнах. Сенат, однако, не обратил на него никакого внимания, но, как прежде, молодые и вспыльчивые люди, превос-

⁵¹ Велитры — город вольсков, расположенный в Лацин. После захвата римлянами он потерял всякое значение.

⁵² Ливий сообщает, что помимо обычных почестей, ему и его потомкам было предоставлено место в Цирке, где было поставлено курьезное кресло. См.: *Ливий*. II. 31. 3.

⁵³ О повествуемых в главах 43. 2–48. 3 см.: *Ливий*. II. 31. 7–32. 8.

ходившие других числом, соединились для противодействия его предложению, воспротивились тогда ему и подняли против него крик, заявляя, что его семья заискивает народной благосклонности и является источником дурных законов. Они обвиняли Валериев в том, что именно той мерой, которой они больше всего гордились и которая касалась судебных полномочий народного собрания, они совершенно уничтожили могущество патрициев⁵⁴. Валерий был глубоко возмущен этим и, упрекнув их за то, что они навлекли на него несправедливый гнев народа, оплакал судьбу, которая настигнет их за такое деяние. Вслед за тем, как того следовало ожидать при столь скверных обстоятельствах, произнеся несколько грозных пророчеств и воодушевившись, благодаря отчасти возбуждению, отчасти своему величайшему благоразумию, бросился из Курии. И созвав народ на сходку, сказал: 3. «Сограждане, чувствуя себя многим вам обязанным и за усердие, которое вы продемонстрировали, предоставляя мне свою добровольную помощь в войне, и еще больше за доблесть, которую вы выказали в сражениях, я очень старался отплатить вам не только другими способами, но в особенности тем, что не нарушу обещания, которые давал вам от имени сената, и тем, что как советник и посредник между вами и сенатом, превращу разногласие, которое сейчас существует между вами, в согласие. Но мне мешают выполнить это те, кто предпочитает не то, что является полезнейшим для государства, но то, что им самим в сию минуту угодно, и которые возобладали, превосходя прочих числом и могуществом, пристрастием скорее от их молодости, чем от настоящих обстоятельств. 4. Я же, как видите, старик, и имею таких союзников, чья сила заключается в намерении, которое они не в состоянии осуществить; и то, что считалось нашей заботой о государстве, оказалось предметом собственной ненависти для той и другой стороны. Ибо я осужден сенатом за то, что уважал народ, и представлен перед вами в ложном свете как проявляющий слишком большое благоволение к нему.

XLIV. Следовательно, если народ, испытав хорошее, не исполнил данных мною сенату от его имени обещаний, то мое оправдание по этому поводу заключалось бы в том, что народ нарушил слово, но что с моей стороны обмана не было. Но так как обещания, данные вам сенатом, не были выполнены, теперь я вынужден заявить народу, что обращение, с которым вы столкнулись, мною не одобряется, но что мы вместе одинаково обмануты и введены в заблуждение, и я даже больше, чем вы, так как я не только обманут, будучи введен в заблуждение вместе со всеми вами, но задета моя собственная честь. Ибо я обвиняюсь в том, что без согласия сената передал бедным из вас трофеи, захваченные у врагов, желая получить для себя личную выгоду, и в том, что требовал конфискации собственности граждан, хотя сенат не позволил мне действовать в нарушение законов, и в том, что я распустил войско, несмотря на противодействие сената, когда я был обязан держать вас во вражеской стране в

⁵⁴ Очевидно, имеется в виду закон Валерия 509 г. до н.э., который предоставил римскому гражданину право провокации, т.е. право апеллировать к народному собранию против решения магистрата.

бездействию и бесконечном передвижении. 2. Меня также упрекают в отправке колонистов на земли вольсков по той причине, что я не отдал большую и хорошую часть земель патрициям или всадникам, но раздал ее бедным из вас. Однако в особенности повод для возмущения против меня дало то, что при наборе армии в добавление к всадникам было набрано более чем четыреста состоятельных плебеев. 3. Если бы ко мне таким образом относились, когда я был в расцвете сил, я бы своими деяниями доказал своим врагам, какого человека они оскорбили. Но так как теперь мне более семидесяти лет и я не способен более защищать себя, и так как я понимаю, что более не могу смягчать ваше разногласие, я слагаю с себя полномочия и отдаю себя во власть тех, кто того пожелает, дабы обошлись со мной так, как сочтут справедливым, веруя, что они ни в чем не введены мной в заблуждение».

XLV. Этими словами Валерий пробудил сострадание у всех плебеев, которые сопровождали его, когда он покидал Форум; со стороны же сената он усилил негодование против себя. И сразу после этого произошли следующие события. Бедняки, не собираясь более ни тайно, ни ночью, как прежде, но уже открыто, решили удалиться от патрициев. Сенат же с целью воспрепятствовать этому, приказал консулам пока еще не распускать воинские силы. Ибо каждый консул еще осуществлял командование своими тремя отрядами, которые были связаны военной присягой, и ни один из воинов не желал покидать свои военные значки; столь большой страх нарушить присягу преобладал над всем. Предлогом же, придуманным для военного похода, было то, что эквы и сабиняне соединились вместе для войны против римлян. 2. Когда же консулы выступили из города со своими войсками и расположились лагерем недалеко друг от друга, все воины собрались вместе, имея при себе оружие и военные значки, и по наущению некоего Сициния Беллута захватили военные значки и восстали против консулов (ибо к значкам этим римляне относились с величайшим почетом во время войн, они считались священными так же, как и статуи богов). Затем назначив некоторых центурионами, а Сициния — старшим во всем, они заняли гору, расположенную близ реки Аниен, недалеко от Рима, которая вследствие этого теперь называется Священной Горой⁵⁵. 3. Когда консулы же и центурионы призывали их вернуться, сопровождая призывы мольбами и сетованиями и давая многочисленные посулы, Сициний ответил: «Патриции, с какой целью теперь вы зовете обратно тех, кого прогнали из отечества и превратили из свободных людей в рабов? Какие ручательства вы дадите нам в том, что исполните те обещания, в неоднократном нарушении которых вы уже признаны виновными? Но так как только вы одни желаете владычествовать в городе, возвращайтесь туда, не тревожась за бедняков и низких по происхождению. Нам же угодно

⁵⁵ Единого мнения о месте, куда удалились плебеи, не было уже в древности. Одни авторы, например, Ливий (II. 32. 3), Цицерон (О государстве. II. 58), Дионисий называют Священную гору; другие, например, упоминаемый Ливием Пизон (II. 32. 3) считают, что плебеи удалились на Авентин.

считать своей родиной любую землю, где бы она ни была, в которой мы будем иметь свободу».

XLVI. Когда весть об этом дошла до обитателей города, возникло большое смятение, рыдания и беготня по улицам, так как народ готовился покинуть город, а патриции старались отговорить их и применяли насилие к тем, кто отказывался повиноваться. Поднялись невообразимые гам и стенания у ворот, происходил обмен оскорбительными криками и совершение враждебных действий, и никто более ни принимал во внимание ни возраст, ни дружбу, ни репутацию. 2. И после того как те, кто был назначен сенатом охранять город, были народом принуждены оставить свой пост (ибо их было немного и они более не могли противостоять ему), тогда уже плебс устремился густой толпой наружу, причем смятение это походило на взятие города; раздавались стенания тех, кто остался позади, и звучали взаимные упреки взвращающих на покидаемый город. Засим последовали частые заседания сената и выдвигались обвинения против тех, кто нес ответственность за сецессию. В то же самое время на них напали враждебные народы, опустошавшие прилегающую к городу землю. Удалившиеся, взяв необходимую провизию с ближайших полей, не причиняя, однако, никакого вреда стране, остались на открытой местности и принимали прибывавших к ним из города и расположенных поблизости крепостей, которые уже стекались к ним в большом количестве. 3. Ибо к ним стекались не только те, кто желал спастись от долгов, судебных приговоров и наказаний, которые они ожидали, но и многие другие, кто проводил жизнь в праздности и распушенности, или имущества которых было недостаточно для удовлетворения своих желаний, или те, кто предал себя разврату, или завидовал имуществу других, или из-за каких-то других неудач или по каким-то другим причинам был настроен враждебно по отношению к установленному государственному порядку.

XLVII. И в эту минуту большое замешательство и испуг овладели патрициями, которые опасались, что удалившиеся тотчас же вернуться в город вместе с внешними врагами. Тогда, словно по единому приказу, схватились за оружие и в сопровождении своих клиентов, одни пошли охранять дороги, на которых они ожидали появления врагов, другие выступили в крепости, чтобы их защитить, третьи устроили лагерь на равнине перед городом. Те же, кто из-за возраста был не способен что-либо из этого сделать, расположились на стенах. 2. Но после того как они узнали, что удалившиеся не присоединились к врагу в опустошении страны, и другого вреда, заслуживающего того, чтобы о нем говорить, не причиняли, они оставили страх и, переменяя мнение, продолжили рассуждать о том, посредством чего можно было бы прийти с ними к соглашению. И различные речи, прямо противоположные одна другой, были произнесены первенствующими сенаторами. Однако самые благоразумные речи и те, которые являлись наиболее подходящими к существующим обстоятельствам, были высказаны старейшими сенаторами, которые указали, что народ удалился от них без какого бы то ни было злого намерения, но частично был

побужден непреодолимым отчаянием, частично введен в заблуждение своими советниками, рассуждая о своем стремлении скорее чувством, чем разумом, как то обыкновенно случается с невежественным народом; и что большая часть их осознает, что получила дурной совет, и ищет возможность исправить свои проступки, если бы только они могли найти для этого благовидный предлог. Во всяком случае, в своих действиях они уже раскаялись. И если бы сенатом им была дана надежда на будущее путем голосования за предоставление им полного прощения и предложение почетного перемирия, они охотно будут переносить свое собственное положение. 3. Советуя это, они потребовали, чтобы более знатные не были бы более непримиримыми, чем лица более низкого происхождения, и не откладывали перемирие до тех пор, пока несознательная толпа будет приведена в чувство необходимостью или вынуждена исцелить меньшее зло посредством большего, передав оружие и сдавшись на милость победителям. Ибо такое почти невозможно. Однако благодаря разумному отношению к народу им следовало бы подать пример спасительных решений и предвосхитить других в предложении перемирия, памятуя, что до тех пор, пока руководство и управление государством являются обязанностью патрициев, содействие дружбе и миру — дело благородных людей. 4. Они заявили, что авторитет сената будет в высшей степени поколеблен не невольными разногласиями при благородном и безопасном управлении государством, но чрезмерной яростью, посредством чего, демонстрируя негодование по отношению к превратностям судьбы, они уничтожат государство. Это безумие пренебрегать безопасностью, стремясь к благопристойности. Конечно, желательно достичь и того, и другого, но если одно достигается без другого, то безопасность следует признать более необходимой, чем благопристойность. Последнее предложение со стороны тех, кто давал подобный совет, заключалось в том, что к удалившимся следует направить посольство для установления мира, так как они не виновны ни в чем непоправимом.

XLVIII. Сенатом это было одобрено. Вследствие этого они избрали самых достойных и послали их в лагерь к удалившимся с приказанием осведомиться у них, чего они желают и на каких условиях они согласятся вернуться в город. Ибо в случае, если какие-нибудь их требования являются разумными и выполнимыми, сенат не будет им противиться. Следовательно, если они теперь же сложат оружие и возвратятся в город, им гарантируют безнаказанность за их прошлые проступки и прощение на будущее. И если они выкажут самые лучшие намерения в отношении государства и охотно подвергнут себя опасности на службе своему отечеству, они получат отменные и полезные вознаграждения. 2. Послы, получив такие наставления, сообщили их находящемуся в лагере народу и говорили с ними соответствующим образом. Но удалившиеся, отклонив эти предложения, упрекали патрициев за надменность, жестокость и величайшее лицемерие, за их притворство, что те, якобы, с одной стороны, не знают требований народа и причин, побудивших их удалиться от них, и, с другой — за то, что они гарантируют им освобождение от всех обвинений за их

уход как если бы они все еще являлись хозяевами положения, хотя именно они сами нуждаются в помощи своих сограждан против внешних врагов, которые вскоре придут со всеми своими силами, врагов, которых не смогут противостоять люди, которые считают спасение не своим собственным благом, но удачей тех, кто помогает им. Закончили же они заявлением, что когда сами патриции лучше осознают те трудности, в которых находится государство, они поймут, с какими противниками имеют дело; и к этому заявлению они добавили много резких угроз. З. На все это послы более не отвечали, но ушли и сообщили патрициям о заявлениях, которые сделали удалившиеся. После того как находящиеся в городе получили такой ответ, ими овладели еще более серьезные смятение и страх, чем прежде; и сенат не был в состоянии ни найти средство решить эти трудности, ни отложить их разрешение, но выслушав упреки и обвинения, которыми осыпали друг друга первенствующие сенаторы, день за днем откладывали заседания. И не осталось плебеев, которые еще пребывали в городе, принужденных расположением к патрициям и любовью к отчизне находится в том же самом настроении. Напротив, весьма значительная их часть открыто и тайно исчезала, и казалось, что на тех, кто удалился, нет никакой надежды. При таком положении дел консулы назначили день выборов магистратов, ибо время исполнения ими своих полномочий было невелико.

XLIX. И так как пришло время им собраться на поле⁵⁶ для выбора магистратов, и ни один не добивался консульства и не соглашался принять его, если предлагали, то сам народ выбрал двух консулов из числа тех, кто уже исполнял магистратуру и был приемлем и для народа, и для аристократии; их имена были Постум Коминий и Спурий Кассий (благодаря стараниям Кассия сабиняне были побеждены и отказались от притязаний на верховенство). Случилось это во время семьдесят второй Олимпиады, в тот год, когда Тисикрат из Кротона был победителем в беге на стадий, архонтом же в Афинах был тогда Диогнет⁵⁷. 2. Вступив в должность в сентябрьские календы, ранее чем это было принято у предыдущих консулов, они, прежде чем позаботиться о других делах, созвали сенат и попросили изложить его мнение по поводу возвращения плебеев. Первым сенатором, которого они призвали выразить свое мнение, был муж по имени Агриппа Менений, бывший тогда в зрелом возрасте, которого считали человеком величайшей мудрости и особенно уважали за политические принципы, так как он придерживался умеренного пути, не склоняясь ни к увеличению высокомерия аристократической группировки, ни к тому, чтобы позволять народу действовать во всем независимо. Он побуждал сенат к примирению, говоря следующее: З. «Если сенаторы, все, кто присутствует, придерживаются одного и того же мнения и никто не собирается противиться примирению с народом, но только условиям его достижения, рассуждая о том, справедливы ли они или несправедливы, на которых мы

⁵⁶ Имеется в виду Марсово поле.

⁵⁷ 493 г. до н.э. (= 491 г. до н.э. по Дионисию).

должны с ними примириться и которые вы прежде рассматривали, я мог бы выразить мои мысли в нескольких словах. 4. Но так как некоторые считают, что именно этот вопрос и должен быть предметом дальнейшего обсуждения, а именно, лучше ли нам пойти на соглашение с удалившимися или начать с ними войну, я не думаю, что мне легко, кратко излагая свое мнение, посоветовать вам, что следует делать. Напротив, необходима несколько более продолжительная речь, чтобы разъяснить тем из вас, кто противится примирению, что они противоречат сами себе, если, собираясь запугивать вас, злоупотребляя вашим страхом перед теми трудностями, которые в высшей степени незначительны и легко поправимы, они в то же самое время не заботятся о том, чтобы принять во внимание величайшее и непоправимое зло. И они попадают в затруднительное положение ни по иной какой причине, как только по той, что рассуждая о том, что является целесообразным, они скорее прибегают ко гневу и неистовству, чем к разуму. 5. Ибо как можно говорить, что эти люди заранее предвидят путь полезный и осуществимый, когда они полагают, что государство столь могущественное и владеющее столь обширной округой, государство, которое уже становится предметом ненависти и наносит оскорбления своим соседям, будет способно без труда или в отсутствие плебеев удержать и сохранить подвластные народы, или же привлечет на свою сторону другой, лучший народ вместо самого нечестного народа, который будет сражаться, чтобы сохранить для них власть, и жить с ними в одном государстве в совершенном покое, ведя себя сдержанно в мире и на войне? Ибо ничего другого они не могли бы назвать для оправдания своих просьб к вам не соглашаться на примирение.

Л. Я со своей стороны желал бы, чтобы вы увидели, сколь неразумным является и то и другое, непосредственно из самого этого, памятуя о том, что с тех пор как более бедные граждане возмутились против вас благодаря тем, кто отнесся к их несчастьям ни как сограждане, ни как люди благоразумные, и удалились из города, не деля и не намереваясь делать вам ничего худого, но размышляя о том, как они могли бы без позора примириться с вами, многие из тех племен, кто нерасположен к вам, в душе возликовали и смотрят на это как на долгожданную возможность уничтожить вашу власть, с удовольствием пользуясь тем обстоятельством, которое предоставила им судьба. 2. Эквы и вольски, сабиняне и герники не замедлили начать против нас войну, и будучи озлоблены за свои недавние поражения, опустошают наши поля. Что же касается народов Кампании и Тиррении, преданность которых нам остается сомнительной, то одни из них открыто отпадают от нас, другие тайно готовятся сделать это. И кажется, что родственные латины, которые вошли с нами в доверительные отношения, не останутся более в прочной дружбе с нами, но даже их большая часть, как сообщают, настроена недружелюбно, уступив сильному желанию перемен, к которым все стремятся. 3. Мы же, прежде осаждавшие других, теперь сами находимся дома в осаде, оставив поля незасеянными, видя, как наши жилища разоряются, пожитки уносятся в качестве добычи, и рабы перебегают к неприятелю, и

не зная, как справиться с этими несчастьями. И терпя это, мы еще надеемся, что плебеи примирятся с нами, хотя знаем, что в нашей власти одним решением положить конец возмущению?

II. Наши дела и под открытым небом столь плохи, и внутри стен положение не менее ужасно. Ибо мы и союзников себе заблаговременно не подготовили, как будто собирались выдержать осаду, и нас самих весьма недостаточно, чтобы противостоять столь многочисленным вражеским племенам; и большая часть небольших и неравносильных по полноте воинских сил состоит из плебеев — наемников, клиентов и ремесленников, — не вполне надежных защитников гибнущей аристократии. И их непрерывное бегство теперь к удалившимся позволяет подозревать всех остальных.

2. Но более всего этого нас пугает отсутствие возможности доставлять продовольствие, так как земля уже находится во власти врага, и еще больше будет ужасать после того, как мы окажемся в безвыходном положении; и кроме того, война ни на мгновение не позволяет нам пребывать в душевном спокойствии. Но что превосходит все эти несчастья, так это жены, малолетние дети и престарелые родители удалившихся, бродящие взад и вперед по Форуму и узким улочкам в убогих одеждах и с траурным видом, рыдая, умоляя о помощи, обхватывая колени и хватая за руки каждого, оплакивая поразившее их теперь отчаяние, которое в будущем поразит их еще больше, — ужасное и нестерпимое зрелище.

3. Конечно, никто не является по природе столь жестоким, чью душу не тронуло бы это зрелище, и кто перенес бы эти людские страдания. Так что в случае, если мы не собираемся доверять плебеем, нам придется избавиться и от этих людей, так как одни из них будут бесполезны, пока мы находимся в осаде, в отношении же других нельзя быть уверенными, что они будут пребывать в крепкой дружбе с нами. Но когда и они будут изгнаны, какие силы еще останутся, чтобы защищать город? И в надежде на какую помощь мы отважимся встретить эту опасность? Что касается нашего собственного убежища и единственно верной надежды, патрицианской молодежи, то, как видите, ее немного и не стоит этим гордиться. Следовательно, отчего же они предлагают совершить нам глупость вести войну и вводят нас в заблуждение, вместо того чтобы теперь отдать город нашим врагам без кровопролития и страданий?

III. Но, может быть, я сам потерял рассудок, говоря так, и призываю вас опасаться того, что не является опасным? И государству теперь не угрожает никакая другая опасность, кроме как перемена жителей, дело нетрудное, и у нас появилась бы возможность легко получить множество наемников и клиентов от всех народов и стран. Ибо об этом болтают многие противники плебеев, и, клянусь Юпитером, не самые худшие.

2. Конечно, кое-кто уже дошел до такого безумия, что не предлагает спасительные суждения, но выражает невозможные желания. Таких я бы очень хотел спросить: сколько лишнего времени нам дано для того, чтобы это осуществить, когда враги находятся вблизи города? Какие оправдания есть у нас за задержку и промедление, которые мы допускаем по отношению к готовым прийти союзникам,

находясь в опасности, которая не медлит и не задерживается? Какой муж или какой бог предоставит нам безопасность и совершенно спокойно соберет вместе и приведет сюда помощь со всех стран? И еще, кто оставит свои отечества и переселится к нам? Имеют ли они жилища, домочадцев, средства для жизни и уважение сограждан за славу предков или за собственное доброе имя благодаря добродетели? И кто бы осмелился пренебрегать своими собственными благами, дабы переменять их позорно на чужие несчастья? Ибо они придут сюда получить не мир и роскошь, но опасности и войны, благополучное завершение которых нельзя предсказать заранее. 3. Или мы приведем толпу бездомных плебеев, подобных удалившимся отсюда, которые из-за долгов, наказаний и прочих подобных бедствий охотно по случаю куда-либо переселятся? И даже если в остальном они будут хорошо и умеренно настроены — дабы мы охотно дали им это — то, право, именно благодаря тому, что они не родственны нам и не живут вместе с нами, и не будут знакомы с нашими обычаями, законами и воспитанием, они, конечно, станут для нас хуже во всех отношениях.

LIII. У родившихся здесь имеются жены, дети, родители и многое другое, что для них дорого и что является залогом для них, а также, клянусь Юпитером, их любовь к выращившей их земле, необходимая и неискоренимая у всех. Но вот та пришлая толпа, призванная на помощь, если бы и стала жить вместе с нами, за что бы пожелала подвергаться опасностям, ничего из того здесь у себя не имея, разве только кто-нибудь пообещает дать им часть земли и какую-либо часть города, отобрав их прежде у теперешних хозяев — то, что мы отказываемся предоставить нашим собственным гражданам, которые неоднократно сражались за них? И может быть, им было бы недостаточно только этих пожалований, но они потребовали бы участия наравне с патрициями в почестях, магистратурах и прочих благах. 2. Следовательно, если мы не исполним каждого из их требований, то не станут ли они нашими врагами, не получив просимое? И если мы выполним их требования, наша родина погибнет и государство будет уничтожено нами самими. И я не добавляю здесь, что то, в чем мы нуждаемся в настоящее время, так это люди, способные к войне, а не земледельцы, наемники, торговцы и занятые низкими ремеслами, которые должны будут изучать военное дело и в то же время доказывать свою способность к этому (а доказывать то, к чему не привык, трудно), но такой должна быть переселившаяся от всех народов толпа. 3. Итак, что касается военного союза, то я не вижу и никакого составленного для нас военного союза, и не советовал бы вам, если бы кто-либо неожиданно появился, необдуманно допускать их за городские стены, так как мне известно, что многие другие города были поработаны войсками, введенными для их охраны.

LIV. Когда вы это обдумаете так же, как и то, о чем я упоминал ранее, и вспомните, кроме того, те соображения, которые поощряют вас к примирению, а именно: то, что мы не единственный и не первый народ, где бедность подняла мятеж против богатства, и низость против величия, но что почти во всех государствах, и в больших, и в малых, низшие по большей части становятся враждебными высшим (в этих

государствах стоящие во главе спасали свои отечества, когда выказывали умеренность, но когда поступали высокомерно, утрачивали не только свое добро, но и жизни). 2. Далее, все, составленное из многого, вообще подвержено беспорядку в каждой части в отдельности, и более того, ни большую часть человеческого тела не следует всякий раз отрезать (ибо это изуродовало бы остальное и сократило бы жизнь), ни нездоровую часть сообщества граждан не следует отделять (поскольку это был бы кратчайший путь разрушения всего со временем благодаря утрате отдельных частей). Поэтому когда вы подумаете, сколь велика сила необходимости, перед которой даже боги отступают, не гневайтесь на ваши несчастья и не позволяйте себе впасть в гордыню и безрассудство, будто все идет в соответствии с вашими желаниями, но будьте менее суровы и уступите, извлекая примеры благоразумия не из деяний других, но из своих собственных.

LV. Так как один единственный человек, так целое государство должны гордиться великолепием своих собственных свершений и думать, чтобы другие их деяния соответствовали этим. Итак, вы сами, покорив уже многих врагов, от рук которых вы претерпели величайшие обиды, не пожелали ни уничтожить их, ни лишить их своей собственности, но возвратили им их дома и земли, позволили им жить в отечествах, где они родились, и уже предоставили некоторым из них и равное право голосовать и быть вашими согражданами. 2. Но я имею сообщить о еще более замечательном вашем деянии, что вы позволили многим вашим согражданам, наносившим вам тяжелые оскорбления, уйти безнаказанными, пока вы вымещали обиду исключительно на тех, кто был виновен; из их числа были те, кто получили земельные наделы в Антемнах, Крустумернии, Медулии, Фиденгах и многих других⁵⁸. Но зачем мне нужно перечислять вам теперь всех тех, кого вы, после того как взяли приступом их города, наказали умеренно и как подобает согражданам? И пока благодаря этому город не подвергался ни опасностям, ни порицанию, но и милосердие ваше восхваляется и безопасность несколько не умаляется. 3. После этого вы, которые щадите врагов, начнете войну против друзей? Вы, которые позволяете покоренным уходить безнаказанными, будете карать тех, которые помогали вам обрести господство? Вы, которые предлагаете свой собственный город в качестве надежного прибежища всем нуждающимся в этом, осмелитесь прогнать из него родившихся здесь, с которыми вы вместе росли и воспитывались и делили хорошее, и плохое и в мире, и на войне? Нет, если вы желаете поступать справедливо и в соответствии с вашими обычаями, то без раздражения решите, что вам полезнее.

⁵⁸ Антемны — древнейший сабинский город к северу от Рима при впадении Аниена в Тибр. Вследствие войн с Римом пришел в упадок. Фиденги — город, расположенный на северо-востоке от Рима. Первоначально принадлежал к области сабинян, но постоянно примыкал к Вейям, так что римляне были вынуждены вести с ним тяжелые войны. В 437 г. до н.э. Фиденги были разрушены римлянами, после чего они уже не восстановили своего прежнего значения.

LVI. Но кто-то может быть скажет, что мы не хуже знаем, что смуту следует успокоить и с большим усердием добивались этого. Теперь же попытайся сказать, каким образом могли бы мы успокоить ее? Поскольку ты видишь, сколь своеволен народ, который, хотя сам и является обидчиком, ни к нам не посылает заключить мир, ни посланным нами не дает ответов, достойных сограждан и снисходительных, но проявляет высокомерие и угрожает, и нелегко догадаться, что он желает. Послушайте, однако, то, что я теперь советую делать. 2. Я лично не считаю ни того, что народ непримирим в отношении нас, ни того, что он исполнит какие-либо свои угрозы. Я полагаю, что его действия не соответствуют его словам, и думаю, что он гораздо более нас стремится к миру. Ибо мы живем в самом дорогом для нас отечестве и имеем в своей собственной власти наши жизни, дома, семьи и все самое достойное. Он же лишен отечества и домашнего очага и лишился самых дорогих своих родственников и не имеет каждодневных средств к жизни. 3. Конечно, если кто-нибудь спросит меня, из-за чего плебеи, даже пребывая в таких несчастьях, не принимают наши предложения и сам никакого посольства к нам не отправляет, то, клянусь Юпитером, я бы сказал, потому что он слышит слова сената, деяний же никаких ни гуманных, ни благоразумных, происходящих от него, — не видит, и понимает, что неоднократно был нами обманут, так как мы всегда обещаем позаботиться о нем и никак не заботимся. И он не желает отряжать к нам послов из-за тех, кто здесь обыкновенно обвиняет его, и опасается не добиться чего-либо из того, что требует. 4. Им, пожалуй, могло бы овладеть чувство бессмысленного соперничества. И это ничуть не удивительно, так как и среди нас самих есть кое-кто, в ком таится сварливость и любовь к спорам как в частных, так и в общественных делах, которые считают недостойным уступить противнику, но всегда стремятся любым способом быть выше и не сделать приятное, прежде чем не подчинят тех, кто должен испытать хорошее от этого. 5. Обдумав это, я полагаю, что к плебеям надлежит отправить посольство, состоящее из тех, кто пользуется наибольшим доверием. И я советую, чтобы посланные мужи имели неограниченное право прекратить смуту посредством того, что сами они сочтут подходящим, не вынося более этого вопроса в сенат. Ибо если те плебеи, кажущиеся теперь презренными и удрученными, осознают это, узнав, что вы на самом деле заботитесь о единомыслии, то они снизойдут до более умеренных условий и не потребуют ничего ни постыдного, ни невозможного. Ибо все, пылающие гневом, особенно будучи униженными, обыкновенно пребывают в ярости против относящихся к ним высокомерно, однако делаются кроткими в отношении заботящихся о них».

LVII. После таких слов Менения в сенате поднялся большой шум, и члены сената беседовали друг с другом, каждый отдельно со своими сторонниками. Те, кто был дружески расположен к плебеям, призывали друг друга приложить все усердие к возвращению народа в отечество, после того как они получили в качестве проводника настоящего мнения самого славного из патрициев. Аристократы же, больше всего

жаждавшие, чтобы не был изменен установленный предками государственный порядок, недоумевали, как действовать при настоящем положении дел, не желая менять свои принципы и не имея возможности оставаться при своих решениях. Те же, кто был нейтрален и не присоединился ни к той ни к другой стороне, хотели сохранения мира и требовали, чтобы было обращено внимание на то, что будет полезно для осажденных. 2. И после того как воцарилось молчание, старший из консулов похвалил Менения за благородство и попросил остальных в равной мере показать себя защитниками государства не только посредством откровенного выражения своих мнений, но и выполнением решений без страха. Затем он таким же образом призвал по имени высказать свое мнение другого сенатора, Мания Валерия, брата того Валерия, с которым вместе освобождали город от царей, мужа, приятного для народа более других из патрициев.

LVIII. Поднявшись, он прежде всего обратил внимание сената на свои собственные политические пристрастия и напомнил, что хотя он неоднократно предсказывал опасности, которым они подвергнутся, они не обращали внимание на его предсказания. Затем он попросил, чтобы те, кто противился примирению, не желали теперь того, что неприемлемо, но, так как они не стремятся к тому, чтобы мятеж успокоили, когда распри в городе еще незначительны, чтобы они, по крайней мере, подумали теперь, каким образом быстрее покончить с ним, и чтобы он, пожалуй, не стал неизлечимым при своем дальнейшем развитии, а если нет — то трудно исцелимым и причиной многих несчастий для них самих. Он сказал, что требования плебеев больше не будут такими же, как раньше, и он не считает, что народ заключит договор о том же самом, требуя только освобождения от долгов, но что он, возможно, потребует какой-либо помощи, посредством которой они проживут остальное время в безопасности. 2. Ибо, сказал он, с учреждением должности диктатора закон, который являлся стражем их свободы и не позволял консулам без суда предавать смерти гражданина и выдавать плебеев, обиженных патрициями и осужденных по суду, тем, кто их осудил, но предоставлял желающим право обращения к народу на судебные решения со стороны патрициев, и то, что народ бы постановил, имело законную силу, был упразднен. И почти все другие права плебеев, которые имелись у них в прежние времена, были отняты, так как они не смогли добиться от сената даже военного триумфа для Публия Сервилия Приска — мужа, заслужившего эту честь более чем кто другой. 3. Из-за этого большинство народа страдает, что естественно, и отчаивается возлагать упования на свою безопасность, потому что ни консул, ни диктатор не способны, даже когда пожелают, заботиться о нем, но некоторые из них благодаря усердию и попечению о народе испытали оскорбление и бесчестье. Это вызвано интригами со стороны не наиболее выдающихся патрициев, но некоторых чванливых и алчных людей, ревностно стремящихся за несправедливой прибылью, которые, ссудив большие суммы денег под высокие проценты и превратив в рабов многих своих сограждан, жестоким и высокомерным отношением сделали чужими

для аристократии всех плебеев, и сколотив сообщество и поставив во главе его Аппия Клавдия — ненавистника народа и олигарха, приводят благодаря ему в неразбериху все дела государства. Если здравомыслящая часть сената не воспрепятствует этому, государство подвергнется опасности быть поработленным и разрушенным до основания. В заключение он сказал, что согласен с доводами Менения, и попросил немедленно отправить послов, чтобы по прибытии те постарались прекратить мятеж так, как они того желают, если же им не позволят сделать так, как они хотят, пусть принимают то, что им предложат.

LIX. После этого, будучи призван изложить свое мнение, встал Аппий Клавдий, вождь враждебной народу партии, человек, высоко ценивший сам себя, и не без заслуженного основания. Поскольку его повседневная частная жизнь была скромной и почтенной, и политические убеждения его благородны и сохраняли достоинство аристократии. Приняв за начало речь Валерия, он сказал так: 2. «Валерий был бы достоин меньшего осуждения, если бы выражал только свое собственное мнение, не порицая думающих противоположное. Так как тогда он бы имел то преимущество, что не выслушивал бы о своих собственных пороках. Однако так как он не согласился с советующими ему то, из чего не получится ничего иного, кроме как стать рабами худших из граждан, но и напал на противящихся ему, набросившись на меня, то я считаю для себя весьма необходимым говорить об этом, и прежде оправдаться от ложных обвинений. Ибо он упрекал меня в поведении, не приличествующем гражданину и непристойном, вменяя в вину то, что я желал получать деньги всеми способами и лишил многих бедняков свободы, и что удаление плебса произошло в основном благодаря мне. Вам легко узнать, что ничего из этого не является ни правдивым, ни разумным. 3. Ибо приди, Валерий, скажи, кто те, которых я поработил себе за долги? Кто те граждане, которых я держал, или сейчас держу, в оковах? Кто из удалившихся лишен своего отечества из-за моей жестокости или жадности к деньгам? Впрочем, ни одного ты не смог бы назвать. Ведь я до такой степени не нуждаюсь в том, чтобы обращать в рабство за долги кого-нибудь из граждан, что из тех весьма многих, кому я сам предоставил деньги, никто из обманувших меня не был ни приговорен мне⁵⁹, ни лишен гражданских прав, но все они свободны и все они благодарны мне и все входят в число моих ближайших друзей и клиентов. И я говорю это не для того, чтобы обвинять тех, кто не поступал так, как я, и не считаю, что совершали несправедливость те, кто действовал согласно с законом, но освобождаюсь от возводимых на меня напраслины.

LX. Что же касается моей суровости и заступничества за худых людей, в чем он меня упрекал, называя ненавистником народа и олигархом за то, что я защищаю аристократию, то эти обвинения в равной мере относятся ко всем вам, лучшим людям, — тем, кто не желает находиться под гнетом толпы и допустить, чтобы полу-

⁵⁹ Неплатежеспособный должник отдавался в руки кредитору, чтобы отработать свою задолженность ему.

ченное от предков общественное устройство было уничтожено худшей из придуманных людьми формой государственного управления — демократией. 2. Ибо если этот человек считает, что название «олигархия» соответствует власти лучших людей, то значит и сама эта власть, опороченная названием, будет уничтожена. Мы, однако, можем упрекнуть его гораздо более основательно и справедливо в заискивании народной благосклонности и в желании тирании. Ведь всем известно, что каждый тиран рождается из того, кто заискивает перед народом, и быстрой дорогой для желающих поработить государство является та, которая ведет к господству через худших из граждан, тех, кому этот человек постоянно служил и по сей день не прекращает прислуживать. 3. Поскольку вам хорошо известно, что негодные и низкие люди не отважились бы совершить такие проступки, если бы их не побуждал такой досточтимый и любящий свое отечество человек, говоря, будто предстоящие деяния для них безопасны, и не заверил бы их, что никакого наказания они не понесут, а участь их станет еще лучше. Вы поймете справедливость того, что я говорю, вспомнив, что он, пугая вас войной и доказывая необходимость примирения, в то же время говорил и то, что бедняки не удовольствуются освобождением от долгов, но потребуют и какой-либо помощи и более не будут терпеть пребывание под вашей властью, как прежде. И, наконец, он пожелал, чтобы вы терпеливо переносили настоящее положение и согласились с тем, что народ счел бы законным получить за возвращение из изгнания, не отделяя ни достойное от постыдного, ни справедливое от несправедливого. 4. Таким образом, этот старец, получивший и от вас все почести, внушил такое высокомерие безумной толпе. Приличествует ли тебе, Валерий, незаслуженно порицать других, когда сам ты подвержен такого рода обвинениям?

LXI. И по поводу ложных обвинений, которые он выдвинул против меня, того, что я сказал, достаточно. Что же касается того, что вы собрались обсудить, то мне кажется, что не только то, что я вначале высказал, но и то, что сейчас еще выскажу, оставаясь при том же мнении, — справедливо, достойно свободного государства и полезно для вас, а именно, не расстраивать порядок управления обществом, не трогать священных обычаев предков, не уничтожать доверие между людьми — священную вещь, благодаря которой каждое государство находится в безопасности, не уступать неразумной черни, алкающей несправедливых и незаконных вещей. 2. И я не только не уступаю что-либо в своем мнении из-за страха перед противниками, которые пугают меня, будоража против меня плебеев в городе, но еще больше, чем прежде, я утвердился в своем стремлении, и мое негодование на требования черни удвоилось. И я удивлен, сенаторы, неразумностью суждений, что, отказываясь предоставить народу по его требованию погашение долгов и освобождение от осуждения по суду тогда, когда он еще не был открыто вашим врагом, теперь, когда он вооружен и действует враждебно, вы решаете, согласиться ли с тем, что он желает, и с чем-либо другим, что ему угодно. И он, конечно, сочтет нужным и сделает первым из своих требований то, чтобы иметь с нами равные почести и сравняться в них с нами.

3. Разве не превратится тогда государственное управление в демократию, которая, как я сказал, из имеющихся среди людей форм государственного устройства, является самой неразумной и вредной для вас, желающих править другими? Нет, если вы будете благоразумны. Действительно, вы будете самыми безумными из всех людей, если теперь, считая невыносимым быть под властью одного тирана, отдадите себя народу — многоголовому тирану, и уступите ему в этом не ради милости в ответ на его просьбы, а вынужденные необходимостью, и, полагая, будто теперь невозможно что-то другое, отступите против своей воли? 4. И когда эта безрассудная толпа, вместо того чтобы понести кару за проступки, получает за то же самое почести, как, вы полагаете, будет она высокомерной и самоуверенной? Но, конечно, не прельщайте себя той надеждой, что народ будет соблюдать меру в своих требованиях, если ему станет ясно, что вы все так решили.

LXII. Менений же, благоразумный муж, который предполагает в других хорошее, исходя из собственного образа мыслей, конечно, очень сильно в этом вопросе ошибается. Ибо народ ужасно докучает вам сверх необходимого и своим высокомерием, которое всегда обыкновенно сопровождается победой, и безумием, в котором толпа принимает весьма охотное участие. И если не сначала, то, по крайней мере, позднее и по каждому делу, когда его требования не будут выполнены, он станет браться за оружие и таким же образом неистово нападать на вас. Так что если вы согласитесь с их первоначальными притязаниями, признав их целесообразными, то тотчас вам предъявят какие-либо еще худшие требования, и потом еще более жесткие, предполагая, что первоначальным вы подчинились из страха, пока наконец не выгонят вас из города, как то случалось во многих других местах и в последний раз в Сиракузах, где знатные были изгнаны своими клиентами. 2. Но если при таких обстоятельствах вы в своем негодовании решите воспротивиться их требованиям, то почему вам тотчас же не начать проявлять свободный образ мыслей? Ибо лучше прежде выказать ваш благородный дух в ответ на незначительный вызов, нежели претерпеть оскорбления, или, подвергнувшись многочисленным обидам, возмущаться тогда по поводу того, что случилось, и отказаться более это переносить и слишком поздно начать проявлять благоразумие. Пусть никто из вас не утрашитися ни угроз удалившихся, ни войны с иноплеменниками. И не пренебрегайте собственными силами как недостаточными для того, чтобы сохранить государство. 3. Ведь сила беглецов невелика, и они будут не в состоянии долгое время держаться, как теперь, под открытым небом в шалашах в зимнее время года. И никоим образом они не смогут грабежом продолжать добывать продовольствие, после того как уничтожат имеющийся запас, но из-за бедности, не имея средств ни личных, ни общественных, не смогут приобрести его в другом месте и доставить к себе. И войны, как правило, выдерживают при изобилии средств. И безвластие, по всей вероятности, и бунт, возникающий из анархии, овладеют ими и вскоре спугают и сведут на нет их расчеты. 4. Ибо они, конечно, не пожелают сдаться ни сабинянам, ни тирренам, ни каким-ни-

будь другим иноплеменникам и стать рабами тех, кого сами однажды вместе с вами лишили свободы. И самое важное, тем, кто гнусно и постыдно стремился разрушить свое собственное отечество, не будут доверять из страха, что они подобным образом отнесутся и к принявшим их. И все народы вокруг нас управляются аристократией, и ни в одном городе плебеи не присваивают себе равные права, так что в каждом государстве выдающиеся люди, которые не позволяют собственной черни колебать существующее положение, без сомнения, не примут в своем собственном отечестве эту пришлую и мятежную толпу, чтобы, разрешив ей пользоваться равными правами, они сами со временем не лишились равенства. 5. Если же только я ошибаюсь, и какое-нибудь государство их бы приняло, тогда они показали бы себя врагами и людьми, достойными обхождения с ними, как с врагами. И у нас есть в качестве заложников их родители, жены и другие родственники, и лучших заложников мы бы не могли просить у богов в молитвах. Давайте поставим их на виду у своих родственников, грозя в случае, если они осмелятся напасть на нас, предать их смерти, подвергнуть самым позорным пыткам. И если они осознают это, знайте наверное, что вы найдете их прибегнувшими к молениям и рыданиям, отдающих себя вам безоружными, готовыми подчиниться всему. Поскольку такого рода кровные узы обладают необыкновенной силой, чтобы расстроить все горделивые расчеты и превратить их в ничто.

LXIII. Вот те причины, по которым я считаю, что нам не следует бояться войны со стороны беглецов. Угрозы же со стороны иноземцев сейчас не в первый раз окажутся таковыми не только на словах, но и прежде всякий раз, когда нам предоставлялся случай испытать их, они оказывались менее ужасными, чем мы предполагали. И пусть те, кто считает наши собственные силы в городе недостаточными и по этой причине больше всего боится войны, знают, что они не в полной мере осведомлены о них. 2. Что касается удалившихся граждан, то у нас есть равные силы, чтобы справиться с ними, если мы сочтем нужным выбрать самых сильных из рабов и дать им свободу. Ибо лучше предоставить им свободу, чем теми быть лишенными власти. И они обладают достаточной военной подготовкой, неоднократно сопровождая нас в военных походах. 3. Давайте и сами выступим против внешних врагов со всем усердием, и призовем себе на помощь всех клиентов и оставшихся плебеев. И для того чтобы они воодушевились для борьбы, давайте предоставим им освобождение от долгов, не всем сообща, но каждому по отдельности. Ведь если нужно уступить создавшимся обстоятельствам и соблюсти умеренность, то пусть умеренность распространяется на граждан, являющихся не врагами, но друзьями, которым мы будем представляться оказывающими благодеяния не по принуждению, но по убеждению. И если даже будет необходима другая помощь, потому что этой недостаточно, давайте пошлем за гарнизонами и вызовем людей из колоний. 4. А сколь велико их число легко узнать из последнего ценза, которым было охвачено сто тридцать тысяч римлян призывного возраста, из которых беглецы не составили бы и седьмой части. Я не говорю о тридцати латинских городах, которые бы с большим удовольствием сража-

лись за нас благодаря родству с нами, если бы вы только предоставили им равные гражданские права, которых они постоянно добивались.

LXIV. Однако в войнах есть величайшее из всех преимущество, о котором и вы сами пока не думали, и никто из ваших советников не говорит; я добавлю его к тому, что сказал, и закончу. Нет ничего столь необходимого для тех, кому нужно успешно завершить войну, как хорошие полководцы. Ими наше государство богато, враги же наши испытывают в них недостаток. 2. В самом деле, многочисленные воинства, предводительствуемые вождями, не умеющими руководить, позорятся и в большинстве случаев являются причиной своих поражений, и чем больше их величина, тем более они подвержены гибели. Хорошие же полководцы, даже если силы, которые они ведут, невелики, вскоре увеличивают их. Так что до тех пор пока у нас есть мужи, способные командовать, мы не будем нуждаться в желающих повиноваться. 3. Итак, обратив внимание на это и помня об общественных интересах, не голосуйте ни за что низкое, трусливое и недостойное вас самих. Так что, если бы кто-нибудь спросил меня, я вам посоветую делать? Ибо это то, что вы, быть может, давно торопитесь узнать. А вот что: не отряжать послов к отпавшим плебейм, не голосовать за освобождение от долгов, не свершать что-либо другое, что могло бы показаться признаком страха и беспомощности. Но если они сложат оружие, вернуться в город и позволят вам спокойно принять решение по поводу их самих, то тогда я советую допросить их и проявить умеренность в отношении их, зная, что все безумное, в особенности же толпа, обыкновенно бывает высокомерной в отношении смиренных, в отношении же высокомерных — смиренной».

LXV. После того как Клавдий закончил выступать, сенат в течение долгого времени был охвачен сильным гулом и необыкновенным замешательством. Ибо считающие себя принадлежащими к аристократии и полагающие, что необходимо принимать во внимание более справедливое, чем несправедливое, согласились с мнением Клавдия и умоляли консулов присоединиться к лучшей стороне⁶⁰, считая, что они обладают силой магистратуры, свойственной царям, а не народу; если же нет, то соблюдать беспристрастность и не оказывать влияния ни на одну ни на другую стороны, но, отдельно сосчитав мнения сенаторов, присоединиться ко мнению большинства. 2. Но если консулы пренебрегут и тем и другим мнением и присвоят себе неограниченную власть для заключения перемирия, то те сказали бы, что не позволят им этого, но будут сопротивляться со всей решительностью как словами, насколько это будет возможно, так и оружием, если бы возникла потребность. Эта группа была сильной, и почти вся патрицианская молодежь разделяла такой образ мыслей. 3. Желющие же мира поддержали мнение Менения и Валерия, и в особенности те, кто был в преклонных летах и помнил те горести, которые постигают государства вследствие междоусобных браней. Однако, уступая крику и бесчинству молодых людей и с

⁶⁰ Имеется в виду аристократия.

беспокойством наблюдая их дух соперничества, а также опасаясь, как бы дерзость, которую они проявляли в отношении консулов, не перешла в оскорбление, если бы им не сделали каких-либо уступок, они в конце концов обратились к своим противникам с рыданиями и мольбами.

LXVI. Когда шум успокоился и наконец установилась тишина, консулы после совещания вместе объявили свое решение, состоящее в следующем: «Что до нас, сенаторы, то мы больше всего желаем, чтобы все вы были бы единодушны, особенно, когда вы рассуждаете об общем спасении. Если же нет, то мы желали бы, чтобы более молодые уступили более старшим из вас и не спорили с ними, помня, что когда они достигнут того же возраста, потомки им будут оказывать то же почтение. Но так как мы видим, что вы впали в раздор, самую губительную из людских болезней, и надменность, обитающая в молодых из вас, велика, то теперь, когда оставшаяся часть дня коротка и у вас нет времени прийти к окончательному решению, оставьте Курию и расходитесь по домам. На следующее же заседание вы придете, став более умеренными и имея лучшие суждения. 2. Если же любовь к спорам у вас будет продолжаться, то мы больше не будем использовать юношей ни как судей, ни как советников в отношении того, что полезно, но на будущее будем смирять их дерзость, установив законом возраст, который должны достичь сенаторы. Старшим же мы снова дадим возможность изложить свои суждения, и если они не придут ни к какому согласию в мнениях, мы быстрым способом пресечем их пристрастие к спорам, о котором вам лучше заранее услышать и узнать. 3. Вы несомненно знаете, что с того времени, как мы населяем этот город, у нас имеется закон, в соответствии с которым у сената есть высшая власть во всем, кроме назначения магистратов, принятия законов и объявления или прекращения войны. Право же решать те три вопроса, подавая голоса, имеет народ. И в настоящее время мы обсуждаем не что иное, как вопрос войны и мира, так что есть большая необходимость того, чтобы народу дали власть, проведя голосование, поддержать наши решения. 4. Итак, в соответствии с этим законом мы потребуем, чтобы он собрался на Форуме, и после того как вы изложите свои суждения, предложим ему проголосовать, полагая, что это лучшее средство положить конец препирательствам. И за что бы большинство народа ни проголосовало, то мы будем считать имеющим силу. Я полагаю, что этой чести достойны те, кто постоянно благоволит к государству и должен делить с нами и хорошее, и плохое».

LXVII. Сказав это, они закрыли заседание. И в течение последующих дней они повели объявить, чтобы все, находящиеся в сельской местности и крепостях, явились, и приказали сенату собраться на новый день. После того как они узнали, что город наводнен народом и патриции настроены уступить мольбам, слезам и жалобам и родителей, и малолетних детей удалившихся, они явились в назначенный день на Форум, который был заполнен всякого рода людом еще с глубокой ночи. 2. И пройдя к храму Вулкана, где, по обычаю, народ проводил собрания, они сначала похвалили народ за его усердие и преданность, проявившиеся в прибытии значительного числа

людей. Затем они попросили их спокойно подождать, пока подготовится предварительное решение сената; и призвали родственников удалившихся питать добрые надежды на возвращение через короткий промежуток времени тех, кто был для них дороже всего. И вслед за этим консулы отправились в Курию, где сами произносили снисходительные и благоразумные речи и других просили выражать свои суждения целесообразно и человеколюбиво. И раньше других они вызвали Менения, который, поднявшись, произнес те же слова, что и прежде, призывая сенат к перемирию, и высказал то же мнение, прося без промедления отправить к удалившимся послов, предоставив им все полномочия заключать перемирие.

LXVIII. После него поднялись, будучи вызваны в соответствии с возрастом, другие, уже занимавшие консульскую должность, и все решили принять мнение Менения, пока слово не дали Аппию. Встав, он заявил: «Я вижу, сенаторы, что вам и консулам, и почти всем остальным, угодно вернуть народ на тех условиях, которые сам он сочтет достойными. И из всех только я остаюсь противником примирения, так что оказываюсь постоянно ненавидим ими, да и вам более не будучи полезен. 2. И все же, в том числе и по этой причине, я не намерен отступить от моего первоначального убеждения и не оставлю как гражданин добровольно своего поста. Но чем больше меня покидают те, кто прежде поддерживал то же мнение, тем больше со временем вы станете меня уважать, и пока я жив, вы будете меня хвалить, когда же я умру, потомки будут помнить меня. Итак, Юпитер Капитолийский и боги-хранители нашего города, герои и божества, которые присматривают за землей римлян, пусть возвращение беглецов будет достойным и полезным для всех, и пусть я ошибусь в своих опасениях, которые имеются у меня в отношении грядущего времени. 3. И если какая-нибудь пагуба обрушится на государство вследствие этих решений — а это вскоре станет ясно, — вы сами исправите их и даруете обществу спасение и безопасность. Ко мне же, тому, кто в любом другом случае еще никогда не предпочитал говорить очень приятное вместо самого полезного, и кто сейчас не предает государство, оберегая свою собственную безопасность, будьте благосклонны и милостивы. 4. Именно об этом я прошу богов, ибо речи более не нужны. И решение, которое я объявляю, то же, что и прежде, а именно — освободить от долгов плебеев, остающийся в городе, но со всей решительностью вести войну с отпавшими до тех пор, пока они пребывают вооруженными».

LXIX. Произнеся это, он закончил. И после того как пожилые сенаторы сошлись во мнениях с Менением и пришла очередь выступать молодым, а весь сенат замер в тревоге, встал Спурий Навций, потомок весьма блистательного семейства. Ибо Навций⁶¹, основатель рода, был одним из тех, кто вместе с Энеем вывел колонию, будучи жрецом Афины Полиады⁶². Когда он покидал Трою, то взял с собой деревянную

⁶¹ Вергилий называет его Навтом. См.: *Вергилий. Энеида*. V. 704.

⁶² Этот эпитет значит «Защитница города».

статую этой богини, которую род Навциев постоянно оберегает, передавая друг другу по наследству. Спурий же считался благодаря своим собственным свершениям самым славным из молодых сенаторов, и полагали, что вскоре он достигнет должности консула. 2. Он начал с того, что произнес речь в защиту всех молодых сенаторов, заявив, что со своими отцами они не обходились ни дерзко, ни кичливо, когда на прошлом заседании сената обнаружили образ мыслей, противоположный другим, но даже если они допустили огрешность, то ошиблись они в своем суждении вследствие возраста. В заключение он сказал, что они докажут это, изменив свое мнение. По крайней мере, они согласились, что старейшины, как люди более благоразумные, примут обо всем такое решение, которое, как они полагают, принесет пользу государству, и что они, во всяком случае, не будут этому противиться, но станут полагаться на пожилых сенаторов. 3. И когда все остальные молодые сенаторы, за исключением очень немногих родственников Аппия, присоединились к нему, консулы похвалили их благопристойность и призвали их вести себя также во всех общественных делах. После этого они выбрали в качестве послов десять человек, самых выдающихся из старейших сенаторов, и всех, за исключением одного, бывших консулов⁶³. Вот кто был назначен: Агриппа Менений Ланат, сын Гая, Маний Валерий, сын Волуза ....., Публий Сервилий, сын Публия, ..., Публий Постумий Туберт, сын Квинта, Тит Эбуций Флав, сын Тита, Сервий Сульпиций Камерин, сын Публия, Авл Постумий Бальб, сын Публия, Авл Вергиний Целимонтан, сын Авла⁶⁴. 4. После этого консулы, распустив сенат, отправились на народное собрание, зачитали постановление сената и представили послов. И так как все желали знать поручения, которые сенат дал им, консулы откровенно сказали, что им приказали примирить плебс с патрициями теми мерами, которыми смогут, без хитрости и обмана, и без промедления привести беглецов домой⁶⁵.

LXX. Послы, получив поручения от сената, в тот же день отправились. Однако вести о том, что происходило в городе, достигли находящихся в лагере раньше них, и тотчас все плебен оставили укрепление и встретили послов, когда те еще находились в пути. В лагере же был один весьма беспокойный и мятежный человек, который обладал проницательным умом и мог предсказывать отдаленное будущее, и, как человек разговорчивый и болтливый, он был не способен не выбалтывать то, что думает. Звали его так же, как и того, кто лишился власти царей, Луций Юний, и он, желая иметь полностью такое же имя, захотел называться Брутом. Для большинства же людей, пожалуй, он являлся посмешищем из-за пустого тщеславия, и когда они желали

⁶³ См. также: *Ливий*. II. 32. 8–12.

⁶⁴ В греческом тексте имена даются в соответствии с системой, принятой у римлян: личное имя (*praenomen*), родовое имя (*nomen*), личное имя отца, прозвище (*cognomen*). Одним из пропущенных в греческом тексте послов, возможно, был Тит Ларций Флав.

⁶⁵ Ср.: *Ливий*. II. 32. 5–7.

посмеяться над ним, они называли его прозвищем Брут. 2. Этот человек указал Сицинию, начальнику лагеря, что народу лучше бы не принимать легкомысленно сделанные предложения, чтобы из-за весьма незначительного требования их возвращение не стало менее почетным, но противиться им длительное время и привнести в ход переговоров, некоторый оттенок драматизма; пообещав принять на себя защиту народа и предложив кое-что другое, что следует сделать или сказать, он убедил Сициния. Вслед за тем Сициний, созвав народ, попросил послов рассказать, зачем они пришли.

LXXI. Тогда вперед выступил Маний Валерий, который был самым старшим из них и самым преданным народу, и толпа проявляла свое расположение к нему самыми доброжелательными выкриками и приветствиями. Когда он добился молчания, то произнес следующую речь: «Плебеи, ничто более не препятствует вам снова вернуться к своим домам и примириться с сенаторами. 2. Ибо сенат проголосовал за достойное и выгодное для вас возвращение и принял решение не мстить ни за что происшедшее. И он отправил в качестве послов нас, тех, о ком он знал, что мы очень любим народ и по достоинству чтимся вами, предоставив нам полную власть заключать мир, чтобы мы не судили о ваших намерениях ни по внешним признакам, ни путем предположений, но узнали от вас самих, каким образом вы желаете прекратить вражду. И если в ваших требованиях присутствует некоторая умеренность и они не являются невозможными и другой непоправимый позор не препятствует их выполнению, то мы уступим вам, не дожидаясь решения сената, не откладывая дело на долгий срок и не вызывая зависть противников. 3. Конечно, так как сенат принял это решение, примите, плебеи, с радостью его благодеяние, со всяческим воодушевлением и пылом, высоко оценивая такое счастье и глубоко благодаря богов за то, что государство римлян, управляющее столь многими людьми, и сенат, который имеет власть над всеми благами здесь, хотя не в их обыкновении уступать кому-либо из противников, только вам уступают часть своего достоинства. Итак, сенат не считал нужным рассуждать о правах каждой стороны как того можно было ожидать от знатных в отношении низших, но сам первым отправил послов заключать мир и не принял с гневом ваши высокомерные ответы, которые вы дали прежним послам, но стерпел эту дерзость и легкомысленное проявление вашей гордыни, как хорошие родители претерпели бы это от своих неразумных детей. И сенаторы полагали, что опять следует отправить другое посольство, иметь меньше прав и все, о сограждане, стерпеть, что благоразумно. 4. Испытав такую удачу, поведайте нам, плебеи, без промедления, в чем вы нуждаетесь и не насмехайтесь над нами, но, положив конец смуте, возвращайтесь с радостью в город, породивший и воспитавший вас, который вы нехорошо вознаградили и отблагодарили, оставив его, по крайней мере, обезлюдившим и представляющим собой пастбище для овец. Если же вы упустите этот случай, вы неоднократно будете желать обрести другой такой же».

LXXII. После того как Валерий закончил говорить, вперед вышел Сициний и сказал, что те, кто рассуждает мудро, не должны изучать полезность чего-либо с точки

зрения одной стороны, но представить себе и противоположную, в особенности когда рассматриваются столь важные государственные дела. Поэтому он попросил тех, кто желает, дать ответ на эти предложения, отбросив всякое стеснение и пугливость. Ибо положение их, когда они доведены до такой нужды, не позволяет поддаваться ни страху, ни стыдливости. 2. И когда воцарилось молчание, они все посмотрели друг на друга, чтобы выяснить, кто будет говорить в защиту общего дела. Однако никто не появился, хотя Сициний повторил вызов несколько раз. Наконец, Лудий Юний, тот самый, который хотел, чтобы ему дали прозвище Брут, выступил вперед в соответствии со своим обещанием и под общее одобрение толпы произнес речь: 3. «Плебеи, кажется, что страх перед патрициями еще так крепко сидит в ваших душах, что держит вас в ужасе, и вы, смирившись по этой причине, отказываетесь открыто высказать те доводы, которые обыкновенно приводите друг другу. Ибо каждый из вас, может быть, полагает, что его сосед будет выступать в защиту общего дела и что лучше все остальные, а не он, подвергнутся каким-либо опасностям, если таковые возникнут, сам же он, оставаясь в тени, получит свою долю благ без боязни благодаря отваге других. Однако здесь он ошибается. Ибо если мы все будем так думать, то малодушие каждого из нас в отдельности принесет общий вред всем, и пока каждый отдельно обращает внимание на свою собственную безопасность, он оставляет без заботы общую для всех. 4. Но если даже вы не знали прежде, что вы свободны от страха, и свобода, которой вы обладаете, защищена оружием, узнайте уже это теперь, используя этих людей как учителей. Так как эти высокомерные и жестокие люди не пришли, как прежде, с приказами вам и угрозами, но просят и призывают вас вернуться домой, и уже начинают обращаться с вами на равных как со свободными. 5. Итак, почему вы еще испытываете страх перед ними и молчите? Почему вы не мыслите свободно, и, уже наконец разорвав узду, не говорите всем, что страдаете от них? Несчастные, чего вы боитесь? Что вы будете страдать, если следуя за мной, дадите волю своему языку? Поскольку я подвергну себя опасности, говоря им со всей откровенностью о ваших справедливых требованиях и ничего не скрывая. И так как Валерий сказал, что вас ничто не удерживает от возвращения домой, потому что сенат разрешил вам вернуться и принял решение о полном прощении, то я дам ему такой ответ — то, что истинно и необходимо сказать:

LXXIII. У нас, Валерий, есть много прочих причин, которые удерживают нас от того, чтобы сложить оружие и предать себя вам, но три из них являются самыми важными и самыми очевидными. Во-первых, вы пришли обвинять нас, будто мы совершили преступление, и, дозволяя нам вернуться, вы считаете это благодеянием для нас; далее, побуждая нас к примирению вы не даете понять, на каких справедливых и человеколюбивых условиях мы будем его заключать; наконец, у нас нет никакой уверенности в том, что вы выполните ваши обещания, так как вы неоднократно нас обманывали и вводили в заблуждение. 2. Я буду говорить о каждой отдельно, начав со справедливости. Ибо каждый должен начинать со справедливости, ведет ли

он частную беседу или говорит публично. Конечно, если мы поступаем с вами несправедливо, мы не просим ни о безнаказанности, ни о помиловании, хотя мы и не просим о том, чтобы город более был для нас с вами общим, но будем жить там, куда нас приведет нужда, предоставив вести нас судьбе и богам. Однако если, претерпев от вас несправедливость, мы вынуждены испытывать ту участь, которая нас постигла, то почему вы не признаете, что сами, причинив нам зло, нуждаетесь в снисхождении и амнистии? Но теперь вы заявляете, что оказываете снисхождение за то, за что вы должны просить его для себя, и хвастливо болтаете о том, что прощаете нам обиды, за которые вы сами стремитесь получить прощение, тем самым смешивая суть истины и извращая значение справедливости. 3. Знайте же, что не с вами поступают несправедливо, но вы поступаете несправедливо, и вы недостойно вознаграждаете народ, оказавший вам много больших услуг в отношении и вашей свободы, и вашего главенства. Я начну речь с тех дел, о которых вы сами знаете, и умоляю вас ради богов, если я скажу что-либо ложное, чтобы вы это не терпели, но тотчас опровергали меня.

LXXIV. Древним способом управления государством у нас была монархия, и при таком государственном устройстве мы жили вплоть до седьмого поколения⁶⁶. И в течение всего времени этой власти народ никогда царями не лишился своих прав, и меньше всего тем, кто правил последним. Я уж не буду говорить о многих значительных благах, которые народ приобрел от их правления. 2. Ибо помимо других способов цари льстили ему и искали его расположения, чтобы сделать его вашим врагом — что делают все правители, стремящиеся к тирании, — и после того как они в результате длительной войны стали владыками Свессы, весьма процветающего города, и в их власти было не выделять никому часть из добычи, но все присвоить самим себе и превзойти всех других царей богатством, они не сочли это достойным, но вынесли все трофеи и предоставили их в распоряжение армии, так что каждый из нас помимо рабов, скота и другой добычи, коей было много и весьма немалой ценности, получил по пять мин серебра. 3. Мы же пренебрегли всем этим, когда они воспользовались своей властью как тираны, чтобы оскорбить скорее не народ, но вас; и негодуя на их поведение, мы оставили наше расположение к царям и присоединились к вам, восстав вместе с вами против них — и те, кто находился в городе, и те, кто пребывал в лагере. Мы изгнали их и, принеся вам их власть, доверили вам ее. И хотя мы неоднократно могли примкнуть к сторонникам изгнанных царей, однако мы отвергли их щедрые дары, которые они нам предложили, чтобы побудить нас нарушить данное нами вам обещание, но терпеливо ради вас перенесли много тяжелых и продолжительных войн и опасностей. И к настоящему времени, а это уже семнадцатый год, мы истощены сражениями со всем светом за нашу общую свободу. 4. Ибо пока государственная власть не была еще установлена (как то обыкновенно случается при

⁶⁶ Традиционно царский период длился с 753 по 509 г. до н.э. Но, возможно, Дионисий подразумевает под «поколением» смену семи римских царей.

внезапных изменениях), мы осмелились вступить в борьбу с двумя знаменитыми градами тирренов — Тарквиниями и Вейями, когда они задумали при помощи крупного воинства вернуть царей. Сражаясь немногие против многих и проявляя величайшее рвение, мы не только одержали верх в битве и изгнали их, но и сохранили власть для оставшегося в живых консума. 5. Немного времени спустя, когда Порсена, царь тирренов, вознамерился вернуть изгнанников при помощи как сил всех тирренов, которыми он сам командовал, так и тех, кто был собран задолго до этого, мы, хотя и не имели равносильного войска и потому были вынуждены подвергнуться осаде и были доведены до крайнего отчаяния и нехватки всего, однако перенесли все эти тяготы и заставили его, ставшего другом, отступить. 6. И в конце концов, когда цари в третий раз задумали осуществить свое возвращение с помощью племени латинов и привели против нас тридцать городов, мы, видя, что вы умоляете, плачете, призываете каждого из нас в отдельности и напоминаете нам о нашей дружбе, нашем общем воспитании и совместных войнах, не осмелились оставить вас. Но считая самым достойным и самым славным делом сражаться вместе с вами, мы прошли через трудности и бросились, безусловно, в величайшие опасности, в которых, получив много ран и потеряв многих наших родных, друзей и товарищей по оружию, одолели врага, уничтожили его предводителей и истребили всю царскую семью.

LXXV. Вот те услуги, которые мы оказали, чтобы помочь вам освободиться от тиранов, стараясь сверх своих сил благодаря нашей собственной решительности, достигнув этого по необходимости ничуть не больше, чем вследствие доблести. Послушайте же, что мы сделали, чтобы получить для вас уважение от других и управление другими, и чтобы приобрести для вас власть бóльшую, чем предполагалось сначала. И если, как я сказал прежде, я уклонюсь от истины, вы возразите мне. 2. Ибо, когда казалось, что ваша свобода пребывает в прочной безопасности, вы не были удовлетворены, чтобы остановиться на этом, но настойчиво устремлялись к дерзости и новым предприятиям, считая вероятным врагом всякого, кто привержен свободе, и объявляли войны почти всему миру, принимали участие во всех опасностях и во всех битвах, дабы поддержать ту алчность к власти, за которую вы считали допустимым губить наши тела. 3. Я ничего не говорю о городах, которые то поодиночке, то по двое сражались с вами, защищая свою свободу; некоторые из них мы одолели в решительных сражениях, другие взяли приступом и заставили покориться вам. Ибо что еще нужно говорить об этих деяниях в подробностях, когда у нас имеется такое обилие того, о чем порассказать? Но кто были те, которые помогали вам захватить и подчинить себе Тиррению, страну, разделенную на двенадцать владений и обладающую огромной мощью на суше и на море? Какую помощь предоставили вам сабиняне, столь великий народ, боровшийся некогда с вами за первенство и неспособный более бороться за равенство? Что же? Кто покорил тридцать городов латинов, которые не только гордились превосходством своих сил, но и исключительной спра-

ведливостью своих требований? И кто заставил их устремиться к вам, умоляя не допустить их порабощение и разрушение их городов?

LXXVI. Я не буду рассуждать о других опасностях, в которых мы очутились вместе с вами, пока еще мы не были разрозненны с вами и не потребовали какую-нибудь часть ожидаемых выгод от власти. Но когда уже было ясно, что могущество, которое вы обрели, была тиранией, что вы обращаетесь с нами, как с рабами, и что мы больше не испытываем к вам тех же чувств, и когда почти все подвластные вам восстали (сначала отложились вольски, за которыми последовали эквы, герники, сабиняне и многие другие), и единственной возможностью, которая, казалось, напрашивалась сама собой, если бы мы захотели ею воспользоваться, было выполнить одно из двух: или низвергнуть ваше господство, или сделать его более умеренным на будущее, — то помните ли вы, в какое отчаяние по поводу сохранения вашей власти вы впали и в каком вы пребывали крайнем унынии, как бы мы не отказались помочь вам в войне или, потакая своим обидам, не переметнулись бы к врагу, и какие просьбы вы обращали и какие обещания вы сулили? 2. Итак, как тогда мы, презренный люд, с которым вы жестоко обращались, поступили? Мы позволили себе поддаться просьбам и поверили обещаниям, которые этот вот превосходнейший Сервилий, бывший в то время консулом, дал народу, и не держали на вас обид за прошлое зло, но имея благие надежды на будущее, мы доверились вам, и в краткий срок одолев всех ваших врагов, вернулись с большим количеством пленных и богатой добычей. 3. Какое возвращение уготовили вы нам за эти услуги? Надлежащее ли и достойное ли всех этих опасностей? Куда там! Далеко не так! Вы нарушили даже те обещания, которые приказали консулу дать нам от имени государства. И вот этого самого превосходнейшего человека, которого вы использовали, чтобы обмануть нас, вы лишили триумфа, хотя из всех людей он больше всего достоин этой чести, и опозорили его только по той причине, что он просил вас исполнить обещанное вами справедливое дело, и было ясно, что он возмущен вашим обманом.

LXXVII. И совсем недавно (ведь прежде чем закончить, я добавлю еще один пример к моим рассуждениям о справедливости), когда эквы, сабиняне и вольски не только сами единодушно восстали против вас, но и призвали других сделать то же самое, разве не были вынуждены вы, такие гордые и суровые, обратиться к нам, жалким и презренным, и обещать все, чтобы обеспечить тогда свою безопасность? Чтобы не показалось, что вы опять намереваетесь обмануть нас, как это случалось уже не раз, вы использовали вот этого Манья Валерия, самого большого приверженца народа, как прикрытия вашего обмана. Доверяя ему и надеясь, что нам не грозит оказаться обманутыми диктатором, а тем более человеком, так хорошо к нам относящимся, мы помогли вам и в этой войне и, приняв участие в целой череде сражений, отнюдь не незначительных и не безызвестных, мы одолели ваших врагов. 2. Однако, как только война была славно завершена и намного скорее, чем кто-либо ожидал, вы оказались столь далеки от того, чтобы радоваться и ощущать себя весьма

обязанными народу, что сочли достойным держать нас под оружием и знаменами против нашей воли, чтобы вы могли нарушить свои обещания, как то вы решили с самого начала. Так как Сервилиий не согласился ни на обман, ни на бесчестье ваших дел, но внес знамена в город и распустил армию по домам, то вы, как бы оправдываясь за то, что не соблюли в отношении нас справедливости, оскорбили его и не выполнили ни одного из данных нам вами обещаний. Тем самым вы осуществили три совершенно противозаконных деяния, а именно: вы уничтожили достоинство сената, разрушили доверие к Сервилию и лишили ваших благодетелей вознаграждения, полагавшегося за их труды. 3. Конечно, патриции, поскольку мы располагаем этими и многими другими подобного рода доказательствами, в чем можно обвинить вас, то мы не считаем достойным ни обращаться к вам с мольбами и просьбами за помощью, ни, подобно виновным в ужасных преступлениях, обеспечивать свое возвращение получением освобождения от наказания и помилования. Однако мы считаем, что теперь не следует подробно говорить об этом, так как мы собрались рассуждать о теперяш, поэтому, успокоившись и предав все это забвению, мы примиримся с этим.

LXXVIII. Но почему вы ясно не объявите, на каких условиях в качестве послов ведете переговоры и не скажете, о чем пришли просить? На что вы надеетесь, прося нас вернуться в город? Какая судьба ждет нас на этом пути? Какое облегчение или радость овладеют нами? Ведь мы не слышим от вас никаких человеколюбивых или благих обещаний — ни почестей, ни магистратур, ни улучшения нашего затруднительного положения, одним словом, ничего хорошего. Итак, вы не желаете говорить нам о том, что собираетесь делать, тогда скажите, что уже сделали, представив нам некоторые уже совершенные деяния как доказательство вашего расположения, чтобы мы могли предположить, что и все остальное будет таким же. 2. Однако я думаю, что они ответят на это, будто имеют полномочия на все, поэтому что бы мы ни приняли между собой, то и будет иметь силу. Допустим, что это так. Пусть за этим последуют результаты. Я ничего против этого не имею. Однако я желаю у них узнать, что случится потом, когда мы изложим условия, на которых считаем возможным вернуться, и эти условия будут ими приняты. Кто поручится перед нами за выполнение этих условий? 3. Полагаясь на какие гарантии, мы выпустим оружие из наших рук и снова отдадим наши жизни во власть этих людей? На постановления ли сената, изданные по этому поводу? Ведь они, конечно, не были приняты. Тогда что помешает снова отменить их другими постановлениями, когда Анний и его приверженцы сочтут это возможным? Или мы будем полагаться на высокое положение послов, которые поручились своим собственным верным словом? Однако сенат уже использовал этих людей, для того чтобы обмануть нас. Или мы будем полагаться на соглашения, скрепленные клятвой именем богов, получая ручательство от них? Но я лично этого боюсь больше, чем всякого другого поручительства, даваемого людьми, потому что вижу, что облеченные властью презрительно относятся к нему, и потому что не сейчас только, но давно уже из многочисленных примеров я понял, что вынужденные

соглашения, заключенные людьми, желающими править теми, кто стремится сохранить свою свободу, сохраняются лишь столько времени, сколько существует вызвавшая эти соглашения необходимость. 4. Итак, какая дружба и какое доверие возможны, когда мы должны будем искать расположения друг друга против своей воли, в то время как каждый из нас ждет лишь удобного случая для себя? И конечно возникнут подозрения и постоянные взаимные обвинения, зависть и ненависть и всякое другое зло, и постоянная борьба за то, чтобы первым уничтожить противника, так как каждый будет думать, что промедление смерти подобно.

LXXIX. Как известно, нет большего зла, чем гражданская война, в которой побежденные несчастны, а победители несправедливы, и как первых уничтожают их самые близкие люди, так и последние уничтожают своих самых близких людей. Не призывайте нас, патриции, к таким несчастьям и отвратительным раздорам, и давайте, плебеи, не отвечать на них, но давайте молча согласимся на судьбу, которая отделяет нас друг от друга. Нет, пусть они владеют всем городом целиком и распоряжаются им без нас, и пусть они одни пользуются всеми другими благами, после того как прогонят бедных и опозоренных плебеев из отечества. Мы же давайте удалимся туда, куда нас поведут боги, сознавая, что покидаем чужую страну, а не свой родной город. 2. Ведь здесь ни у кого из нас не остается ни земельного участка, ни родного домашнего очага, ни общих святынь, ни уважения, то есть всего того, что каждый имеет в своем отечестве, и что даже против воли могло бы побудить нас остаться. Но мы не обладаем даже телесной свободой, которую получили с большим трудом. Так как одни из этих благ уничтожены бесчисленными войнами, другие — нехваткой необходимого для ежедневного пропитания, третьих нас лишили надменные заимодавцы, для которых мы, несчастные, обязаны возделывать наши собственные земельные наделы, копая, сея, распахивая, ухаживая за стадами, становясь сотоварищами наших собственных рабов, которых мы захватили на войне, и одни из нас закованы в цепи, другие — в кандалы, а третьи, как свирепые дикие звери, работают в ошейниках и с железными ядрами. 3. Я ничего не говорю о пытках и оскорблениях, порках, трудах от зари до зари и всех прочих выпавших на нашу долю жестокостях, насилии и унижениях. Итак, коль скоро боги освободили нас от столь обильного непомерного зла, так давайте с радостью и со всей имеющемся у каждого из нас пылом поспешно убежим от них, руководствуясь на этом пути лишь удачей и охраняющим нас богом, считая родиной — свободу, а богатством — доблесть. Ведь всякая страна примет нас как союзников, так как принявшим нас мы не дадим повода для обид, но будем им полезны.

LXXX. Пусть многие греки и варвары будут нам в этом примером, особенно их и наши предки. Одни из них, покинув с Энеем Азию, прибыли в Европу и основали город в земле латинов, другие же, придя под предводительством Ромула из Альбы как колонисты, основали в этой местности город, который мы теперь покидаем. 2. У нас имеются силы не меньшие, чем у них, но даже втрое большие, есть у нас и более

справедливое основание, для того чтобы удалиться. Ведь те, кто покинул Трою, были выгнаны врагами, нас же выдворяют отсюда друзья. Несомненно, гораздо печальнее быть изгнанными собственным народом, чем иноплеменниками. 3. Те, кто участвовал в походе Ромула, пренебрегли страной предков в надежде обрести лучшую. Мы же, оставляя жизнь бездомных и лишенных родины людей, идем основывать колонию, которая и богам не будет ненавистна, и людям не будет причинять беспокойства, и ни для какой страны не будет обременительна. Мы не учинили кровопролития и массовых убийств сородичей, изгоняющих нас, и не опустошали огнем и мечом страну, которую покидаем, и не оставляем позади памятник вечной ненависти, как то обычно делает народ, отправленный в изгнание в нарушение договоров и доведенный до отчаянного положения. 4. Призывая в свидетели богов и божеств, которые справедливо устраивают все человеческие дела, и оставляя им отмщение за наши обиды, мы просим только одного, чтобы те из нас, кто оставил в городе малолетних детей, родителей и жен, в случае если бы те добровольно пожелали разделить с нами судьбу, могли забрать их. Мы рады получить их, и ничего другого мы не просим у нашего отечества. Прощайте и живите так, как вам угодно, вы, кто так сильно не желает соединиться с согражданами и разделить свои блага с людьми более низкого положения».

LXXXI. Этими словами Брут закончил свою речь. Все присутствующие считали истиной все, что он сказал о справедливости, так же как и обвинения по поводу высокомерия сената, в особенности же то, что он заявил, дабы показать, что предложенные уверения выполнения соглашений полны хитрости и обмана. Но когда, наконец, он описал оскорбления, которые народ претерпел от кредиторов, и вызвал в памяти у каждого его собственные страдания, то никого не оказалось столь жестокосердного, кто бы удержался от слез и не оплакал их общие беды. И не только народ был таким образом растроган, но также и те, кто пришел из сената. Ведь и послы не могли сдерживать рыданий, когда обсуждались несчастья, возникшие от разделения города; и в продолжение долгого времени они стояли с опущенными долу и полными слез очами и в растерянности по поводу того, что ответить. 2. Но после того как стихли громкие стенания и в народном собрании воцарилось молчание, для ответа на эти обвинения вперед вышел человек, казавшийся превосходящим остальных граждан⁶⁷ и возрастом, и достоинством. Это был Тит Ларций, который дважды был избран консулом, и из всех людей лучше всего употребил власть, называемую диктатурой, добываясь того, чтобы эта ненавистная магистратура считалась священной и заслуживающей всяческого уважения. 3. Начав говорить о справедливости, он, с одной стороны, осудил заимодавцев за то, что они действовали жестоко и бесчеловечно, с другой — упрекнул бедняков за несправедливое требование освобождения от долгов скорее силой, чем вследствие благодеяния, и сказал им, что они ошибаются, обращая против сената свой гнев за неудачу в попытке добиться благоразумной

⁶⁷ Слово «граждан» здесь является сомнительным. М. Кайзер предложил читать «сенаторов».

уступки от этого учреждения, вместо того чтобы обратить его против действительно виновных. 4. Он старался показать, что пока небольшая группа людей, чье преступление непреднамеренно, была вынуждена вследствие крайней нужды требовать прощения долгов, большая их часть предалась распущенности, высокомерию и жизни, полной наслаждений, и была готова удовлетворять свои прихоти путем ограбления других. Он полагал, что следует различать тех, кто нуждается в одолжении, с теми, кто заслужил ненависть. Но хотя он выдвинул и другие доказательства такого рода, действительно правдивые, однако они не понравились никому из его слушателей, и он не смог убедить их, но все, что он сказал, было принято с величайшим ропотом; одни были возмущены за то, что он снова обнажил их несчастья, другие, однако, признавали, что он не утаил ничего истинного. Но последних оказалось намного меньше первых, так что их заглушили многочисленностью, и крик негодующих возобладал.

LXXXII. После того как Ларций сделал еще несколько замечаний к тому, о чем я уже сказал, и упрекнул народ за его восстание и за опрометчивость его решений, Сициний, бывший тогда во главе черни, ответил ему и еще больше подогрел страсти, говоря, что из этих слов Ларция они в особенности могли бы узнать, какие почести и благодарность ожидают их, когда они вернутся в свою страну. 2. «Ведь если тем, кто находится в самом ужасном положении, кто умоляет народ о помощи и пришел сюда именно с этой целью, даже не приходит в голову сказать слово благоразумное и человеколюбивое, то какое отношение следует ожидать от них, когда они добьются желаемого, и когда те, кто сейчас оскорблен их словами, снова станут зависеть от их действий? От какого высокомерия, от какого оскорбительного отношения, от какой тиранической жестокости они тогда воздержатся? 3. Но если вы согласны быть рабами всю жизнь, быть должниками, поротыми плетью и клеймеными, измученными мечом, голодом и всяческим жестоким обращением, то не тратьте время попусту, но бросайте оружие, дайте связать вам руки за спиной и следуйте за ними. Если же у вас есть хоть какое-то стремление к свободе, не миритесь с ними. И вы, послы, или изложите условия, на которых вы нас зовете, или, если вы не сделаете этого, удалитесь с народного собрания. Ведь более мы не позволим вам говорить».

LXXXIII. Когда он закончил, все присутствующие громко возопили, показывая, что они одобряют его доводы и согласны с ним. Но лишь воцарилось молчание, Менений Агриппа, тот самый, кто произнес в сенате речь в защиту народа и кто, сделав наилучшие предложения, стал причиной отправки наделенных всеми полномочиями послов, дал знак, что тоже желает говорить. Народ посчитал, что нельзя пожелать лучшего и что именно теперь он услышит предложения, направленные к искреннему перемирию, и совет, полезный для обеих сторон. 2. Сначала все они шумом выразили свое одобрение, громкими криками призывая его говорить. Затем они утихли, и в народном собрании воцарилась такая тишина, что место собрания стало спокойным, как пустыня. Казалось, что он использовал вообще самые существенные и убедительные доказательства, вполне соответствовавшие настроению

слушателей. Говорят, что в конце своей речи он рассказал басню, которую сочинил на манер Эзопа и которая была очень сходна с данными обстоятельствами, и именно благодаря этому он и уговорил их. По этой причине его речь считается достойной того, чтобы ее записать, и ее излагали во всех древних исторических сочинениях⁶⁸. Речь его была следующего содержания:

3. «Плебен, мы посланы к вам сенатом не для того, чтобы оправдывать их или обвинять вас (ибо это казалось и неблагоприятным, и не соответствующим обстоятельствам, лишь расшатывающим государство), но чтобы использовать любую попытку и любые средства, дабы положить конец смуте и восстановить государственное устройство в его изначальном виде; именно для этой цели нас и наделили высшей властью. Так что мы отнюдь не считаем, что нужно долго рассуждать, как то делал Юний, толкуя о справедливости. Но что касается человеколюбия, с помощью которого, как мы полагаем, следует положить конец смуте, и ручательств выполнения ваших будущих соглашений, то мы объявим вам принятые нами решения. 4. Когда мы думали, что любая смута во всяком государстве проходит только тогда, когда устранены породившие разногласия причины, мы полагали, что необходимо их вскрыть и положить конец первопричинам этой вражды. Обнаружив, что основанием настоящих настроений явилось жестокое взыскание долгов, мы поступили с вымогательством задолженностей следующим образом: мы считаем справедливым, чтобы все те, кто опутан долгами и не способен их выплатить, были освобождены от обязательств; и если кто-то из должников уже просрочил предписанный законом срок платежа, то наше решение таково, что они также должны быть освобождены. Те же, кто уже осужден по частному иску и передан кредиторам, выигравшим процесс против них, то мы желаем, чтобы и они были свободны, и мы отменяем эти судебные приговоры. 5. Итак, что касается ваших прошлых долгов, которые, как нам казалось, и привели к вашему уходу, то мы исправляем это таким способом. Что же до ваших будущих долгов, то, как покажется вам, народу, и сенату на основе общего решения, так пусть и будет после принятия соответствующего закона. Не это ли, плебен, разделяло вас с патрициями? И если вы получите все это, то сочтете ли достаточным, чтобы не стремиться еще к чему-нибудь? Теперь это дано вам. Возвращайтесь же с радостью на свою родину.

LXXXIV. Все поручительства, которые закрепят данные соглашения и обеспечат их выполнение, будут даны в соответствии с законом и обычаями тех, кто положил конец вражде. Сенат голосованием утвердит эти соглашения и придаст силу закона условиям, которые вы выдвинете. Но пусть лучше ваши требования будут выдвинуты

⁶⁸ Возможно, что басня, рассказанная Менением Агриппой, заимствована из греческой литературы. Ибо даже цитировавшие данное рассуждение Цицерон и Сенека не связывали его ни с Менением, ни с описываемыми событиями. В то же время рассказанную Менением Агриппой басню приводит и Тит Ливий (II. 32. 9–12).

вами здесь, и сенат согласится с ними. 2. Те уступки, которые теперь сделаны вам, будут тверды и неизменны, и ничего противоречащего им не будет позже принято сенатом; во-первых, мы, послы, являемся вашими поручителями, отдавая вам наши тела, жизни и семьи в качестве залога; затем, все другие сенаторы, названные в постановлении. Ибо ни одно постановление никогда не будет принято вопреки интересам народа без того, чтобы мы этому не противились, так как мы являемся первенствующими сенаторами и всегда первыми излагаем наше мнение в сенате. 3. Последняя клятва, которую мы дадим вам, используется всеми людьми, как греками, так и варварами, которая никогда не будет уничтожена временем, это та, которая благодаря клятвам и договорам делает богов поручителями за выполнение соглашений. При этой гарантии много ужасных раздоров между частными лицами и много войн, возникавших между государствами, было улажено. Придите, получите эту гарантию, независимо от того, позволите ли вы некоторым первенствующим сенаторам дать вам клятвы от имени всего сената, или сочтете нужным, чтобы все сенаторы, упомянутые в постановлении, поклялись над священными жертвами сохранять эти соглашения незыблемыми. 4. Не злословь, Брут, по поводу обязательств, данных при одобрении богов и утвержденных обещаниями и договорами, и не уничтожай самый благородный из человеческих обычаев. Вы же, плебеи, не позволяйте ему говорить о негодных деяниях нечестивцев и тиранов, деяниях, далеких от доблести римлян.

LXXXV. Я упомяну еще об одном, о чем каждый знает и в чем никто из людей не сомневается. Что же это? Это то, что привносит общее благо и сохраняет обе стороны в государстве благодаря их помощи друг другу. Это первое и единственное, что объединяет нас и никогда не позволит нам отделиться друг от друга. Ведь невежественная толпа всегда нуждается и никогда не перестанет нуждаться в благоразумном предводительстве, в то время как сенат, способный на предводительство, всегда будет нуждаться во множестве народа, желающего, чтобы им управляли. Мы знаем это не только как мнение или предположение, но из реального опыта. 2. Тогда зачем мы угрожаем и беспокоим друг друга? Зачем говорим злые речи, когда в нашей власти совершать добрые поступки? Почему бы нам не принять друг друга в объятия и не вернуться на родину, наконец насладившись там самыми дорогими сердцу радостями и удовлетворив страстное желание того, что милее всего, вместо того чтобы отыскивать поручителей, которые дадут ничтожные и ненадежные заверения, как то делают лишь смертельные враги, которые всегда подозревают самое худшее? Нам же, плебеи, достаточно одной клятвы, что вы по возвращении никогда не будете поступать скверно в отношении нас, и у нас есть уверенность в этом, так как мы знаем о вашем прекрасном воспитании, о вашем обычном законопослушании и о всех прочих ваших добродетелях, множество доказательств которых вы не раз давали и в мирное время, и на войне. 3. И если, как необходимое следствие этой уверенности и ожидания, договоры будут нами совместно изменены, мы уверены, что во всех

других отношениях вы в конце концов будете хорошими гражданами, и мы не нуждаемся ни в клятвах, ни в заложниках, ни в каких-либо других закладах от народа. Мы же ни в чем, что вы желаете, не будем вам противиться. Относительно обязательств, по поводу которых Брут старался злословить на нас, сказано достаточно. Но если какая-то необоснованная ненависть возникла у вас в умах, побуждающая вас питать нерасположение к сенату, то я желаю высказаться и по этому поводу, плебеи, и прошу вас именем богов выслушать меня молча и внимательно.

LXXXVI. Государство имеет в каком-то смысле сходство с человеческим телом. Ведь оно является сложным организмом и состоит из многих частей. Ни одна из этих частей не имеет ни одинакового значения и каждая выполняет свою роль. 2. Однако, если бы каждая из этих частей человеческого тела была наделена способностью слушать и говорить, и все они, объединившись, подняли бы мятеж против одного желудка, то ноги сказали бы, что все тело опирается на них; руки — что они занимаются ремеслами, обеспечивают провизию, сражаются с врагами и присоединяют к общему благу много других благ; плечи сказали бы, что они переносят грузы; рот, что он говорит; голова, что она видит и слышит и, включая все другие чувства, владеет всем тем, посредством чего сохраняются дела. И затем все они сказали бы желудку: «А ты, хороший, что из этого делаешь? Какой доход ты приносишь и что за польза нам от тебя? В самом деле, ты так далек от того, чтобы давать нам что-либо или помогать нам в совершении чего-то полезного для общего блага, что в действительности ты являешься для нас лишь помехой и источником беспокойства, и, что особенно нетерпимо, заставляешь нас служить тебе и приносить отовсюду пищу для удовлетворения твоих прихотей. 3. Так почему же мы не отстаиваем нашу свободу и не освободимся от стольких беспокойств, в которые попадаем лишь ради него?» Если бы они приняли такое решение и все органы перестали выполнять свои обязанности, то разве могло бы тело просуществовать сколько-нибудь значительный промежуток времени, и разве не было бы оно уничтожено за несколько дней худшей из всех смертей, то есть голодом? Нет, и никто не мог бы сказать иначе. Теперь рассмотрите то же положение в государстве. 4. Ведь и оно состоит из многих разрядов людей, совсем не похожих друг на друга, каждый из которых несет свою собственную службу для общего блага, как отдельные члены в отношении тела. Одни обрабатывают поля, другие сражаются с врагами, защищая эти поля, третьи ведут весьма полезную морскую торговлю, а четвертые занимаются необходимыми ремеслами. Если бы все эти различные группы людей восстали против сената, состоящего из лучших представителей, и сказали: «Сенат, что ты хорошего нам делаешь, и на каком основании ты осмеливаешься править другими? Конечно, тебе нечего сказать. Раз это так, то не освободиться ли нам теперь же от твоей тирании и жить без вождя?» 5. Если только они примут такое решение и прекратят свои обычные занятия, что тогда удержит это несчастное государство от самой жалкой смерти от голода, войн и всяческих других зол? Итак, знайте, плебеи, что подобно тому, как в наших телах

желудок, многими⁶⁹ осыпaeмый столь злобной бранью, питает все тело, хотя и сам питается, и сохраняя себя, сохраняет и его, как если бы это был своего рода пир, обеспечиваемый совместным содействием, который в результате обмена надлежащим образом распределяет то, что полезно каждому отдельно и всем вместе, так и в полисах сенат, который ведет государственные дела и обеспечивает то, что целесообразно для каждого, все это сохраняет, защищает и исправляет. Так что перестаньте произносить оскорбительные речи в адрес сената о том, что вы изгнаны им из отчизны, и что вследствие этого вы скитаетесь как бродяги и попрошайки. Ибо он не причинил и не может причинить вам никакого вреда, но сам зовет вас и умоляет, и, распахнув вместе с воротами души, гостеприимно принимает вас».

LXXXVII. Пока Менений говорил это⁷⁰, в продолжение всей его речи толпа издавала много разных возгласов. Однако когда в конце ее он прибег к мольбам и, перечислив напасти, которые постигнут как тех, кто остался в городе, так тех, кто изгнан из него, оплакал страдания и тех и других, слезы хлынули у всех из очей, и они единодушно в один голос призвали его, не теряя времени, вести их обратно в город. Вверив послам все свои дела, они не занимались ничем другим, относящимся к их безопасности, и совсем немногого доставало для того, чтобы закрыть собрание, если бы только Брут, выскочив вперед, не сдержал их рвение, восклицая, что хотя обещания, данные сенатом, благоприятны для народа, и он считал правильным, чтобы народ был бы благодарен ему за эти уступки, однако он опасается, что наступит время и приверженные тирании люди, буде представится случай, однажды снова попытаются заставить людей почувствовать негодование за сделанное ими. 2. Есть только одно средство безопасности для всех, кто боится более сильных: если им будет ясно, что желающие нанести им оскорбления, не будут иметь возможности сделать это. Ведь злые люди, пока есть возможность творить зло, никогда не будут испытывать недостатка в желании совершить его. Следовательно, плебеи должны получить такое средство безопасности, с которым они более ни в чем не будут нуждаться. 3. Менений же возразил и попросил его назвать то средство безопасности, в котором, по его мнению, народ еще нуждается. На что Брут отвечал: «Позволь нам ежегодно выбирать из нас самих определенное число магистратов, не облеченных никакой иной властью, как только приходиться на помощь тем плебеям, которым нанесено какое-либо оскорбление или в отношении которых применено насилие, и не допускать, чтобы кто-нибудь из них был лишен своих прав. Мы умоляем и просим вас добавить эту милость к тем, которые вы уже нам предоставили, если наше примирение не только на словах, но и на деле».

LXXXVIII. Когда народ услышал эти слова, он долго и громогласно поддерживал Брута и просил послов предоставить им и это. Те, удалившись из народного собрания

⁶⁹ Возможно, текст в этом месте испорчен. М. Кайзер предложил читать: «другими членами».

⁷⁰ О событиях, изложенных в этой и трех последующих главах сообщает также Тит Ливий (II. 33. 1–3).

и кратко посоветовавшись, вернулись через непродолжительный промежуток времени. Когда воцарилось молчание, Менений вышел вперед и рек: «Это дело, плебеи, величайшее и полное незлых подозрений. Мы ощущаем некоторую тревогу и нас заботит, как бы мы не создали два государства в одном. Однако в той мере, в какой мы сами заинтересованы, мы не будем противостоять и этому вашему требованию. 2. Но окажите и нам благодеяние, отвечающее и вашим собственным интересам. Разрешите некоторым послам пойти в город и сообщить об этом сенату. Ведь хотя нам и даны от него полномочия заключить мир так, как мы сами сочтем нужным, и мы можем на свое усмотрение давать от его имени те обещания, которые нам угодны, однако мы не считаем возможным взять ответственность за это на себя, так как нам неожиданно предъявили новые притязания, и мы откажемся от наших полномочий и предложим это дело на рассмотрение сената. Но мы убеждены, что у сената будет то же мнение, что и у нас. Таким образом, я останусь здесь вместе с некоторыми другими послами, а Валерий с остальными отправится в сенат». 3. На том и порешили, и лица, назначенные поставить в известность сенат о том, что случилось, вскочили на лошадей и галопом поскакали в Рим. Когда консулы вынесли это дело на обсуждение сенаторов, Валерий высказал мнение, что и эту милость следует оказать народу. С другой стороны, Анний, бывший с самого начала против примирения, и в этом случае выказал открытое противодействие, протестуя, призывая богов в свидетели и предсказывая, какие семена будущих зол в государстве они собираются посеять. Но он не смог возобладать над большинством сената, которое, как я сказал, было полно решимости положить конец смуте. Итак, было принято постановление сената, подтверждающее все обещания, данные плебсу послами и предоставляющее те ручательства безопасности, которые он потребовал. 4. Завершив это дело, послы на следующий день вернулись в лагерь и возвестили решение сената. Вслед за этим Менений посоветовал плебейам послать кого-нибудь в город взять залог, который сенат должен был дать. В соответствии с этим был послан Луций Юний Брут, которого я уже упоминал прежде, а вместе с ним Марк Деций и Спурий Ицилий. Из послов, которые пришли из сената, половина вернулась в город вместе с Брутом и его спутниками. Агриппа же с остальными остался в лагере, так как плебеи просили его записать закон о назначении их магистратов.

LXXXIX. На следующий день Брут и те, кого с ним послали, возвратились, заключив с сенатом соглашение посредством глашатаев мира, которых римляне называют фециалами⁷¹. И народ, разделившись на существовавшие в то время фратрии, или, если кто-либо предпочитает называть их так, как зовут их сами римляне, курии⁷², избирает годичными магистратами следующих лиц: Луция Юния Брута и Гая Сициния Беллута, которых народ имел до этого вождями, и вдобавок к ним Гая и Публия

⁷¹ См.: Дионисий. I. 72.

⁷² См.: Дионисий. II. 7. 2; 14. 3.

Лициниев и Гая Визелия Руга. 2. Эти пять человек⁷³ были первыми, получившими трибунскую власть за четыре дня до декабрьских ид⁷⁴, что вплоть до наших дней и совершается именно в этот день. После завершения выборов послы сената решили, что все, за чем их послали, полностью улажено. Но Брут, созвав плебеев, посоветовал им сделать эту магистратуру священной и неприкосновенной, оградив ее безопасностью не только законом, но и клятвой⁷⁵. 3. Все одобрили это, и Брутом и его товарищами был принят закон следующего содержания: «Пусть никто не побуждает плебейского трибуна, хотя бы одного из многих, ничего делать против своей воли; ни сечет его плетью; ни приказывает другому высечь; ни убивает, ни приказывает другому убить. Если же кто-либо сделает что-нибудь из того, что запрещается, пусть будет проклят, а его имущество посвящено Церере. И если кто-нибудь убьет сделавшего это, то убийцей не будет». 4. И чтобы народ не только в будущем не мог по своему выбору отменять этот закон, но чтобы он на все времена оставался неизменным, было постановлено, чтобы все римляне торжественно поклялись священными жертвами на вечные времена соблюдать его, как сами они, так и их потомки. К клятве было добавлено, чтобы небесные боги и подземные божества были милостивы к тем, кто его соблюдает, и чтобы недовольство богов и божеств обратилось на тех, кто его нарушает, как на виновного в величайшем святотатстве. Отсюда у римлян возник обычай считать плебейских трибунов священными, каковой и сохраняется вплоть до наших дней.

ХС. После того как плебеи за это проголосовали, они воздвигли алтарь на вершине горы, где они стояли лагерем, который они на своем собственном языке называли алтарем Юпитера Устрашающего⁷⁶, от страха, который овладел ими тогда. Совершив жертвоприношения этому богу и освятив место, принявшее их, они вместе с послами возвратились в город. 2. Затем они возблагодарили богов, почитавшихся в городе, и убедили патрициев проголосовать за утверждение их новой должности. После того как и это произошло, они еще попросили, чтобы сенат позволил им назначать ежегодно двух плебеев в качестве помощников трибунов во всем, что те потребуют: решать дела, с которыми другие к ним обратятся, присматривать за общественными местами — священными и общедоступными, и следить, чтобы рынок был обеспечен продовольствием. 3. Получив и эту уступку от сената, они избрали людей, называемых помощниками и коллегами трибунов и судьями. Но теперь они по одной из их обязанностей, называются на их собственном языке надзирателями за священными

⁷³ Ливий (II. 33. 2) допускает и другую версию, согласно которой вначале трибунов было только двое.

⁷⁴ То есть 10 декабря.

⁷⁵ Ливий называет этот закон «священным» (lex sacrata — II. 33. 3).

⁷⁶ «Наводящий страх». Ни один автор не упоминает этот или похожий эпитет Юпитера. Однако недалеко от Тиволи (Италия) был обнаружен небольшой мраморный алтарь с надписью «Священному Юпитеру Устрашающему посвящен».

местами, или эдилами⁷⁷, и их власть более не подчинена власти других магистратов, как прежде, но многие дела значительной важности вверены им, и в большинстве отношений они, некоторым образом, похожи на имеющих у греков «агораномов», то есть рыночных смотрителей.

ХСІ. Когда дела были улажены и государство вернулось в свое первоначальное состояние, полководцы набрали войско против внешних врагов, так как народ теперь выказывал большую тревогу, и в короткий срок все было подготовлено для войны. Вслед за тем консулы бросили, по обычаю, жребий по поводу своих полномочий. Спурий Кассий, которому выпало следить за городскими делами, остался дома, оставив себе достаточную часть набранного войска, в то время как Постум Коминий отправился на войну с остальной ратью, состоявшей не только из самих римлян, но в немалой части и из вспомогательных сил латинов. 2. Решив сначала напасть на вольсков, консул с первого приступа взял их город, называемый Лонгула, хотя его жители и проявили смелость и послали часть сил в поле в надежде сдержать натиск противника. Но не совершив ни одного славного деяния, они были обращены в постыдное бегство и не выказали ни малейшего мужества даже во время штурма стен города. Во всяком случае, римляне в один день не только без усилий овладели их страной, но и без большого труда взяли приступом их город. 3. Римский военачальник позволил воинам разделить всю добычу, оставленную в городе, а затем, оставив там гарнизон, повел войско против другого города вольсков, называемого Полуска, недалеко от Лонгулы⁷⁸. Так как никто не осмелился противостоять им, консул с большой легкостью прошел через сельскую округу и двинулся на приступ стен. Одни бойцы силились открыть ворота, другие лезли на стены, и уже в тот же день они стали хозяевами города. 4. После взятия города консул выбрал нескольких граждан, являвшихся зачинщиками измены, и предал их смерти. Наказав остальных лишением имущества и разоружив их, он обязал их в будущем быть подданными римлян.

ХСІІ. В этом городе он также оставил в качестве гарнизона небольшую часть войска, а на следующий день отправился с остальными силами в Кориолы, город весьма славный и, так сказать, столицу вольсков⁷⁹. Там было собрано сильное войско, стены

⁷⁷ Об эдилах, которые ведают храмами и частными постройками, упоминает и Варрон (О латинском языке. V. 81). Сначала было два плебейских эдила, их личность также являлась священной и неприкосновенной. В сферу их компетенции входили городские стражи правопорядка, плебейские игры, помощь трибунам, по приказу которых они арестовывали неповиновавшихся и распоряжались исполнением наказаний над осужденными. Они также были общественными обвинителями против тех, кто чем-либо оскорбил плебс.

⁷⁸ Лонгула — город вольсков в области Анция, который в конце V в. до н.э. был разрушен и прекратил свое существование. Полуска — также город вольсков в Анции, разрушенный в V в. до н.э. Оба эти города являлись древними латинскими поселениями, отошедшими к вольскам.

⁷⁹ Кориолы — крепость и главный город вольсков в Лации. О взятии Кориол Гаем Марцием см. также: *Ливий*. II. 33. 5–9; *Плутарх*. Гай Марций. 8.

его взять было нелегко, и жители давно запаслись всем необходимым для войны. Консул предпринял штурм стен и вплоть до позднего вечера не оставлял этих попыток, но был отбит неприятелем, потеряв многих своих людей. 2. На следующий день он приготовил стенобитные орудия, сплетенные из прутьев щиты и лестницы и готовился снова напасть на город со всеми силами. Но узнав, что анциаты собираются с большой ратью прийти на помощь жителям Кориол вследствие их родства с ними, и что они, решившись на поход, уже находились в пути, консул разделил свое войско и решил с одной половиной продолжать осаду города, оставив командиром Тита Ларция, с остальной же остановить наступление приближающегося противника. 3. Два этих сражения имели место в один и тот же день, и в обоих римляне одержали победу, так как все они бились с величайшим рвением и один человек особенно проявил невероятное мужество и совершил деяния, которые не поддаются описанию. Он был из патрицианского рода, хотя и неизвестных родителей, звали его Гай Марций. Он был воздержанным и умеренным в частной жизни и в образе мыслей в полной мере независимым. Подробности этих двух сражений следующие. Ларций, выйдя со своим войском из лагеря, на исходе дня подошел к стенам Кориол и осадил город во многих местах. Со своей стороны, жители Кориол, воодушевленные ожидаемой помощью от анциатов, которая, как они были убеждены, вскоре придет к ним, открыли все ворота и сделали общую вылазку против врага. 4. Римляне выдержали их первое нападение и многим вступившим с ними в бой нанесли ранения, но позже они были вытеснены с горы и отошли. Марций, которого я прежде упоминал, видя это, не отступил с немногими и ждал толпу приближающихся врагов. Когда он сразил многих из них, а остальные отпрянули и устремились к городу, он начал преследовать их, убивая одного за другим всех, кто находился в пределах досягаемости, и непрерывно призывая тех из своих, кто отступал, ободриться и следовать за ним. 5. Те, устыдившись, тотчас повернули назад и начали теснить противника, поражая и преследуя его. И в скором времени они повсюду разгромили неприятеля и атаковали городские стены. Теперь Марций с еще большей смелостью подвергаясь опасностям, продолжил наступление и, подступив к воротам, напал вместе с теми, кто раньше бежал, на стены. И когда в сопровождении многих других воинов он силой проложил себе дорогу внутрь, во многих частях города началось большое кровопролитие с обеих сторон, одни сражались на улицах, другие защищали свои дома, подвергавшиеся нападению. 6. Даже женщины помогали жителям в их борьбе, сбрасывая с крыш на врагов черепицу. Каждый по мере сил и возможностей защищал свой родной город. Однако они недолго выдержали натиск и были вынуждены сдаться победителям. После того как таким образом город был взят, римляне приступили к грабежу найденного там имущества и долгое время занимались добычей, так как там было очень много денег и рабов.

ХСIII. Марций же, который был первым и единственным, кто выдержал удар врагов и отличился среди всех римлян как при штурме города, так и в сражениях

внутри стен, заслужил большие почести также и во второй битве — против анциатов. Ведь он решил не пропускать и это сражение, но как только город был взят, взял с собой небольшое число людей, способных следовать за ним, пустился бегом и нашел обе рати уже построены и готовыми к бою. Он первым сообщил римлянам о взятии города и в качестве доказательства показал дым, который густыми клубами поднимался от охваченных огнем зданий. Получив разрешение консула, он построил своих людей напротив самой сильной части вражеского войска. 2. После того как был дан сигнал к битве, он первым схватился с врагами, и убив многих из своих противников, бросился в самую гущу вражеских рядов. Анциаты более не отваживались сражаться с ним врукопашную, но расступившись там, где он наседал, все вместе окружили его, отступая по мере того, как он наступал и поражал их, а затем внезапно напали на него. Постум, узнав об этом и опасаясь, как бы этот воин, отрезанный таким образом, не попал в беду, послал самых храбрых из молодежи ему на помощь. Те, сомкнув свои ряды, напали на врага. Когда передний строй не смог противостоять их натиску, но обратился в бегство, они, продвинувшись вперед, обнаружили прикрытого ранами Марция и увидели многих, лежащих рядом с ним, одних уже мертвых, других находящихся при смерти. 3. Вслед за этим они под предводительством Марция двинулись вперед, против тех из врагов, кто еще держал строй, убивая всех оказывавших сопротивление и обращаясь с ними, как с рабами. Хотя римляне явили замечательную доблесть в этом деле, и храбрейшими из них были те, кто защищал Марция, но самым отважным оказался все-таки сам Марций, который без сомнения стал главной причиной победы. Наконец, когда стемнело, римляне вернулись в лагерь, торжествуя победу, убив многих анциатов и приведя с собой большое количество пленных.

XCIV. На следующий день Постум, собрав войско, воздал большую хвалу Марцию и увенчал его венками за доблесть в награду за действия в обоих сражениях. Он также подарил ему боевого коня, украшенного сбруей, принадлежащей полководцу, и десять пленных, позволив ему делать с ними то, что пожелает, и столько серебра, сколько он сам мог унести, и много другой прекрасной отборной добычи. 2. Когда все подняли большой шум в знак одобрения и поздравления, Марций вышел вперед и молвил, что он очень благодарен и консулу, и всем остальным за почести, достойным которых они его сочли. Однако он не станет пользоваться всем этим, но удовольствуется лишь конем из-за блестящей сбруи, и одним пленным, который, по случаю, оказался его гостеприимцем. Воины, которые и прежде того восхищались сим мужем за его доблесть, теперь восторгались им еще больше за его презрение к богатству и умеренность в столь счастливой судьбе. За это сражение ему было дано прозвище Кориолан, и среди молодых он стал самым знаменитым. 3. После завершения битвы с анциатами оставшиеся города вольсков прекратили вражду с римлянами. И все, кто сочувствовал им, как те, кто уже был вооружен, так и те, кто еще только готовился к войне, воздержались от нее. Постум отнесся ко всем ним с умеренностью и,

возвратившись домой, распустил войско. 4. А Кассий, другой консул, оставшийся в Риме, между тем освятил храм Цереры, Либера и Либеры, которые расположены в конце Большого цирка, прямо над стартовой площадкой⁸⁰. Авл Постумий, диктатор, дал клятву посвятить этот храм богам от имени государства, собираясь вступить в битву с армией латинов, и сенат после победы принял постановление, что этот храм следует построить всецело из военной добычи; и теперь работа была завершена.

ХСV. В то же самое время со всеми латинскими городами был заключен и подтвержден клятвами новый договор о мире и дружбе, так как они не пытались во время мятежа создавать какие-либо беспорядки, и открыто радовались возвращению народа, и, казалось, были готовы быстро оказать помощь римлянам против тех, кто отложился от них⁸¹. 2. Условия этого договора были следующие: «Пусть мир между римлянами и всеми латинскими городами продолжается до тех пор, пока существуют небо и земля. Пусть они и сами не начинают войну друг против друга, и внешних врагов не приводят, и не предоставляют безопасный проход тем, кто начнет войну. Пусть в случае войны помогают друг другу всеми силами, и пусть каждый получает равную долю в военной добыче и в захваченном добре, взятых в совместных войнах. Пусть судопроизводство по частным договорам производится в течение десяти дней, и в том месте, где договор был заключен. И пусть не будет разрешено что-либо добавлять или изымать в этом договоре иначе, как с согласия римлян и всех латинов». 3. Такой договор был заключен римлянами и латинами и утвержден их торжественными клятвами над жертвоприношениями. Сенат также проголосовал за жертвоприношения богам в благодарность за примирение с народом и добавил еще один день к Латинским играм, как они называются, которые прежде праздновались только два дня. Первый день был установлен как священный Тарквинием, когда он победил тирренов. Второй был добавлен народом после того, как вследствие изгнания царей государство стало свободным. И третий день был добавлен теперь в связи с возвращением удалившихся. 4. Надзор и наблюдение за жертвоприношениями и играми, проводившимся во время этих празднеств, были поручены помощникам трибунов, которые, как я сказал, исполняли магистратуру, теперь называемую эдилитетом. Сенат почтил их пурпурным одеянием, креслом из слоновой кости и другими знаками отличия, которые имели цари.

ХСVI. Вскоре после этих праздников скончался Менений Агриппа, один из бывших консулов. Именно он победил сабинян и справил самый блестящий триумф за эту победу. Благодаря его доводам сенат позволил удалившимся вернуться, и плебс, вследствие своего доверия к нему, сложил оружие. Он был погребен на государствен-

⁸⁰ Точное местоположение этого храма неизвестно. Однако, вероятно, он находился на склоне Авентинского холма.

⁸¹ О союзе с латинскими городами пишет Ливий (II. 33. 4). Этот договор еще называется «Кассиевым договором».

ный счет, и его похороны стали самыми почетными и самыми великолепными из устраиваемых кому-либо. Ведь его имущества было недостаточно, чтобы оплатить расходы на дорогие похороны и погребение, так что даже опекуны его детей, посоветовавшись, решили отнести его за город и похоронить как простого человека. 2. Плебс, однако, этого не позволил, а плебейские трибуны, созвав его и воздав множество похвал деяниям этого мужа и на войне, и на общественном поприще; превознеся его скромность и простой образ жизни, в особенности же его презрение к накоплению богатства, сказали, что это просто позор — хоронить такого человека в безвестности и так скромно из-за его бедности. Они посоветовали народу взять на себя расходы на его похороны и внести для этого такую сумму, которую они, трибуны, определят. 3. Слушавшие с радостью приняли это предложение, и когда каждый тотчас внес сумму, которую определил трибун, то средства были собраны значительные⁸². Сенат, узнав об этом, постыдился этого дела и решил не позволять погребать самого знаменитого из всех римлян на частные взносы, но посчитал достаточным, чтобы расходы оплачивались государственной казной; и заботу об этом он поручил квесторам⁸³. Те заключили договор подряда об обеспечении его погребения на весьма значительную сумму денег и, роскошно обрядив его тело и устроив все прочие пышности, похоронили Менения достойно его доблести. 4. После этого народ в подражание сенату отказался со своей стороны взять назад внесенную им сумму, когда квесторы предложили вернуть ее, но подарил ее детям умершего из сострадания к их бедности и чтобы защитить их от занятий, недостойных доблести их отца. В это время консулами был проведен и ценз, в соответствии с которым было выявлено, что граждан насчитывается более ста десяти тысяч человек.

Таковы были деяния, совершенные римлянами в это консульство.

⁸² По сообщению Тита Ливия (II. 33. 10), Менения похоронили плебеи, которые внесли на его погребение по шестой части асса каждый.

⁸³ Ливий ничего не сообщает об этом решении сената.

Книга VII

Отправка послов для закупки хлеба на Сицилию, к тирренам и на так называемую Помптинскую равнину — Краткая история прихода к власти тирана Аристодема и его управления делами государства — Возвращение послов и отправка поселения в Велитры — Выступление Спурия Сициния и Брута против сената и разжигание ими неприязни плебеев к патрициям — Многочисленные споры плебейских трибунов с консулами. Враждебные позиции друг к другу — Набор войска для набегов и грабежей — Назначение консулами Марка Минуция Авгурина и Авла Семпрония Атрагина — Спор среди патрициев по поводу продажи прибывшего хлеба из Сицилии — Призыв Марция выступить патрициям против плебса — Противодействие плебейских трибунов Марцию и его сторонникам — Выступление Минуция в защиту правомерных действий сената — Обвинительная речь плебейского трибуна Сициния против Марция — Объявление суда над Марцием — Выступление Деция — Доводы Аппия Клавдия — Речь Манья Валерия, самого яркого сторонника плебеев — Созыв, впервые у римлян, трибунного народного собрания, голосующего по поводу отдельного человека — Открытие судебного процесса. Первое слово берет Минуций — Обвинение Марция в тирании — Определение наказания Марция — Избрание консулами Квинта Сульпиция Камерина и Спурия Ларция Флава — Ниспосланные божеством знамения и явления необычайных видений — Обряды, совершаемые в каждом полисе при установленном предками почитании богов и божеств

1. Когда же консульскую власть приняли Тит Геганий Мацерин и Публий Минуций¹, Рим стал испытывать сильную нехватку хлеба, явившуюся следствием отпадения плебеев². Ведь плебс отложился от патрициев после осеннего равноденствия, как раз около самого начала сева, и одновременно с восстанием покинули свои поля земледельцы: те, кто побогаче, присоединились к патрициям, а батраки — к плебеям. И с этого времени они постоянно пребывали отдельно друг от друга, пока граждане не успокоились и не воссоединились, примирившись незадолго до зимнего солнцестояния. 2. А этот срок, в который всякий посев совершается в надлежащую пору, земля была лишена тех, кто позаботился бы о ней, и оставалась так в течение длительного времени. Поэтому и возвратившимся земледельцам было уже нелегко восстановить хозяйства, пострадавшие как из-за бегства рабов, так и из-за гибели домашнего скота, необходимых для обработки земли. Да и у немногих имелись запасы семян и продовольствия на предстоящий год. 3. Увидев это, сенат стал отправлять послов к тирренам, кампанцам и на так называемую Помптинскую равнину³, чтобы они закупили столько зерна, сколько смогут. А Публий Валерий и Луций Геганий были посланы на Сицилию: Валерий был сыном Попликолы, Геганий же — братом одного из консулов. 4. Тогда в городах Сицилии правили тираны, но самым знаменитым был Гелон, сын Дейномена, недавно унаследовавший власть от Гиппократа⁴, а не Дионисий Сиракузский⁵, как написали Лициний⁶, Геллий⁷ и многие другие из римских историков, не проведя никакого тщательного исследования касательно дат, что доказывает сам этот факт, а наобум сообщая первое попавшееся. 5. Ведь посольство, назначенное на Сицилию, отплыло во второй год семьдесят второй Олимпиады, когда в Афинах архонтом был Гибрийд, через семнадцать лет после изгнания царей⁸,

¹ 492 г. до н.э. О событиях этого года см.: *Ливий*. II. 34. 1–6.

² Речь идет о первой сецессии (уходе из Рима) плебеев в 494 г. до н.э., закончившейся учреждением должности плебейских трибунов.

³ Помптинская равнина — болотистая местность на побережье Лация в 80 км к юго-востоку от Рима между городами Цирцен и Таррацина.

⁴ Гелон стал тираном сицилийского города Гелы в 491 г. до н.э., захватив власть после гибели прежнего тирана Гиппократа, чьим сподвижником он являлся, а с 485 г. до н.э. до своей смерти в 478 г. до н.э. был тираном Сиракуз. Прославился крупной победой над карфагенянами при Гимере в 480 г. до н.э., отдавшей в его руки почти всю Сицилию.

⁵ Дионисий Сиракузский, самый известный сицилийский тиран, правил Сиракузами с 405 по 367 г. до н.э., создав крупную державу в Сицилии и Южной Италии. Вел активную борьбу с карфагенянами.

⁶ Гай Лициний Макр (первая половина I в. до н.э.) — автор римской истории «*Анналы*», представитель так называемой «младшей анналистики», отличавшейся склонностью к вымыслам и фальсификациям, стремлением придать историческому повествованию занимательный характер.

⁷ Гней Геллий (вторая половина II в. до н.э.) — автор римской истории «*Анналы*», представитель так называемой «средней анналистики». Первый перешел от сжатого рассказа к широкому повествованию об исторических событиях.

⁸ 491/490 г. до н.э. Хронология Дионисия на два года отличается от общепринятой (ср. примеч. 1).

в чем согласны и эти, и почти все остальные историки, в то время как Дионисий Старший, подняв восстание против сиракузян на восемьдесят пятый год после этих событий, захватил единоличную власть в третий год девяносто третьей Олимпиады, когда в Афинах архонтом после Антигена был Каллий⁹. 6. Конечно, историкам, пишущим о древних и весьма давних делах, может быть, и позволительно ошибиться в датах на несколько лет, но недопустимо отклониться от истины на целых два или три поколения. Впрочем, вероятнее всего, что первый поместивший в летописях данное сообщение, — а ему последовали все остальные историки, — найдя в старинных записях только то, что при этих консулах были отправлены на Сицилию послы купить хлеб и что оттуда они явились, везя дар, который преподнес тиран, далее не стал выяснять ни у кого из греческих писателей, кто тогда был тираном на Сицилии, но без какой-либо проверки и набум вписал Дионисия.

II. Итак, послы, что плыли на Сицилию, были застигнуты в море бурей и, вынужденные огибать остров, не скоро прибыли к тирану. Проведя там зимнее время, они летом¹⁰ вернулись в Италию, увозя большое количество продовольствия. 2. Отправленные же на Помптинскую равнину едва не были казнены вольсками¹¹ как лазутчики, будучи оклеветаны изгнанниками из Рима. С весьма большим трудом сумев спасти саму свою жизнь благодаря усилиям частных гостеприимцев, они без денег вернулись в Рим, ничего не добившись. 3. Но подобное этому довелось пережить и тем, кто пришел в италийские Кумы¹². Ведь и проживавшие здесь многочисленные римские изгнанники, спасшиеся бегством с царем Тарквинием из последнего сражения¹³, сначала попытались выпросить у тирана послов, чтобы казнить их, но, потерпев неудачу в этом, стали требовать задержания указанных лиц в качестве заложников со стороны отправившего их города, пока не получат обратно свое имущество, которое, как они говорили, римлянами несправедливо конфисковано. Они также полагали необходимым, чтобы тиран стал судьей у них в этой тяжбе. 4. А тираном Кум был тогда Аристодем, сын Аристократа¹⁴, человек родом не из простых, который от горожан имел прозвище «Малак» («Крот-

⁹ 406/405 г. до н.э.

¹⁰ Конъектура Геления (Gelenius). В рукописях: «после лета».

¹¹ Вольски — италийское племя, в конце VI в. до н.э. спустившееся с Апеннинских гор и поселившееся на юге Лация. Окончательно покорены римлянами в 338 г. до н.э.

¹² Италийские Кумы, самая северная греческая колония в Италии, были основаны в Кампании около 750 г. до н.э. переселенцами из эвбейских городов Халкида и Эретрия. Возможно, названы в честь городка Кумы, вошедшего в состав Халкиды. В 338 г. до н.э. жители Кум получили римское гражданство без права голосования, затем Кумы стали римской колонией.

¹³ Битва римлян с латинами (499 или 496 г. до н.э.) около Регилльского озера во время первой Латинской войны, закончившейся заключением в 493 г. до н.э. союзного договора, который действовал до 340 г. до н.э. См.: *Дионисий*. VI. 3–13; *Ливий*. II. 19–20.

¹⁴ Аристодем был тираном Кум примерно с 505/504 по 491/490 г. до н.э.

кий») ¹⁵ и со временем стал более известен по прозвищу, чем по имени, — то ли потому, как сообщают некоторые, что ребенком он оказался женоподобным и переносил то, что подобает женщинам, то ли, как пишут другие, поскольку был кротким по природе и ласковым по нраву. 5. И мне кажется что не будет неуместным, немного прервав римскую историю, в основных чертах изложить, какими средствами он воспользовался для достижения тирании и какими путями пришел к ней, как управлял государственным делами и каков был его конец.

III. В шестьдесят четвертую Олимпиаду, когда архонтом в Афинах был Мильтиад ¹⁶, Кумы, эллинский город у опиков, который основали эретрийцы и халкидяне, попытались уничтожить те из тирренов, что проживали около Ионического залива ¹⁷ и впоследствии были изгнаны оттуда кельтами, и вместе с ними умбры, давны ¹⁸ и многие другие варвары, причем они не могли назвать никакого справедливого предложения для ненависти, разве только процветание города. 2. Ведь в те времена Кумы были знамениты по всей Италии благодаря своему богатству, мощи и прочим благам, так как владели плодороднейшей землей на Кампанской равнине и господствовали над удобнейшими гаванями близ Мизен. Покусившись на эти блага, варвары предпринимали поход против Кум: пехоты у них было не менее пятисот тысяч, а всадников восемнадцать тысяч. Когда же они расположились лагерем недалеко от города, им явилось удивительное знамение, которое не упоминается где-либо когда-либо имевшим место — ни в эллинской, ни в варварской земле. 3. А именно, протекавшие мимо их лагерей реки — имя одной Вольтурн, а другой Гланис ¹⁹, — изменив естественное течение, повернули свои потоки вспять и долго продолжали течь от устьев к истокам. 4. Узнав об этом, куманцы решились тогда вступить в бой с варварами, полагая, что божество сделает высокое положение тех низким, а кажущееся низким их собственное положение — высоким. И они разделили все боеспособное войско на три части — одна сторожила город, другая несла охрану кораблей, а третья, построившись перед стеной, ожидала нападение врагов. Было у них шестьсот всадников и четыре тысячи пятьсот пехотинцев, но, будучи столь малы числом, они выдержали натиск стольких мириад.

IV. Когда же варвары увидели, что куманцы приготовились сражаться, то, издав боевой клич, они вступили в бой на варварский манер — без порядка, всадники и пехота вперемешку, — чтобы всех до единого уничтожить. А местность перед городом,

¹⁵ Прозвище переводится по-разному: «Тихий», «Изнеженный» и т.д., — чаще принят перевод «Кроткий».

¹⁶ 524/523 г. до н.э.

¹⁷ Речь идет об Адриатическом море. См.: *Дионисий*. I. 10. 1; 18. 3.

¹⁸ Тиррены — этруски; умбры — италийское племя, жившее на северо-востоке Апеннинского полуострова; давны — жители северной Апулии (средняя Италия).

¹⁹ Как правило, эту реку называли Кланий (Clanlus).

где они сражались друг с другом, представляла собой узкую долину, окруженную горами и болотами, являясь союзником доблести куманцев, но врагом многочисленности варваров. 2. Ведь опрокидывая и топча друг друга во многих местах, а более всего у илнстой кромки болота, большинство варваров погибло по собственной вине, даже не сойдясь врукопашную с фалангой эллинов. В итоге, их многочисленное пешее войско, погубив само себя, но не совершив никакого достойного деяния, рассеялось и разбежалось в разные стороны. Всадники все же вступили в бой и притом причинили эллинам большой урон. Но, не имея возможности из-за тесноты окружить своих врагов, а в какой-то мере и потому, что божество помогло эллинам молниями, ливнем и громом, варвары, испугавшись, обращаются в бегство. 3. В этом сражении все куманские всадники сражались блестяще, и было признано, что именно они явились основной причиной победы, но более всех остальных — Аристомем, по прозвищу Малак: ведь он, в одиночку выдержав натиск, убил и предводителя врагов, и многих других доблестных воинов. Но по окончании войны куманцы, принеся богам благодарственные жертвы и устроив пышные похороны погибших в сражении, ввязались в ожесточенные споры из-за награды — кому следует вручить первый венок. 4. Дело в том, что беспристрастные наблюдатели хотели оказать эту честь Аристомему, и весь народ был за него, а влиятельные граждане — начальнику конницы Гиппомедонту, и его поддерживал весь городской совет. А в то время у куманцев была аристократическая форма правления, и народ распоряжался лишь некоторыми немногими делами. Когда же из-за этого спора стали раздаваться подстрекательства к мятежу, старейшие граждане, испугавшись, как бы соперничество не привело к оружию и резне, убедили обе стороны согласиться, чтобы каждый из названных мужей получил равные почести. 5. Таким путем Аристомем оказался вождем народа и, развив силу своего политического красноречия, стал склонять толпу на свою сторону — привлекая к себе угодными ей политическими мерами, обличая тех из власть имущих, кто присваивал общественное достояние, и оказывая beneficia многим беднякам на свои собственные средства. И был он из-за всего этого ненавистен и страшен вождям аристократии.

V. А на двадцатый год после сражения с варварами к куманцам пришли послы арицийцев²⁰ с оливковыми ветвями²¹, прося куманцев помочь им, ибо с ними ведут войну тиррены. Ведь, как я сообщил в своем сочинении ранее²², царь тирренов Порсена после заключенного с римским полисом мирного договора, отпустил своего сына Аррунта, желавшего обрести собственное царство, и предоставил ему половину войска. В то время он осаждал арицийцев, укрывшихся за городской стеной, и рассчитывал вскоре захватить город с помощью голода. 2. Когда прибыло это посольство,

²⁰ Ариция — латинский город в 25 км к юго-востоку от Рима.

²¹ Символ просьбы и мольбы, знак мирных намерений.

²² Дионисий. V. 36. 1–2.

вожди аристократии, ненавидевшие Аристодема и опасавшиеся, как бы он не нанес какого-нибудь вреда государственному строю, сочли, что получили прекраснейшую возможность устранить его под благовидным предлогом. Итак, убедив народ послать арицийцам на помощь две тысячи человек и назначив командующим Аристодема, как человека безусловно прославленного в ратных делах, они затем предприняли такие меры, вследствие которых, как они полагали, тот или будет убит в сражении тирренами, или погибнет на море. 3. Ведь уполномоченные советом произвести набор тех, кто отправится на помощь, они не записали никого из людей известных и достойных упоминания, но выбрали самых бедных и бесчестных из простого народа, от кого они всегда предполагали какие-нибудь мятежи, и из них составили морскую экспедицию. И при том на воду спустили десять старых судов, самых негодных для плавания, которыми командовали беднейшие из куманцев: на эти суда и посадили воинов, пригрозив смертью тому, кто уклонится от похода.

VI. Но Аристодем, заявив только то, что замыслы врагов не остались для него тайной, а именно, что на словах его отправляют на помощь, а на деле — на явную гибель, все же принял командование. Поспешно отплыл вместе с послами арицийцев и проделав трудный и опасный путь по морю, он стал на якорь у ближайшей к Ариции части побережья. Затем, оставив на кораблях достаточную охрану, в первую же ночь Аристодем совершил от моря переход, который был непродолжительным, и на рассвете неожиданно появился перед арицийцами. 2. Разбив рядом с ними лагерь и убедив укрывшихся за стенами выйти в открытое поле, он тотчас стал вызывать тирренов на бой. Но когда завязалось ожесточенное сражение в боевом строю, арицийцы, продержавшись весьма короткое время, все вместе подались назад и побежали обратно в крепость. Аристодем же, выдержав со своими отборными куманцами, коих было немного, всю тяжесть сражения и убив собственной рукой предводителя тирренов, остальных обратил в бегство и одержал победу, самую блестящую из всех. 3. Свершив это и будучи удостоен от арицийцев многих даров, он вскоре отплыл, желая сам стать для куманцев вестником своей же победы. А за ним следовало очень много грузовых судов арицийцев, везущих добычу и пленных тирренов. 4. Когда же они оказались вблизи Кум, Аристодем, причалив корабли, созывает войсковое собрание, на котором, с одной стороны, выдвинул много обвинений в адрес предводителей города, а с другой — высказал много похвал тем, кто показал себя мужественным в сражении. Затем он роздал им всем поголовно деньги и передал в общее всем пользование дары от арицийцев, после чего попросил их помнить об этих благодеяниях, когда они вернутся на родину, и, если когда-нибудь ему будет грозить какая-либо опасность от олигархии, — прийти на помощь, насколько это будет по силам каждому. 5. После того как все признали, что очень ему благодарны и за неожиданное спасение, которым они обязаны ему, и за возвращение домой не с пустыми руками, и обещали, что скорее свою жизнь отдадут врагам, чем его, Аристодем, похвалив их, распустил собрание. И вслед за этим, пригласив в свою палатку самых бесчестных

из них, наиболее склонных к насильственным действиям, и подкупив их дарами, обходительными речами и надеждами, обманывающими всех людей, он обрел сторонников, готовых вместе с ним уничтожить существующий государственный строй.

VII. Заполучив их в свои помощники и союзники и указав каждому, что следует делать в будущем, а также безвозмездно предоставив свободу привезенным с собой пленникам, чтобы приобрести еще и их расположение, Аристодем затем на украшенных кораблях причалил к пристаням Кум. Сходящих на берег воинов встречали их отцы и матери и вся прочая родня, дети и жены, обнимая со слезами и крепко целуя и называя каждого самыми ласковыми именами. 2. И также вся остальная масса граждан, с восторгом и рукоплесканиями приветствуя командующего, провожала его по пути домой. Ввиду этого руководители города, а в особенности те, кто предоставил ему командование и подстроил прочее для его гибели, были опечалены и имели мрачные мысли насчет будущего. 3. Аристодем же выждал несколько дней, в течение которых он исполнял обеты богам и поджидал запаздывавшие суда. Когда настал подходящий момент, он сказал, что хочет доложить совету о свершенном в ходе сражения и предъявить военную добычу. Но как только представители власти в большом количестве собрались в здании совета, и он, выступив вперед, начал произносить речь и рассказывать обо всем случившемся в битве, подготовленные им соучастники заговора, имея под гиматиями²³ мечи, во множестве ворвались в помещение и начали убивать всех сторонников аристократии. 4. А за этим последовало бегство и суматоха среди тех, кто находился на площади: одни бежали по домам, другие из города, кроме посвященных в заговор — они же тем временем захватывали крепость, верфи и укрепленные места города. С наступлением ночи, освободив из тюрем приговоренных к смерти, коих было много, и вооружив их вместе с остальными друзьями, среди которых находились и пленные тиррены, Аристодем создает из них свою личную охрану. 5. А когда наступил день, он созвал народ на собрание и, выдвинув многочисленные обвинения против убитых им граждан, заявил, что наказал их справедливо, ибо они неоднократно злоумышляли против него, прочим же гражданам он несет свободу, равноправие²⁴ и многие иные блага.

VIII. Сказав это и преисполнив весь простой народ нелепыми надеждами, Аристодем предпринимает два худших из имеющихся у людей политических мероприятий, которыми вначале пользуется всякая тирания, — передел земли и отмена долгов. А также он обещает, что возьмет на себя заботу об обоих этих делах, если его назначат главнокомандующим с неограниченными полномочиями до тех пор, пока общество не окажется в безопасности и не установят демократический строй. 2. Когда же подлое

²³ Гиматий — широкий кусок шерстяной или льняной ткани продолговатой формы. Использовался в Древней Греции в виде плаща как мужская и женская верхняя одежда. В V в. до н.э. его размеры достигали 2,9х1,8 м. Нередко гиматии раскрашивались и украшались.

²⁴ Здесь употреблен термин «исегория» (*равное право голоса*), понимаемое широко как «равноправие».

простонародье охотно одобрило грабеж чужого имущества, Аристодем, получив сам от себя неограниченную власть, вносит другое постановление, посредством которого он обманул их и лишил всех свободы. А именно, сославшись на возможные волнения и восстания со стороны богатых против простого народа вследствие передела земли и отмены долгов, он сказал, что видит только одно средство, пока дело не дошло до чего-нибудь ужасного, предотвратить междоусобную войну и резню граждан: если все, принеся из своих домов оружие, посвятят его богам, чтобы пользоваться им только против нападений внешних врагов, когда случится какая-нибудь необходимость, но не против друг друга, и пусть оно лежит до тех пор в удобном месте под присмотром богов. 3. Когда же они и на это согласились, Аристодем немедленно у всех куманцев отнял оружие, а в следующие дни провел обыски в домах, где он казнил многих достойных граждан под тем предлогом, что они якобы не все оружие посвятили богам. После этого он укрепляет свою тиранию тремя стражами: из них одна была из самых грязных и дурных граждан, с помощью которых он ниспроверг аристократический строй, вторая — из нечестивейших рабов, которых он сам отпустил на волю за убийство собственных господ, а третья — наемная из самых диких варваров (их насчитывалось не менее двух тысяч, и в военном деле они были гораздо лучше остальных). 4. Изображения тех людей, кого он казнил, Аристодем убрал из всех священных и несвященных мест, вместо них устанавливая в этих же местах свои собственные. А конфисковав их дома, землю и остальное достояние, себе он отобрал золото, серебро и другое имущество, какое только было достойно тирана, подарив оставшееся тем, кто помог ему достичь власти. Но самые многочисленные и крупные дары он предоставлял тем рабам, кто убил собственных господ — а они требовали еще и брака с женами и дочерьми бывших хозяев.

IX. Сначала оставив без внимания мужское потомство убитых, позднее Аристодем решил (или по указанию какого-то оракула, или также вследствие вполне естественных собственных соображений), что незаметно подрастает немалая угроза для него, и задумал всех их уничтожить за один день. 2. Но, поскольку все, у кого в тот момент воспитывались эти мальчики и жили их матери, обратились к нему с настойчивой просьбой, он, желая предоставить им хотя бы этот дар, вопреки своему намерению освобождает детей от смерти. Однако, принимая меры предосторожности в отношении них, чтобы как-нибудь не объединились друг с другом и не замыслили что-либо против тирании, Аристодем приказал всем им уйти из города в разные стороны и жить в сельской местности, не получая никакого занятия или знания из тех, что подобает детям свободных людей, но занимаясь выпасом скота и выполняя прочие сельские работы: при этом он пригрозил смертью тому из них, кто придет в город и будет там обнаружен. 3. Итак, покинув родные очаги, они, как рабы, обретались в полях, служа убийцам своих отцов. А чтобы вообще ни у кого из остальных граждан не появился благородный и мужественный образ мыслей, тиран решил изнежить посредством воспитания всю подрастающую молодежь города, упразднив гимна-

сии²⁵ и тренировки с оружием, а также изменив образ жизни, который мальчики вели прежде. 4. А именно, он приказал юношам носить длинные волосы, подобно девушкам, украшая их цветами, завивая и покрывая кудри головными сетками, надевать разноцветные и доходящие до пят хитоны²⁶, закутываться в тонкие и мягкие накидки и досуг свой проводить в тенистых местах. В школы плясунов, флейтистов и тому подобных служителей Муз их сопровождали шедшие рядом няньки, которые несли зонты и вееры. И мыли их те же самые женщины, принося в бани гребни, алебастровые сосуды с благовониями и зеркала. 5. Таким вот воспитанием Аристодем губил мальчиков, пока они не достигали двадцатилетнего возраста, с которого он позволял им считаться мужчинами. И также во многом другом оскорбив и обидев куманцев, не воздержавшись ни от какого бесчинства и жестокости, он, как раз когда полагал, будто его власть тирана незыблема, все-таки уже в старости понес наказание, за которое нельзя упрекнуть ни богов, ни людей, и погиб со всем своим родом.

Х. Теми же, кто поднял против него восстание и освободил государство от тирании, были дети убитых им граждан, которых первоначально Аристодем намеревался казнить всех в один день, но, как я говорил, воздержался, уступив просьбам телохранителей, за кого он отдал их матерей, и приказал им жить в сельской местности. 2. Однако несколько лет спустя, когда он, обходя деревни, увидел эту молодежь, многочисленную и доблестную, то испугался, что они объединятся и восстанут против него, и захотел опередить, умертвив всех, прежде чем кто-нибудь догадается о его намерениях. Поэтому, пригласив друзей, тиран стал с ними обсуждать, каким образом легче и быстрее всего тайно уничтожить этих юношей. 3. Узнав об этом, — то ли предупрежденные кем-то из посвященных в замыслы тирана, то ли сами в силу вполне естественных соображений заподозрив неладное, — юноши бегут в горы, захватив земледельческие железные орудия. А вскоре к ним на помощь пришли проживавшие в Капуе куманские изгнанники, среди которых самыми знатными и обладавшими наибольшим числом друзей среди кампанцев были дети Гиппомедонта, командовавшего конницей во время войны с тирренами. Они и сами вооружились, и этим юношам привезли оружие, а также набрали немалый отряд из кампанских наемников и своих друзей. 4. Когда же все объединились, то, совершая разбойничьи набеги, стали разорять поля врагов, склонять рабов к измене господам и вооружать тех, кого освобождали из тюрем, а что не могли унести и увести, это или сжигали, или резали. 5. И в то время как тиран находился в затруднительном положении, не зная, каким способом следует вести борьбу с изгнанниками, поскольку те совершали

²⁵ Гимнасий — помещение для занятий физическими упражнениями.

²⁶ Хитон — основное древнегреческое одеяние мужчин и женщин в виде рубашки из шерстяных или льняных тканей. Состоял из одного или двух кусков ткани, скрепленных на плечах застежками (фибулами). Доходил до колен или до пят и подпоясывался. Длинный хитон обычно носили женщины.

нападения скрытно и не задерживались в одних и тех же местах, выбирая время для набегов или ночью до утра, или днем до наступления ночи, так что часто тиран напрасно посылал воинов на защиту сельской округи, — в этот момент один из изгнанников, отправленный ими под видом перебежчика, является к нему, изуродовав свое тело бичами, и, попросив для себя гарантии неприкосновенности, пообещал тирану, что, взяв войско, которое тот отправит с ним, приведет его на то место, где изгнанники намеревались провести ближайшую ночь. 6. Решившись довериться ему, ибо он ничего не просил и самого себя предлагал в заложники, тиран отправляет с ним самых преданных командиров во главе многочисленных всадников и наемного войска, которым он велел всех без исключения изгнанников (а если не удастся, то как можно больше из них) привести к нему в окопах. Итак, мнимый перебежчик вел отряд всю ночь напролет по нехоженным дорогам и через дикие леса, где они терпели много бедствий, в наиболее удаленный от города район.

XI. А мятежники и изгнанники, сидевшие в засаде на горе около Авернского озера²⁷, расположенной близ Кум, как только проведали, что войско тирана ушло из города, о чем сигналами сообщили им лазутчики, посылают из своих рядов около шестидесяти самых отважных воинов, одетых в шкуры и с вязанками хвороста. 2. Они с наступлением ночи под видом поденщиков незаметно проникли в город через разные ворота. А когда оказались внутри стен, то, вытащив мечи из вязанок, где их прятали, собрались все в одном месте. Затем, сообщив бросившись отсюда к воротам, ведущим к Авернскому озеру, они убивают их спящих стражей и впускают в открытые ворота всех своих, находившихся уже вблизи стены: и это они проделали, оставшись незамеченными. 3. Ведь как раз в ту ночь случился какой-то общественный праздник, вследствие чего все городское население пило вино и предавалось другим удовольствиям. Это позволило мятежникам совершенно беспрепятственно пройти по всем улицам, ведущим к дому тирана, причем даже у дверей они не нашли сколько-нибудь значительной бодрствующей стражи, но и здесь либо уже спящих, либо пьяных, которых без труда зарезали и толпой кинулись в дом, где, как овец, закололи всех остальных, из-за вина уже не владевших ни телом, ни разумом. Схватив же Аристодема, его детей и прочих родственников, повстанцы до глубокой ночи истязали их, пытали и бесчестили всякими, так сказать, оскорблениями, а затем убили. 4. Уничтожив с корнем род тирана, так что не оставили ни детей, ни женщин, ни каких-либо их родственников, и в течение всей ночи разыскав всех соучастников власти тирана, они с началом дня отправились на городскую площадь. Затем, созвав народ на собрание, изгнанники слагают оружие и восстанавливают отеческий политический строй²⁸.

²⁷ Озеро с вредными испарениями близ Кум, пользовавшееся дурной славой: считалось, что здесь находится вход в царство мертвых.

²⁸ Это случилось в 491/490 г. до н.э.

ХII. Итак, именно у этого Аристодема, который уже почти что четырнадцатый год был тираном Кум, изгнанные с Тарквинием римляне хотели решить свою тяжбу против родины. Римские же послы некоторое время возражали, что, мол, явились они не для такого рода спора и не имеют полномочий, которых сенат им просто не предоставил, защищаться от имени государства в суде. 2. Однако, поскольку ничего у них не получалось, напротив, они видели, что тиран, благодаря хлопотам и просьбам изгнанников, склонился к другой стороне, то, попросив время для защиты и оставив за себя в залог деньги, послы тайно бежали из Кум во время судебного процесса, так как никто их уже не сторожил. А их слуг, вьючных животных и привезенные для закупки хлеба деньги захватил тиран. 3. Итак, названным посольствам, испытавшим такие невзгоды, пришлось вернуться безрезультатно, но в городах Тиррении послы закупили просо и полбу и доставили в Рим на речных судах. Это продовольствие на какое-то краткое время прокормило римлян. Когда же оно закончилось, римляне попали в прежнее тяжелое положение. Ведь не осталось такого рода пищи, которого поневоле они еще не пробовали, вследствие чего немало их — как из-за скудности, так и из-за особенностей непривычной еды — либо испытывало телесные недуги, либо из-за бедности было оставлено без внимания и совершенно беспомощно. 4. Когда же об этом узнали вольски, недавно побежденные в войне, они стали, тайно обмениваясь посольствами, поднимать друг друга на новую войну против римлян, поскольку, мол, те будут не в состоянии сопротивляться, если кто-нибудь нападет на них, уже измученных войной и голодом. Все же некое благоволение богов, которые всегда старались не допустить, чтобы римляне попали под власть врагов, явило и тогда самым очевидным образом свою силу. Ведь неожиданно на города вольсков обрушилась какая-то эпидемия чумы, причем столь значительная, что такого случая не упоминается ни для какого другого места ни на эллинской, ни на варварской земле: она без различия губила и сильных, и слабых людей любого возраста, положения и пола. 5. Но высшую степень несчастья явил известный город вольсков, так называемые Велитры²⁹, бывший до тех пор крупным и многолюдным, в котором эпидемия оставила одну часть жителей из десяти, а прочих схватила и унесла. Поэтому те, кто в конце концов остался в живых после бедствия, отправив послов, сообщили римлянам об опустошении и передали им город. Ведь и раньше как-то раз они уже получили поселенцев из Рима, по этой причине и второй раз стали просить у римлян колонистов³⁰.

²⁹ Велитры — изначально латинский город в 35 км к юго-востоку от Рима, неоднократно захватывавшийся вольсками.

³⁰ Здесь употреблены два греческих термина — «эпойки» (*поселенцы*) и «клерухи» (*колонисты*). В классическую эпоху клерухами называли переселенцев, сохранявших, в отличие от эпойков, гражданство того полиса, который выводил колонию. В эллинистическую эпоху так называли в основном военных поселенцев. Но строгого различия между терминами все же не было.

XIII. Римлян, узнавших про это, охватило сочувствие к несчастью, и они полагали, что при таких обстоятельствах никоим образом не следует мстить врагам, ибо те уже сами по себе понесли достаточное наказание от богов за то, что намеревались сделать. С другой стороны, им представлялось целесообразным принять Велитры, отправив туда немалое количество колонистов, ввиду значительных выгод от этого мероприятия. 2. Ведь данное место, будучи занято достаточным гарнизоном, казалось пригодным стать серьезным препятствием и помехой тем, кто захочет поднять восстание или вызвать какие-нибудь беспорядки. Кроме того, предполагали, что нехватка продовольствия, угнетающая город, будет намного умереннее, если сколько-нибудь значительная часть народа переселится из него. Но более всего раздор, вновь разжигаемый прежде, чем благополучно закончился еще предыдущий, побуждал их проголосовать за отправку колонии. 3. Ведь опять, как и раньше, плебс начал возмущаться и гневаться на патрициев, и произносили много суровых речей против них: одни обвиняли патрициев в нерадивости и беспечности, поскольку те не сумели заранее предусмотреть грядущую нехватку хлеба и не предприняли мер по спасению от несчастья, а другие заявляли, что недостаток хлеба случился вследствие их злого умысла из-за злобы и желания навредить плебеям в память об их восстании. 4. Именно по этим причинам отправка колонистов происходила быстро. Руководителями сенат назначил трех человек. Плебсу же первоначально было приятно распределять между собой по жребию колонистов, ибо ему предстояло избавиться от голода и заселить изобильную землю. Затем, когда он начал задумываться об эпидемии, которая, окрепнув в том городе, что должен был принять плебс, погубила его жителей и внушала страх, что и с поселенцами произойдет то же самое, мнение у него стало понемногу меняться на противоположное. Так что немного нашлось желающих участвовать в переселении, гораздо меньше того числа, что определил сенат, да и эти уже корили сами себя за плохое решение и незаметно старались уклониться от выселения. 5. Все же их заставили, как и остальных, принявших участие в переселении против воли, ибо сенат постановил набрать колонию из всех римлян по жребию, а против выбранных жребием, если они не отправятся, назначил суровые и неотвратимые наказания. Итак, это поселение в Велитры, состоявшееся в силу благовидной необходимости, было отправлено, а потом, несколькими днями позже, — другое, в город Норба³¹, который неизвестен ныне у латинского племени.

XIV. Однако ничего не вышло у патрициев из их расчетов, по крайней мере что касается надежды успокоить раздор; напротив, оставшиеся еще сильнее негодовали и громогласно обвиняли сенаторов и на сходках, и в дружеских группах, собираясь сначала в малом числе, затем все вместе, так как недостаток хлеба становился все острее. Наконец, сбежавшись на площадь, они стали выкрикивать плебейских три-

³¹ В 50 км к юго-востоку от Рима. Принадлежал вольскам.

бунов. 2. Когда же теми было созвано общее собрание, выступил Спурий Сициний³², который в то время возглавлял коллегию трибунов: он и сам яростно нападал на сенат, раздувая как можно больше неприязнь к нему, и от остальных требовал говорить открыто, кто что думает, а в особенности от Сициния и Брута, бывших тогда эдлами³³, вызывая каждого из них по имени. Они были у плебса зачинщиками прошлого восстания и, учредив трибунскую власть, первыми ее получили³⁴. 3. Давно уже подготовив злонамеренные речи, они выступили и изложили то, что угодно было слышать большинству: будто бы нехватка хлеба возникла преднамеренно и умышленно по вине богатых, поскольку народ против их воли приобрел для себя свободу в результате восстания. 4. Кроме того, они доказывали, что богачи отнюдь не имеют с бедняками равной доли в несчастье: ведь у первых, мол, было и продовольствие, тайно хранящееся, и деньги, на которые покупали привозные съестные припасы, вследствие чего они с глубоким презрением относились к беде, а у плебеев и то, и другое имелось в скудном количестве. А отpravку колонистов, которых выслали в нездоровую местность, трибуны называли изгнанием на явную и гораздо худшую гибель, преувеличивая в речах ужасы, как только могли, и желали узнать, какое завершение будет бедам. Также они напоминали плебеем о старых обидах, которые пришлось вытерпеть от богачей, и прочее, подобное этому, рассказывали совершенно бесприютственно. 5. А заканчивая, Брут заключил свою речь некоей угрозой такого рода, что, мол, если они пожелают слушаться его, он быстро заставит тех, кто разжег несчастье, также и погасить его. Итак, собрание было распущено.

XV. Консулы, со своей стороны, на следующий день созвали сенат, будучи весьма испуганы затеваемыми новшествами и опасаясь, что заискивание Брута перед народом закончится какой-нибудь большой бедой. Много, в итоге, разного рода речей прозвучало в сенате со стороны как их самих, так и остальных старших сенаторов. При этом одни полагали, что следует всячески угождать плебсу приветливыми словами и деловыми обещаниями и настраивать его предводителей на более умеренный лад, ведя общественные дела открыто и приглашая их совместно рассматривать проблемы, касающиеся общей пользы. 2. Другие же советовали не проявлять никакой слабости в отношении как толпы, своевольной и невежественной, так и наглого и

³² Имя Сициний здесь, вероятно, употреблено ошибочно вместо Цицилий, как предположил Силбург (Sylburg).

³³ Эдлы (от лат. *aedes*: «здание») — низшие должностные лица республиканского Рима. Они появились вместе с плебейскими трибунами в 494 г. до н.э., будучи их помощниками, и отвечали за плебейский архив, а также выполняли иные поручения трибунов. Ежегодно выбирались два эдла. В 367 г. до н.э. была учреждена патрицианская должность двух так называемых курульных эдлов. В дальнейшем эдлы отвечали за общественный порядок и благоустройство в городе Рима, за рынки и снабжение продовольствием, а также за устройство общественных игр. Обладали они и некоторыми судебными функциями.

³⁴ *Дионисий*. VI. 45: 70.

нетерпимого безумия лиц, занскивающих перед народом, но приводить в свое оправдание, что в случившемся нет никакой вины со стороны патрициев, и обещать, что они окажут все возможное внимание несчастью, а тех, кто мутит плебе, порицать и предупредить, что если они не прекратят вновь разжигать раздор, то понесут заслуженное наказание. 3. Главным поборником этого мнения был Анний, и именно оно возобладало после весьма жаркого спора, вспыхнувшего среди сенаторов, так что даже народ, встревоженный их криком, слышным на большом расстоянии, сбежался к сенату, и весь город замер в напряженном ожидании. 4. После этого консулы вышли и созвали народ на собрание, хотя оставалось уже немного светлого времени суток. Выступив, они пытались рассказать о своих решениях в сенате. Однако им противодействовали плебейские трибуны, и разразившиеся словопрения с обеих сторон велись беспорядочно и без соблюдения приличий. Ибо они кричали все вместе одновременно и мешали друг другу, так что присутствующим нелегко было понять их мысли.

XVI. Ведь консулы считали правомерным, что они, имея высшую власть, управляют всеми делами в государстве, а плебейские трибуны — что народное собрание является их собственной вотчиной, как у консулов сенат, и сколько бы ни было у плебеев полномочий судить и решать, всей полнотой власти над этим обладают они. Трибунам помогал простой народ, одобрявший их криком и готовый напасть, если понадобится, на тех, кто мешает, а в поддержку консулов сплотились патриции. 2. И завязалось ожесточенное препирательство, в котором одна сторона стремилась не уступить другой, как будто одно поражение в тот момент означало уступку требованиям другой стороны на будущее время. Солнце уже клонилось к закату, и остальной народ сбежался на площадь из своих домов, намереваясь, если ночь прервет спор, перейти к рукоприкладству и швырянию камней. 3. Тогда, чтобы этого не случилось, вперед вышел Брут и попросил консулов дать ему слово, обещая прекратить распрю. Те разрешают ему говорить, посчитав, что им была сделана уступка, ибо, хотя плебейские трибуны присутствовали, не от них вождь народа добивался благосклонности. Когда же установилось тишина, единственное, что произнес Брут, был заданный консулам примерно вот такой вопрос: 4. «Помните ли вы, — спросил он, — по крайней мере то, что при окончании раздора вами было уступлено нам следующее право: когда плебейские трибуны собирают народ по какому бы то ни было поводу, патриции на собрании не присутствуют и не беспокоят?» «Помним», — сказал Геганий. Тогда Брут заявляет: «Почему же тогда вы мешаете нам и не позволяете плебейским трибунам говорить то, что они хотят?» На это Геганий отвечает: «Потому что не они созвали народ на собрание, а мы, консулы. Конечно, если бы сходка была собрана ими, то мы не считали бы возможным в чем-либо препятствовать или вмешиваться. Но поскольку собрание созвали мы, то мы не мешаем им выступать, а лишь не признаем справедливым, что они нам мешают». 5. Но Брут, прервав его, сказал: «Мы побеждаем, плебеи, и нам уступлено врагами столько, сколько мы желали. Поэтому сейчас уходите и прекратите спор — завтра же обещаю вам пока-

зять, какой большой силой вы обладаете. И вы, плебейские трибуны, уступите им площадь в данный момент, ибо в конечном итоге вы ее не уступите. Когда же вы узнаете, сколь великую власть имеет ваша должность (а узнаете вы скоро — я это вам берусь разъяснить), вы умерите их заносчивость. Но если окажется, что я обманываю вас, то делайте со мной, что хотите».

XVII. А так как против этого никто не стал возражать, то обе стороны покинули собрание, имея неодинаковые впечатления. Бедняки полагали, что Брут нашел нечто особенное и столь большое дело пообещал не наобум, а патриции презирали легкомыслие этого человека и думали, что дерзость его обещаний ограничится словами, ведь сенат не сделал плебейским трибунам никакой другой уступки, кроме права оказывать помощь тем плебеям, с кем поступают несправедливо³⁵. Однако не все отнеслись к делу пренебрежительно и прежде всего старшие сенаторы, которые прилагали старания к тому, чтобы безумие этого человека не причинило какого-нибудь непоправимого вреда. 2. Этой же ночью Брут познакомил плебейских трибунов со своим замыслом и подготовил немалую группу поддержки из плебеев. С ними он спустился на площадь, и, прежде чем рассвело, они заняли священный участок Вулкана³⁶, где у них обычно устраивались народные собрания, и стали созывать народ на собрание. Когда же площадь наполнилась — а пришла такая толпа, как никогда раньше, — выступил плебейский трибун Сициний³⁷ и произнес длинную речь против патрициев, припомнив все, что было теми содеяно против плебеев. Затем он стал разъяснять насчет прошедшего дня, как они воспрепятствовали ему получить слово и он был лишен полномочий своей должности. 3. «Чем же еще другим мы сможем распоряжаться, — говорил он, — если не будем иметь даже права слова? А каким образом мы сможем помогать кому-либо из вас в случае несправедливости с их стороны, если лишимся права собирать вас? Ведь в начале любого дела, без сомнения, лежат слова, и очевидно, что тем, кому нельзя сказать, что думают, нельзя будет и сделать, что хотят. Поэтому, — продолжал он, — или забирайте обратно власть, которую вы нам дали, если не намерены обеспечить ей неприкосновенность, или изданием закона запретите впредь нам мешать». 4. Высказав такое мнение, Сициний, когда народ громким криком побудил его внести закон, зачитал его, ибо тот был уже написан, и предложили плебсу немедленно проголосовать по поводу этого закона. Ведь дело, полагал он, не допускает ни отсрочки, ни промедления, чтобы не возникло еще какое-нибудь препятствие со стороны консулов. 5. А закон был таков:

³⁵ «Право помощи» (*ius auxilii*), предоставленное плебейским трибунам при учреждении их должности, означало возможность наложения запрета (*veto*) на решение сената или патрицианского магистрата.

³⁶ В греческом тексте — «Гефест». Римский Вулкан — бог огня, что сближало его с греческим богом. Имел в Риме своего отдельного жреца из числа так называемых младших фламинов. Священный участок Вулкана, упомянутый как храм в том же контексте и ранее (*Дионисий*. VI. 67. 2), находился выше Комиция, места народных собраний, у подножия Капитолийского холма.

³⁷ См. примеч. 32.

«Когда плебейский трибун высказывает свое мнение перед народом, пусть никто ничего не возражает и не прерывает речь. Если же кто-либо поступит вопреки этому, пусть он предоставит плебейским трибунам в случае необходимости поручителей для уплаты штрафа, который ему назначат. А не предоставивший поручителя пусть наказывается смертью, и имущество его пусть будет священным. Для несогласных же с этими штрафами суд пусть происходит перед народом». 6. Утвердив голосованием этот закон, трибуны распустили собрание, и плебс ушел, преисполнившись большой радости, а к Бруту испытывая глубокую признательность, ибо полагал, что ему принадлежит мысль насчет закона.

XVIII. После этого происходило много споров у плебейских трибунов с консулами и по многим вопросам, и как народ не считал обязательным для себя все, что бы ни постановил сенат, так и сенату не было угодно никакое решение из тех, что принимал народ. Итак, они продолжали занимать враждебные позиции и с подозрением относиться друг к другу. Однако их ненависть не привела к какому-либо непоправимому деянию, как обычно происходит при такого рода потрясениях. 2. Ведь, с одной стороны, бедняки не напали на дома богачей, где думали найти какие-нибудь припасенные продукты, и не принялись грабить общественные запасы продовольствия, но терпели, продолжая покупать понемногу за большую цену и питаясь выкопанными из земли корнями и травами, когда не хватало денег. С другой стороны, богатые не пожелали, одолев менее состоятельных граждан своими личными силами и силами своих многочисленных клиентов³⁸, самим господствовать в государстве, одних из него изгнав, а других убив, но продолжали, подобно тем отцам, кто самым благоразумным образом относится к сыновьям, благожелательно и заботливо выражать неудовольствие по поводу их ошибок. 3. И когда в Риме было такое вот положение, соседние общины стали приглашать желающих римлян поселиться у них, прельщая предоставлением прав гражданства и надеждами на другие милости. Одни это сделали из наилучших побуждений вследствие доброжелательности и сострадания к несчастью, а большинство из зависти к прежнему процветанию Рима. И было весьма много таких, кто выселился со всем своим семейством и изменил местожительство на другое: одни из них потом вернулись обратно, когда дела на родине уладились, другие же так и остались.

XIX. Консулы же, видя все это, решили с одобрения сената произвести набор войска и вывести его за пределы города. И подобающий повод для этого предприятия они уже нашли — набеги и грабежи, ведь страна часто терпела ущерб от врагов. Учитывали и прочие выгоды от этого дела, сколько их было, а именно — когда войско

³⁸ Зависимые от глав отдельных патрицианских родов или семейств люди. Получая от своих покровителей (патронов) землю и поддержку в суде, как и по другим поводам, клиенты были обязаны служить в военном отряде патрона, поддерживать его в политической деятельности, иногда помогать материально. Клиенты входили в род патрона. Отношения клиента и патрона рассматривались как основанные на взаимных обязательствах.

отправлено на чужую территорию, те, кто остался дома, оказавшись в меньшем числе, смогут пользоваться более значительным количеством продовольствия, а те, кто в армии, также будут жить при большом изобилии съестных припасов, добывая их себе у врагов, и раздор прекратится на все то время, пока будет продолжаться поход. Но более всего они надеялись, что если патриции и плебеи совместно отправятся в поход, то рождающееся среди опасностей равное соучастие в плохом и хорошем на деле укрепит их примирение. 2. Однако плебе не был послушен им и добровольно, как раньше, не являлся на запись. Но применять к нежелающим силу законов консулы не считали нужным. Все же некоторые добровольцы из патрициев вместе с клиентами записались, и, когда они уходили, к ним присоединилось небольшое число плебеев. 3. А командиром выступивших в поход воинов был Гай Марций, тот, что захватил город кориоланцев и отличился в сражении с анциатами³⁹. И большинство из взявшихся за оружие плебеев, видя, что он идет в поход, приободрились — одни из расположения к Марцию, другие же в надежде на успех: ведь этот человек был уже широко известен, и сильный страх перед ним сразу овладел врагами. 4. Это войско, пройдя до города Анций, без труда захватило много зерна, найденного на полях, много рабов и скота и вскоре явилось обратно, лучше обеспечив себя необходимым для жизни, так что теми, кто остался дома, овладело глубокое уныние, и они стали упрекать своих вождей, из-за которых, как им казалось, они лишились подобного счастья. 5. Итак, Геганий и Минуций, консулы этого года, оказавшись среди серьезных и разнообразных бурь и часто подвергаясь опасности гибели государства, ничего страшного не сотворили, напротив, спасли его, поступив в этих обстоятельствах скорее благоразумно, чем удачно.

XX. Назначенные после них консулы Марк Минуций Авгурин и Авл Семпроний Аtratин, получившие эту должность второй раз⁴⁰, мужи не без опыта и в военном деле, и в речах, проявили большую заботу о том, чтобы наполнить город хлебом и прочим продовольствием, полагая, что согласие жителей зависит от благополучия в этом вопросе. Однако им не удалось одновременно добиться обеих этих целей, но вместе с пресыщенностью от благ явилась разнузданность тех, кто ими воспользовался. 2. И тогда-то Рим подвергся величайшей опасности с той стороны, откуда меньше всего можно было ожидать. Ведь и послы, отправленные консулами для хлебных закупок, приобрели на общественные средства много хлеба на приморских и внутренних рынках, привезя его в Рим, и изо всех мест сошлись те, кто обычно торговал продовольствием, чей груз город также скупили на общественные деньги и держал его под охраной. 3. Кроме того, прибыли и отправленные ранее на Сицилию послы Геганий и Валерий, ведя много грузовых судов. На них они взяли пятьдесят

³⁹ См.: Дионисий. VI. 92–94. Анций — главный город вольсков на побережье Лация в 45 км к югу от Рима. Первоначально принадлежал латинам.

⁴⁰ О событиях этого года см. также: Ливий. II. 34. 7 и след.

тысяч сицилийских медимнов пшеницы⁴¹, половина которой была куплена за весьма малую цену, а остальные послал тиран, передав безвозмездно и доставив на собственные средства. 4. Но, когда жителям города стало известно о прибытии судов с хлебом из Сицилии, среди патрициев разгорелся жаркий спор по поводу его продажи. А именно, самые снисходительные из них и наиболее расположенные к плебсу, принимая во внимание угнетающее общество беды, убеждали весь дар тирана разделить среди плебеев, а купленный на общественные деньги хлеб продать им за небольшую цену. Они доказывали, что вследствие этих благодеяний скорее всего может смягчиться раздражение бедняков против богатых. А более самонадеянные и олигархически настроенные патриции полагали, что следует рьяно и всячески вредить плебеям, и советовали сделать продовольствие для них как можно дороже, чтобы из-за нужды они стали благоразумнее и относительно остальных гражданских обязанностей более законопослушными.

XXI. Из таких вот сторонников олигархии был и этот Марций, прозванный Кориоланом⁴², высказывавший свое мнение не как остальные, тайно и осторожно, но открыто и смело, так что его слышало и много плебеев. Дело в том, что он имел помимо общих для патрициев обид и некоторые собственные поводы, появившиеся недавно, в силу которых, казалось, он справедливо ненавидит плебеев. 2. А именно, когда он добивался консульства на последних выборах при поддержке патрициев, народ выступил против и не позволил отдать должность ему, остерегаясь, ввиду блестящей славы и отваги Марция, как бы он в силу этого не предпринял что-нибудь для ниспровержения власти плебейских трибунов, и особенно опасаясь его из-за того, что ему, как никому прежде, с большим рвением помогало множество патрициев. 3. Поэтому Марций, движимый гневом на такое оскорбление и в то же время стремясь вернуть к первоначальному порядку изменившийся политический строй, и сам, как и раньше я говорил, добивался свержения власти народа, и остальных побуждал. А вокруг него сплотилось значительное товарищество из знатных юношей, которые имели наибольший имущественный ценз, и многочисленные клиенты, присоединившиеся из-за военной добычи. Поощряемый этим он вел себя надменно, стал знаменит и достиг вершины известности. 4. Однако по этой же причине ему не достался счастливый исход. Ведь, когда по данному поводу собрали сенат и старшие сенаторы, каков был у них обычай, первыми изложили свои мнения, среди них нашлось немного таких, кто бы открыто выступил против плебса. Как только слово перешло к более молодым, Марций, испросив у консулов разрешения сказать, что хочет, и удостоившись всеобщего одобрения и внимания, произнес против плебса речь следующего содержания:

⁴¹ Ок. двух тысяч тонн.

⁴² О событиях, связанных с судом над Кориоланом, см.: *Ливий*. II. 34. 9–35. 6; *Плутарх*. Гай Марций. 16–21. У Плутарха Кориолану посвящена отдельная биография.

XXII. «То, что плебс отделился, не нуждой и бедностью угнетаемый, отцы-сенаторы, а движимый дурной надеждой уничтожить ваш аристократический строй и самому распорядиться всеми общественными делами, думаю, почти все вы поняли это, видя его выгоды от примирения. Ведь ему оказалось недостаточно, погубив доверие к договорам и отменив обеспечивавшие его законы⁴³, ни во что иное уже не соваться; так нет, введя новую должность для ниспровержения власти консулов, он сделал ее посредством закона священной и неприкосновенной⁴⁴ и теперь втайне от вас, о сенат, недавно утвержденным законом присвоил себе тираническую власть. 2. В самом деле, когда в соответствии со своей большой властью его вожди, выставляя в качестве благовидного предлога именно помощь обиженным плебеям, уводят и уносят благодаря этой власти все, что им угодно, и никто, ни частное лицо, ни должностное, не воспрепятствует их беззакониям в страхе перед законом, который лишает нас вместе со свободой деятельности и свободы слова, назначая смерть наказанием для произносящих вольные речи, то каким другим именем следовало людям, имеющим разум, назвать такое самовластие, кроме как тем, что одно лишь является истинным и с которым все вы, пожалуй, согласитесь, то есть, тиранией? И если над нами властвует как тиран не один человек, а весь плебс, то чем это отличается? Несомненно, дела у обоих одни и те же. 3. Поэтому лучше всего было вообще не допустить появления этой власти в зародыше, но все тогда выдержать, как предлагал благороднейший Аппий, задолго предвидя беды, а если не вышло, то, по крайней мере, теперь всем единодушно вырвать ее с корнем и выкинуть из города, пока она слабая и с ней легко сразиться. 4. И не нам первым, о сенат, и не нам единственным довелось это испытать, но уже многие и много раз, попав в нежелательное положение и ошибившись в выборе наилучшего предложения по важнейшим вопросам, после того как не воспрепятствовали зарождению зла, пытались затем подавить его рост. Хотя раскаяние тех, кто поздно начинает становиться благоразумным, бесполезнее предусмотрительности, но, с другой стороны, оказывается не хуже, если, препятствуя последствиям, искушает допущенную вначале ошибку.

XXIII. Если же некоторым из вас хотя и кажутся деяния плебса возмутительными, и они полагают, что следует помешать ему впредь совершать проступки, но при этом у них возникает опасение, как бы не показалось, что они первыми упраздняют соглашение и нарушают клятвы, то пусть поймут, что они не нападают, а защищаются, и

⁴³ Имеются в виду кредитные и арендные договоры: именно массовая задолженность, приводившая к долговой кабале, и разорение плебса послужили причиной первой сецессии.

⁴⁴ Речь идет о должности плебейских трибунов, учрежденной во время первой сецессии плебеев в 494 г. до н.э. Специальным священным законом личность трибунов была объявлена неприкосновенной. Человек, оскорбивший их словом или делом, становился «проклятым» и любой мог его безнаказанно убить. Имущество такого преступника посвящалось какому-нибудь божеству и подвергалось конфискации.

не расторгают соглашение, а наказывают расторгнувших его, а потому они будут невиновны перед богами и ради собственной же выгоды поступят справедливо. 2. Пусть же появится у вас веское доказательство того, что не вы являетесь зачинщиками расторжения соглашения и нарушения договора, но плебейская сторона, не желающая соблюдать условия, на которых они вернулись. Ведь не для того, чтобы навредить сенату, но чтобы не терпеть от него зла, плебс потребовал учредить власть трибунов. Однако он ею пользуется уже не для того, что следует, и не в соответствии с теми условиями, на которых он ее получил, но для разрушения и уничтожения отеческого политического строя. 3. Ведь вы, конечно, помните недавно состоявшееся народное собрание и произнесенные на нем вождями плебса речи, какую они явили тогда самоуверенность и бесчинство, и какую гордость испытывают теперь эти неспособные здраво рассуждать люди, когда они поняли, что вся власть над государством заключается в голосовании, где они будут господствовать, поскольку многочисленнее нас. 4. Так что же нам остается делать, когда они начали нарушать договор и законы, как не давать отпор зачинщикам, по праву лишить их того, чем они до сих пор владеют вопреки справедливости, и на будущее остановить тех, кто домогается большего? Благодарение богам, что те не позволили плебеям, вначале получившим больше положенного, в дальнейшем оставаться благоразумными, но внушили им такую наглость и назойливость, которая заставила вас пытаться и утраченное вернуть, и оставшееся взять под надлежащую охрану.

XXIV. Именно настоящий момент благоприятен, как никакой другой, если только все же вы намерены начинать действовать благоразумно, ибо сейчас большинство их изнурено голодом, и остальные уже не смогут из-за нехватки денег оказать длительное сопротивление, если продовольствие у них будет скудным и дорогим. Поэтому одни, самые дурные и вообще никогда не сочувствовавшие аристократическому правлению, будут вынуждены покинуть город, а другие, более умеренные, — стать добропорядочными гражданами, ничем более вам не досажая. 2. Поэтому продовольствие держите под охраной и никаких цен на товары не снижайте, но сколько более всего когда-либо стоил товар, постановите и теперь по этой цене его продавать. У вас есть для этого законные основания и благовидные мотивы: неблагодарные шумные обвинения со стороны плебса — якобы нами была устроена нехватка хлеба, которая в действительности возникла вследствие их мятежа и разорения земли, что они сотворили, грабя ее, как вражескую, — а также сделанные из казны расходы на отправленных для закупки хлеба послов и многое другое, чем вы были обижены ими. Пусть уж и мы узнаем, что же это за ужас, который они нам устроят, если не будем делать все в угоду плебсу, как говорили их вожди, запугивая нас. 3. Но если упустите из рук и этот удобный случай, вы будете часто молить еще раз получить такой же. И если плебс узнает то, что вы, захотев сокрушить его могущество, отказались, он будет гораздо сильнее досажать вам, полагая ваше желание враждебным, а неспособность его осуществить — трусливой».

XXV. Когда Марций высказался в таком духе, мнения сенаторов разделились, и среди них поднялся большой шум и крик. Ибо те, кто изначально был враждебен плебеям и против воли подчинился соглашению, а к ним относились вся молодежь за малым исключением и самые богатые и честолюбивые из старших сенаторов, — одни негодовавшие из-за потерь от долговых обязательств, другие же из-за поражения при соискании должностей, — все они восхваляли Марция как человека благородного и любящего свою родину, дающего обществу наилучшие советы. 2. Но те, кто придерживался проплебейского образа мыслей и ценил богатство не больше, чем нужно, а также полагал, что нет ничего важнее мира, они были огорчены его словами и не одобряли его мнение. Они считали достойным превосходить более низких по положению не в насилии, а в великодушии, и умеренность признавать не постыдной, но необходимой, в особенности ту, что возникает из расположения к согражданам, и заявляли, что его совет является безумием, а не проявлением свободы слова или политических прав. Все же эту группу, бывшую немногочисленной и слабой, подавляла другая, более склонная к насильственным действиям. 3. Видя это, плебейские трибуны — они ведь присутствовали в сенате по приглашению консулов — начали кричать, волноваться и называть Марция несчастьем и пагубой отечества за его возмутительные речи против плебея. Они заявляли, что если патриции не помешают ему разжигать в государстве междоусобную войну, наказав смертью или изгнанием, то они сделают это сами. 4. Когда же от слов плебейских трибунов шум стал еще больше, и особенно со стороны молодых сенаторов, с трудом переносивших угрозы, вдохновленный этим Марций уже более самоуверенно и дерзко стал нападать на трибунов, угрожая им: «А если вы не прекратите сотрясать государство и совращать лестью бедняков, то я уже не словом буду спорить с вами, но делом».

XXVI. А пока сенат неистовствовал, плебейские трибуны, поняв, что тех, кто хочет отнять предоставленную плебсу власть, больше, чем тех, кто предлагает сохранять верность соглашению, выбежали из здания сената, крича и взывая к богам-клятвоблюстителям. И после этого, созвав народ на собрание, они сообщили ему о речах, произнесенных Марцием в сенате, и вызвали его для оправданий. 2. Когда же тот не стал обращать на них внимания, но даже отогнал со словесными оскорблениями служителей, через которых его вызывали, плебейские трибуны возмутились еще больше и, взяв с собой эдилов и множество прочих граждан, бросились к нему. А он как раз все еще находился перед сенатом вместе с большим числом патрициев и с остальным своим товариществом. 3. Когда же плебейские трибуны увидели его, они приказали эдилам арестовать Марция, а если не захочет добровольно следовать за ними, вести его силой. Полномочия эдилов имели тогда Тит Юний Брут и Гай Визеллий Руга¹⁵. Итак, они приблизились с целью схватить его, но патриции, посчитав

¹⁵ Рукописи дают имя Суцеллий. Имя Гай Визеллий предложил Кисслинг (Kiessling), а Портус (Portus) — Гай Циллий.

дело неслыханным, чтобы плебейские трибуны насильно уводили кого-либо из них до суда, встали перед Марцием и, нанося удары тем, кто подходил вплотную, прогнали их. 4. Когда же о случившемся разнесли весть по всему городу, все стали высказывать из своих домов: люди уважаемые и состоятельные — чтобы вместе с патрициями защитить Марция и вернуть исконный политический строй, а граждане скромного положения и стесненные в материальных средствах — готовые помогать плебейским трибунам и делать то, что они прикажут. И уважение, удерживаемые которым до тех пор они не осмеливались совершать какие-либо противозаконные действия по отношению друг к другу, было тогда ими отринуто. Все же в тот день они не сотворили ничего ужасного, но отложили на следующий, уступив советам и увещаниям консулов.

XXVII. А на следующий день, первыми спустившись на площадь, плебейские трибуны созвали народ на собрание и, выступая друг за другом, много обвиняли патрициев в том, что они, дескать, нарушили договор и преступили клятвы, которые дали плебсу о забвении прошлого. В качестве доказательств того, что патриции нескрепне примирились с плебеями, трибуны приводили и нехватку хлеба, которую те устроили, и отправку обеих колоний, и остальное, что патриции придумали для уменьшения численности простого народа. 2. И также они сильно нападали на Марция, рассказывая о произнесенных им в сенате речах и о том, что, вызываемый народом для оправданий, он не только не соизволил прийти, но даже прогнал ударами явившихся за ним эдилов. В свидетели же случившегося в сенате трибуны призывали самых уважаемых его членов, а дерзости по отношению к эдилам — всех присутствовавших тогда на площади плебеев. 3. Сказав это, они предоставляли патрициям, если бы тем было угодно, возможность для защиты, удерживая народ на собрании, пока не закончится заседание сената. Ведь как раз в тот момент патриции совещались по этому самому вопросу, сомневаясь, следует ли им оправдываться перед плебсом по поводу того, в чем они оклеветаны, или лучше оставаться в покое. Когда же в большинстве выступлений более гуманное предложение было предпочтено слишком самоуверенному, консулы, распустив собрание, прошли на площадь, чтобы и опровергнуть обвинения, касающиеся всех патрициев, и попросить народ не принимать никаких непоправимых решений в отношении Марция. И более старший из них, Минуций, выступив, сказал следующее:

XXVIII. «По поводу нехватки хлеба объяснение совсем короткое, плебеи, и мы не приведем каких-либо иных свидетелей того, что скажем, кроме вас самих. Ведь вы и сами, конечно, прекрасно знаете, что недород хлебных злаков случился вследствие пренебрежения посевом. И в остальном о гибели страны вам не нужно выяснять у других, по какой причине это произошло и каким образом, в конце концов, самая обширная и лучшая земля стала испытывать нехватку всех плодов, а также рабов и скота — частично, поскольку подвергалась разорению со стороны врагов, частично же, поскольку не могла обеспечивать вас, столь многочисленных и не имеющих

никакой другой поддержки. 2. Так что голод появился не из-за того, о чем клеветают ваши вожди, а от чего — вы и сами знаете, находя это правильным. И прекратите приписывать несчастье нашему коварству и гневаться на нас, не причинивших вам никакого вреда. 3. Отправка же колонистов произошла по необходимости, поскольку всеми вами сообща было решено держать под охраной места, нужные для войны. Состоявшись в очень своевременный момент, она принесла большую пользу и тем из вас, кто переселился, и тем, кто остался. Ведь одни имеют там продукты питания в большом изобилии, а другие, оставшиеся здесь, меньше ощущают нехватку продовольствия. А равенство в судьбе, которую мы, патриции, разделили вместе с вами, плебеями, выбрав поселенцев по жребию, не порицается.

XXIX. Итак, по какой причине ваши вожди упрекают нас за то, в чем мы имеем общие убеждения и судьбы, — поскольку есть опасность, как говорят они, или поскольку это им выгодно, как полагаем мы? 2. Ибо то, в чем на недавно состоявшемся заседании сената мы были оклеветаны ими, — дескать, что мы не желаем проявить умеренность в отношении цен на продовольствие, что замыслиаем лишить плебейских трибунов власти, что таим злобу на вас за мятежный уход из города и любым способом стараемся навредить плебсу, — эти и все такого же рода обвинения мы вскоре опровергнем делами, не только не причинив вам никакого зла, но гарантируя и ныне власть плебейских трибунов на тех условиях, на которых тогда уступили ее вам, а распродажу хлеба осуществив так, как вы все решите. Поэтому лишь дождавшись, если что-нибудь из этого не исполнится, тогда только обвиняйте нас. 3. Но если бы вы захотели тщательно рассмотреть наши разногласия, то увидели бы, что мы, патриции, могли бы с большим правом упрекать плебс, чем вы обвинять сенат. Ибо вы, плебеи, несправедливо поступаете с нами — и, слушая меня, ни на что не обижайтесь, — если не дождавшись даже сведений об итогах нашего обмена мнениями, уже считаете нужным его порицать. 4. Впрочем, кто не знает, что всякому желающему, пожалуй, легче всего нарушить и уничтожить согласие в государстве, обвиняя именно в том, доказательство чего, предполагающееся в будущем и пока еще неявное, служит не защитой против причинения какого-либо зла, но предлогом для несправедливости? 5. И не только ваших руководителей стоит порицать за то, что они возводят напраслину и клеветают на сенат, но и вас не меньше за то, что верите им и возмущаетесь, прежде чем убедиться самим. Ведь вам следовало, если вы боялись будущих несправедливостей, и негодовать по их поводу в будущем. Ныне же вы явно судите скорее слишком поспешно, чем благоразумно, и большую безопасность полагаете в большем злодеянии.

XXX. Итак, я полагаю, что о преступлениях всего сословия, в которых плебейские трибуны ложно обвинили сенат, сказано достаточно. Но поскольку и по отдельности каждого из нас они порочат за все, что бы мы ни сказали в сенате, и считают виновниками раздоров в государстве, а ныне требуют казнить или изгнать из отечества Гая Марция, человека, любящего свою отчизну, который высказался независимо

при обсуждении общественных дел, то я хочу насчет этого также рассказать вам об истинном положении — и следите, надлежащие ли и правдивые ли молвлю я слова.

2. Вы, плебеи, когда договаривались с сенатом о примирении, полагали, что вам достаточно освободиться от долгов, и попросили ради защиты притесняемых бедняков разрешения назначать должностных лиц из вашей среды. И вы получили оба эти дара, будучи тогда весьма признательны нам. Но упразднить власть консулов или лишить сенат права руководства общественными делами и ниспровергнуть порядок исконной формы правления — этого вы не просили и не собирались просить.

3. Что же такое случилось, что ныне вы пытаетесь все это разрушить? И на какое право полагаясь, вы стремитесь отнять у нас должности? Ведь если вы сделаете страшным для членов сената откровенно говорить так, как они думают, то что дельного смогут сказать ваши руководители? Или каким законом воспользовавшись, они будут требовать наказания смертью или изгнанием кого-либо из патрициев? Ведь ни старинные законы не дают вам такой власти, ни недавно заключенные соглашения с сенатом.

4. А нарушать установленные законом границы и ставить силу выше права присуще уже не демократии, но, если хотите слышать правду, — тирании. Так вот, я бы посоветовал вам не отказываться ни от одного из тех благодеяний, что вы нашли со стороны сената, но на то, чего не потребовали дать вам тогда, когда прекращали вражду, и теперь не притязать.

XXXI. А чтобы вам стало яснее, что ваши вожди не желают ничего умеренного или справедливого, но добиваются противозаконного и невозможного, то примерьте ситуацию на самих себя и взгляните следующим образом: представьте, как члены сената обвиняют ваших политических деятелей в том, что те публично произносят перед вами предосудительные речи против сената, ниспровергают отеческий аристократический строй и разжигают мятеж в государстве — все это, кстати, утверждая справедливо, ибо они делают это, — и страшнее всего то, что они присваивают себе власть большую, чем была им уступлена, пытаясь казнить без суда любого из нас, кого бы ни пожелали, и при этом сенаторы заявляли бы, что поступающих так следует умертвить безнаказанно.

2. Как вы стерпели бы высокомерие сената? И что сказали бы? Разве не станете возмущаться и говорить, что подвергаетесь ужасному беззаконию, если кто-либо лишит вас свободы слова и независимости, сделав крайне опасным свободное высказывание в пользу плебса? А по-иному и не сможете сказать.

3. Следовательно, вы считаете справедливым, чтобы другие терпеливо сносили то, что сами вы не смогли бы стерпеть? И это, плебеи, ваши гражданственные и умеренные намерения? Требуя этого, не подтверждаете ли вы сами, что обвинения в ваш адрес верны, и не показываете ли, что те, кто советует не допускать роста противозаконной вашей власти, помышляют о справедливости для всего общества? Мне-то именно так кажется.

4. Но если же вы хотите поступать обратно тому, в чем вас обвинили, то, последовав моим советам, успокойтесь и отнеситесь к словам, которые вас возмущают, как подобает гражданам и без раздражения. Ведь в итоге,

если вы так сделаете, получится, что вы будете считаться добрыми гражданами, а те, кто настроен ныне враждебно к вам, изменят свое мнение.

XXXII. Предлагаю вам именно эти важные, как, по крайней мере, в самом деле мы считаем, мысли о справедливости, мы убеждаем вас не совершать никаких ошибок. А наши хорошие и добрые дела, которые мы упомянем не из желания попрекнуть вас, но сделать более снисходительными, — помимо давних, и те, что недавно имели место в связи с вашим возвращением, — мы хотим забыть, но вы обязаны помнить. 2. Все же ныне мы вынуждены напоминать о них, желая за много великих благодеяний, что мы охотно предоставили вам по вашей просьбе, получить от вас взамен эту милость — не казнить и не изгонять из числа граждан человека, любящего свое отечество и лучшего из всех в ратных делах. Ведь мы причиним немалый вред себе, как вы, плебеи, прекрасно знаете, лишив государство такой доблести. Потому вы должны, главным образом, из-за него самого, смягчить свой гнев, вспомнив, скольких из вас он спас в войнах, и не держать зла на обидные слова, но помнить его славные дела. 3. Ибо речь этого человека не причинила вам никакого вреда, а его действия принесли большую пользу. Если же вы настроены по отношению к нему нетерпимо, то пощадите его хотя бы из уважения к нам и к сенату в ответ на наши просьбы и, в конце-то концов, твердо замирите с нами и сделайте государство единым, как было изначально. Но если вы не согласитесь на наши уговоры, то уясните себе, что и мы не уступим вашему насилию, а эта нынешняя затея плебса или станет для всех основой искренней дружбы и еще больших благодеяний, или послужит началом новой междоусобной войны и непоправимых бед».

XXXIII. Когда Минуций высказался в таком духе, плебейские трибуны, видя, что массу привлекают умеренность его слов и человечность обещаний, досадовали и злились, а в особенности Гай Сициний Беллут, склонивший бедняков отпасть от патрициев и назначенный ими командующим, когда они были в строю⁴⁶. Злейший враг аристократии, почитаемый за это толпой и уже второй раз получивший полномочия трибуна, он менее всех вождей плебса полагал выгодным для себя установление согласия в обществе и возврат к исконным порядкам. 2. Ведь он понимал, что при аристократическом правлении он не только уже не будет иметь такие же, как сейчас, почести и могущество, будучи низкого происхождения и простого воспитания и ничем не отличившись ни на войне, ни в мирной жизни, но и подвергнется крайней опасности, поскольку разжигал мятеж в государстве и повинен во многих его бедах. 3. Итак, обдумав, что нужно говорить и делать, и посоветовавшись с коллегами по должности, Сициний, после того как и с их стороны получил одобрение, встал и, коротко выразив сочувствие по поводу преследующего плебс несчастья, похвалил консулов за то, что они сочли достойным отчитаться перед плебеями, не погнушавшись их скромным положением. Кроме того, он сказал, что признателен патрициям,

⁴⁶ Речь идет о первой сессии плебеев в 494 г. до н.э.

если наконец-то у них появляется хоть какая-то забота о спасении бедняков, и добави, что еще охотнее он вместе со всеми выступит свидетелем, если они предъявят дела, соответствующие их словам.

XXXIV. Однако, сказав это и произведя впечатление нрава умеренного и миролюбивого, он обращается к Марцию, стоявшему возле консулов, и говорит: «А ты, почему ты, о благородный, не оправдываешься перед собственными гражданами по поводу того, что сказал в сенате? Вернее же, почему не умоляешь и не стараешься смягчить их гнев, чтобы тебе назначили более мягкое наказание? Конечно, я не предложил бы тебе отрицать свои слова, когда столько людей их знают, или обращаться к позорным оправданиям — ведь ты Марций и обладаешь гордостью большей, чем свойственно частному лицу, — разве что консулам и патрициям удобно упрощать плебс за тебя, а тебе, значит, будет неудобно сделать то же самое за самого себя». 2. И говорил он это, не будучи в неведении, что столь высокомерный человек не сможет, став собственным обличителем, как виновный просить освобождения от наказания и не прибегнет вопреки собственному нраву к жалобам и просьбам, но либо даже вообще с презрением откажется от защиты, либо, сохраняя врожденную самоуверенность, ничуть не будет угождать плебсу сдержанностью в словах. Так и случилось. 3. А именно, когда установилась тишина и почти всеми плебеями овладело сильное желание оправдать его, если он воспользуется данным благоприятным моментом, он обнаружил такую надменность в словах и такое презрение к плебеям, что в своем выступлении вообще ничего не отрицал из сказанного в сенате против плебса и не стал, как раскаивающийся в содеянном, взывать к жалости и молить о прощении. Ведь Марций даже видеть не желал плебеев своими судьями в любом деле, как не имеющих никаких законных полномочий: но если, мол, кто-либо захочет обвинять его перед консулами, требуя отчета или за дела, или за слова, когда есть закон, он готов подвергнуться суду. 4. А перед плебеями, по его словам, он выступает потому, что они сами приглашают, и с той целью, чтобы, с одной стороны, укорить их за беззакония и непомерные притязания, какие они явили в связи с мятежным уходом и после возвращения, а с другой стороны, чтобы посоветовать им, в конце-то концов, сдержать уж и обуздать свои несправедливые желания. 5. И после этого он начал весьма активно и дерзко на них на всех нападать и особенно на плебейских трибунов. И не было в его словах ни продуманного уважения, как у политического деятеля, поучающего народ, ни благоразумной осторожности перед гневом стоящего у власти, как у частного лица, ненавистного многим, но были, как у врага, безбоязненно оскорбляющего подвластных ему, какое-то неумеренное раздражение и невыносимое презрение к своей жертве.

XXXV. Потому-то еще во время его речи начал зарождаться сильный шум среди тех, кто часто склонялся попеременно то в одну, то в другую сторону, как бывает в толпе несхожих людей с несовпадающими интересами, поскольку одни были довольны словами Марция, а другие, наоборот, рассержены. И после того как он закончил

выступать, поднялся еще больший крик и переполох. 2. Ибо патриции, именуя Марция наилучшим из людей, восхваляли его за откровенную речь и заявляли, что он единственный свободный человек из всех них, поскольку не испугался толпы нападавших врагов и не стал льстить своевольным и противозаконным стремлениям граждан. Плебеи же, раздраженные упреками, называли его невыносимым, тягостным и злейшим из всех врагов. 3. И уже некоторые из них, кому было свойственно большое легкомыслие, возымели сильное желание расправиться с ним по кулачному праву. А в этом им содействовали и оказывали поддержку плебейские трибуны, и в особенности Сициний потакал их желаниям. В конце концов, после того как он произнес длинную речь против Марция и воспламенил души плебеев, Сициний, весьма распаленный своим обвинением, объявил окончательное решение, что коллегия трибунов приговаривает Марция к смертной казни за дерзость в отношении эдилов, которых тот накануне прогнал ударами, хотя они получили приказ трибунов привести его: ведь оскорбление, нанесенное их собственным помощникам, касается именно тех, кто отдал приказ. 4. Заявив это, Сициний приказал вести его на холм, возвышающийся над площадью: а место это — страшный утес, откуда, по их обычаю, сбрасывали приговоренных к смерти⁴⁷. Итак, эдилы стали подходить, чтобы арестовать Марция, но патриции, подняв громкий крик, бросились все вместе против них, затем плебс против патрициев, и много было бесчинства в их действиях, и много грубости в словах с обеих сторон, когда они толкали и хватали друг друга руками. 5. Однако волнения были прекращены, и все вынуждены образумиться благодаря вмешательству консулов, которые силой ворвались в середину и приказали ликторам сдерживать толпу: столь велико, в самом деле, было тогда у людей почтение к этой должности и настолько уважаемой эта видимость царской власти. Вследствие этого Сициний, обеспокоенный и растерянный, был преисполнен опасения, как бы не вынудить врагов отразить силу силой. Считая недостойным отказаться от затеи, после того как однажды взялся, и в то же время не имея возможности оставаться верным тем решениям, которые принял, он находился в глубокой задумчивости по поводу того, что следует делать.

XXXVI. Увидев его в растерянности, Луций Юний Брут — тот самый вождь народа, который придумал, на каких условиях состоится примирение, человек способный помимо прочего и найти выход в безвыходных положениях, — он подходит к Сицинию и наедине советует не упорствовать, ратуя за дело безрассудное и противозаконное: ведь он видит, что все патриции раздражены и готовы, если будут призваны консулами, взяться за оружие, а самая мужественная часть плебса колеблется и с неохотой одобряет выдачу на казнь известнейшего среди граждан человека, и к тому же без суда. 2. Рекомендовал же он ему пока пойти на уступки и не вступать в схватку с кон-

⁴⁷Тарпейская скала — крутой обрыв на Капитолийском холме. Трупы преступников волокли затем крючьями к Тибру и сбрасывали в реку.

сулами, чтобы не сотворить какого-нибудь большего зла, но назначить Марцию судебное разбирательство, установив любой, какой нужно, срок, и поставить вопрос о нем на голосование граждан по трибам⁴⁸, а что большинством голосов присудят, то и выполнять. Ведь то, чего ныне он пытается добиться, является делом деспотическим и насильственным, когда один и тот же человек выступает и обвинителем, и судьей и властен устанавливать меру наказания, в то время как гражданскому правлению свойственно, чтобы виновный, получив возможность защиты в соответствии с законами, понес то наказание, какое назначит большинство судей. 3. Не видя никакого лучшего решения, Сициний соглашается с этими словами и, выступив, сказал: «Смотрите, плебеи, на рвение патрициев в действиях, связанных с убийством и насилием, так что они все ваше множество ставят ниже одного своенравного человека, который оскорбляет всех граждан. Тем не менее все же не следует уподобляться им и бросаться очертя голову — ни начиная войну, ни защищаясь. Но поскольку некоторые выставляют в качестве благовидного предлога закон, с помощью которого они избавляют его от наказания — этот закон не разрешает никого из граждан казнить без суда — давайте уступим им это право, хотя сами не видим от них ни законного, ни справедливого обхождения, и покажем, что мы предпочитаем превосходить обижающих нас сограждан скорее благоразумием, чем насилием. 4. Итак, вы уходите и ожидайте надлежащего благоприятного момента, который вскоре наступит, а мы, подготовив самое необходимое, установим этому человеку срок для защиты и осуществим суд перед вами. Когда же вы по закону получите возможность голосовать, назначьте ему то наказание, какого, сочтете, он заслуживает. И хватит об этом. А о распродаже и распределении хлеба, чтобы это произошло самым справедливым образом, если они и сенат не проявят никакой заботы, мы возьмем попечение на себя». Сказав так, он распустил народное собрание.

XXXVII. После этого консулы, собрав сенат, стали спокойно обсуждать, каким образом можно прекратить данные беспорядки. И решили они, во-первых, оказать услугу плебейам, сделав для них продовольствие совсем дешевым и выгодным, затем — уговаривать их руководителей из уважения к сенату остановиться и не преследовать Марция, в противном случае откладывать суд как можно дольше, пока не утихнет гнев толпы. 2. Проголосовав за это, они внесли постановление о продовольствии на народное собрание и утвердили его при всеобщем одобрении. А было оно следующего содержания: чтобы цены на товары для повседневного пропитания были на уровне самых низких цен до междоусобного раздора. Но от плебейских трибунов, несмотря на многочисленные настойчивые просьбы, они не добились полного прощения Марция, хотя и получили отсрочку на то время, какое просили. Да и сами они устроили еще одну задержку, воспользовавшись следующим поводом. 3. Когда отправленные тираном из Сицилии послы, доставив народу хлебный дар, плыли обратно

⁴⁸ Триба — территориальное подразделение римского государства.

домой, анциаты, послав отряд пиратов, захватили их в то время, как они стояли на якоре недалеко от гаваней Анция, их имущество, как взятое у врагов, обратили в добычу, а самих, заперев, держали под стражей. 4. Узнав об этом, консулы провели голосованием решение о походе против анциатов, поскольку те не хотели исполнять ни одного из справедливых требований римских послов. Произведя набор тех, кто был в полном расцвете сил, оба консула выступили в поход, утвердив предварительно постановление⁴⁹ об отсрочке частных и общественных судебных процессов на то время, что они будут воевать. 5. Однако оно оказалось не столь длительным, как полагали, но гораздо короче. Ибо анциаты, услышав, что римляне отправились в поход всеми своими силами, даже малейшее время не стали сопротивляться, но, прося и умоляя, выдали и самих захваченных сицилийцев, и их имущество, так что римляне были вынуждены возвратиться в город.

XXXVIII. А когда войско было распушено, плебейский трибун Сициний, созвав плебс на собрание, объявил день, в который он намеревался совершить суд над Марцием, и призвал как жителей города явиться всем вместе для участия в судебном решении, так и проживающих в сельской округе, оставив труды, прибыть в тот же самый день, чтобы отдать свой голос за свободу и безопасность государства. В то же время он приглашал и Марция присутствовать ради собственной защиты, чтобы тот не лишился ни одного из установленных законом прав, относящихся к судебным разбирательствам. 2. Но консулы, посоветовавшись с сенатом, решили не допускать, чтобы народ стал распоряжаться столь большой властью. К тому же у них нашлось справедливое и законное основание воспрепятствовать этому, используя которое они рассчитывали расстроить все замыслы своих противников. И после этого они пригласили предводителей плебса вступить в переговоры, на которых вместе с ними присутствовали их сторонники. Тогда Минуций сказал следующее: 3. «По нашему мнению, трибуны, всеми силами следует изгонять раздор из государства и не спорить с народом ни по какому вопросу, в особенности же теперь, когда мы видим, что вы от насилия обратились к уважению законов и переговорам. За это решение, конечно, одобряя вас, мы все же считаем, что начало должен положить сенат, приняв предварительное постановление: таков у нас обычай, унаследованный от отцов. Ведь вы и сами могли бы засвидетельствовать то, (4.) что с тех пор как наши предки основали вот этот город, сенат всегда имел названную привилегию, и народ никогда ничего не решал и не ставил на голосование, о чем сенат не принял бы предварительного постановления, и так не только ныне, но даже при царях, — что сенат постановил, это цари и вносили для утверждения на народное собрание. Так что не лишайте нас этого права и не уничтожайте старинный и прекрасный обычай, но, доказав сенату, что вы желаете дела справедливого и разумного, предоставьте народу власть над тем, что решит сенат».

⁴⁹ Имеется в виду постановление сената.

XXXIX. Во время этой речи консулов Сициний был вне себя от их слов и не желал давать сенату власть над чем-либо вообще, но его коллеги, имеющие равные с ним полномочия, по совету Деция⁵⁰ соглашались на то, чтобы предварительное постановление состоялось, и сами выдвинули одно справедливое предложение, которое консулам нельзя было не принять. 2. А именно, трибуны предлагали, чтобы сенаторы, предоставив слово и им, кто действует в интересах народа, и тем, кто хочет высказаться за или против, после того как выслушают всех желающих заявить то, что тем кажется справедливым и полезным для общества, тогда только все они подавали бы свои мнения, как в суде, принеся установленную законом клятву: а какой приговор большинством мнений вынесут, это и будет иметь законную силу. 3. Когда же плебейские трибуны согласились, как и требовали консулы⁵¹, чтобы состоялось предварительное постановление, тогда совещание было закрыто. А на следующий день в своем здании собрался сенат, и консулы, сообщив ему условия соглашения, вызвали трибунов и велели изложить то, ради чего они явились. Выступил же Деций⁵², тот, что согласился, чтобы состоялось предварительное постановление, и произнес следующее:

XL. «Не тайна для нас, сенаторы, то, что произойдет, а именно, что нас обвинят перед плебсом за наш приход к вам и обвинителем за согласие на предварительное постановление мы будем иметь человека, обладающего равной с нами властью, который считал ненужным просить у вас то, что нам дает закон, и получать в виде благодеяния то, что наше по праву. И мы подвергнемся не самой малой опасности, если нас привлекут к суду, но будем осуждены как перебежчики и предатели и понесем величайшее⁵³ наказание. 2. Однако, даже зная это, мы все-таки решились явиться к вам, полагаясь на свою правоту и доверившись клятвам, принеся которые, вы выскажете ваши мнения. Так вот, мы, конечно, люди ничтожные, чтобы говорить о столь великих и столь важных предметах, и гораздо ниже требуемого уровня, но вопросы, о которых будем вести речь, не ничтожные. Поэтому обратите на них внимание и, если вам покажется что-либо справедливым и полезным для общества, — а я добавлю, что и необходимым, — добровольно уступите нам получить это.

XLI. Но сначала скажу о справедливости. Именно вы, сенат, когда с нашей помощью изгнали царей и установили политический строй, при котором мы сейчас живем и который мы не порицаем; вы, видя, что плебеи всегда уступают в тяжбах, когда бы ни случился у них с патрициями какой-либо спор, — а их много было, — вы тогда по предложению Публия Валерия, одного из консулов, утвердили закон, разрешающий плебейам, если их одолевают патриции, требовать судебного разбирательства

⁵⁰ Имя Деций предложено Гелением, во всех рукописях: Луций.

⁵¹ Это чтение предложил Силбург, но во всех рукописях названия должностных лиц поставлены в обратном порядке: «Когда же консулы согласились, как и требовали плебейские трибуны...»

⁵² См. примеч. 49.

⁵³ В некоторых рукописях: «позорнейшее».

перед народом⁵⁴. И ничем другим, но именно посредством этого закона вы сохранили согласие в обществе и отразили нападения царей. 2. Ссылаясь как раз на данный закон, поскольку, о чем мы говорили, этот самый Гай Марций всех нас обижает и притесняет, мы вызываем его на народное собрание и требуем защищать свои права там. И предварительного постановления здесь не нужно. Ибо, касательно чего нет законов, в отношении этого вы властны вынести предварительное постановление, а народ — поставить его на голосование, но так как закон неизменен, то даже если вы не примите никакого предварительного решения, он, конечно, должен применяться. 3. Ведь, несомненно, едва ли кто станет утверждать, по крайней мере то, что обращение к народу частных лиц, если кому случается уступать в тяжбах, должно иметь законную силу, а у нас, плебейских трибунов, — нет. Так вот, прочно полагаясь именно на это разрешение закона и потому рискнув подвергнуться вашему суду, мы и пришли. 4. Но по неписаному и не установленному законом естественному праву мы желаем именно того, сенаторы, чтобы иметь не больше, чем вы, и не меньше, — по крайней мере, что касается правосудия, — поскольку много серьезных войн мы выдержали вместе с вами, проявили величайшее рвение в деле избавления от тиранов⁵⁵ и внесли не самый маленький вклад в то, что наше государство не исполняет ничьи приказания, но само предписывает правила другим. 5. И вы, отцы-сенаторы, сможете таким образом предоставить нам обладание не меньшими, чем у вас, правами, если будете препятствовать тем, кто пытается совершать незаконные покушения на нас самих и нашу свободу, внушая им страх перед судом. Конечно, должности, отличия и почести, полагаем мы, следует даровать тем, кто превосходит нас доблестью и судьбой. Но не подвергаться никакому незаконию и получать подобающий суд за страдания, которые кто-либо испытал, — мы считаем справедливым, чтобы это было одинаковым и общим для сограждан. 6. Следовательно, как мы уступаем вам все блистательное и великое, так же мы не отказываемся от равного и общего. Да будет этого достаточно сказать о справедливости, хотя может быть сказано и много другого.

XLII. Потерпите еще, пока я вкратце расскажу, каким же образом те события, которых желает народ, принесут обществу даже пользу. Ведь, скажем, если бы вас кто-нибудь спросил, что вы считаете величайшим из тех зол, что обрушиваются на государства, и причиной их скорейшей гибели, разве не раздор назвали бы вы? Мне, по крайней мере, кажется именно так. 2. Разве кто из вас столь глуп или bestолков, или сверх меры ненавидит равноправие, что не знает: если народу предоставлена власть вершить суд в тех делах, которые ему разрешены по закону, мы будем жить в согласии, но если вы решите иначе и отнимите у нас свободу — именно свободу вы отнимите, отнимая правосудие и закон, — то опять вынудите нас начинать с вами

⁵⁴ Закон 509 г. до н.э. давал гражданину право апеллировать к народному собранию в случае его осуждения магистратом на казнь или телесное наказание.

⁵⁵ Конъектура Кобе (Cobet). Во всех рукописях: «от войн».

раздор и войну? Ибо из какого государства изгнаны правосудие и закон, в него обычно входят раздор и война. 3. И ничего удивительного, если те, кто не испытал междоусобных бед, из-за незнания этих зол не печалются по поводу прошлых несчастий и не препятствуют заблаговременно будущим. Но те, кто, подобно вам, подвергшись крайней опасности, с радостью избавился от них, выбрав такое освобождение от зол, коего требовал момент, какое благопристойное или разумное оправдание остается им, если они вновь столкнутся с теми же самыми бедами? 4. Кто же не обвинил бы вас в большой глупости и безумии, зная, что немного раньше вы ради того, чтобы плебеи не бунтовали, многое стерпели вопреки собственному желанию, хотя кое-что из этого не было, пожалуй, ни очень почетно, ни очень выгодно, а теперь, когда никому не грозит ущерб ни в отношении имущества, ни в отношении доброго имени, ни в отношении даже какого бы то ни было другого из общих интересов, вы, чтобы угодить злейшим врагам плебса, будете снова подстрекать плебеев к войне? Нет, если только вы будете благоразумны. 5. Но я хотел бы спросить вас, в силу какого побуждения вы согласились тогда на наше возвращение на тех условиях, которые мы требовали, — сознательно ли вы приняли наилучшие меры или уступили необходимости? Ведь если вы действительно считали их очень полезными для общества, почему и ныне не придерживаетесь этого? А если, напротив, они вынуждены и неприемлемы, то почему вы сердитесь на свершившееся? Ибо следовало, пожалуй, с самого начала не уступать, если у вас была такая возможность, но, уступив, более уже не порицать содеянное.

XLIII. Мне же представляется, сенат, что вы воспользовались наилучшей идеей касательно примирения ... этому необходимо подчиняться ...⁵⁶ и прочно соблюдать условия. Ведь в поручители договоренностей вы предоставили нам богов, призвав много страшных проклятий на нарушителей соглашения — и на них самих, и на потомков их на вечные времена. Но я не понимаю, о чем следует еще говорить и надоедать, когда все знают, что мы выдвигаем безусловно справедливые и полезные требования, которые и вам, помня о клятвах, обязательно нужно выполнять. 2. О том же, что для нас немалое значение имеет не сдать в этом споре, уступив силе или поддавшись обману, но что мы начали его ввиду крайней необходимости, претерпев от этого человека страшные и хуже чем страшные обиды, — услышите, отцы-сенаторы, а вернее, вспомните: ведь ничего я не скажу такого, чего все вы не знаете. И в то же время ваше собственное решение по поводу моих слов примите, лишь поразмыслив, какое в конце концов чувство охватило бы вас по отношению к этому человеку, если бы кто-нибудь из нас попытался говорить перед плебсом или делать против вас то, что Марций осмелился здесь сказать.

XLIV. Ведь именно этот Марций первым из вас попытался уничтожить договор о согласии с сенатом, неприкосновенный и скрепленный разве что не стальными узами,

⁵⁶Здесь пропущено несколько слов. На лагуну указал Синтенис (Sintenis).

который ни вам, поклявшимся, ни потомкам вашим не дозволено отменять, пока город этот обитаем; договор, которому еще не исполнился четвертый год с тех пор, как он был заключен⁵⁷. И не украдкой осуществлял он его уничтожение, и не спрятавшись где-нибудь в тайном убежище, но открыто вот на этом самом месте в присутствии всех вас высказал мнение, что следует более не уступать нам власть плебейских трибунов, но упразднить этот первый и единственный оплот свободы, доверившись которому, мы заключили мир. 2. И здесь он не остановился в своей заносчивости, но, называя свободу бедняков своеволием и равноправие тиранией, советовал вам отнять их у нас. Вспомните, отцы-сенаторы, каково же было тогда самое нечестивое из всех его предложений, когда он заявлял, что данный момент благоприятен, чтобы припомнить плебсу весь ваш гнев на прежние обиды, и уговаривал сейчас, пока плебс измучен недостатком средств и уже длительное время нуждается в необходимых продуктах питания, его всего извести, сохранив на рынке ту же самую нехватку продовольствия. 3. Ведь мы, мол, бедные люди, не продержимся долгое время, покупая мало хлеба за большие деньги, но уйдем, покинув город, а те, кто останется, погибнут самой жалкой смертью. И, следовательно, он настолько был безрассуден и безумен, убеждая вас в этом, что не смог понять даже того, что помимо прочих зол, которые он навлекал, предлагая расторгнуть заключенный сенатом договор, столь многочисленные бедные люди, лишаемые необходимых средств пропитания, будут вынуждены нападать на виновников несчастья, ничто уже не считая дружественным. 4. Так что, если бы вы, обезумев, одобрили его предложения, то не было бы никакого среднего выхода, но или погибла бы вся плебейская масса, или даже не уцелел бы род патрициев. Ведь мы бы не позволили в отношении себя столь рабски одних изгнать, а других убить, но, призвав богов и божества в свидетели наших страданий, мы бы наполнили, будьте уверены, площади и улицы множеством трупов и, поставив большую чашу с кровью сограждан, так приняли бы назначенную нам участь. Таких вот нечестивых дел у вас, отцы-сенаторы, он стал зачинщиком, и именно о них он считал нужным разглагольствовать.

XLV. И не бывало такого, чтобы Марций взялся лишь говорить, — а это уже грозит расколом общества, — и при этом не стремился осуществлять сказанное; напротив, имея вокруг себя отряд людей, готовых на всякое дело, он не является по вызову к представителям нашей должности, наносит удары нашим помощникам, когда они, получив приказ, пытались привести его, и, наконец, не воздерживается от насилия даже по отношению к нашим личностям⁵⁸. 2. В итоге нам остается, по крайней мере, что касается его, иметь красивое название неприкосновенной власти, данное в насмешку, но не выполнять ни одной функции из числа предоставленных этой

⁵⁷ Речь идет о договоре, которым завершилась первая сессия плебеев в 494 г. до н.э. По современному счету, это был третий год после сессии (древние считали временные интервалы включительно).

⁵⁸ Т.е. плебейских трибунов, чья личность считалась священной и неприкосновенной.

должности. Ибо как мы сможем помочь другим, жалующимся, что их обижают, когда даже для нас самих нет безопасности? Однако, поскольку мы, бедняки, терпим такие оскорбления от одного человека, пока еще не тирана, но все же намеревающегося им стать, и одни страшные обиды мы уже, о сенат, испытали, а другие, если бы большая часть вас не воспрепятствовала, нам едва не пришлось испытать, — разве не справедливо мы возмущаемся и считаем, что нам нужно получить некоторую помощь, не без вашего сочувствия нашему гневу, вызывая его, о сенат, на суд беспристрастный и законный, на котором весь плебс, разделенный по трибам, проголосует под клятвой после того, как желающим будет предоставлено слово? 3. Иди туда, Марций, и то, что намерен сказать здесь, скажи в свое оправдание перед всеми гражданами в совокупности — или что ты из наилучших побуждений давал сенаторам самые правильные советы и их осуществление принесло бы пользу государству, или что не обязаны те, кто высказывает мнения здесь, в сенате, держать отчет за свои слова, или что не преднамеренно и не со злым умыслом, но поддавшись гневу, ты был побужден давать эти нечестивые советы, или можешь привести какое-нибудь другое оправдание. 4. Спустись от этой высокомерной и тиранической гордыни к более демократическому поведению, скверный ты человек, и сделайся, наконец-то, таким же, как прочие люди. Прими смиренный и вызывающий сострадание облик человека провинившегося и просящего о прощении, такой, как требуют твои обстоятельства. Ищи спасения, не применяя насилие к тем, кто пострадал, но угождая им. 5. Пусть станут для тебя образцом терпимости, руководствуясь которой ты был бы свободен от упреков со стороны сограждан, деяния вот этих достойных мужей. Столь многочисленные, как ты сам ныне видишь, и явившие столько доблестей и военных, и гражданских, которые нелегко перечислить даже за очень длительное время, эти почтенные и великие мужи не только не приняли ни одного сурового или надменного решения против нас, людей простых и скромных, но и сами первыми начали вести речь о соглашении, предлагая примирение, когда судьба разделила нас друг с другом, и притом согласились, чтобы договор состоялся не на тех условиях, которые они считали наилучшими для себя, а на каких мы хотели. И, наконец, они приложили много усилий, чтобы оправдаться в тех столкновениях недавнего времени касательно раздачи хлеба, по поводу которых мы их обвиняли.

XLVI. Пропускаю остальное, но с какими только просьбами из-за тебя самого и твоего безумия они не обращались ко всем плебеем — и вместе, и порознь — заступаясь за тебя? Значит, консулам и сенату, управляющему столь великим государством, было удобно, Марций, подчиняться народу как судье в том, в чем их обвиняли, а тебе разве неудобно? 2. И что же, все они не считают чем-то постыдным просить плебеев о твоём прощении, а ты то же самое воспринимаешь как позор? И тебе этого недостаточно, о благородный, но ты, как будто совершив нечто прекрасное, расхаживаешь с гордо поднятой головой, хвастаясь и отказываясь хоть в чем-то умерить свою гордыню? А ведь я обхожу молчанием, что ты и ругаешь плебс, и

обвиняешь, и грозишь ему. 3. Затем, вас не возмущает его заносчивость, отцы-сенаторы, когда он один считает себя достойным столь многого, чего даже все вы себя не считаете? Ему следовало — даже если все вы обещали проголосовать за войну ради него — довольствоваться вашей доброжелательностью и благосклонностью и не получать милость для себя за счет вреда для всех, но решиться предстать перед судом ради собственной защиты и вытерпеть все, если потребуется. 4. Ведь таков был долг хорошего гражданина, стремящегося к добродетели на деле, не на словах. А те насилия, что он творит ныне, — это свидетельства какого образа жизни? Указанием на какие намерения является преступать клятвы, нарушать обязательства, расторгать соглашения, вести войну с народом, наносить оскорбления личности должностных лиц и даже не признавать себя ответственным ни за одно из этих деяний, но безбоязненно расхаживать — не подчиняясь никакому суду, ни в чем не оправдываясь, никого не упрасывая, никого не опасаясь, став выше любого из стольких граждан? Разве не тиранического нрава это свидетельства? Я-то считаю именно так. 5. И тем не менее среди вас самих есть некоторые, кто ему потворствует и рукоплещет, в ком глубоко укоренилась непримиримая ненависть к плебеям, и они не могут заметить, что растет это зло во вред благородной части граждан ничуть не более, чем высокопоставленной. Напротив, они полагают, что их собственное положение только тогда окажется незыблемым, когда их⁵⁹ противник будет поработен. 6. Но не так обстоит в действительности, о люди, заблуждающиеся в своих наилучших предположениях. Взяв же в качестве наставника опыт, который преподносит нам Марций, и прошлое, образумившись одновременно на чужих и собственных примерах, вы поняли бы, что тирания, взращиваемая против простого народа, взращивается против всего общества, и что ныне она начинается с нас, но, окрепнув, не пощадит и вас».

XLVII. После того как Деций высказался в таком духе, остальные же плебейские трибуны поддержали его, добавив то, что, на их взгляд, он пропустил, наступила очередь излагать свои мнения сенаторам, первыми начали подниматься старейшие и самые уважаемые из числа консуляров⁶⁰, вызываемые консулами в соответствии с обычным порядком, затем — стоящие ниже их в обоих этих отношениях, а последними — самые молодые, которые уже не произносили никаких речей (ведь тогда это было еще у римлян постыдно, и никакой молодой человек не считал себя умнее старца), но одобряли те или иные мнения, предложенные консулярами. 2. И всем выступающим⁶¹ предписывалось подавать голоса под клятвой, совсем как в суде. Конечно, Анний Клавдий, о котором я и раньше рассказывал, что среди патрициев он больше всех ненавидел народ и ему никогда не нравился договор с плебсом, отговаривал принимать предварительное постановление, используя следующие доводы:

⁵⁹ Конъектура Киссинга. Во всех рукописях: «по природе».

⁶⁰ Бывшие консулы.

⁶¹ Конъектура Синтениса. Во всех рукописях: «присутствующим».

XLVIII. «Лично я желал и часто молил богов, чтобы сам я ошибся в своем мнении, которое имел относительно примирения с плебсом, считая, что возвращение беглецов не будет ни достойным и справедливым, ни выгодным для нас, и всегда, сколько раз этот вопрос ставился на обсуждение, я первым из всех и, в конце концов, после того как остальные уклонились, единственный выступал против. Что же касается вас, сенаторы, кто надеялся на лучшее и с готовностью предоставлял плебсу все — и справедливое, и несправедливое, — я желал, чтобы вы оказались разумнее меня. 2. Поскольку, однако, дела у вас пошли не так, как я желал и молил богов, но как предполагал, и ваши благодеяния привели к зависти и ненависти, я воздержусь порицать совершенные вами ошибки и понапрасну вас терзать, что легче всего и, как правило, свойственно делать всем: вижу, что сейчас это будет неуместно. Но о том, каким образом мы исправим те прошлые ошибки, которые не совсем уж непоправимы, и будем разумнее в отношении настоящего положения, я попытаюсь сказать. 3. Впрочем, для меня не тайна, что свободно высказывая свое мнение об этом, я покажусь некоторым из вас безумцем, жаждущим смерти, — для тех, кто сознает, сколь великие опасности влечет откровенная речь, и размышляет о несчастьях Марция, который именно из-за этого ведет ныне борьбу за свою жизнь. 4. Но я не считаю, что о собственной безопасности следует заботиться больше, чем об общественной пользе. Ведь жизнь моя, о сенат, уже ввергнута в опасности ради вас и посвящена боям за отечество. А потому, что бы ни было угодно божеству, я мужественно это выдержу — как вместе со всеми, так и с немногими, а если необходимо, то и один, — ибо, пока я жив, никакой страх не помешает мне говорить то, что думаю.

XLIX. Во-первых, конечно, я хочу, чтобы теперь, наконец-то, вы твердо поняли то, что перед вами недоброжелательная и враждебная существующему строю плебейская толпа, и все, что вы, смалодушничав, ей уступили, потеряно вами напрасно и даже стало причиной презрения, поскольку уступки вами сделаны поневоле, а не из расположения и не по собственному почину. 2. Ведь посмотрите на это следующим образом. Когда плебс с оружием в руках отложился от вас и осмелился открыто стать вашим врагом, будучи ничем не обижен, но ссылаясь на невозможность выплатить долги займодавцам, и заявил, что, если вы проголосуете за отмену долгов и освобождение от наказания за проступки, которые он совершил во время раскола, то больше ничего просить не будет, тогда большинство из вас (хотя, конечно же, не все), введенное в заблуждение советчиками, приняло решение — о, если бы этого никогда не случилось! — отменить установленные в отношении кредита законы и не мстить ни за одно из содеянных тогда преступлений. 3. Плебс не удовлетворялся получением такой милости, о которой он говорил, что, помышляя о ней одной, отложился от патрициев, но тут же стал требовать другой дар, еще больше этого и беззаконнее, — предоставить ему право ежегодно назначать трибунов из своей среды, — выставляя предлогом наше могущество, чтобы, мол, имелась какая-нибудь помощь и убежище для обижаемых и притесняемых бедняков, а на самом деле зло-

умышляя против существующего политического строя и желая переменить порядки на демократические. 4. И ведь убедили нас советчики позволить, чтобы эта должность появилась в государстве, служа общественному злу и, в особенности, неприязни по отношению к сенату, хотя (если только вы помните) я громко протестовал и призывал в свидетели богов и людей, что вы ввергнете общество в бесконечную междоусобную войну, и предсказывал все, что у вас произошло.

Л. Что же сделал добрый наш плебс после того, как вы уступили ему и эту должность? Он распорядился столь великой милостью и принял ее не с уважением и благоразумием, но, как будто бы мы испугались его силы и струсили, нам ...⁶² сказал затем, что следует объявить эту должность священной и неприкосновенной, укрепив ее клятвами, требуя, таким образом, почести больше той, которую вы дали консулам. Вы стерпели и это и, став над принесенными в жертву животными, поклялись погибелью своей и своих потомков. 2. Что же сделал плебс, получив и это? Вместо того чтобы быть признательным вам и поддерживать исконную форму правления, он, начав с этих выгод и воспользовавшись этими беззакониями как основой для следующих, вносит законы без предварительного постановления сената и ставит их на голосование без вашего согласия, не обращает внимания на решения, которые вы принимаете, и обвиняет консулов в плохом управлении государством. А то, что случается вопреки вашему с ним договору, — ведь много есть такого, чего не в состоянии предусмотреть человеческий разум, — он приписывает не стечению обстоятельств, как следовало, но вашему намерению. Ссылаясь на то, что вы строите козни против него и он опасается, как бы вы не отняли у него свободу или не изгнали из отечества, он сам постоянно это же замышляет против вас и от тех бедствий, которых, как говорит, он боится, ограждает себя явно не иначе, как поступая так же первым. 3. Ведь плебс много раз демонстрировал это и раньше и по многим поводам, о которых в данный момент я вынужден не напоминать, но особенно, когда вот этого Марция, — человека, преданного родине⁶³, происходящего не от безвестных предков и не уступающего никому из нас в доблести, — он попытался казнить без суда, обвинив в том, что тот злоумышляет против плебса и высказывает здесь предосудительные мысли. 4. И если бы консулы и более здравомыслящие среди вас, ужаснувшись этому делу, не объединились и не сдержали их беззаконие, то за один тогда день вы лишились бы всего: и что отцы, приобретя ценою многих тягот, оставили вам, и что сами вы имеете, выдержав баталии не менее тяжкие, чем они, — вашего авторитета, главенства, свободы. Вы же, — кто благороднее и кого не удовлетворило бы только существовать, — если бы вам не суждено было жить вместе с этими благами, скорее лишились бы жизни, нежели их: одни сразу, а другие немного позже. 5. Ведь если бы вот этот Марций был столь позорно и подло уничтожен, словно он в безлюдной

⁶² В рукописях пропущено одно или несколько слов.

⁶³ Конъектура Силбурга. Во всех рукописях: «воинственного».

пустыне, что могло бы помешать вслед за ним погибнуть и мне, растерзанному врагами, и всем тем, кто когда-либо оказал противодействие и впредь намеревался противодействовать незаконным поползновениям плебса? Ведь плебс не был бы удовлетворен, устранив только нас двоих, и не воздержался бы, дойдя до этого предела, от дальнейшего беззакония (если следует о будущем судить на основании прошлого), но, начав с нас, смыл бы и снес, обрушившись словно бурный поток в половодье, всех, кто против и не подчиняется, не щадя ни благородного происхождения, ни доблести, ни возраста.

II. Таким вот прекрасным вознаграждением, сенат, плебс либо уже отплатил вам за многочисленные великие благодеяния, что он получил, либо собирался отплатить, если бы не возникло препятствие в вашем лице. Ну, а теперь, в свою очередь, обратите внимание и на то, что совершил он после этого вашего благородного и благо-разумного деяния, чтобы вы поняли, каким же образом следует к нему относиться.

2. Итак, когда плебс увидел, что вы больше не намерены сносить его бесчинства, но готовы вступить в бой, он испугался и немного пришел в себя, словно после пьянства или приступа безумия, прекратил насильственные действия и обратился к суду. И он назначил определенный день, в который вызывал Марция предстать пред судом, где сам плебс должен был стать и обвинителем, и свидетелем, и судьей и установить величину наказания.

3. Когда же вы и этому воспротивились, посчитав, что Марция вызывает не на суд, а для расправы, плебс, видя, что ни в каком вопросе он не обладает самостоятельной властью, но лишь имеет право поставить на голосование ваши предварительные постановления, ныне умерил свою самоуверенность, чем весьма тогда был пренесполнен, и явился просить вас уступить ему и эту милость.

4. Так вот, обдумывая это, поймите уж, наконец-то, и усвойте: всё, что вы даровали плебсу, приняв решение скорее более простодушно, чем разумно, принесло вам одни несчастья и вред, а в чем вы оказали сопротивление, смело выступив против его беззаконий и насильий, это для вас сложилось как надо.

5. Итак, что же вам (хотя вы прекрасно знаете это) я советую делать и какое предложение относительно нынешнего положения я высказываю? Все, что вы, прекращая вражду, так или иначе предоставили и уступили плебсу, — все это соблюдать как имеющее законную силу и ничего не отменять из сделанных тогда уступок, не потому, что они прекрасны и достойны нашего государства (каким же это образом?!), но поскольку они вынужденны и уже не подлежат исправлению. А что помимо этого он попытается насильно и противозаконно получить вопреки вашей воли, — не уступать ему и не предоставлять, но противодействовать словами и делами, всем вместе и каждому по отдельности.

6. Ведь не обязательно, если кто-либо однажды в силу обмана или принуждения совершит ошибку, ему следует и впредь поступать точно так же; наоборот, помня о ней, в остальном следует быть осторожным, чтобы подобное не повторилось. Итак, вот то мнение, которого, полагаю, всем вам нужно вместе держаться, и я советую вам быть готовыми к несправедливому своекорыстию плебса.

ЛП. А что и это дело, по поводу которого сегодня назначено обсуждение, подобно прочим несправедливым и незаконным действиям плебса, а не праведное и разумное, как пытался, обманывая вас, доказывать плебейский трибун, — услышьте об этом, кто еще точно не знает. Так вот, закон о плебейских судах⁶⁴, на который Деций опирался более всего, издан был не против вас, патрициев, но ради защиты притесняемых плебеев, как и сам закон показывает в недвусмысленных выражениях, и все вы, прекрасно зная его, постоянно это говорите. 2. Веским же доказательством этого служит время, — что и для всякого спорного вопроса права представляется наилучшим критерием, — ибо прошло уже девятнадцать лет с тех пор, как данный закон был принят: для всего этого срока Деций не сможет, пожалуй, указать ни одного судебного процесса, ни общественного, ни частного, против кого-либо из патрициев, состоявшегося по этому закону. Если же он заявит, то пусть укажет, и нам уже не надо слов. 3. А недавно заключенные договоренности, на основании которых вы примирились с плебеями, — ведь необходимо, чтобы вы и о них услышали, поскольку плебейский трибун оказался дурным толкователем их, — содержат следующие две уступки: освободить плебеев от долгов и каждый год назначать вот эту власть ради помощи притесняемым и предотвращения несправедливости, но, кроме этого, ничего иного. 4. Однако самым важным свидетельством, что ни закон, ни договор не дают плебсу права вершить суд над патрицием, пусть станет для вас то, как поступает ныне сам плебс. Ибо сегодня он добивается этого права у вас, как раньше все же его не имевший: ведь никто не стал бы требовать от других получения того, чем распоряжается по закону. 5. И как это, сенат, может быть неписанным естественным правом (ведь Деций полагал, что вы должны и его учитывать), что у плебеев в тех судебных процессах, где их обвиняют патриции, и в тех, где они преследуют по суду патрициев, судьей станет плебс, а у патрициев, — и когда они привлекают к ответственности кого-либо из плебеев, и когда сами подвергаются опасности, — патриции в спорах посредничать не будут, то есть плебеям можно иметь преимущество и в том, и в другом, у нас же нет доли ни в одном из обоих прав?! 6. Если же Марций или же кто-нибудь другой из патрициев в чем-либо причиняет народу вред и заслуживает смерти или изгнания из государства, пусть он понесет наказание, но осужденный не ими, а здесь, как и предписано законом. Разве что, Деций, плебс будет беспристрастным судьей и ничуть, пожалуй, не станет угождать себе при голосовании по поводу ненавистного человека, а вот эти сенаторы, если получают право решения, поставят преступника выше пострадавшего от него общества, неизбежно навлекая на себя вследствие своего приговора проклятие, обвинение в клятвопреступлении, ненависть со стороны людей, гнев со стороны богов и продолжая жить с тягостными ожиданиями! 7. Недостойно для вас, плебеи, подозревать такое в отношении сената, кому, как признаёте сами, вы уступаете за его доблесть почести, должности и важнейшие

⁶⁴ Речь идет о законе Валерия 509 г. до н.э. (см. примеч. 54).

в государстве права, и кому вы, как утверждаете, весьма благодарны за то рвение, которое он проявил в деле вашего возвращения. Эти взгляды противоречат друг другу, и не имеет смысла бояться тех, кого вы восхваляете, и одновременно одним и тем же людям в более значимых вопросах доверять, а в остальных — нет. 8. Что же вы не придерживаетесь одного мнения, или во всем доверяя им, или во всем не доверяя? Однако, вы считаете, что они полномочны принять предварительное постановление по вопросам права, но вынести приговор насчет тех же самых вопросов, о которых постановляют, неполномочны. Я мог много другого сказать о праве, сенат, но и этого достаточно.

III. Но поскольку и насчет выгоды пытался говорить Деций, мол, что согласие — благо, а раздор — страшное зло, и что угождая плебсу, мы будем жить в согласии, а помешав изгонять или убивать тех из патрициев, кого они хотят, мы вовлечем себя в междоусобную склоку, — хотя могу многое сказать об этом, обойдусь весьма немногим.

2. И так, во-первых, я могу только удивиться лицемерию Деция, — ведь не глупости же, — если он полагает, что лучше судит об интересах общества, хотя совсем недавно занялся государственными делами, чем мы, состарившиеся в них и сделавшие город из малого великим. Затем — если он вообразил, что убедит вас в необходимости выдать кого-либо врагам для наказания, да к тому же гражданина из вашей среды, и не из безвестных какого-нибудь или простых, но кого вы лично считаете и самым блестящим в ратных делах, и человеком самого непорочного образа жизни, кто никого не хуже и в общественной деятельности. 3. И он осмелился сказать это, прекрасно зная, что наибольшее милосердие вы оказываете молящим о помощи, и даже врагам, ищущим здесь убежища, вы не отказываете в этой милости. Но если бы, Деций, ты считал, что мы ведем себя иначе, — о богах думаем нечестиво, а с людьми поступаем несправедливо, — то какое деяние ужаснее этого ты советовал бы нам совершить, из-за которого мы будем под корень и полностью уничтожены, ненавидимые богам и людям?! 4. Не нужен ты нам в советчики, Деций, ни насчет выдачи граждан, ни по любому другому вопросу из тех, которыми нам придется заниматься. И мы не считаем, что о собственных интересах следует судить чужим умом молодых людей, мы, достигшие своих лет, много испытав и плохого и хорошего. А угрозы войны, с помощью которых вы запугиваете нас, не сегодня впервые использованные вами, но высказанные уже многократно и многими, мы перенесем невозмутимо, предоставив их обычной нашей сдержанности. 5. И если вы действительно сделаете подобное тому, о чем говорите, мы будем защищаться, имея помощь богов, которые гневаятся на зачинщиков несправедливой войны, и среди людей получим немалое число союзников. Ведь и все латины, которым мы недавно предоставили равные гражданские права, будут на нашей стороне, сражаясь за этот город уже как за отчий, и заселенные отсюда, из Рима, многочисленные славные города, считая превыше всего спасение родины, заступятся за нее. 6. А если поставите нас перед необходимостью желать помощи отовсюду, то мы решимся, Деций, вступить с вами

в бой, призывая и рабов к свободе, и врагов к дружбе, и всех людей — к соучастию в надеждах, связанных с победой. Но пусть ничего из этого не понадобится, о Юпитер и все боги, хранящие город римлян, а этим страхам пусть случится дойти лишь до слов, никакое же тягостное деяние из-за них да не произойдет!»

LIV. Вот что сказал Аппий. А Маний Валерий, из членов сената самый яркий сторонник плебеев, показавший наибольшее рвение в деле примирения, в этот раз также открыто поддерживал плебс и произнес речь, составленную с большим старанием. В ней он порицал тех, кто не дает государству оставаться единым, но раскалывает плебс и патрициев и по ничтожным поводам вновь разжигает междоусобные свары, и восхвалял тех, кто признает только одну пользу, а именно, общую для всех и считает согласие превыше всего. Он поучал, что если плебеи обретут право суда, как они того требуют, и эту милость получают с согласия сената, то, возможно, они и не станут доводить судебное преследование до конца, но, удовлетворившись самим получением власти над этим человеком, обойдутся с ним скорее снисходительно, чем строго.

2. И раз уж плебейские трибуны полагают, что любым способом следует довести судебный процесс до законного завершения, то если в итоге плебс получит право решения, он освободит этого человека от обвинения — и уважая саму подвергающуюся опасности личность, чьи многочисленные славные деяния плебс может вспомнить, и воздавая таким образом благодарность сенату, предоставившему ему это право и не оказавшему противодействия ни в чем из разумного.

3. Все же он советовал, чтобы и консулы, и все члены сената, и остальные патриции, явившись в большом числе, присутствовали на суде и помогали Марцию защищаться, прося народ не принимать никакого сурового решения в отношении него, — ведь и они принесут немало пользы в деле спасения тому, кто подвергается опасности. И чтобы не только они сами таким образом выразили собственное мнение, но и пусть каждый призывает своих клиентов и собирает друзей, а если полагают, что кто-либо из плебеев расположен к ним дружественно в силу оказанного благодеяния, то пусть и у них требуют теперь возврата при голосовании услуги, которую задолжали ранее.

4. И он показал, что немалую долю среди плебса составят те, кто любит добро и ненавидит порок, и еще более значительную — те, кто умеет испытывать некое сострадание к человеческим судьбам и сочувствовать уважаемым людям, когда их участь меняется к худшему.

5. Но большая часть речи у него была обращена к Марцию, содержа увещевания, смешанные с наставлениями, и просьбы вместе с принуждением. А именно, он просил Марция — поскольку того обвиняют, что он сеет рознь между плебсом и сенатом, и упрекают, из-за своенравия его характера, что он ведет себя как тиран, и поскольку он внушил всем страх, как бы из-за него не было положено начало смутам и ужасным бедам, что приносят междоусобные войны, — не делать обвинения против себя истинными и обоснованными, упорствуя в вызывающем ненависть образе жизни, но принять взамен смиренный вид и предоставить власть над собой тем, кто жалуется на обиды, и не избегать возможности законно оправдаться речами

от несправедливого обвинения. 6. Ведь это является для него и самым надежным с точки зрения спасения, и в отношении доброй славы, к которой он стремится, самым блестящим, и соответствует его прежним деяниям. Но если он будет скорее самонадеян, чем сдержан, и сочтет, что сенат из-за него лично решится на любую опасность, то, доказывая Валерий, Марций принесет тем, кто послушался его, либо бесславное поражение, либо позорную победу. И тут он стал горько сетовать и перечислять самые крупные и очевидные из тех бедствий, что происходят в государствах при раздорах.

LV. Так вот, рассказывая об этом с обильными слезами — не притворными и лживыми, но искренними, — сей муж, выдающийся достоинством и возраста, и доблести, увидел, что сенат взволнован его словами, и уже с уверенностью стал излагать окончание своей речи: «Но если некоторые из вас, сенаторы, — говорил он, — тревожатся, полагая, что вы внесете дурной обычай в государство, если позволите плебсу голосовать против патрициев, и считают, что власть плебейских трибунов, забрав большую силу, ни к чему хорошему не приведет, то пусть они поймут, что их мнение ошибочно и они предположили обратное тому, что следует. 2. Ведь если даже окажется у нашего государства что-нибудь иное причиной его безопасности и того, что оно никогда не лишится свободы и могущества, но сохранит навсегда согласие и единодушие во всем, все же важнейшей причиной будет плебс, приобщенный к государственными делам. И ни одна чистая форма правления, ведающая общественными делами, ни монархия⁶⁵, ни олигархия, ни демократия, но лишь смешанное из всех них устройство, — вот что более всего принесет нам пользу. 3. Ведь каждая из этих форм, изменяясь сама по себе, очень легко скатывается к бесчинствам и беззакониям. Когда же все должным образом смешано, та часть, которая постоянно возмущается и выходит за пределы обычного порядка, сдерживается той, что остается здравомыслящей и неизменной в своих нравах. Так, монархия, ставшая жестокой и своевольной и начавшая преследовать тиранические цели, ниспровергается немногими доблестными мужами. 4. Олигархия же, состоящая из наилучших людей, которой и вы ныне пользуетесь, свертается благоразумным народом, когда она, возгордясь богатством и отрядами сторонников, не обращает никакого внимания на справедливость и прочие добродетели. А народ, сдержанный и правящий по законам, когда начнет своевольничать и поступать противозаконно, получает по заслугам, будучи насильственно подчинен сильной личностью. 5. И вами, сенат, для монархической власти, чтобы она не превратилась в тиранию, найдены все возможные средства: ведь вы — и назначив двух правителей государства вместо одного, и предоставив им занимать эту должность не бессрочное время, но лишь год, — тем не

⁶⁵ В рукописях отсутствует упоминание монархии, хотя ниже говорится и о ней. Здесь и далее излагается известная теория о круговороте форм правления и преимуществах смешанного строя. Эта теория была разработана в трудах, главным образом Аристотеля, Полибия и Цицерона.

мене, выбираете из патрициев их же стражами триста человек, самых лучших и старших, из которых состоит этот сенат. Но над собой, чтобы самим оставаться в надлежащих рамках, вы, кажется, никакого надзора до сих пор не учредили. 6. И что касается вас, я ни в коей мере не испугался, что вы изменитесь к худшему в своих взглядах под влиянием величины и обилия своих богатств, поскольку и от многолетней тирании вы недавно освободили государство, и к тому же еще не имели из-за непрерывных и длительных войн свободного времени, чтобы стать надменными и своенравными. Но относительно тех, кто будет после вас, я, сознавая, сколь большие перемены несет долгий век, опасаясь, как бы влиятельные члены сената, внося какие-нибудь изменения, не преобразовали тайком общественный строй в тираническое единовластие.

LVI. Следовательно, если даже вы разделите с плебсом управление государством, то для вас здесь не будет никакого зла. Но тот, кто стремится превосходить остальных и объединится в сенате с желающими участвовать в его страстях⁶⁶ и преступлениях, — ведь, обсуждая вопросы, касающиеся государства, нужно предвидеть все вероятные случаи, — этот важный и величавый человек, вызванный трибунами к плебсу, даст отчет народу, простому и скромному, и в том, что делает, и в том, что замышляет, и если окажется виновен, то подвергнется наказанию, которого заслуживает. 2. А за самим народом, чтобы не своевольничал, получив в свое распоряжение столь большую власть, и не боролся с лучшими гражданами, соблазненный демагогией худших, — ведь именно среди черни обычно рождается тирания, — будет надзирать и не допустит никаких противозаконных деяний человек, отличающийся умом, избранный вами диктатором. Он, пользуясь неограниченной и неподотчетной властью, изгонит нездоровую часть граждан и не позволит причинить вред той, что еще не испорчена, исправит наилучшим образом привычки, обычаи и жизненные стремления сограждан и назначит тех должностных лиц, которые, по его мнению, будут наиболее разумно управлять общественными делами. И осуществив это в пределах шести месяцев, он снова станет частным лицом, получив за все одно лишь уважение и ничего другого. 3. Итак, обдумав это и признав данную форму правления наилучшей, ни от чего не устраняйте плебс, но так же, как вы уступили ему право назначать должностных лиц, ежегодно руководящих государством, утверждать либо отменять законы и решать вопросы войны и мира, что является самым значимым и важным из общественных дел, и ни в чем из этого не наделили сенат безраздельной властью, — таким же образом дайте плебсу участие и в суде, и особенно над теми, кто обвиняется в преступлениях против государства, то есть над теми, кто вносит смуту, стремится к тирании, ведет переговоры с врагами об измене или пытается совершить какое-нибудь другое злодеяние такого же рода. 4. Ведь чем страшнее вы сделаете для дерзких и алчных преступать законы и нарушать обычаи, назначив

⁶⁶ Конъектура Райске (Reiske). Во всех рукописях: «замыслах».

для надзора за ними много глаз и стражей, тем в лучшем положении будут у вас общественные дела».

LVII. Высказав это и тому подобное, Валерий закончил речь. Остальные же сенаторы, выступавшие после него, за исключением немногих, присоединились к его мнению. И когда следовало уже записывать предварительное постановление, Марций, попросив слова, сказал: «Все вы, сенаторы, знаете, каким я оказался для общества, и что из расположения к вам я очутился в такой опасности, и что я встретил не соответствующее моим ожиданиям отношение к себе с вашей стороны, — и еще лучше узнаете, когда действия против меня получат завершение. 2. Но, поскольку одерживает верх мнение Валерия, пусть это принесет вам пользу, и я окажусь плохим предсказателем будущего. А чтобы и вы, составляя предварительное постановление, знали, из-за чего вы должны выдать меня народу, и я не был в неведении, по какому поводу буду защищаться, прикажите-ка плебейским трибунам сказать в вашем присутствии, что это за преступление, в котором они собираются меня обвинять, и какое название они определяют судебному процессу».

LVIII. Несомненно, он говорил так, полагая, что будет привлечен к ответственности за речи, которые произнес в сенате, и желая, чтобы плебейские трибуны признали, что они намерены предъявить ему именно это обвинение. Однако трибуны, посоветовавшись между собой, обвинили его в тайном стремлении к тирании и велели явиться, чтобы оправдаться в этом: они не хотели свести обвинение к одному пункту, и притом ненадежному и неприемлемому для сената, но добивались для себя возможности обвинять в чем угодно и рассчитывали, кроме того, лишить Марция поддержки со стороны сенаторов. Тогда Марций сказал: «Ну что же, если лишь по этому поводу меня станут судить, я сам себя отдаю на суд плебеям, и пусть ничто не будет препятствовать записи предварительного постановления». 2. Но и большинству сенаторов пришлось по душе, что суд состоится по этому обвинению, — в силу двух причин: и поскольку не будет поставлено в вину говорить перед сенаторами, что думаешь, и поскольку Марций, живший скромной и безупречной жизнью, легко защитится от клеветы. 3. После этого записывают предварительное постановление по поводу суда, и Марцию устанавливается срок до третьего рыночного дня⁶⁷ для подготовки защиты. А рыночные дни у римлян, как и вплоть до наших времен, приходились на каждые девятые сутки⁶⁸. Именно в эти дни плебеи, сходясь из деревень в город, обменивались товарами, улаживали в суде тяжбы друг с другом, решали голосованием

⁶⁷ Это было обычной римской практикой: между объявлением о каком-либо общественном деле и голосованием по его поводу на народном собрании должно было пройти три рыночных дня (*trinundinum*). Учитывая римскую практику считать временные интервалы включительно, этот период должен был охватывать две римские недели по восемь дней, но, возможно, и три.

⁶⁸ У римлян — нундины («девятые дни»), т.е. последние дни их восьмидневных недель, считая включительно.

общественные дела, над которыми они имели власть согласно законам, и те, которые поручал им сенат. Семь же дней между рыночными они проводили в полях, поскольку многие были бедняками и жили собственным трудом. 4. А как только плебейские трибуны получили предварительное постановление, они, выйдя на Форум, созвали народ на собрание, где, отозвавшись с большой похвалой о сенате, огласили его решения и назначили день, когда они намеревались устроить суд, на который просили явиться всех граждан, чтобы вынести решение по важнейшим вопросам.

LIX. Когда же это стало общеизвестным, плебеи и патриции начали с большим усердием готовиться: одни — чтобы наказать самого своенравного согражданина, а другие — чтобы борец за аристократию не попал в руки врагов. И обеим сторонам казалось, что в том споре подвергаются опасности все их притязания на жизнь и свободу. Когда же третий рыночный день настал, толпа из деревень, какой до того еще не бывало, собравшись в городе, уже на рассвете начала занимать Форум, а плебейские трибуны стали созывать плебс на трибутное собрание, отгородив веревкой те участки на площади, на которых должны были порознь расположиться трибы. 2. И вот тогда впервые у римлян состоялось народное собрание по трибам, голосующее по поводу отдельного человека, хотя патриции, конечно, упорно сопротивлялись, дабы этого не случилось, и требовали созвать собрание по центуриям, как у них было установлено предками. Ведь в прежние времена, когда народ должен был голосовать по тому или иному вопросу из тех, что поручал сенат, консулы созывали центуриатное собрание, предварительно исполнив священнодействия⁶⁹, которые предписывает им обычай, и вплоть до нашего времени некоторые из них еще совершаются. 3. А собирался народ на Марсовом поле перед городом, построенный под командованием центурионов⁷⁰ и под боевыми значками, как на войне, и подавали граждане голоса, получив разрешение, не все вместе, но каждый со своей центурией, когда консулы приглашали ее. Всего же имелось сто девяносто три центурии, и они были разделены на шесть разрядов. Первым приглашался и голосовал разряд, который состоял из лиц, имевших наибольший имущественный ценз и в сражениях занимавших передний ряд. У них было восемнадцать центурий всадников и восемьдесят — пехотинцев. 4. Вторым голосовал разряд из тех, кто уступал первым по своим жизненным средствам и в бою занимал следующий ряд, и вооружение имел не такое же, как у передовых воинов, но худшее. Эта толпа была организована в двадцать центурий, к ним же добавлялись две центурии плотников и кузнецов и другие, сколько их было, ремесленники военных специальностей⁷¹. Приглашаемые для

⁶⁹ Перед началом центуриатного собрания созвавший его магистрат осуществлял ауспиции (гадание по птицам, в данном случае по их полету). Кроме того, совершались жертвоприношения и возносились молитвы в присутствии понтификов, авгуров и других жрецов.

⁷⁰ Центурион — командир центурии (сотни), назначался из опытных солдат.

⁷¹ Ливий (I. 43. 3) отнес две центурии ремесленников к первому разряду, как и Цицерон (О государстве. II. 39), но у последнего одна центурия ремесленников.

голосования в третьем разряде составляли также двадцать центурий, но ценз имели меньше вторых и место в строю — вслед за ними, и оружие носили не равное оружию тех, кто впереди них. 5. А приглашаемые после них имели еще меньший имущественный ценз и место в бою занимали более безопасное, и вооружением обладали более легким. Были и они разделены на двадцать центурий, и к ним же присоединялись две центурии горнистов и трубачей⁷². Пятым приглашали разряд, состоявший из тех, чье имущество было оценено совсем низко, а оружием их были дротики и пращи. Они не имели места в фаланге, но, легковооруженные и подвижные, придавались тяжеловооруженным воинам, будучи разделены на тридцать центурий. 6. А самые неимущие из граждан, которых было не меньше всех остальных, голосовали последними, составляя только одну центурию. Они были свободны и от военной обязанности, и от налогов, вносимых согласно цензу, и в силу обоих этих обстоятельств пользовались наименьшим уважением при голосовании. 7. Так вот, если среди первых центурий, куда входили всадники и те из пехоты, кто занимал в сражениях передний ряд, девяносто семь центурий были одного и того же мнения, то голосование прекращалось, и остальным девяносто шести центуриям голосовать уже не предлагали⁷³. Если же этого не случалось, то приглашался второй разряд из двадцати двух центурий и третий, и так происходило до тех пор, пока одинаковое мнение не выскажут девяносто семь центурий. 8. И многие спорные вопросы получали решение при голосовании первых разрядов, так что в последних уже не было никакой нужды. Редко ведь встречался какой-нибудь вопрос настолько неясный, чтобы дело дошло до последнего голоса беднейших граждан — и это было вроде знамения, чтобы причиной перевеса в ту или иную сторону, когда первые сто девяносто две центурии разделились поровну, стал добавленный к ним последний голос⁷⁴. 9. Поэтому сторонники Марция требовали созвать именно такое собрание на основе ценза, полагая, что он, возможно, будет оправдан при голосовании первого разряда девяносто восемь центуриями, а если все же нет, — то второго или третьего. Однако плебейские трибуны, подозревая это и сами, считали, что созвать следует трибутное собрание и его наделить властью в судебном процессе, чтобы и бедные не были в худших условиях по сравнению с богатыми, и легковооруженные не занимали положение менее почетное, чем тяжеловооруженные, и плебейской массе, оттесненной в конец голосования, не был тем самым закрыт доступ к равенству, но чтобы все они, став равными друг другу в праве голоса и в почете, проголосовали по трибам одновре-

⁷² Ливий (I. 43. 7) относит их к пятому разряду и добавляет третью центурию легковооруженных запасных (так называемых акцензов).

⁷³ Каждая центурия имела один голос, который определялся голосованием внутри нее.

⁷⁴ Эта центуриатная система, согласно античной традиции, была установлена реформами шестого римского царя Сервия Туллия. Более подробно Дионисий пишет о ней в рассказе об этом царе (IV. 16–21). Ср.: Ливий. I. 43; Цицерон. О государстве. II. 38–40.

менно⁷⁵. 10. И они, полагая, что суд народа должен быть именно общенародным, а не олигархическим, и решение по поводу преступлений против общества — быть общим для всех, выглядели более справедливыми в своих требованиях, чем другая сторона.

LX. Когда же патриции и это с трудом уступили им, и нужно было начинать судебный процесс, первым поднялся Минуций, один из двух консулов, и сделал заявление, которое поручил ему сенат. Во-первых, он стал напоминать о всех благодеяниях, которые плебс получил от патрициев, затем просить, чтобы взамен многих прекрасных дел была оказана по их просьбе одна нужная от плебса милость ради общего блага граждан. 2. А кроме того, он прославлял согласие и мир, отмечая при этом, источником сколь большого счастья для государств является каждое из них, и порицал распри и междоусобные войны, из-за которых, указывая он, уничтожены многие города вместе со всеми жителями и погибли целые народы. И он призывал не предпочитать худшее лучшему, поддавшись гневу, но смотреть на будущее со здравым расчетом и при обсуждении важнейших вопросов не использовать в качестве советников самых негодных из граждан, но лишь тех, кто кажется им наилучшими, от кого, как они знали, и во время мира, и во время войн родина получила много пользы, кому несправедливо было бы не доверять, словно они изменили свои нравы. 3. Однако сутью всех его слов было одно — чтобы они не подали ни единого голоса против Марция, но в особенности, чтобы от наказания его освободили ради него самого, помня, каким он оказался по отношению к общественным делам и сколько войн за общую свободу и первенство благополучно завершил, и что они поступят и неблагочестиво, и несправедливо, и недостойно самих себя, питая к нему злобу за негодные слова, а за прекрасные деяния благодарности не испытывая. 4. И к тому же, мол, данный момент удачен для прощения, ибо все же Марций сам явился, предоставляя себя в распоряжение противников и соглашаясь терпеливо перенести то, что они решат насчет него. Если же они не могут примириться с ним, но настроены сурово и непреклонно, тогда, обратив внимание, что просить за него пришел сенат — триста человек, лучших в отечестве, — пусть плебеи стерпят как-нибудь и смягчат свое отношение, и ради наказания одного врага не отвергнут просьбу стольких друзей, а, напротив, из расположения ко многим хорошим людям пренебрегут судом над одним человеком. 5. Сказав это и тому подобное, в конце он прибавил мысль о том, что, если они оправдают Марция, проведя голосование, то будет казаться, будто его освободили, поскольку он никакого вреда народу не причинил, а если воспрепятствуют суду состояться, то предстанут благодетелями тех, кто просил за него.

LXI. Когда же Минуций умолк, плебейский трибун Сициний, выступив, заявил, что ни он сам не предаст свободу плебеев, ни другим сознательно не позволит предать

⁷⁵ На трибунном народном собрании граждане голосовали по территориальным подразделениям (трибам), где каждая триба имела один голос. Никаких иных различий между гражданами здесь не улавливалось.

ее, однако, если действительно патриции предоставляют этого человека на суд плебеям, то голосование по поводу него он проведет, но ничего иного, кроме этого, не сделает. 2. Вслед за тем выступил Минуций и сказал: «Поскольку вы, плебейские трибуны, добиваетесь, чтобы голосование по поводу Марция непременно состоялось, то ни в чем, помимо предъявленного обвинения, его не обвиняйте, но, так как вы привлекли его к ответственности за то, что он стремится к тирании, показывайте именно это и насчет этого приводите доказательства. Слова же, что он сказал перед сенатом против народа, которые вы ставите ему в вину, не вспоминайте и за них не упрекайте. Ведь сенат постановил освободить его от этого обвинения и счел справедливым, чтобы он предстал перед народом на определенных условиях». И после этого Минуций огласил предварительное постановление. 3. Итак, высказавшись и призвав всех в свидетели, он сошел с возвышения. Первым же из плебейских трибунов обвинение очень тщательно и продуманно изложил Сициний, приписывая подготовке тирании все, что Марций постоянно делал или говорил против народа. Вслед за ним высказались самые влиятельные из плебейских трибунов.

LXII. Когда же слово получил Марций⁷⁶, он, начав издали, с ранней юности, перечислил, в скольких походах участвовал во имя отечества и скольких победных венков⁷⁷ удостоился от полководцев, а также перечислил взятых им в плен врагов и спасенных в сражениях соотечественников. И для каждого сообщаемого случая он предъявлял награды, приводил в свидетели военачальников и называл по именам спасенных им граждан. 2. Они также выступали, плача и умоляя сограждан не погубить как врага того, кто их спас, прося одну жизнь взамен многих и предлагая самих себя вместо него подвергнуть тому, что тем угодно. А большинство среди них были плебейского происхождения и весьма полезные обществу. Народ, воспринимая со стыдом их внешний вид и просьбы, тоже принялся сетовать и плакать. 3. С другой стороны, и Марций, разорвав на себе одежду, показал грудь, покрытую ранами, и все другие части тела, также испещренные шрамами, и спросил, считают ли они, что спасать граждан во время войн и губить их, спасенных, в мирное время — это действия одних и тех же лиц, и изгоняет ли кто-нибудь, подготавливая тиранию, из отечества простой народ, благодаря которому тирания более всего взращивается и вскармливается. Но еще когда он говорил, все, сколько было среди плебейской части населения честных и порядочных людей, стали кричать, чтобы Марция оправдали, воспринимая как позор, что вообще был привлечен к суду по такому обвинению

⁷⁶ Ливий утверждает, что Кориолан не присутствовал на суде. См.: *Ливий*. II. 35. 6.

⁷⁷ В римской армии сложилась развитая система поощрений, включавшая наградные венки за доблесть: тому, кто взойдет первым на вал вражеского лагеря, стену города или корабль противника, вручался венок из золота; спасшему согражданина — дубовый венок, весьма высоко ценившийся. Чрезвычайно редким был венок из травы — тому, кто спас целое войско.

человек, столько раз пренебрегавший собственной жизнью ради всеобщей безопасности. 4. Те же, кто по природе был злобен, непорядочен и склонен ко всякому мятежу, досадовали из-за необходимости оправдать его, но не знали, как бы им поступить иначе, поскольку не находили никакого явного подтверждения попытки установления тирании, по поводу чего взялись голосовать.

LXIII. Увидев это, Деций, тот самый, кто и речь произнес в сенате, и обеспечил запись предварительного постановления по поводу суда, поднялся и, повелев замолчать, сказал: «Поскольку, плебеи, за слова, сказанные Марцием в сенате, и за насильственные и надменные дела, явившиеся их следствием, патриции оправдывают его и нам также не позволяют обвинять, то послушайте, какое у вас другое деяние, помимо слов, благородный этот человек, оказывается, совершил, сколь своевольное и тираническое, и узнайте, какой ваш закон он упразднил, сам будучи частным лицом. 2. Все вы, конечно, знаете, что военная добыча, которую нам удастся захватить благодаря доблести, является, как предписывает закон, общественной и право распоряжаться ею не получает не только какое-нибудь частное лицо, но даже сам военачальник⁷⁸. Квестор⁷⁹ же, приняв ее, продает и деньги вносит в казну. И данный закон, с тех пор, как мы живем в этом городе, не только никто не нарушил, но даже не упрекнул, что он не хорош. Однако этот вот Марций, первый и единственный, пренебрег им, хотя он существовал и сохранял свою силу, и счел справедливым присвоить себе нашу, плебеи, общую добычу — в прошлом году, совсем недавно⁸⁰. 3. Ведь когда вы совершили набег на землю анциатов и захватили много пленных, скота, зерна и много другого имущества, он ни квестору это не предъявил, ни сам не продал и не внес деньги в казну, но всю добычу разделил и подарил своим друзьям. Я утверждаю, что это деяние, несомненно, есть доказательство подготовки тирании. Как же иначе?! Он из общественных средств оказывает благодеяния своим льстецам, телохранителям и соучастникам замышляемой тирании. И я считаю, что это явное нарушение закона. 4. Так вот, пусть Марций, выступив, заявит одно из двух: или что он не разделил среди своих друзей добычу, которую захватил в неприятельской стране, или что, поступая так, он не нарушает закон. Ни то, ни другое он не сможет сказать в вашем присутствии. Ведь вы сами знаете оба обстоятельства —

⁷⁸ Это утверждение не вполне верно. В республиканском Риме главнокомандующий имел весьма значительные права в отношении своей воинской добычи (*manubiae*). Он мог сдать ее в казну, а мог всю или часть разделить среди воинов: имело место и недовольство воинов скупым полководцем. Часть добычи он оставлял себе, правда, эта доля в основном шла на общественные нужды — строительство храмов, иных сооружений, устройство игр и т. п. Ситуация регулировалась обычаями и общественным мнением, но не законом.

⁷⁹ Квесторы — первоначально их было двое, но постепенно число достигло сорока (при Цезаре). Их задачей было проведение исследований по уголовным делам, но вскоре они приобрели функции государственных казначеев.

⁸⁰ См.: Дионисий. VII. 19.

и закон, и случившееся, — и невозможно в случае его оправдания считать ваше решение справедливым и соответствующим клятвам. Итак, оставив венки, награды за доблесть, раны и прочие рассказы, насчет этого поведай, о Марций: я же немедленно передаю тебе слово».

LXIV. Это обвинение произвело большую перемену настроения в обратную сторону. Ведь те, кто был почестнее и прилагал старания для оправдания Марция, услышав это, стали уступчивее, а все злонравные, что составляли преобладающую часть плебса, всячески, конечно, старавшиеся погубить Марция, еще больше ободрились в этом стремлении, получив важное и явное основание для обвинения. 2. Ибо действительно имела место раздача добычи, случившаяся, однако, не по злой воле и не с целью подготовки тирании, как обвинял Деций, но исключительно из наилучших побуждений и ради исправления угнетавших общество зол. А именно, когда плебс еще бунтовал и был врозь с патрициями, в ту пору враги, исполнившись презрения, начали совершать набеги на римские земли и непрерывно разорять их. И всякий раз как сенат принимал решение отправить войско, чтобы воспрепятствовать этому, никто из плебеев не шел в поход, напротив, они радовались и не обращали внимания на происходящее, сил же патрициев самих по себе было недостаточно для сражения. 3. Увидев это, Марций пообещал консулам, что, если они предоставят ему командование, он поведет на врагов войско из добровольцев и быстро тех накажет. А получив полномочия, он стал созывать клиентов, друзей и из прочих граждан тех, кому хотелось приобщиться к военному счастью полководца и его доблести. Когда же Марций решил, что собрался достаточный отряд, он повел его против врагов, находившихся в полном неведении. 4. Итак, вторгшись на их территорию, где было много всякого добра, и завладев богатой добычей, он позволил воинам все захваченное разделить между собой, чтобы принявшие участие в предприятии, получив плоды своих трудов, охотно являлись в последующие походы, а воздержавшиеся, поразмыслив, сколько благ они упустили из-за мятежа, хотя у них имелась возможность получить долю, стали разумнее в отношении будущих походов. 5. Вот каким было намерение Марция в этой истории, но из-за болезненной злобы и зависти недоброжелателей, рассматриваемый сам по себе, поступок выглядел некоего рода заискиванием перед народом и подкупом, ведущим к тирании. Так что вся площадь была наполнена криком и шумом, и ни Марций не знал, что по этому поводу привести в свое оправдание, ни консул, и никто другой, поскольку, без сомнения, им было предъявлено невероятное и неожиданное обвинение. 6. А так как никто более не стал выступать в его защиту, плебейские трибуны предложили трибам голосовать, определив в качестве наказания в судебном деле пожизненное изгнание, как я полагаю, из опасения, что к смерти он вряд ли будет приговорен. Когда же все проголосовали, то при подсчете голосов разница оказалась небольшой. Ведь из имевшихся тогда двадцати одной трибы, которым и было предложено голосовать, за свое оправдание Марций получил голоса девяти триб, так что если бы две трибы

присоединились к нему, то вследствие равенства голосов он был бы оправдан, как требовал закон⁸¹.

LXV. Это был первый в отношении патриция вызов на суд к народу. И с того времени у получавших впоследствии руководство плебсом установился обычай вызывать тех из граждан, кого считали нужным, чтобы подвергнуть их суду перед плебсом. И начав с этого, народ сильно возвысился, тогда как аристократия лишилась многого из старинного авторитета, предоставляя плебейам членство в сенате, разрешая добиваться должностей, не препятствуя получать руководство священнодействиями и остальное сделав общим для всех из того, что было самым почетным и исключительным правом только патрициев⁸², — одно в силу необходимости и поневоле, а другое вследствие предусмотрительности и мудрости, о чем я расскажу в подходящее время. 2. Конечно, этот обычай — вызывать власть имущих в государстве на суд, распорядителем которого становился народ, — может дать много поводов для высказываний желающим его хвалить или хулить. Ведь уже много прекрасных и добрых людей испытали недостойную своей доблести судьбу, позорно и бесславно лишившись жизни по вине плебейских трибунов. Но многие своевольные граждане, поведением подобные тиранам, вынужденные дать отчет за свой образ жизни и нравы, понесли подобающие наказания. 3. Поэтому, когда решения принимались из наилучших побуждений и по праву укрощалась гордыня людей могущественных, тогда учреждение это выглядело чем-то великим и замечательным и всеми одобрялось, но когда доблесть человека, хорошо управлявшего общественными делами, став предметом зависти, несправедливо каралась, то остальным становилось ясно, что это нечто ужасное, и те, кто положил начало обычаю, порицались. И римляне, много раз обсуждая, следует ли упразднить этот обычай или сохранять таким, каким унаследовали от предков, не приходили ни к какому окончательному решению. 4. Если же нужно и мне самому высказать свое мнение по поводу столь важных вопросов, то мне кажется, что рассматриваемый сам по себе обычай полезен и совершенно необходим римскому государству, а лучше и хуже он становится соответственно нравам плебейских трибунов. Ведь когда эту власть получали мужи праведные и благоразумные, полагающие общественные интересы важнее собственных, тогда совершивший преступление против общества нес наказание, какое следовало, и внушал своим примером большой страх тем, кто был готов поступать точно так же, а добропорядочный гражданин, с наилучшими намерениями приступавший к общественным делам, не привлекался к постыдному суду и не подвергался обвинениям, несоответствующим его образу жизни. 5. Когда же дурные, разнузданные и алчные люди получают столь большую власть,

⁸¹ Неясно, о каком равенстве говорит Дионисий при нечетном числе триб. Ту же самую цифру в 21 трибуна дает и Ливий (II. 21. 7; ср. VI. 5. 8).

⁸² Речь идет о политических правах, завоеванных плебеями в ходе сословной борьбы, продолжавшейся до 287 г. до н.э.

тогда происходит обратное этому. Так что не обычай следовало исправлять как ошибочный, но следить, чтобы мужи прекрасные и достойные становились предводителями плебса и величайшие права не предоставлялись наобум случайным людям.

LXVI. Итак, первая распря, обрушившаяся на римлян после изгнания царей, имела такие вот причины и завершилась таким результатом. Затянул же я рассказ об этом для того, чтобы кто-нибудь не удивился, как патриции решились сделать плебс главой столь большой власти, хотя не было ни резни лучших граждан, ни изгнания, что, например, имело место во многих других государствах. Ведь при необычных сообщениях каждый стремится узнать причину и полагает доказательство достоверности в ней одной. 2. Соответственно, рассуждал я, моему повествованию будет значительно и даже полностью не хватать этой достоверности, если я скажу только, что патриции отдали плебеям собственную власть и, хотя они могли жить при аристократии, позволили народу распоряжаться величайшими делами, а по каким причинам эти уступки были сделаны, — обойду молчанием. Поэтому я подробно изложил все побуждения. 3. И поскольку они совершили преобразования, не оружием заставив и вынудив друг друга, но убедив словами, то я подумал, что более всего необходимо передать их речи, которые тогда произнесли вожди обеих сторон. Я ведь могу лишь удивиться, что некоторые полагают необходимым тщательно излагать только военные события и, случается, тратят много слов по поводу одного сражения, описывая характер местности, особенности вооружения, способы построения, обращения полководцев и прочее, что явилось причиной победы для тех или других, а рассказывая о гражданских волнениях и мятежах, не считают нужным сообщать речи, благодаря которым свершились необычайные и удивительные дела. 4. Ведь если и есть в римском государстве что-нибудь весьма похвальное и достойное подражания всеми людьми, вернее же, самое блестящее, превосходящее все многочисленные имевшие место замечательные деяния, им, по моему мнению, стало то обстоятельство, что и плебеи не напали на патрициев, исполнившись к ним презрения, и не забрали после нещадной резни лучших граждан все их имущество, и, с другой стороны, уважаемые люди, собственными ли силами или воспользовавшись чужеземной помощью, не погубили весь плебс, чтобы затем безбоязненно жить в городе. 5. Напротив, обсуждая вопросы равенства и справедливости как братья с братьями или дети с родителями в благоразумной семье, свои споры они улаживали уговорами и доводами, но никакого непоправимого или нечестивого поступка друг против друга не осмелились содейть, что, например, совершили и керкиряне во время смуты, и аргиевляне, и милетцы, и вся Сицилия, и многие другие государства⁸³. Именно поэтому я пред-

⁸³ Ожесточенные гражданские столкновения на острове Керкира у западного побережья Балканской Греции имели место в 427–425 гг. до н.э. в ходе Пелопоннесской войны (431–404 гг. до н.э.), самого мощного внутригреческого конфликта. См. их описание у Фукидида (III. 70–85; IV. 46–48). В 371 г. до н.э. в Аргосе (полуостров Пелопоннесе) толпа забила палками 1200 или 1500 состоятель-

почел сделать свой рассказ скорее более тщательным, чем кратким, а каждый пусть судит, как хочет.

LXVII. Ну а тогда, после того как судебный процесс получили такой исход, плебс расходился с собрания, воспылав безрассудной гордостью и полагая, что сокрушили аристократию, патриции же — понурые и удрученные, обвиняя Валерия, послушавшись которого, они предоставили плебсу право суда. И раздавались рыдания и слезы у тех, кто жалел Марция и провожал его до дома. 2. Но не заметили, чтобы сам Марций стал жаловаться на свою судьбу и оплакивать ее, либо сказал или сделал что-нибудь иное недостойное величия его души — вообще ничего. А еще большее благородство и твердость духа он проявил, когда пришел домой и увидел, как жена и мать раздрают от горя свои одежды, бьют себя в грудь и выкрикивают то, что естественно произносить в таких случаях женщинам, разлучаемым смертью или изгнанием с самыми близкими им родственниками. 3. Ибо он совсем не был тронут слезами и стенаниями женщин, но, лишь поприветствовав их и призвав стойко переносить горести, поручил им сыновей (старший ведь из детей был десяти лет от роду, а младший еще младенцем). Никакой же другой ласки не оказав и не распорядившись насчет того, что ему потребуется в изгнании, он поспешно отправился к воротам, никому не сообщив, куда намерен уйти.

LXVIII. А немногими днями позже наступило время избрания должностных лиц, и народ назначил консулами Квинта Сульпиция Камерина и во второй раз Спурия Ларция Флава⁸⁴. Но какие-то постоянные тревоги охватывали граждан вследствие ниспосылаемых божеством знамений. Ведь многим являлись необычные видения и слышались голоса, хотя никакого источника звука не было; сообщали о рождениях людей и скота, заметно выходивших за пределы, соответствующие природе, вплоть до невероятного и диковинного; во многих местах оглашались оракулы и одержимые прорицаниями женщины предсказывали городу горестные и ужасные судьбы. 2. Население к тому же поразила какая-то заразная болезнь и погубила много скота, смертность людей, однако, оказалось небольшой, а беда ограничилась болезнями. Так вот, одним казалось — это случилось по воле бога, негодующего, что лучшего гражданина изгнали из отечества, а другим — что из происходящего ничто не является делом божества, но случайны и эти, и все остальные человеческие несчастья. 3. Позже на заседание сената прибыл некий больной, доставленный на носилках, по имени Тит Латиний⁸⁵, человек пожилой и владелец достаточного состояния, но

ных граждан по обвинению в антидемократическом заговоре. В Милете на западном побережье Малой Азии внутренние распри сопровождали становление гражданской общины в VI в. до н.э. Многочисленные столкновения внутри сицилийских городов не позволяют точно определить, что имел в виду Дионисий.

⁸⁴ 490 г. до н.э. В рукописях ошибочно «Сергий» вместо «Спурий». Его первое консульство было шестнадцать лет назад (*Дионисий*. V. 36).

⁸⁵ Во всех рукописях: «Латин».

живший собственным трудом и большую часть жизни проводивший в деревне. Вне-сенный в сенат, он сообщил, что ему показалось, будто Юпитер Капитолийский⁸⁶ явился во сне и сказал ему: «Иди, Латиний, и поведай согражданам, что они пред-ставили мне негодного ведущего плясуна недавней процессии, — пусть они вновь посвятят мне праздник и повторяют его с самого начала, ибо этот я не принял». 4. И он рассказал, что, пробудившись, не придавал никакого значения видению, но посчитал его одним из многочисленных ложных снов. Затем, вновь явившись ему во сне, тот же самый призрак бога сердился и негодовал из-за того, что он не доложил прика-зания сенату, и угрожал, что если он быстро этого не сделает, то познает большую беду, чтобы не пренебрегал божественными повелениями. Однако, увидев и второй сон, сказал Латиний, насчет него он пришел к тому же самому мнению, и вместе с тем он, старый человек, живущий собственным трудом, со стыдом отнесся к пору-чению излагать перед сенатом сны, полные предсказаний и страхов, чтобы помимо прочего не навлечь на себя насмешек. 5. А несколько дней спустя его сын, молодой и красивый, внезапно умер, унесенный не болезнями и не какой-нибудь другой видимой причиной. И опять явившись во сне, призрак бога сообщил, что за пре-небрежение и презрение к его словам он уже понес одно наказание, лишившись сына, а другим подвергнется немного позже. 6. Но, рассказывал Латиний, услышав это, он принял известие с радостью, если к нему, уже равнодушному к жизни, должна прийти смерть. Однако бог возложил на него не это наказание, но наслал на все члены тела невыносимые, ужасные страдания, так что ни одной своей частью он не мог пошевелить без крайнего напряжения. Тогда-то он сообщил о случившемся друзьям и по их совету прибыл в сенат. Так вот, во время рассказа об этом ему стало казаться, что он понемногу избавляется от болей, и когда он все изложил, то, встав с носилок и громко призвав бога, ушел домой через город здоровым на собственных ногах.

LXIX. Сенат же преисполнился страха, и все остолбенели, будучи не в состоянии объяснить, что было сказано богом и, в конце концов, что за плясун, шедший впе-реди процессии, показался ему негодным. Затем кто-то из них, вспомнив один слу-чай, рассказывает его, и все засвидетельствовали его истинность. А было вот что. Римский гражданин, не известный, передав своего раба сотоварищам по рабству увести для наказания смертью, чтобы наказание раба стало непременно видно всем, повелел тащить его, бичуя, через Форум и все другие известные места города, пред-шествуя процессии, которую в тот момент город устраивал в честь бога. 2. Те же, кто вел раба на казнь, вытянув обе его руки и привязав их к колодке, тянувшейся вдоль груди и плечей вплоть до запястьев, следовали за ним, хлеща бичами по голому телу. А он, одолеваемый такой мукой, издавал зловещие вопли, которые порождала боль,

⁸⁶ Юпитер Капитолийский — бог-покровитель римского государства, чей храм находился на Капитолии и считался главным римским храмом (освящен в 509 г. до н.э.).

и под ударами совершал безобразные движения. Все признали, что именно он и есть указываемый богом негодный танцор⁸⁷.

LXX. Поскольку же я дошел до этой части своего повествования, то полагаю, что не следует обойти вниманием обряды, исполняемые римлянами по поводу данного праздника, — не для того, чтобы рассказ у меня стал привлекательнее, обретя театральные дополнения и поцветистее описания, но чтобы доказать одно из важных утверждений, а именно, что народы, совместно основавшие город римлян, были эллинами, переселившимися из самых известных мест, а не варварами и бродягами, как считают некоторые. 2. Ведь я обещал в конце первой книги⁸⁸, которую я написал об их происхождении и издал, подтвердить многочисленными свидетельствами это утверждение, приводя в доказательство их старинные обычаи, законы и нравы, которые они сохраняют вплоть до моего времени такими, какими получили от предков. Я не считаю, что тем, кто записывает древние местные истории, достаточно изложить их в заслуживающей доверия манере в том виде, как они узнали их от местных жителей, но думаю, что и этим историям требуются многочисленные неоспоримые подтверждения, если они должны выглядеть достоверными. 3. Среди них, убежден я, первыми и наиглавнейшими из всех доказательств являются обряды, совершаемые в каждом городе при установленном предками почитании богов и божеств. Ведь именно их в течение самого длительного времени сохраняют и Элада, и варварский мир и считают недопустимым вносить сюда какие-либо новшества, удерживаемые страхом перед божественным гневом. 4. Особенно же это изведали варвары по многим причинам, излагать которые в настоящий момент незачем, и никакой ход времени до сих пор не склонил их забыть или нарушить что-нибудь касающееся священнодействий богов, — ни египтян, ни ливийцев, ни галлов, ни скифов, ни индийцев и никакой другой варварский народ вообще, разве только некоторые, оказавшись когда-то под чужой властью, были вынуждены перенять обычаи завоевателей. Однако римскому государству ни разу не пришлось испытать такого рода судьбу, напротив, оно само устанавливает всегда законы для других. 5. Итак, если бы их происхождение было варварским, то сами они были бы весьма далеки от забвения отеческих священнодействий и своих традиций, благодаря которым достигли столь великого процветания, что даже у всех прочих народов, которыми они правили, успешно ввели почитание богов по их собственным, римским, обычаям. И ничто не помешало бы варваризации римлянами всего эллинского мира, который уже седьмое поколение⁸⁹ находится под их властью, если бы они действительно были варварами.

⁸⁷ Историю Тита Латиния см.: *Ливий*. II. 36; *Плутарх*. Гай Марций. 24–25; *Августин*. О граде Божьем. IV. 26.

⁸⁸ *Дионисий*. I. 90. 2.

⁸⁹ Ср.: *Дионисий*. I. 3. 5; III. 69. 6.

LXXI. Конечно, другой бы решил, что и сами совершаемые ныне в городе обряды дают достаточно немаловажных указаний на древние нравы. Но чтобы кто-нибудь не счел это обоснование слабым в силу того неправдоподобного предположения, что, захватив весь эллинский мир, римляне охотно переняли бы лучшие обычаи, отвернувшись от своих собственных, я приведу свидетельство из того времени, когда они еще не имели верховенства над Элладой и даже господства над какой-либо другой заморской территорией, используя авторитет Квинта Фабия⁹⁰ и ни в каком ином ручательстве более не нуждаясь, — ведь он самый древний автор из написавших о римской истории и приводит доказательства не только из числа того, что услышал от кого-то, но также из того, что сам знал.

2. Так вот, этот праздник римский сенат постановил проводить, как и раньше я говорил, в соответствии с обетами, принесенными диктатором Авлом Постумием, когда он собирался вступить в сражение с отпавшими латинскими городами, пытавшимися вернуть к власти Тарквиния⁹¹. А тратить ежегодно на жертвоприношения и состязания сенат назначил пятьсот мин серебра⁹², и столько расходовали на праздник вплоть до Пунической войны. 3. Итак, в эти священные дни много иного происходило по эллинским обычаям — и относительно всенародных празднеств, и приема чужеземцев, и прекращения военных действий, рассказывать о чем было бы долгим делом, — но также и то, что касается торжественного шествия и жертвоприношения, и то, что относится к соревнованиям (достаточно ведь перечислить из этого хотя бы неупомянутое), а именно вот что:

LXXII. Прежде чем начать состязания, те, кто имел высшую власть, устраивали богам процессию, ведя ее от Капитолия и через Форум к Великому цирку⁹³. А во главе процессии первыми шли сыновья римлян, близкие к возмужалости и имеющие возраст, позволяющий участвовать в шествии, — на конях те, чьи отцы обладали цензом всадников, и пешими, кому надлежало служить в пехоте, одни по турмам⁹⁴ и центуриям, а другие по имущественным разрядам и группам, словно отправляясь в школу, — чтобы чужеземцам стал виден цвет государства, что должен возмужать, каков он был, его численность и красота. 2. За ними следовали возницы, погонявшие четырехконные и двуконные колесницы, а также незапряженных лошадей. После них — участники состязаний в легкой и тяжелой атлетике, обнажив все тело,

⁹⁰ Квинт Фабий Пиктор (вторая половина III в. до н.э.) — сенатор, первый римский историк-анналист, изложивший прозой историю Рима с мифических времен по годам правления магистратов. Писал на греческом языке. Его труд пользовался широкой популярностью у последующих историков.

⁹¹ Дионисий. VI. 17. 2. Но об осуществлении обетных игр Дионисий не сообщал.

⁹² Мина — денежная и счетно-весовая единица древней Греции. Афинская мина составляла 436,6 грамма серебра.

⁹³ Великий цирк — место для конных ристаний в долине между Палатинским и Авентинским холмами. Построен, согласно традиции, царем Тарквинием Древним. См.: Дионисий. III. 68.

⁹⁴ Турма (греч. ἄλ) — отряд из 30 всадников.

но закрыв чресла. Этот обычай продолжал сохраняться в Риме и до моего времени, подобно тому как первоначально происходило у эллинов, но в Элладе он был упразднен, и упразднили его лакедемоняне. 3. Ведь первым, кто решился обнажить тело и голым пробежал на Олимпийских играх, был лакедемонянин Аканф на пятнадцатой Олимпиаде⁹⁵. А до этого все эллины стыдились показывать на состязаниях полностью обнаженные тела, как указывает Гомер, являясь самым надежным и древнейшим из свидетелей, изображая героев опоясывающимися. По крайней мере, описывая схватку Аякса и Одиссея, состоявшуюся при погребении Патрокла, он говорит:

*Так опоясавшись оба, выходят бойцы на средину*⁹⁶.

4. И еще более явно он показывает это в «Одиссее» по поводу кулачного боя Ира и Одиссея, в следующих стихах:

*Так он сказал. Женихи согласились. Тогда сын Лаэртот
Рубище снял и себя им, пристойность храня, опоясал.
Тут обнаружались крепкие ляжки, широкие плечи,
Твердая грудь, жиливатые руки*⁹⁷.

А изображая нищего, уже не желающего биться и робеющего, поэт сказал следующее:

*Так говорили они. Обуяла великая трусость
Ира. Его, опоясав, женихи*⁹⁸ *притащили насильно*⁹⁹.

Итак, очевидно, что римляне, соблюдающие до сих пор этот древний обычай, имевшийся у эллинов, не у нас позже познакомились с ним, но даже не изменили его со временем, подобно нам. 5. А за участниками состязаний следовали многочисленные группы плясунов, разделенные на три части: первые — из мужчин, вторые — из юношей, последние же — из мальчиков. Их сопровождали флейтисты, играющие на старинных флейтах, коротких и маленьких, как и вплоть до настоящего времени происходит, и кифаристы, играющие на семиструнных лирах, отделанных слоновой костью, и на так называемых барбитонах¹⁰⁰. У эллинов их употребление, будучи исконным, прекратилось при мне, у римлян же сохраняется при всех древних жертвоприношениях. 6. Снаряжением танцоров были пурпурные туники, стянутые бронзовыми воинскими поясами, мечи, привешенные сбоку, копья, короче средних, а у взрослых мужчин, кроме того, бронзовые шлемы, украшенные замечательными

⁹⁵ 720 г. до н.э.

⁹⁶ «Илиада» здесь и далее дана в переводе Н. Гнедича. См.: Гомер. Илиада. XXIII. 685. Но эта строчка относится к схватке Эпея и Эвриала. Описание начала схватки Аякса и Одиссея находится ниже (XXIII. 710) и несколько отличается от приведенного Дионисием.

⁹⁷ «Одиссея» здесь и далее дана в переводе В. Жуковского. См.: Гомер. Одиссея. XVIII. 66–69.

⁹⁸ Рукописи Гомера дают: «слуги».

⁹⁹ Гомер. Одиссея. XVIII. 75–76.

¹⁰⁰ Барбитон — струнный инструмент, подобный лире.

гребнями и перьями. Во главе же каждой группы шествовал один человек, который задавал остальным фигуры танца, первым изображая воинственные и стремительные движения, обычно в прокелевматических ритмах¹⁰¹. 7. Но, в действительности, эллинским был и этот в особенности очень древний обычай, — а именно: пляска с оружием, называемая «пиррихой», — ведь либо Афина первой начала по поводу истребления титанов¹⁰² водить хороводы и танцевать от радости с оружием в честь победы, либо ее еще раньше ввели куреты¹⁰³, когда, нянча Зевса, хотели развлечь его звоном оружия и ритмическим движением тел, как сообщает предание. 8. Гомер также показывает древность и этого обычая как собственно эллинского, — во многих разных местах, но прежде всего при описании изготовления щита, который, говорит он, Ахиллу подарил Гефест. Ведь, представив на нем два города, один украшаемый благами мира, а другой страдающий от войны, в том, которому назначает лучшую участь, изображает, естественно, праздники, свадьбы, пиры и, в частности, сообщает:

*Юноши хорами в плясках кружатся; меж них раздаются
Лир и свирелей веселые звуки; почтенные жены
Смотрят на них и дивуются, стоя на крыльцах воротных*¹⁰⁴.

9. И, рассказывая затем, что на щите изображен еще один, критский, хоровод из неженатых юношей и девушек, поэт высказался таким образом:

*Там же Гефест знаменитый извил хоровод разнovidный,
Оному равный, как древле в широкоустроенном Кноссе
Выделал хитрый Дедал Ариадне прекрасноволосой.
Юноши тут и цветущие девы, желанные многим,
Пляшут, в хор круговидный любезно сплетая руками*¹⁰⁵.

И, повествуя об украшениях участников хоровода, чтобы показать нам, что мужчины танцевали с оружием, он говорит следующее:

*Тех — венки из цветов прелестные всех украшают;
Сих — золотые ножи на ремнях чрез плечо серебрястых*¹⁰⁶.

¹⁰¹ Прокелевматический размер составлял четыре кратких слога.

¹⁰² Титаны — в греческой мифологии боги второго поколения, порожденные Землей-Геей и Небом-Ураном. Младший из титанов, Кронос, сверг своего отца и стал верховным богом. В свою очередь, он был лишен власти своим сыном Зевсом. Зевсу и его братьям и сестрам (олимпийским богам) пришлось выдержать сражение с титанами, которое длилось, по преданию, десять лет (титаномахия).

¹⁰³ Куреты — в греческой мифологии демонические существа, составлявшие окружение Великой матери богов Реи-Кибелы. Кронос, опасаясь за свою власть, проглатывал своих детей, и лишь Зевса Рея, его мать, сумела спрятать на острове Крит. Куреты нянчили Зевса, заглушая плач младенца ударами мечей по щитам.

¹⁰⁴ Гомер. Илиада. XVIII. 494–496.

¹⁰⁵ Там же. XVIII. 590–594.

¹⁰⁶ Там же. XVIII. 597–598.

А изображая руководителей их пляски, которые начинают первыми и задают ритм остальным, поэт пишет вот что:

*Купа селян окружает пленительный хор и сердечно
Им восхищается; два среди круга их акробата¹⁰⁷,
Пение в лад начиная, чудесно вертятся в середине¹⁰⁸.*

10. Однако не только в воинственной и серьезной пляске этих групп, которой римляне пользовались при жертвоприношениях и шествиях, каждый может увидеть их родство с элинами, но также в пляске насмешливой и шуточной. Ведь после танцоров с оружием в процессии шествовали группы, изображающие сатиров¹⁰⁹, которые показывали эллинский танец сикиннида¹¹⁰. А одеянием у них было: у одних, похожих на силенов¹¹¹, ворсистые туники (некоторые называют их хортаями¹¹²) и накидки из всевозможных цветов, у других же, похожих на сатиров, пояса и козлиные шкуры, на голове — стоящие дыбом гривы волос, и прочее тому подобное. Они высмеивали и передразнивали серьезные движения танца, обращая их в смех. 11. Также и триумфальные въезды показывают, что язвительные шутки на манер сатиров издревле свойственны римлянам. Ведь воинам-победителям было разрешено осмеивать в стихах и выпучивать известнейших людей вместе с самими полководцами, как и участникам торжественной процессии на повозках в Афинах¹¹³. Причем раньше они отпускали шутки в прозе, ныне же поют импровизированные стихотворения¹¹⁴. 12. И также при погребении выдающихся людей я видел идущих перед погребальными носилками (наряду с прочими сопровождающими) танцоров, которые изображали сатиров и плясали танец сикиннида, в особенности же при похоронах людей богатых. А по поводу того, что шутки и танец на манер сатиров не были изобретением ни лигуров¹¹⁵,

¹⁰⁷ В переводе Н. Гнедича — «головохода».

¹⁰⁸ Гомер. Илиада. XVIII. 603–605.

¹⁰⁹ Сатиры — в греческой мифологии демоны плодородия, входившие в свиту бога виноградарства Диониса. Изображались с человеческим телом, но с копытами, лошадиными хвостами и ушами или козьими рожками.

¹¹⁰ Сикиннида — фригийский танец, исполнявшийся в культе малоазиатского божества Сабазия, отождествленного с Дионисом.

¹¹¹ Силены — примерно то же самое, что и сатиры, от которых их зачастую трудно отличить (см. примеч. 109).

¹¹² В переводе употреблено римское название «туника» для обозначения одежды, подобной греческому хитону (см. примеч. 25). «хортаюс» — дословно «относящийся к скотному двору».

¹¹³ Это было частью зимнего праздника в честь Диониса, проходившего в священной местности Ленеи (отсюда и название праздника — Ленеи).

¹¹⁴ Известна непристойная песенка о Цезаре, которую пели солдаты во время его триумфа. См.: *Светоний*. Божественный Юлий. 49.

¹¹⁵ Лигуры — древнейшие племена, в I тыс. до н.э. жившие на северо-западе Апеннинского полуострова. Во II тыс. до н.э. населяли обширную территорию от Пиренеев до Альп, западную часть северной Италии и остров Корсику.

ни умбров, ни каких-либо других варваров, живущих в Италии, но именно эллинов, я боюсь показаться кому-нибудь даже докучливым, желая более многословно доказывать общепризнанный факт. 13. После же этих плясунов¹¹⁶ проходили толпой кифаристы и много флейтистов, а после них те, кто нес кадиланицы, в которых всю дорогу курились благовония и ладан, и те, кто проносили утварь для торжественных процессий, сделанную из серебра и золота, как посвященную богам, так и общественную. А в конце всего в процессии участвовали кумиры богов, переносимые мужчинами на своих плечах, являющие и облик, подобный изображениям, создаваемым у эллинов, и одеяния, и символы, и дары, создателями которых и подателями людям они считаются. Несли статуи не только Юпитера, Юноны, Минервы, Нептуна и прочих, кого эллины причисляют к двенадцати богам¹¹⁷, но и более древних, от которых, как сообщают мифы, произошли эти двенадцать богов, а именно: Сатурна, Опе, Фемиды, Латоны, Парк, Мнемосины¹¹⁸ и всех остальных, чьи храмы и святилища имеются у эллинов, а также тех, кто, согласно мифам, родился позднее, после того как Юпитер получил власть, то есть Прозерпины, Луцины, Нимф, Муз, Гор, Граций, Либеры¹¹⁹, и тех, кто были полубогами и чьи души, покинув смертные тела, как рассказывают, взошли на небо и удостоились тех же почестей, что и боги, — Гермеса, Эскулапа, Диоскуров, Елены¹²⁰, Пана¹²¹ и бесчисленных других. 14. Однако, если те, кто основал Рим и учредил этот праздник, были варварами, то почему им следовало чтить всех эллинских богов и божеств, а унаследованными от предков пренебрегать? Или пусть кто-нибудь укажет нам другое племя помимо эллинского,

¹¹⁶ Дионисий опять возвращается к рассказу о римском празднике.

¹¹⁷ У Дионисия названы следующие греческие боги: Зевс (верховный бог неба), Гера (его жена и сестра, покровительница брака), Афина (богиня мудрости и справедливой войны), Посейдон (бог морей и покровитель коневодства). Это третье поколение богов в греческой мифологии (олимпийские боги).

¹¹⁸ У Дионисия названы следующие греческие боги: Кронос (один из титанов, чье правление ассоциировалось с «золотым веком»), Рея (его жена, отождествленная с ней римская Опе считалась богиней плодородия и урожая), Фемида (богиня правосудия), Лето (мать Аполлона и Артемиды), Мойры (богини судьбы), Мнемосина (богиня памяти, мать муз).

¹¹⁹ У Дионисия названы следующие греческие боги: Персефона (владычица царства мертвых и олицетворение земного плодородия), Илифия (богиня деторождения), Нимфы (божества природы, олицетворявшие различные ее силы и явления), Музы (богини поэзии, искусства и наук), Горы (богини времен года, охранительницы порядка и законности), Хариты (богини плодородия, красоты, радости), Дионис (бог плодоносящих сил природы, покровитель виноградарства и виноделия).

¹²⁰ Упоминание Елены выглядит странным, хотя она получала божественные почести в разных частях греческого мира. Кисслинг предложил Силена, Якоби — Селену.

¹²¹ У Дионисия названы: Геракл (сын Зевса и смертной женщины Алкмены, прославился своими двенадцатью подвигами), Асклепий (сын Аполлона, покровитель врачевания), Диоскуры (братья-близнецы Кастор и Полидевк, покровители всадников), Елена (их сестра, виновница Троянской войны, древнейшее божество растительности), Пан (бог лесов и полей, покровитель пастухов и охотников, входил в свиту Диониса).

для которого названные священнодействия являются отеческими, и тогда пусть отвергает это доказательство как неправильное. 15. А после завершения шествия консулы и те из жрецов, коим дозволено священным законом, тотчас приносили в жертву быков, и способ жертвоприношений был такой же, как у нас. Ведь и сами омыв руки, и жертвы окропив чистой водой и посыпав плоды Деметры¹²² на их головы, а затем помолясь, они тогда лишь приказывали помощникам совершить эти жертвоприношения. И одни из помощников, когда жертва еще стояла, били ей в висок дубиной, а другие, когда она падала, подставляли жертвенные ножи. И после этого, ободрав и разрубив туши, они брали первинки от внутренностей каждой жертвы и от всякой другой части туш и, обсыпав их мукой из полбы, подносили в корзинах совершающим жертвоприношение жрецам. Те же, возложив первинки на алтари, разводили под ними огонь и возливали вино на освящаемые жертвы. 16. А то, что каждый обряд совершался по правилам, установленным для церемонии жертвоприношения элинами, легко узнать из поэзии Гомера. Ведь он выводит героев и руки омывающих, и жертвенный ячмень¹²³ использующих — там, где говорит:

*Руки водой омывают и соль и ячмень поднимают*¹²⁴.

И срезающих волосы с головы жертвы, и возлагающих их на огонь, описывая таким образом:

*Шерсти щепотку сорвав с головы у свиньи светлозубой,
Бросил ее он в огонь*¹²⁵.

И бьющих дубинами в лоб жертвенных животных, и закалывающих в жертву упавших, как изображает при описании жертвоприношения Евмея:

*Тут он ударил свинью сбереженным от рубки поленом;
Замертво пала она, и ее опалили, дорезав*¹²⁶.

17. И беруших первинки от внутренностей и от прочих частей туши, и обсыпая их ячменной мукой, и сожигающих на алтарях, как показывает при том же самом жертвоприношении:

*... и первый из каждой
Части кусок, отложенный на жир для богов, был Евмеем
Брошен в огонь, пересыпанный ячной мукой*¹²⁷.

18. Я знаю из собственных наблюдений, что еще и в мое время римляне именно так поступают при жертвоприношениях. И довольствуюсь вот этим одним доказа-

¹²² Имеется в виду крупного помола мука из поджаренной полбы с солью (*mola salsa*), употреблявшаяся римлянами при жертвоприношениях. Ее готовили жрицы-весталки в течение восьми дней в мае.

¹²³ Употреблялся греками при жертвоприношениях, поджаренный и смешанный с солью (цельный или крупного помола). Им посыпали голову жертвы и алтарь.

¹²⁴ Гомер. Илиада. I. 449.

¹²⁵ Гомер. Одиссея. XIV. 422.

¹²⁶ Там же. XIV. 425–426.

¹²⁷ Там же. XIV. 427–429.

тельством, я убежден, что основатели Рима были не варварами, а элинами, которые сошли из многих мест. Конечно, возможно, что немногие обычаи, касающиеся жертвоприношений и праздников, и некоторые варвары соблюдают подобно элинам, но, чтобы они делали все одинаково, — это невероятно.

LXXIII. Остается же мне еще немного рассказать и о состязаниях, которые устраивали после торжественного шествия. Первыми проходили соревнования в беге четырехконных и двуконных колесниц, а также незапряженных лошадей, как у элинов и в древности на Олимпийских играх, и вплоть до настоящего времени. 2. И в конных состязаниях два обычая из очень древних продолжают соблюдаться римлянами вплоть до моего времени в том же виде, как было установлено изначально. Один — касательно колесниц с тремя лошадьми, который у элинов вышел из употребления, хотя был старинным обычаем героической эпохи, которым, как изображает Гомер, элины пользовались в сражениях. А именно, двух лошадей, запряженных тем способом, каким запрягается парная упряжка, сопровождала третья дополнительная лошадь, привязываемая постромками, которую древние называли пристяжной, поскольку она была пристегнута сбоку, а не запряжена вместе с другими. Другой же обычай, еще сохраняющийся в немногих элинских городах при некоторых древних священнодействиях, — это бег тех, кто сопровождал колесницы. 3. А именно, когда конные состязания подходят к концу, те, кто ехал на колесницах вместе с возницами и кого поэты называют парабатами, афиняне же апобатами¹²⁸, соскакивают с колесниц и сами соревнуются друг с другом в беге на один стадий¹²⁹. Когда же конные скачки завершались, тогда выступали те, кто состязался в силе собственного тела, — бегуны, кулачные бойцы и борцы. Ведь именно эти три вида атлетических соревнований были у элинов в старину, как показывает Гомер при описании погребения Патрокла¹³⁰. 4. А в промежутках между атлетическими соревнованиями римляне показывали типично элинский обычай, самый лучший из всех, награждая венками и публично объявляя о почестях, коими они чтили своих благодетелей, как происходило в Афинах во время дионисовых празднеств¹³¹, и показывая собравшимся на зрелище добычу, которую они захватили на войне. 5. Однако же, как нехорошо было вообще не сделать никакого упоминания об этих обычаях, когда тема требовала, так и не подобало затягивать рассказ больше, чем нужно. Ведь пора возвращаться к прерванному повествованию.

¹²⁸ Парабат — досл.: «тот, кто движется (идет или скачет) рядом». Апобат — досл.: «тот, кто соскакивает (с лошади или колесницы)». Последний термин соответствует латинскому *desultor* (наездник-вольтижер), который перепрыгивал во время скачки с лошади на лошадь.

¹²⁹ Олимпийский стадий составлял 192,28 метра, греко-римский — 176,6 метра.

¹³⁰ Гомер. Илиада. XXIII. 651–797.

¹³¹ Великие Дионисии — ежегодно справлялись шесть дней в марте–апреле в честь бога Диониса. Центральной частью праздника была торжественная процессия, в которой несли древнюю деревянную статую бога. В течение трех дней ставились драматические представления.

Итак, когда от того, кто вспомнил происшествие, сенат узнал обстоятельства касательно раба, отведенного на наказание по приказу господина и оказавшегося впереди торжественной процессии, то понял, что именно его бог называл негодным руководителем танцоров, о чем я говорил. Разыскав владельца, подвергнувшего раба мучениям, и наложив наказание, коего тот заслуживал, сенат постановил устроить в честь бога с самого начала повторную процессию и повторные состязания на вдвое бóльшие средства, чем было раньше.

И таково было свершенное при этих консулах.

Книга VIII

Марций поднимает вольсков против римлян — Нападение вольсков на земли римлян под командованием Марция и Тулла — Тулл одерживает победы над союзными с римлянами городами — Переговоры послов римлян с Марцием о примирении и дружбе — Неприятие сенатом условий перемирия, выдвинутых Марцием — Женщины Рима, во главе с матерью Марция, идут в его лагерь с просьбой за отечество — Обращение матери к сыну — Марций объявляет о своем намерении прекратить войну — Сенат принимает постановление о сооружении храма и тогда впервые женщинами избирается жрица — Дальнейшая судьба Марция. Смерть, выпавшая на его долю — Войны, которые ведут римляне при консулах Гае Аквилли и Тите Сикции — Выступление в поход Прокула Вергиния и Спурия Кассия, принявших консульскую власть — Вольски соглашаются подчиниться Риму, а герники начинают переговоры о мире и дружбе — Кассий, пытаясь расположить побежденные народы в свою пользу, своими действиями поднимает смуту — Решение сената о разделе земли, вынесенное на утверждение народа, гасит разжигаемый бедняками мятеж — Народ выносит Кассию обвинительный приговор — Консулы под благовидным предлогом войны пытаются успокоить возмущенную часть общества — Войны во время правления консулов Луция Эмилия и Цезона Фабия — Новыми консулами объявлены Марк Фабий и Луций Валерий — Объявление консулами нового набора войска — События в военном лагере и в самом Риме — Соперничество при выборах новых консулов. Консулами объявлены Гай Юлий и вторично Квинт Фабий

1. А после них, в семьдесят третью Олимпиаду (на которой в беге победил Астил Кротонский), когда архонтом в Афинах был Анхис, консулами стали Гай Юлий Юл и Публий Пинарий Руф¹, мужи совершенно невоинственные и потому-то, в первую очередь, получившие эту власть от народа. Против своей воли они были ввергнуты во многие великие опасности, из-за которых государство едва не было уничтожено до основания, когда в результате их правления разразилась война. 2. Ведь вышеупомянутый Марций Кориолан², тот самый, что был обвинен в тиранических замыслах и приговорен к пожизненному изгнанию, не смирился с несчастьем и желал отомстить врагам. Размышляя, каким же образом и с помощью какой силы это могло бы произойти, он нашел только одну равную тогда римлянам силу, а именно вольсков, если, конечно, войну с римлянами они начнут по общему решению и с разумным предводителем. 3. Таким образом, Марций полагал, что если сможет убедить вольсков принять его и поручить руководство в войне, то дело свершится у него легко, но его смущало сознание, что весьма часто в сражениях он причинял им страшные бедствия и отнимал союзные города. Все же Марций не откасался из-за величины риска от попытки, но решил отправиться навстречу самим опасностям и все, что бы ни было, от вольсков претерпеть. 4. Итак, дождавшись ночи, и притом темной, он прибыл в Анций, самый известный из городов вольсков, когда жители его ужинали. Войдя в дом могущественного человека, чье имя было Тул Аттий, гордившегося благородством происхождения, богатством и ратными подвигами, часто руководившего всем племенем, Марций, сев у очага³, стал умолять его о помощи. 5. Поведав же Туллу о постигших его бедствиях, из-за которых он решился обратиться к врагам, Марций просил отнестись сдержанно и милосердно к человеку, взывающему о помощи, и более не считать врагом того, кто в его власти, и не выказывать свое могущество на несчастных и униженных, памятуя о том, что людские судьбы не остаются при одних и тех же обстоятельствах. 6. «Ведь ты мог бы, — сказал Марций, — лучше всего познать это на моем собственном примере. Я, который некогда казался самым могущественным из всех в самом великом государстве, ныне, покинутый, лишенный отечества и униженный изгнанник, буду повиноваться тому, что решишь ты, мой враг. Но обещаю тебе, что столько добра сделаю вольскам, став другом вашего народа, сколько зла причинил, будучи врагом. Если же судишь обо мне как-то иначе — тотчас дай волю гневу и даруй мне скорейшую смерть, принеся в жертву молящего о помощи собственной рукой у собственного очага».

¹ 489 г. до н.э. (= 488/487 г. до н.э. по Дионисию).

² См.: *Дионисий*. VI. 92–94; VII. 21–64. О дальнейших событиях, связанных с Кориоланом, см.: *Ливий*. II. 35. 6–8; 37–39; 40. 1–11; *Плутарх*. Гай Марций. 21–39.

³ Очаг — хозяйственный и религиозный центр дома. Являлся олицетворением богини Весты (греч. Гестия), поэтому умоляющим о защите у очага гарантировалась безопасность.

II. Однако, еще когда он произносил эти слова, Тулл, подав правую руку и подняв его от очага, заверил Марция, что ничего недостойного собственной доблести тот не претерпит, а также сказал, что испытывает чувство большой благодарности к Марцию за то, что тот пришел к нему, добавив, что одно это уже является немалой честью. Он обещал также всех вольсков, начиная со своей родины, сделать друзьями Марция и ни в одном из обещаний не обманул. 2. А по прошествии некоторого незначительного времени, посовещавшись между собой, решили мужи, Марций и Тулл, начать войну: Однако Тулл горячо желал со всем войском вольсков немедленно двинуться на Рим, пока тот был охвачен внутренней смутой и имел невоинственных правителей, а Марций полагал необходимым сначала найти благочестивый и справедливый повод для войны. Он указывал, что боги помогают во всех делах, но особенно в тех, которые касаются войн, настолько они важнее остальных и обычно имеют неясный исход. Ведь как раз тогда у римлян и вольсков случился перерыв в военных действиях и между ними имелося перемирие, а немного ранее был заключен двухлетний договор. 3. «Следовательно, если начнешь войну необдуманно и поспешно, — увещевал Марций, — то окажешься виновником нарушения договора и не получишь благосклонность божества. А если выждешь, пока это сделают они, то будешь выглядеть как человек, который обороняется и заступает за разорванный договор. Как же это может произойти и каким образом они окажутся зачинщиками нарушения договора, а мы сможем предстать начавшими войну благочестивую и справедливую — я после длительных размышлений нашел ответ. Необходимо ведь, чтобы они, будучи обмануты нами, первыми совершили противозаконное деяние. 4. Суть же этого обмана, что я до сих пор хранил в тайне, выжидая подходящий для него случай, а ныне, поскольку ты торопишься приняться за дело, вынужден раскрыть раньше срока, заключается в следующем. Римляне намереваются совершить жертвоприношения и устроить весьма пышные игры на большие средства, а посмотреть на них прибудет много чужеземцев. 5. Дождавшись данного момента, иди и ты сам и как можно больше вольсков склони пойти на это зрелище. Когда же будешь в Риме, попроси кого-либо из своих ближайших друзей отправиться к консулам и тайно сказать им, что вольски собираются ночью напасть на город и именно ради этого дела прибыли в большом количестве. И будь уверен, что если они это услышат, то уже без всяких колебаний изгонят вас из Рима и предоставят вам повод для справедливого возмущения».

III. Как только Тулл услышал это, то пришел в бурный восторг и, перенеся сроки похода, стал заниматься подготовкой войны. Когда же настало время начала праздника (причем Юлий и Пинарий уже приняли консульство), лучшая молодежь вольсков из каждого города, как предлагал Тулл, явилась посмотреть игры. Но большая часть их располагалась в священных и общественных местах, не имея пристанища в частных домах и у друзей. Когда же они бродили по узким улицам, то передвигались вместе, группами и компаниями, так что уже и слухи о них возникали по городу, и

нелепые подозрения. 2. И в это время к консулам приходит доносчик, полученный Туллом в соответствии с советами Марция, и, как бы намереваясь открыть врагам тайное дело, касающееся его друзей, клятвами обязывает консулов обеспечить его собственную безопасность, а также, чтобы никто из вольсков не узнал, кто сделал на них донос. И после этого излагает сведения о мнимом заговоре. 3. Сообщение показалось консулам достоверным, и тотчас собрался сенат, членов которого они пригласили поодиночке. Введенный на заседание доносчик, получив ручательства безопасности, те же самые слова повторил и перед сенатом. Сенаторам же и прежде весьма подозрительным казалось то обстоятельство, что на зрелище пришло столько молодежи от одного народа, враждебного им. А когда поступил донос, о лживости которого они не догадывались, это мнение получило прочное основание. И все сенаторы единодушно постановили удалить вольсков из города до захода солнца, а наказанием для неподчинившихся объявить через глашатаев смертную казнь. Позаботиться же об их высылке, дабы она прошла без насилия и в безопасности, поручили консулам.

IV. Когда сенат постановил это, некоторые пошли по улицам, возвещая, чтобы вольски немедленно покинули город, выходя все через одни ворота, так называемые Капуанские⁴, а другие вместе с консулами сопровождали изгоняемых. Тогда в особенности стало видно, сколь много их было и какого все они цветущего возраста, поскольку проходили они в одно и то же время и через одни ворота. А первым среди них поспешно вышел Тулл и, обосновавшись недалеко от города в подходящем месте, задерживал в нем тех, кто следовал после него. 2. Когда же все собрались, он, созвав сходку, стал рьяно обвинять римское государство, избличая страшное и невыносимое унижение, которому подверглись с его стороны вольски, единственные из всех чужеземцев изгнанные из города. И он потребовал от каждого рассказать об этом у себя на родине и действовать так, чтобы римляне уняли свою дерзость, понеся наказание за беззаконие. Сказав это и взбудоражив людей, возмущенных случившимся, Тулл распустил собрание. 3. Когда же изгнанные вольски сообщили остальным, каждый в своем отечестве, о нанесенном оскорблении, преувеличивая произошедшее, все общины вознегодовали и не смогли сдержать гнев: рассылая друг другу послы, они предлагали всем вольскам сойтись на одно собрание, чтобы выработать общее решение относительно войны. 4. Случилось же все это в основном благодаря подстрекательству Тулла. И должностные лица из всех городов, а также большая толпа прочих граждан сошлись к городу Эцетра⁵, ибо он, по мнению остальных, располагался в наиболее удобном для проведения собрания месте. А после того как было

⁴ Porta Capena — Капенские ворота на юго-востоке города Рима по дороге, ведущей на территорию вольсков. Дионисий явно связывает их название с Капией — одним из главных городов в Кампании (170 км к юго-востоку от Рима), основанным около 600 г. до н.э. этрусками. Однако этимология названия «Капенские» остается неясной.

⁵ Эцетра — город вольсков на границе с эквами (см. примеч. 8). Исчез после 378 г. до н.э.

сказано много речей, которые произнесли те, кто стоял у власти в каждом городе, присутствующим предложили проголосовать, и победившим оказалось мнение начать войну, поскольку, мол, римляне явились зачинщиками нарушения договора.

V. Когда же облеченные властью лица предложили обсудить, каким образом следует вести войну с римлянами, Тулл, выступив, посоветовал им призвать Марция и разузнать у него, как может быть ниспровергнуто могущество римлян: ведь он лучше всех людей знает, в чем заключается слабость власти римского государства и в чем, преимущественно, его сила. Это предложение показалось дельным, и тотчас все стали кричать, чтобы пригласили Марция. И он, получив желаемую возможность, встал с потупленным взором, в слезах, и, помедлив немного времени, сказал следующую речь: 2. «Если бы я полагал, что все вы одинакового мнения о моем несчастье, то не считал бы необходимым оправдываться в нем. Однако я сознаю, что при наличии многих различных характеров, естественно, есть некоторые люди, у которых возникнет обо мне неверное и неподобающее мнение, будто бы не без подлинной и справедливой причины народ изгнал меня из отечества. Поэтому, думаю, прежде всего необходимо сначала публично оправдаться перед всеми вами по поводу моего изгнания. 3. Но и вы, кто превосходно осведомлен обо всем, потерпите, ради богов, пока я рассказываю, что вынес от врагов и насколько не подобает мне та судьба, которую я испытал, и не стремитесь услышать о том, что следует делать, прежде чем узнаете, какой я человек — я, который вознамерился высказать свое мнение. Впрочем, речь об этих делах будет краткой, пусть даже я начну издалека. 4. Изначальный политический строй у римлян был смешанным из элементов монархии и аристократии, затем последний царь, Тарквиний, решил превратить свою власть в тиранию⁶. Поэтому вожди аристократии, объединившись против него, изгнали Тарквиния из города, а общественные дела взяли в свои руки, установив наилучшую и мудрейшую (в чем все согласны) форму правления. Однако немного времени назад — а нынешний год третий или четвертый с тех пор — беднейшие и негоднейшие граждане, заимев дурных главарей, не только совершили много разных бесчинств, но в конце концов попытались уничтожить аристократический строй. 5. Все руководители сената были удручены этими событиями и считали необходимым обсудить ситуацию, чтобы те, кто беспокоит государство, прекратили насилие. Но более всех сторонников аристократии выступали: из старших сенаторов — Аппий, человек, за многое достойный восхваления, а из младших — я. И мы постоянно произносили перед сенатом независимые речи, не с народом воюя, но опасаясь правления негодяев, и не поработить кого-либо из римлян стремясь, но желая, чтобы свобода имелась у всех, а руководство общественными делами было предоставлено лучшим.

VI. Видя это, те самые бесчестнейшие вожди плебса решили первыми устранить нас, как наиболее явно противодействующих им, напав, однако, не одновременно

⁶ Ср. рассуждения в другом месте у Дионисия (VII. 55. 2–5).

на обоих, чтобы не оказалось деяние ненавистным и невыносимым, но начав с меня — человека более молодого, с которым легче справиться. Поэтому сначала они попытались погубить меня без суда, затем захотели добиться, чтобы я был сенатом выдан на казнь. Но потерпев неудачу в обоих замыслах, они вызвали меня на суд, который сами собирались вершить, выдвинув обвинение в стремлении к тирании. 2. И даже того не сообразили, что никакой тиран не враждует с народом, объединившись с самыми знатными, а, напротив, с помощью народа устраняет из государства лучшую часть граждан. И суд мне предоставили не тот, что был установлен предками, созвав центуриатное собрание, но такой, который все признают судом бесчестнейшим и случившимся впервые против меня и только против меня, в котором большинство должны были иметь люди неимущие, бездомные, жадные до чужого достоинства, а не благонамеренные и справедливые, желающие спасения обществу. 3. И вот, за полную свою невиновность я получил только то, что, судимый чернью, где большинство ненавидело добропорядочных граждан и потому враждебно относилось ко мне, я был осужден всего лишь двумя голосами, хотя плебейские трибуны угрожали сложить с себя власть, если я не буду признан виновным, и утверждали, что от меня им придется претерпеть наихудшее, и со всяческим усердием и рвением действовали против меня во время самого судебного процесса. 4. Именно это испытание от собственных граждан, я решил, что оставшаяся мне жизнь будет бессмысленной, если не накажу их. И потому, хотя я мог жить без хлопот где угодно — или в латинских городах в силу родства, или в недавно созданных, которые основали наши отцы, — я этого не захотел, но стал искать убежища у вас, кого хорошо знаю как наиболее пострадавших от римлян и наиболее враждебных им, чтобы вместе с вами отомстить им так, как будет в моих силах: речами, где нужны речи, и делами, когда потребуются дела. Я испытываю к вам великую благодарность за оказанный мне прием и еще более за честь, которой вы меня удостаиваете, не питая злобы и не принимая в расчет ничего из того, что претерпели в войнах от меня, некогда бывшего вашим врагом.

VII. Ну так вот, каким бы я был человеком, если, лишенный со стороны тех, кого благодетельствовал, славы и почестей, кои следовало мне получать от собственных граждан, к тому же изгнанный из отечества и дома, от друзей, отеческих богов, могил предков и всех иных благ, и найдя все это у вас, с которыми ради тех воевал, — если я не стану суров по отношению к тем, в которых ныне нашел врагов вместо сограждан, а полезен для тех, которые оказались друзьями вместо врагов? А я лично не смог бы отнести к числу мужчин человека, который не испытывает ни гнева против тех, кто ведет войну, ни расположения к тем, кто его самого оберегает. И я считаю родиной не отвергнувший меня город, но тот, коего я стал гражданином, хотя был чужаком, и родной не ту землю, где испытал беззаконие, но ту, где живу в безопасности. 2. А если и бог поможет, и ваши действия будут, как и следует, ревностными, то, надеюсь, произойдет глубокая и скорая перемена. Ведь вы хорошо

знаете, что римляне, познав на собственном опыте уже много врагов⁷, никого не боялись больше вас, и нет такой цели, к которой бы они стремились с бóльшим усердием, чем ослабить ваш народ. 3. И потому они удерживают ваши города, одни из них захватив на войне, а другие — обманув надеждой на дружбу, чтобы вы, объединившись все вместе, не начали против римлян общую войну. Следовательно, если вы, напротив, будете постоянно противодействовать им и все будете единодушны в том, что касается войны, — как вы поступаете ныне, — то легко обуздаете их силу.

VIII. А каким способом вам вести борьбу и как воспользоваться обстоятельствами — поскольку вы считаете нужным, чтобы я высказал свое мнение, что свидетельствует о признании моего опыта или доброй воли, или даже обоих качеств вместе, — я изложу это без утайки. Итак, во-первых, я советую вам обсудить, как обеспечить себе благочестивый и справедливый повод для войны. А какой предлог для войны был бы благочестивым, справедливым и в то же время выгодным вам, — об этом послушайте меня. 2. Земля, первоначально имевшаяся у римлян, — незначительна и скудна, а приобретенная, которой они владеют, отняв у соседей, — велика и избыточна: и если каждый из пострадавших потребует возвратить свою собственную землю, то не окажется ни одного города столь ничтожного, слабого и бедного, как город римлян. А начать это, полагаю, следует вам. 3. Итак, отправьте к римлянам послов с требованием вернуть ваши города, которые они удерживают, а также с предложением оставить укрепления, которые они возвели на вашей земле, и с настоятельной просьбой отдать то, чем еще из вашего имущества они владеют, силой присвоив себе. Но ни в коем случае не начинайте войну прежде, чем получите от них ответ. Если же так поступите, то вам предоставится одно из двух, чего хотите: или вы возвратите себе свое собственное имущество без опасностей и расходов, или найдете прекрасный и справедливый повод для войны. Ведь, пожалуй, все будут согласны в том, что не желать чужого, но требовать возврата своего, и воевать, не получая этого, является делом достойным. 4. Ну же, как вы думаете, что сделают римляне, если вы выберете такую тактику? Отдадут ли вам земли? И что тогда помешает им потерять все чужое? Ведь придут и эквы, и альбанцы⁸, и тиррены, и многие другие — каждый требовать возврата своей территории. Или же римляне удержат эти земли и не выполнят ни одного из ваших справедливых требований? Я предполагаю именно это. Следовательно, заявляя, что они первыми нанесли ущерб, вы прибегнете к оружию по необходимости и получите в союзники тех, кто,

⁷ Во всех рукописях: «войн».

⁸ Эквы — италийское племя, жившее на востоке Лация, постоянный союзник вольсков в их борьбе с Римом. Окончательно покорены в 304 г. до н.э. См.: *Ливий*. IX. 45. Альбанцы, конечно, не жители Альба-Лонги, метрополии Рима, разрушенной римским царем Туллом Гостилием, а граждане точно неизвестного города (Albenses), названного Плинием Старшим (I в. н.э.) среди исчезнувших местностей Лация. См.: *Плиний*. Естественная история. III. 69.

будучи лишен собственных владений, перестал уже надеяться, что сможет вернуть их иначе, нежели войной. 5. А настоящий момент, как никакой другой, наиболее благоприятен для нападения на римлян. Это, — на что, пожалуй, и не надеялись, — подготовила для обиженных сама судьба, ведь сейчас римляне охвачены внутренними смутами и с подозрением относятся друг к другу, к тому же имеют неопытных в военном деле руководителей. Итак, вот то, что следовало предлагать в речах и советовать друзьям, высказанное мною со всей доброжелательностью и доверием; а что будет необходимо в каждом случае предусмотреть и устроить во время самих дел, поручите обдумывать предводителям войска. 6. Ведь и я буду усерден на том месте, куда вы меня назначите, и постараюсь оказаться не хуже любого воина, центуриона или командующего. Берите же и используйте меня там, где бы я мог в чем-либо оказаться вам полезным, и поверьте, что если я сумел причинить много вреда, воюя против вас, то смогу также принести большую пользу, сражаясь вместе с вами».

IX. Таковы были слова Марция. Вольски же, еще когда он говорил, явно были в восторге от его речи, а после того, как закончил, громким криком все признали его совет наилучшим. И более никому не предоставив слова, они утверждают предложение Марция. Когда же решение было записано, тотчас выбрали послами самых выдающихся людей из каждого города и отправили их в Рим. А в отношении Марция принимают постановление, разрешающее ему добиваться членства в сенате в каждом городе и должностей везде, а также получать все остальные почести из числа наиболее ценимых у них. 2. И не дожидаясь ответа римлян, все усердно принялись за дело, занявшись военными приготовлениями: те из них, кто был до сих пор в отчаянии из-за неудач в предыдущих сражениях, все они тогда приобрели уверенность, что смогут сокрушить римскую мощь. 3. Послы же, отправленные ими в Рим, представ перед сенатом, сообщили, что вольскам очень хочется прекратить жалобы на римлян и впредь быть друзьями и союзниками без хитрости и обмана. Но, заявили они, прочный залог дружбы у них будет, если вольски получат обратно свою землю и города, которые были отняты римлянами, а иначе не получится ни надежного мира, ни крепкой дружбы между ними — ведь обижаемый всегда по природе враждебен обидчику. И просили не ставить их, не добившихся справедливости, перед необходимостью войны.

X. Когда же послы это сказали, сенаторы, удалив их, стали совещаться между собой и после того, как решили, какой следует дать ответ, снова призвали их в собрание и сделали следующее заявление: «Не скроете от нас, вольски, что не нужна вам никакая дружба, но что вы хотите обзавестись благовидным предлогом для войны. Ведь вы прекрасно знаете, что никогда не получите то, что пришли требовать от нас, ибо желаете и несправедливого, и невозможного. 2. Конечно, если, отдав нам эти земли, вы затем передумали и теперь требуете обратно, то, не получая их, вы действительно терпите несправедливость. Но если требуете возврата того, чего лишились в результате войны и более не являетесь владельцами, то сами поступаете несправедливо,

домагаясь чужого. Мы же признаем самыми прочными те наши приобретения, которые мы сделали, одержав победу на войне. Не мы первыми установили этот закон, да и считаем, что он скорее не человеческий, а божественный. Зная, что все — и эллины, и варвары — следуют ему, мы не проявим перед вами никакой слабости и в дальнейшем никогда не откажемся от завоеванного. 3. Ведь для любого большим злом было бы лишиться по глупости и малодушию того, что приобрел доблестью и мужеством. Мы не принуждаем вас воевать против вашей воли и не отказываемся от войны в случае вашего желания, но если вы начнете, мы будем защищаться. Сообщите это вольскам и скажите, что первыми за оружие возьмутся они, последними же его положим мы».

XI. Получив такой ответ, послы объявили его вольскам. И вот на вновь созванном после этого собрания принимается общее решение всего народа объявить римлянам войну. Затем избирают Тулла и Марция главнокомандующими на войне с неограниченными полномочиями и постановляют произвести набор войск, внести деньги и подготовить остальное из того, что, как они полагали, будет необходимо для ведения войны. 2. А когда уже собирались распустить собрание, Марций, поднявшись, сказал: «Что ваше сообщество постановило — прекрасно, и пусть каждое решение осуществится в надлежащий срок. Но пока вы будете набирать войска и осуществлять прочие приготовления, что, естественно, потребует определенных хлопот и проволочек, давайте я и Тулл примемся за дело. Итак, кто из вас желает пограбить землю врагов и отхватить большую добычу — идите с нами. Обещаю вам, если божество поможет, дать очень хорошую поживу. 3. Ведь римляне пока не готовы, видя, что ваше войско еще не собралось, так что у нас будет возможность спокойно разорить столько их земель, сколько мы захотим».

XII. А после того как вольски одобрили и это предложение, полководцы поспешно, пока решения не стали известны римлянам, отправились в поход, ведя большое войско из добровольцев. С частью его Тулл напал на владения латинов, чтобы отвлечь вражескую помощь с этой стороны, Марций же с остальными вторгся в римскую землю. 2. Поскольку на сельских жителей беда обрушилась неожиданно, было захвачено много свободных римлян, а также много рабов и немалое количество быков, вьючного и другого скота. Хлеб же, который там был найден, железный инвентарь и все прочее, чем обрабатывается земля, частью унесли, частью же уничтожили. Ведь под конец при грабеже вольски стали и огонь бросать в жилища, так что те, кто лишился домов, не могли долгое время их восстановить. 3. И более всего пострадали от этого владения плебеев, а у патрициев они остались невредимыми: если же некоторые и понесли ущерб, то, по-видимому, он коснулся только рабов и скота. Ибо таков был приказ Марция вольскам, чтобы патриции оказались под еще большим подозрением у плебеев и распря не была устранена из государства. Именно так и получилось. 4. Ведь, когда римлянам сообщили о набеге на сельскую округу и они узнали, что беда оказалась неодинаковой для всех, бедняки начали громко обвинять

богатых в подстрекательстве нападения на них Марция, а патриции оправдывались и доказывали наличие здесь определенного злого умысла со стороны полководца. Но никто не считал нужным прийти на помощь гибнущему или спасти уцелевшее из-за взаимного недоверия и страха перед предательством, так что Марций совершенно свободно увел войско и распустил всех по домам, после того как они, ничуть не пострадав сами, совершили все, что хотели, и добыли много имущества. 5. А немного позже вернулся и Тулл из земли латинов с большой добычей: ведь те также не имели войска, чтобы сразиться с врагами, будучи не готовы, в том числе и потому, что опасность обрушилась на них неожиданно. Именно в силу этого все общины вольсков были взбудоражены надеждами, и скорее, чем кто-либо мог ожидать, происходил набор воинов и в остальном, что было нужно главнокомандующим, оказывалось содействие.

XIII. А когда уже все войско было собрано, Марций стал держать совет с коллегой, как следует действовать в дальнейшем. Итак, он сказал, излагая свое мнение: «Мне кажется, о Тулле, что лучше нам разделить войска на две части. Затем одному из нас, взяв самых сильных и смелых воинов, напасть на врагов и, если они осмелятся вступить с нами в рукопашный бой, решить спор одним сражением; а если они, в чем я убежден, не рискнут судьбу всеговерить новонабранному войску и неопытным в военном деле полководцам — тогда опустошать набегами их земли, отвлекать союзников, уничтожать поселения и причинять всякое иное зло, какое только сможет. 2. Другому же, находясь здесь, нести охрану сельской местности и городов, чтобы враги тайком не напали на них, оставленных без стражи, и нам не пришлось испытать позорнейшее положение, когда домогаемся далекого, лишившись того, что рядом. Но тот, кто останется здесь, немедленно должен начать восстанавливать стены, которые обрушились, очищать рвы и укреплять гарнизоны, чтобы имелись в наличии убежища для земледельцев, а также осуществлять набор еще одного войска, доставлять продовольствие для находящихся вне родины, ковать оружие и, если в чем-либо ином будет необходимость, быстро оказывать содействие. 3. И я предоставляю тебе выбор, хочешь ли командовать войском вне пределов вольсков или же остающимся здесь». Еще когда он это говорил, Тулл пришел в полный восторг от его предложения и, зная решительность и удачливость Марция в сражениях, уступил ему командование войском вне вольских владений.

XIV. И Марций, более уже не мешкая, отправляется с армией к городу Цирцеи⁹, в котором находились римские колонисты, проживавшие вместе с местными жителями, и с ходу овладевает городом. Ведь когда цирцейцы узнали, что их страна захвачена и войско подходит к стенам, они, открыв ворота, вышли навстречу врагам без оружия, прося принять город: именно это явилось причиной, что им не пришлось испытать ничего ужасного. 2. В самом деле, никого из них полководец не казнил

⁹Цирцеи — город в 85 км к юго-востоку от Рима. Римская колония была выведена сюда, согласно традиции, при царе Тарквинии Гордом. См.: Дионисий. IV. 63. 1; Ливий. I. 56. 3.

и не изгнал из города, но, взяв одежду для воинов, продовольствие на месяц и умеренное количество денег, отвел войско, оставив в городе небольшой отряд как ради безопасности жителей, чтобы они не претерпели какого-нибудь зла от римлян, так и ради того, чтобы они не замыслили никакой перемены впоследствии. 3. Когда же о случившемся сообщили в Рим, там начался гораздо больший, чем прежде, раздор и смятение: с одной стороны, патриции упрекали плебс за то, что те изгнали из отечества, опутав ложным обвинением, мужа воинственного, энергичного и преисполненного благородного образа мыслей и вынудили его стать военачальником у вольсков, 4. а вожди плебса, в свою очередь, обвиняли сенат и говорили, что все дело теми коварно подстроено, ссылаясь на то, что война ведется не общая для всех римлян, но против одних плебеев. И заодно с ними была злонамереннейшая часть плебса. Но, из-за взаимной ненависти и обвинений на народных собраниях, никому даже в голову не приходило набирать войска или созывать союзников, или подготовить самое необходимое.

XV. Осознав это, старейшие из римлян, объединившись, начали приватно и публично уговаривать самых мятежных лиц из числа плебеев прекратить подозрения и обвинения в отношении патрициев, указывая, что если такая опасность нависла над городом из-за изгнания одного знатного мужа, чего же следует ожидать, если большинство патрициев, оскорбленные плебсом, будут вынуждены почувствовать то же самое? И они уняли бесчинства толпы. 2. Когда же большой беспорядок прекратился, сенат, собравшись, дал ответ явившимся с просьбой о военной помощи послам от латинского союза, что в настоящее время им нелегко отправить помощь, но они разрешают самим латинам набрать собственную армию и послать туда своих военачальников, пока римляне не вышлют войско: ведь в договоре о дружбе, который они заключили с латинами, и то и другое было запрещено¹⁰. 3. Консулам же сенат предписал набрать войско по списку, нести охрану города и призвать союзников, но в поле войска не выводить до тех пор, пока все не будет в полной готовности. И народ это утвердил. Однако оставшийся у консулов срок полномочий был краток, так что ни одно распоряжение они не успели довести до конца, но недоделанным передали все своим преемникам.

XVI. Принявшие от них власть Спурий Навций и Секст Фурий¹¹ выставили войско из списка военнообязанных граждан, столь большое, сколько смогли набрать, и разместили дозорные и сторожевые посты в наиболее подходящих укреплениях, чтобы знать обо всем происходящем в округе. За короткое время они запасли также много денег, хлеба и оружия. 2. Таким образом, их собственные приготовления были сделаны как можно лучше, и казалось, что более ни в чем у них нет недостатка. Но союзники не все охотно откликнулись, да и не были они расположены добровольно

¹⁰ Договор 493 г. до н.э. См.: Дионисий. VI. 95. 1–2.

¹¹ 488 г. до н.э.

принять участие в войне, так что в Риме даже решили их не принуждать, опасаясь измены. Ведь кое-кто уже открыто отложился от римлян и помогал вольским. 3. А первыми начали изменять эквы, тут же, как только разразилась война, явившись к вольским и заключив с ними клятвенный союз. И войско они отправили Марцию весьма многочисленное и очень преданное. А как только эквы положили начало, многие и из остальных союзников стали тайно помогать вольским, посылая им военную помощь не в силу постановлений народных собраний и не по общему решению, но если кому-либо было угодно участвовать в походе вольсков, то таких не только не отговаривали, но и поощряли. 4. Так что в непродолжительное время вокруг вольсков собралось столь многочисленное войско, какого они никогда еще не имели даже в эпоху наибольшего процветания своих городов. Во главе его Марций снова вторгся в пределы римлян и, расположившись лагерем, много дней подряд опустошал ту землю, которую при прошлом нападении оставил нетронутой. 5. Конечно, во время этого похода он уже не захватил большого количества свободных людей: ведь жители, забрав наиболее ценное, убежали еще раньше — одни в город¹², другие в соседние крепости, если рядом имелись какие-нибудь достаточно надежные укрепления. Зато Марций захватывает их скот, который они не смогли угнать, и пасших его рабов, а также забирает хлеб, лежавший еще на токах, и остальные плоды, как те, что еще собирали, так и те, что были уже собраны. 6. И так, все опустошив и разорив, поскольку никто не отважился выйти на бой, он отвел войско домой, уже обремененное множеством добычи и потому передвигавшееся медленно.

XVII. Видя размеры привозимой добычи и слыша о трусости римлян, которые прежде безбоязненно грабили чужую землю, а сейчас терпели, наблюдая, как разоряют их собственную, вольски преисполнялись чувством огромной самоуверенности и начинали питать надежды на гегемонию: мол, сокрушить вражеское могущество, несомненно, дело легкое и им по плечу. Они приносили благодарственные жертвы богам, украшали храмы и площади принесенными в дар трофеями; все проводили время в праздниках и удовольствиях, а Марцием непрестанно восхищались и славили в песнях, что в военных делах он искуснейший из людей и полководец, с которым не может сравниться никакой другой полководец ни у римлян, ни у эллинов или варваров. 2. Но более всего превозносили его за счастливую судьбу, видя, что все, за что бы он ни взялся, без труда удается ему в соответствии с замыслом. Так что не было никого из числа имеющих призывной возраст, кто хотел бы уйти от Марция, напротив, все теперь стремились принять участие в его деяниях и сходились к нему из всех общин. 3. А полководец, после того как укрепил рвение вольсков и вверг врагов в жалкое и малодушное замешательство, повел войско к союзным римлянам городам, которые еще сохраняли им верность. И вот, сразу же подготовив то, что

¹² Т.е. в Рим.

было необходимо для осады, он направляется против толерийцев¹³, принадлежавших к латинскому племени. 4. Но толерийцы, задолго до этого сделав надлежащие приготовления к войне и свежая имущество с полей в город, встретили его нападение и некоторое время оказывали сопротивление, сражаясь со стен, и ранили много врагов. Затем, отгоняемые пращниками и до позднего вечера находясь под обстрелом, они покинули многие участки стены. 5. Заметив это, Марций приказал остальным воинам придвинуть лестницы к оставшимся без защитников частям стены, а сам, взяв с собой отборнейших бойцов, устремляется к воротам под градом стрел и дротиков с башен и, взломав запоры, первым врывается в город. Но перед воротами стоял в засаде крупный и сильный отряд неприятелей, которые мужественно встретили его натиск и упорно сражались долгое время. Когда же многие были убиты, остальные начали разворачиваться и враспынную убежать по улицам. 6. А Марций преследовал их и, догоняя, убивал тех, кто не бросил оружие и не обратился к мольбам. В это же время и те, кто влезал по лестницам, стали овладевать стеной. Когда таким вот способом город был взят, Марций, выбрав из добычи то, что должно было стать дарами богам и украшением городам вольсков, остальное разрешил воинам разграбить. 7. А было там много пленных, а также много имущества и много хлеба, так что нелегко было победителям вывезти все за один день, но им пришлось провести здесь длительное время, посменно уводя и унося добычу — частично на себе, частично на выючных животных.

XVIII. Итак, когда все пленные и имущество были вывезены, полководец, оставив город безлюдным, увел войско к Боле¹⁴ — другому городу латинов. Но так случилось, что и боланцы заранее узнали о его вторжении и подготовили все необходимое для борьбы. Все же Марций, рассчитывая взять город с ходу, атаковал стену во многих местах. Однако боланцы выждали благоприятный момент, открыли ворота и, совершив все вместе стремительный бросок в боевом порядке, схватились с передовыми бойцами, а затем, убив многих из них, но еще больше изранив и остальных вынудив позорно бежать, вернулись в город. 2. Как только Марций узнал о бегстве вольсков (ведь случилось так, что его не было на том месте, где произошел разгром), он спешно прибыл с немногими воинами и, остановив рассеянных бегством, собрал и ободрил их, а затем, после того как построил в боевой порядок и указал, что следует делать, повелел штурмовать город через те же ворота. 3. И хотя боланцы снова использовали тот же прием и значительными силами сделали вылазку, вольски не приняли бой с ними, но, обратившись в бегство, бросились вниз по склону, как посоветовал им полководец — и боланцы, не распознав хитрости, преследовали их на большом расстоянии. А когда они оказались далеко от города, Марций с отборными

¹³ Толерий — город в 35 км к юго-востоку от Рима. Исчез с сер. V в. до н.э.

¹⁴ Бола — город в 35 км к юго-востоку от Рима, немного севернее Толерия. Вероятно, колония Альба-Лонги, затем захвачен эквами.

воинами из юношей напал на боланцев: и начинается тогда резня — одних убивали при сопротивлении, других при бегстве. 4. И Марций, преследуя врагов, теснимых к городу, успевает, прежде чем захлопнулись ворота, прорваться к стене. Когда же полководец сразу овладел воротами, за ним последовала и остальная толпа вольсков, а боланцы, покинув стену, побежали по домам. Став хозяином и этого города, он разрешил воинам захватить рабов и разграбить имущество. И тем же способом, как и раньше, не спеша и совершенно свободно вывезя всю добычу, он затем сжег город.

XIX. Итак, Марций, взяв войско, повел его оттуда против так называемых лабиканцев¹⁵. А был тогда и этот город латинским, колонией альбанцев, как и прочие. Желая устрашить жителей, Марций, как только вступил на их землю, начал устраивать поджоги там, откуда пламя могло быть лучше всего видно им. Однако лабиканцы, имея хорошо укрепленную стену, не испугались его нападения и не проявили никакой слабости, но, обороняясь, мужественно сопротивлялись и не раз сбрасывали взбирающихся на стену врагов. 2. Все же в конце концов они не устояли, сражаясь в малом числе против превосходящих сил и не имея даже малейшей передышки. Ведь вольски много раз шли на приступ города со всех сторон, сменяя друг друга: постоянно отходили уставшие воины и подходили другие со свежими силами. Сражаясь с ними в течение всего дня и даже во время ночи без отдыха, лабиканцы от усталости были вынуждены оставить стены. Взяв и этот город, Марций обратил жителей в рабство и позволил воинам разделить добычу. 3. Отправив войско оттуда к городу педанцев¹⁶ (а был и этот город латинского племени), он приходит с армией в боевом строю и берет его штурмом, как только подошел к стенам. Распорядившись здесь так же, как в ранее захваченных городах, Марций, подняв войско прямо на рассвете, повел его против Корбиона¹⁷. 4. Но навстречу ему, когда он был уже недалеко от городской стены, распахнув ворота, выходят жители, держа в руках вместо оружия оливковые ветви¹⁸ и сдавая укрепления без боя. Воздав им хвалу за принятие наилучшего для них самих решения, Марций приказал явиться и принести то, что нужно было войску, — деньги и хлеб. Получив, что повелел, он увел армию к городу кориоланцев¹⁹. Когда же и этот город жители сдали без боя и с большим усердием доставили войску продовольствие, деньги и другое, что было им предписано, Марций увел армию, как по дружественной территории. 5. Ведь он, конечно, и о том очень заботился, чтобы жители, сдающие им свои города, ничего не испытали из того, что

¹⁵ Лабиканцы — город у северного края Альгидского хребта, в 8 км юго-западнее Больи. С 418 г. до н.э. — римская колония.

¹⁶ Пед — город в 4 км севернее Больи.

¹⁷ Корбион — город в 3 км восточнее Толерия.

¹⁸ См. примеч. 21 к кн. VII.

¹⁹ Кориолы — город латинов, затем вольсков, в 30 км к юго-востоку от Рима. В 493 г. до н.э. был захвачен Римом вместе с упоминаемыми ниже Лонгулой и Подуской.

обычно происходит на войне, но и землю неразоренной получали обратно, и скот с рабами, которых оставили в хозяйствах, возвращали себе. И он не позволял войску располагаться на постой в городах, чтобы не случилось какой-нибудь беды из-за грабежа или воровства с их стороны, но всегда разбивал лагерь возле стен.

XX. Отойдя от этого города, Марций повел войско к Бовиллам²⁰, которые тогда были знамениты и принадлежали к весьма немногим ведущим городам латинского племени. Но, поскольку жители не приняли его, надеясь на укрепления, в самом деле являвшиеся очень надежными, и на многочисленность их защитников, Марций принялся за дело, призвав войско сражаться со рвением и посулив великие дары первым взшедшим на стену. И начинается упорная битва за этот город. 2. Ведь бовилланцы не только со стен давали отпор нападающим, но и, открыв ворота, совершали все вместе вылазки и силой гнали противника вниз по склону: поэтому и потери вольсков оказались здесь огромными, и время штурма укреплений затянулось, и надежда на захват города пошатнулась у всех. Но потери убитыми полководец делал незаметными, ставя взамен других, а усталым воинам поднимал дух тем, что сам бросался к той части войска, которая терпела поражение. Так что не только его слова побуждали к мужеству, но и поступки: ведь он подвергался всякой опасности и не остался в стороне ни от одной попытки, пока стена не была захвачена. 3. Овладев со временем и этим городом и одних из жителей уничтожив в рукопашном бою, а других взяв в плен, Марций увел войско, одержав блестящую победу и увозя огромное количество превосходнейшей добычи, кроме того, обогатив войско чрезвычайно большими средствами, что достались ему. А было там столько, как ни в одном другом из ранее захваченных мест.

XXI. После того всякая земля, где бы он ни проходил, подчинялась ему, и никакой город не оказывал сопротивления, за исключением Лавиния: это первое поселение, которое основали троянцы, приплывшие в Италию вместе с Энеем, и от него пошел римский род, как ранее было у меня указано²¹. Так вот, жители его полагали, что следует скорее все вытерпеть, чем отказаться от верности своим потомкам римлянам. 2. Поэтому здесь имели место и упорные схватки на стенах, и ожесточенные сражения перед укреплениями: ведь стена не была взята приступом при первом натиске, но было решено, что необходимы время и отсрочка. Итак, отказавшись от штурма, Марций начал окружать город рвом и частоколом, карауля одновременно

²⁰ Бовиллы (конъектура Геления) — латинский город в 20 км к юго-востоку от Рима. Считалось, что сюда были переведены священнодействия из разрушенной Альба-Лонги — метрополии многих латинских городов.

²¹ Дионисий. I. 45. 1; III. 11. 2. Лавиний находился недалеко от побережья, в 20 км к югу от Рима. Сюда отправлялись, вступив в должность, высшие римские магистраты, чтобы принести жертвы богам-прародителям. Здесь под именем Юпитера Индигета почитался прародитель римлян Эней (Дионисий. I. 64. 5; Ливий. I. 2. 6).

дороги, чтобы ни продовольствие, ни какая-либо помощь не попали к ним извне. 3. А римляне, слыша и об уничтожении захваченных уже городов, и о бедствиях городов, присоединившихся к Марцию, к тому же докучаемые посольствами, ежедневно прибывающими к ним от тех, кто сохранял дружественные отношения и нуждался в помощи, а также страшась осуществляемого окружения Лавиния стеной и опасаясь, что, если эта крепость будет взята, война немедленно докатится до них самих, поняли: спасением от всех зол будет только одно — если проголосуют за возвращение Марция из изгнания. 4. И даже весь плебс громко требовал этого, и плебейские трибуны хотели внести закон об отмене приговора. Но им воспротивились патриции, не считая достойным отменять что-либо из решений суда. А поскольку сенатом не было принято предварительное постановление, то и плебейским трибунам уже не казалось целесообразным внести это предложение плебсу. 5. Вот это и достойно удивления: по какой, в конце концов, причине сенат, в прежнее время горячо поддерживавший Марция, тогда стал противодействовать плебсу, хотевшему вернуть его из изгнания, — то ли испытывая настроение плебса и своим нежеланием уступать побуждая его к еще большему рвению, то ли желая защититься от обвинений в свой адрес, что, мол, не был он ни инициатором, ни соучастником ни в чем из того, что совершал Марций. Ведь трудно было догадаться о замыслах сената, сохранявшихся в тайне.

XXII. Однако Марций, услышав об этом от каких-то перебежчиков, настолько был разгневан, что, подняв тут же войско, повел его к Риму, оставив у Лавиния достаточный заслон, и немедленно встал лагерем около так называемых Клуилиевых рвов²² на расстоянии сорока стадиев от города. 2. А на жителей Рима, узнавших о его появлении, напало такое смятение (думали, будто война сразу подойдет к их стенам), что одни, схватив оружие, без приказа бежали на стены, другие неслись толпой без командиров к воротам, третьи, вооружив рабов, взбирались на крыши домов, некоторые занимали крепость, Капитолий²³ и другие укрепленные места города; женщины, распустив волосы, бежали к святилищам и храмам, рыдая и моля богов отвлечь от города надвигающееся бедствие. 3. Когда же прошли и ночь, и большая часть следующего дня и ничего не происходило из того, чего они так боялись, а Марций бездействовал, все плебеи сбежались на площадь и стали звать патрициев в сенат, и притом говорили, что если те не примут предварительное постановление о возвращении Марция из изгнания, то они сами, поскольку их предадут, позаботятся о себе. 4. И вот тогда, собравшись на заседание, патриции постановляют отправить

²² Клуилиевы рвы — по преданию, ров вокруг лагеря Клуилия (Клеция) последнего царя Альба-Лонги, воевавшего с третьим римским царем Тулом Гостилием. Находились примерно в 7 км к юго-востоку от Рима. См.: Дионисий. III. 4. 1; Ливий. I. 23. 3.

²³ Крепость (Арх) и Капитолий — северная и южная вершины Капитолийского холма, являвшегося цитаделью Рима.

послами к Марцию пять человек из старейших сенаторов, к которым тот относился с наибольшей симпатией, чтобы провести переговоры о примирении и дружбе. Были же избраны от них следующие лица: Марк Минуций, Постум Коминий, Спурий Ларций, Публий Пинарий и Квинт Сульпиций — все бывшие консулы. 5. А когда они пришли к лагерю и Марций узнал об их прибытии, он, сев вместе с самыми выдающимися представителями вольсков и их союзников там, откуда больше всего людей могло услышать сказанное, приказал позвать послов. И как только они вошли, речь начал Минуций, наиболее рьяно выступавший за Марция во время своего консульства и более всех противодействовавший плебеям. А сказал он следующее:

XXIII. «Что ты, о Марций, испытал несправедливость со стороны плебса, будучи изгнан из отечества по гнусному обвинению, — все мы знаем. И мы полагаем, что в твоём поведении нет ничего удивительного, если ты сердился и возмущаешься по поводу своей судьбы. Ведь для человеческой природы, несомненно, общим является такой закон — пострадавшему быть враждебным по отношению к сотворившему зло. 2. Но то, что ты не по здравому размышлению определяешь, кому тебе следует мстить и кого наказывать, и не соблюдаешь меры во взыскании этого наказания, но ставишь вместе невиновную сторону с виновной и друзей с врагами, потрясаешь неприкосновенные законы природы, приводишь в беспорядок установления, относящиеся к богам, и даже не помнишь уже самого себя, от кого и каким ты родился, — вот этому мы удивляемся. 3. И пришли мы, отправленные государством послы, выделяющиеся возрастом среди патрициев и наиболее расположенные к тебе, чтобы принести оправдание, смешанное с мольбой, и чтобы сообщить, на каких условиях мы предлагаем тебе прекратить вражду с народом. А кроме того — посоветовать то, что мы считаем для тебя самым лучшим и выгодным.

XXIV. Давай сначала поговорим о справедливости. Подстрекаемый трибунами плебс объединился против тебя, и те, кому ты был страшен, явились, чтобы казнить тебя без суда. Этому делу помешали именно мы, члены сената, и не допустили тогда испытать тебе что-нибудь противное справедливости. Позже те, кому мы воспрепятствовали погубить тебя, вызвали тебя на суд, выдвинув обвинение, что в сенате ты произнес против них возмутительные речи. 2. Мы и этому, как ты знаешь, оказали противодействие и не позволили, чтобы ты подвергся наказанию за свои мысли или слова. Потерпев и здесь неудачу, они в конце концов явились к нам, обвиняя тебя в стремлении к тирании. Это обвинение ты взялся опровергнуть сам, поскольку был очень далек от таких намерений, и предоставил плебеям проголосовать относительно себя. 3. Сенат же тогда также присутствовал и много раз просил за тебя. Итак, виновниками какого из несчастий, случившихся с тобой, стали мы, патриции, и почему ты воюешь с нами, проявившими в тогдашнем споре такую благосклонность к тебе? Но, право, даже не весь плебс обнаружил желание изгнать тебя: во всяком случае, осужден ты был перевесом лишь в два голоса, так что не можешь, по справедливости, быть врагом и тем, кто тебя оправдал как ни в чем не виновного.

4. Однако я допускаю, если тебе угодно, что именно вследствие решения, принятого всеми плебеями, и мнения, высказанного всем сенатом, тебя постигло это несчастье и что справедлива твоя ненависть ко всем нам. Но женщины, о Марций, что тебе сделали плохого, из-за чего ты воюешь с ними? Какой голос они внесли за изгнание или какие негодные речи против тебя молвили? 5. А наши дети — какую обиду причинив тебе или замыслив, они подвергаются опасности пленения и всего прочего, что, естественно, им придется испытать, если город будет взят? Несправедливо судишь, о Марций! И если ты думаешь, что следует таким образом ненавидеть тех, кто виновен и является твоим врагом, чтобы не щадить даже невинных и друзей, тогда ты рассуждаешь неподобающе благородному человеку. 6. Но даже опускаю все это, — что ты мог бы ответить, ради Юпитера, если кто-нибудь спросил бы тебя, какую обиду претерпев от них, ты разрушаешь гробницы предков и лишаешь их почестей, которые они получают от людей? А в гневе на какую несправедливость ты грабишь, сжигаешь, разрушаешь алтари, святилища и храмы богов и не позволяешь им получать установленный обычаем культ? Что ты можешь сказать на это? Я, например, не вижу никакого ответа. 7. Пусть будет высказано тебе это понимание справедливости, о Марций, и касательно нас самих, членов сената, и касательно остальных граждан, которых ты стараешься погубить, никакого зла от них не испытал, и в отношении могил, святинь и самого города, породившего и вскормившего тебя.

XXV. Ну, а если в самом деле все же следовало, чтобы все люди, и даже те, кто не причинял тебе никакого вреда, вместе с женами и детьми были тобой наказаны, и чтобы все боги, герои²⁴ и младшие божества, город и сельская округа вкусили от безумия плебейских трибунов, и чтобы вообще никакая избранная часть не была освобождена тобой от возмездия, разве ты не получишь уже достаточное удовлетворение, совершив убийство стольких людей, столько земель опустошив огнем и мечом, столько городов разрушив до основания и добившись того, что во многих местах перестали справлять праздники и приносить жертвы, а культы богов и божеств лишились установленных обычаем почестей? 2. Я, право, не считал бы достойным, чтобы человек, у которого есть хоть какие-нибудь помыслы о доблести, уничтожал друзей вместе с врагами и был суров и неумолим в гневе на согрешивших в чем-нибудь против него, в особенности после того, как уже очень строго наказал их. 3. Итак, это то, что мы могли привести в свое оправдание и в чем могли просить прощения у тебя за плебеев, а то, что мы, наиболее уважаемые граждане, можем из расположения посоветовать тебе в случае продолжения распри и обещать в случае примирения

²⁴ Герои — в древней Греции первоначально души умерших, из почитания которых вырос культ предков-родоначальников. В классическом варианте под героями понимали полубогов, родившихся от богов и людей. От богов их отличало отсутствие бессмертия. Некоторые из них за особые заслуги получали бессмертие и становились второстепенными божествами (например, Геракл). В мифологии понятие «герой» весьма многозначно.

с родиной, таково: пока твое могущество наиболее велико и божество все еще оказывает содействие — стать сдержанным и самому распоряжаться судьбой, поразмыслив, что все обстоятельства подвержены переменам и никакое явление обычно не остается постоянно в одном и том же положении; что все выдающееся вызывает раздражение со стороны богов, как только достигнет вершины славы, и опять обращается в ничто. И в особенности это испытывают натуры упрямые и самонадеянные, выходящие за границы человеческой природы. 4. Но теперь у тебя имеется наилучшая из всех возможность прекратить войну: ведь и весь сенат захотел принять постановление о твоём возвращении, и народ готов утвердить этот закон и отменить пожизненное изгнание. Итак, что еще препятствует тебе снова увидеть самые милые и дорогие лица ближайших родственников и снова обрести желанную отчизну, а также начальствовать, как и подобало тебе, над начальниками и руководить руководителями, а детям и потомкам оставить после себя величайшую славу? Конечно, мы ручаемся, что все эти обещания немедленно осуществляются. 5. Ведь в настоящее время неудобно, чтобы сенат или народ приняли в отношении тебя какое-нибудь снисходительное или мягкое решение, пока ты стоишь рядом лагерем против нас и ведешь враждебные действия. Но если откажешься от оружия, то вскоре придет к тебе доставленное нами постановление о твоём возвращении.

XXVI. Конечно, эти блага достанутся тебе в случае примирения, а если будешь продолжать гнаться и не погасишь свою ненависть к нам, то тебя ждет много сложностей, из которых я назову две, ныне самые значительные и самые очевидные. Во-первых, то, что ты имеешь пагубное желание осуществить трудное, а вернее, невозможное дело — сокрушить могущество римского государства, и к тому же оружием вольсков. Во-вторых, то, что и в случае успеха, и в случае провала на твою долю выпадет считаться несчастнейшим из всех людей. А почему мне приходят в голову такие мысли в отношении тебя — выслушай, о Марций, никоим образом не раздражаясь из-за откровенности моих слов. 2. Так вот, подумай, во-первых, о неосуществимости предприятия. У римлян, как и ты знаешь, имеется многочисленная собственная молодежь, которую, если раздор будет устранен — а это произойдет в силу крайней необходимости именно теперь, в эту войну, ведь обычно все разногласия сглаживаются из-за общего страха, — ее не то что вольски, но и никакой другой народ в Италии не победит. Также велика сила латинов и остальных союзников и колонистов нашего города, которая, жди, вскоре вся придет на помощь нам. А полководцы, подобные тебе, и постарше, и молодые, имеются в таком количестве, сколько нет во всех остальных государствах. 3. Но величайшая из всех помощь, в опасностях ни разу не обманувшая наши надежды и лучшая, чем вся в совокупности человеческая сила, — это благосклонность богов, благодаря которым мы уже восьмое ныне поколение населяем этот город, до сих пор не только свободный, но процветающий и повелевающий многими народами. 4. И не сравнивай нас ни с педанцами, ни с толерийцами, ни с гражданами остальных малых общин, чьи городки ты захватил:

ведь даже какой-нибудь полководец хуже тебя и с меньшим войском, чем это, одолел бы их малолюдство и слабость укреплений. Все-таки прими во внимание величину нашего города и блеск военных деяний, а также ниспосланную ему от божества добрую судьбу, благодаря которой из малого он сделался столь великим. 5. И не думай, что твое войско, с которым ты берешься за столь большое дело, изменилось, но четко запомни, что рать ты ведешь из вольсков и эквов, которых именно мы, ныне живущие, побеждали во многих битвах, всякий раз как они осмеливались вступить с нами в войну. Так что знай, что тебе предстоит с более слабыми сражаться против более сильных и с теми, кто постоянно терпит поражения, против тех, кто всегда побеждает. 6. Но, поистине, даже если бы все обстояло иначе, то, несомненно, достойно удивления, как осталось незамеченным тобой, человеком опытным в военных делах, что отвага перед лицом опасностей обычно не в равной степени присутствует у сражающихся за собственное добро и у покушающихся на чужое: ведь одни, если не победят, не терпят никакого ущерба, другим же, если они проиграют, не остается ничего. И это было одной из важнейших причин поражения войск многочисленных от меньших и лучших от худших. Ведь страшна необходимость, и крайняя опасность способна кому угодно внушить мужество, даже прежде не имевшееся от природы. Я мог бы еще больше сказать о неосуществимости твоего предприятия, но и этого достаточно.

XXVII. Остается у меня еще один довод, который (если будешь судить не в гневе, но разумно) покажется тебе правильно сказанным, и придет к тебе раскаяние за совершаемое. Каков же этот довод? Никому, рожденному смертным, боги не дали иметь прочное знание предстоящих событий, и едва ли найдешь во все времена человека, которому удалось бы все его начинания в соответствии с замыслом, а судьба при этом ни в чем не оказала бы противодействия. 2. И поэтому те, кто превосходит других благоразумием, которое приносят долгая жизнь и многочисленные невзгоды²⁵, полагают, что прежде чем браться за то или иное дело, в первую очередь следует обдумать его исход — не только то, что произойдет по их желанию, но и то, что случится против ожидания. А в особенности это касается военных руководителей, настолько более важными делами они распоряжаются, и все возлагают на них ответственность за успехи или поражения. Затем разумные люди, если найдут, что неудача не принесет никакого вреда или что этот вред малый и несущественный, принимают за дела, а если большой и значительный — отказываются. 3. Именно это ты тоже сделай и обдумай перед тем, как начать действовать, что придется тебе испытать, если в ходе войны потерпишь поражение и все будет против тебя. Ты подвергнешься обвинению со стороны принявших тебя, но и сам себя будешь упрекать, что, мол, взялся за дела большие, чем возможно. А когда наше войско в свою очередь придет туда и будет разорять их землю (ведь мы не станем терпеть, не мстя за себя

²⁵ В одной рукописи: «знания».

тем, кто начал творить нам зло), ты, пожалуй, не ошибешься в одном из двух — что будешь позорно убит или самими теми, для кого ты окажешься виновником великих несчастий, или нами, которых ты явился убивать и поработать. 4. Но, может быть, прежде чем оказаться втянутыми в какое-либо бедствие, они, стремясь примириться с нами, решат выдать тебя для наказания: на это были вынуждены пойти многие варвары и эллины, попав в такие обстоятельства. Неужели тебе кажется, что это неважно и не стоит внимания, и что следует этим пренебречь или, точнее, претерпеть наихудшие из всех мыслимых несчастий?

XXVIII. Ну, а если даже добьешься успеха, что за благо, замечательное и завидное, будет у тебя или какую славу ты стяжаешь? Ибо рассмотри и это. Во-первых, тебе придется лишиться самых дорогих и близких людей: несчастной матери, которой ты воздаешь не лучшую благодарность за рождение, воспитание и прочие тяготы, что она перенесла ради тебя; затем — верной жены, которая из-за тоски по тебе пребывает в одиночестве и вдовстве, все дни и ночи оплакивая твое изгнание; а кроме того — двух детей, которым следовало, являясь потомками достойных предков, пользоваться их почестями и уважением в процветающем отечестве. 2. Ты будешь вынужден взирать на жалкую и несчастную смерть их всех, если осмелишься привести войну к нашим стенам. Ибо, несомненно, никого из твоих не пощадят те, кто будет подвергаться опасности за своих близких и терпеть от тебя примерно такое же зло. Напротив, принуждаемые бедствиями, они обратятся к страшным унижениям, безжалостным оскорблениям и ко всякому другому роду поношения твоих родственников: и не исполнители, а ты, ставший их перед необходимостью, будешь виноват в этом. 3. Несомненно, ты пожнешь именно такие радости, если данное дело удастся тебе в соответствии с твоим намереньем. С другой стороны, обрати внимание на хвалу, славу, почести, к которым следует стремиться благородным мужам, — каковы они здесь: ты будешь в итоге назван матереубийцей, убийцей детей, погубителем жены, проклятием своей родины, и, куда бы ты ни пришел, никто из людей благочестивых и справедливых не захочет иметь с тобой общими ни жертвоприношения, ни жертвенные возлияния, ни священный очаг дома. Ты не будешь уважаем и теми, для кого, доказывая свое расположение, совершаешь все это, но каждый из них, получив какую-либо выгоду от твоих нечестивых деяний, будет ненавидеть тебя за самоуверенное поведение. 4. Я ведь воздерживаюсь упоминать, что, кроме ненависти, которую ты встретишь со стороны самых добропорядочных, появится и большая зависть со стороны равных тебе, и страх со стороны низших, и вследствие этих двух причин — козни и многие другие неприятности, которые, естественно, обрушатся на человека, лишённого друзей и живущего в чужой стране. Я обхожу молчанием даже Фурий²⁶, насылаемых богами и божествами на совершивших нечто нечестивое и ужасное, терзающих души и тела преступников, которые влачат несчастную жизнь

²⁶Фурии (греч. Эринии) — богини мщения, преследующие преступников.

и ожидают жалкой смерти. 5. Приняв это во внимание, о Марций, пересмотри свое решение и перестань мстить собственной родине: признав судьбу причиной всех тех зол, что ты перенес от нас или сотворил нам, возвращайся с радостью домой, прими нежнейшие объятия матери, приятнейшие приветствия жены, сладчайшие ласки детей и верни самого себя как наилучшее возмещение долга родине, породившей тебя и воспитавшей столь великим человеком».

XXIX. После того как Минуций изложил это, Марций, немного помедлив, ответил: «Тебе, о Минуций, и вам, отравленным сенатом вместе с ним, я являюсь другом и готов, если что-то в моих силах, оказывать услуги, поскольку и раньше, когда я был вашим согражданином и занимался общественными делами, вы были мне полезны во многих необходимых случаях, и после изгнания не отвернулись от меня с презрением к моей тогдашней судьбе как от человека, не имеющего больше возможности ни друзьям делать добро, ни врагам — зло, но остались хорошими и верными друзьями, заботясь о моей матери, жене и детях, облегчая им страдания своим вниманием. 2. Но остальным римлянам я — враг, насколько это в моих силах, и воюю я с ними, и никогда не перестану ненавидеть их: они меня за многие славные деяния, за которые следовало удостоить почестей, с позором изгнали из отечества, как совершившего величайшее преступление перед обществом, не проявив ни уважения к моей матери, ни жалости к детям, ни какого-либо иного человеческого чувства сообразно моим обстоятельствам. 3. Так вот, услышав это, скажите теперь, если вы лично что-то хотите от нас, совершенно не опасаясь, что чего-нибудь не получите из выполнимого, но о дружбе и примирении, которые вы предлагаете мне заключить с народом в надежде на возвращение, рассуждать прекратите. Как же, весьма охотно я желал бы вернуться в такой город, в котором награды доблести достаются пороку, а наказания для преступников несут те, кто ни в чем не виновен! 4. Ну скажите же мне, ради богов, по причине какого преступления или какому предавшись занятию, недостойному собственных предков, я терплю такую участь? Я отправился в свой первый поход, будучи совсем еще юным, когда мы боролись против царей, пытавшихся силой вернуться назад. После этого сражения в награду я был увенчан полководцем почетными венками за то, что спас гражданина и убил врага²⁷. 5. Сколько раз затем я сражался в других битвах, в конном и пешем строю, во всех я отличился и во всех получил награды за доблесть. И не было ни одного города, взятого приступом, на чьи стены не я взошел первым — либо один, либо с немногочисленными соратниками, — и не было бегства врагов с поля боя, главной причиной которого все присутствующие признавали не меня, и никакое другое из блестящих или благородных дел на войне не произошло без участия моей отваги или удачи.

XXX. Конечно, равным образом это мог бы сказать о себе и какой-нибудь другой благородный человек, пусть даже и не столь много. Но какой полководец или командир

²⁷ Corona civica — почетный венок из ветвей дуба, дававшийся за спасение согражданина.

мог бы похвастаться, что взял целый город, как я город кориоланцев, и что в тот же день тот же человек обратил в бегство вражеское войско, как я войско анциатов, пришедшее на помощь осажденным?²⁸ 2. Я ведь воздерживаюсь упоминать то, что, хотя мне, явившему такие доблести, можно было взять из добычи много золота и серебра, рабов, упряжных животных и прочего скота, много хорошей земли, я этого не пожелал, но, предпочтя, насколько возможно, не подавать повода для зависти к себе, взял одного только боевого коня из добычи и своего личного друга из пленников, а остальное богатство привез и сдал в казну. 3. Итак, чего из двух был я достоин за все это — подвергнуться наказанию или получить почести? И чего из двух — подчиниться худшим из граждан или самому определять права и обязанности для подчиненных? Но, может быть, не поэтому изгнал меня народ, а потому что в остальной жизни я был необуздан, расточителен и не подчинялся законам? Однако, кто мог бы указать кого-нибудь, кто вследствие моих противозаконных удовольствий был изгнан из отечества или потерял свободу, или лишился имущества, или испытал какое-либо иное несчастье? Ведь даже из врагов никто никогда не обвинял и не упрекал меня ни в чем из этого, но всеми засвидетельствовано, что у меня и повседневная жизнь была безукоризненной. 4. «Но, клянусь Юпитером, — кто-нибудь, пожалуй, скажет, — твой выбор политических пристрастий, возбудивший ненависть, причины тебе нынешнее горе. Ибо, хотя можно было избрать лучшую сторону, ты предпочел худшую и продолжал говорить и делать все, чем будет ниспровержен отеческий аристократический строй, а руководителем государства станет невежественная и подлая толпа». Но я-то поступал наоборот, Минуций, и заботился, чтобы сенат всегда руководил общественными делами и сохранялся отеческий порядок политического устройства. 5. Однако, за этот прекрасный образ жизни, который нашим предкам казался достойным подражания, я получил от родины такое вот удачное и благое вознаграждение, будучи изгнан не только народом, Минуций, но и гораздо раньше сенатом, который сначала, когда я боролся с плебейскими трибунами, стремившимися к тирании, поощрял меня пустыми надеждами, что, мол, он сам обеспечит мне защиту, но после того, как заподозрил некоторую опасность со стороны плебеев, покинул меня и отдал врагам. 6. Впрочем, ты сам тогда был консулом, Минуций, когда состоялось предварительное решение сената по поводу суда и когда Валерий, советовавший выдать меня народу, снискал большое одобрение за свои речи, а я из опасения, что буду осужден сенаторами, если начнется голосование, согласился и пообещал добровольно явиться на суд.

XXXI. Ну же, Минуций, ответь мне, показался ли я и сенату заслуживающим наказания, поскольку в общественной и частной жизни был наилучшим гражданином, или только одному народу? Ведь если все тогда приняли одно и то же решение и все меня изгнали, то ясно, что все вы, пожелавшие этого, ненавидите доблесть, и нет в

²⁸ См.: Дионисий. VI. 92–94.

вашем государстве места для одобрения нравственного совершенства²⁹. Если же уступить народу сенат был вынужден и поступок его явился следствием принуждения, а не собственной воли, то вы, полагаю, согласны, что находитесь во власти худших людей и что сенат совершенно не властен поступать так, как считает нужным. 2. Итак, вы предлагаете мне вернуться в такое государство, где лучшая часть управляется худшей? Значит, вы заподозрили у меня полнейшее сумасшествие! Ладно, допустим, вы меня убедили, и я, прекратив войну, как вы хотите, вернулся. Какой у меня после этого будет образ мыслей и какую жизнь я буду вести? Изберу ли спокойствие и безопасность и, домогаясь должностей, почестей и остальных благ, коих полагаю себя достойным, соглашусь ли угождать черни, имеющей власть над этим? Тогда из достойного человека стану дурным, и никакой пользы мне не будет от прежней доблести. 3. Или, все-таки, оставаясь при тех же самых нравах и сохраняя тот же самый политический выбор, буду противодействовать тем, кто предпочитает не то же самое? Разве не вполне ясно, что народ снова будет воевать со мной и снова потребует подвергнуть меня повторному наказанию, выдвигая то же самое первое обвинение, поскольку я, получив от него право вернуться, не веду угодную ему политику? Невозможно это отрицать. 4. Затем объявится какой-нибудь другой дерзкий вождь народа, подобный Ицилию или Децию, который предъявит обвинение, что я ссорю граждан друг с другом или строю козни против народа, или предаю город врагам, или стремлюсь к тирании, как и обвинил меня Деций, или в чем ином виноват, что бы ему ни пришло в голову: ведь ненависть не будет иметь недостатка в поводах. 5. И кроме прочих обвинений, немного времени спустя будет использовано и то, что было совершено мной на этой войне, так как я подверг разорению вашу землю, угнал добычу, отнял города и одних их защитников убил, а других выдал врагам. Если обвинители вменяют это мне, что я скажу им в свою защиту или чьей помощью воспользуюсь?

XXXII. Итак, разве не ясно, что вы, послы, краснобайствуете и лукавите, Минуций, прикрыв красивым названием нечестивое дело? Ибо, несомненно, не возвращение из изгнания вы предоставляете мне, а отправляете меня на закланье народу, возможно, даже заранее задумав это сделать (ведь уже ничего хорошего относительно вас мне не приходит в голову). 2. Однако, если вы желаете этого (я, конечно, допускаю), просто не предвидя ничего из того, что мне придется претерпеть, то какая мне будет польза от вашего незнания или глупости, когда вы не сможете ничему воспрепятствовать, даже если захотите, но будете вынуждены, наряду с остальным, и в этом угождать народу? Впрочем, для доказательства, что мне не подойдет из соображений

²⁹ Здесь употреблен термин «калокагатия» — (от греч. слов «красивое (прекрасное)» и «доброе (хорошее)»), древнегреческий идеал человека, в личности которого сочетаются физическое и нравственное совершенство. Включал в себе наряду с красотой, здоровьем и силой также такие душевные качества, как справедливость, мужество, разумность, умеренность.

безопасности то, что вы называете возвращением, а я — скорой дорогой к гибели, думаю, требуется, в конце концов, немного слов. Но что это не к доброй славе, чести или благочестию (поскольку и ты, о Минуций, правильно поступал, желая, чтобы я заботился об этом), а к величайшему позору и нечестию послужит мне, если доверюсь вам, — об этом послушай в свою очередь. 3. Я был врагом вот этим вольскам и причинил им большой вред на войне, добывая родине господство, мощь и славу. Разве не подобало мне почести получать от облагодетельствованных, а ненависть испытывать от обиженных? Конечно — если бы имело место что-либо разумное. Но судьба оба эти правила перевернула и изменила их смысл на противоположный. Ибо вы, римляне, ради которых я был врагом этим людям, отняли у меня все, что я имел, и, сделав меня ничем, изгнали. Они же, испытывавшие от меня страшные бедствия, приняли меня в своих городах — неимущего, бездомного, униженного и лишённого отечества. 4. И они не довольствовались свершением одного этого столь блестящего и великодушного дела, но предоставили мне также гражданство во всех своих общинах, должности и почести, какие у них самые важные. Пропускаю остальное: но ныне они назначили меня командующим с неограниченными полномочиями над полевой армией и все общественные дела подчинили мне одному. 5. Скажи-ка, с каким сердцем я когда-либо смог бы предать тех, от кого был украшен такими почестями, не испытыв никакой обиды, ни большой, ни малой? Разве что их благодеяния оскорбляют меня, как вас мои! Поистине прекрасную славу у всех людей принесет мне ставшее известным двойное предательство! Кто же, пожалуй, не восхвалит меня, услышав, что друзей, от которых мне подобало получать добро, найдя врагами, а врагов, от руки которых я должен был погибнуть, — друзьями, я, вместо того чтобы ненавидеть ненавидящих и любить любящих, стал придерживаться противоположного мнения?!

XXXIII. Ну же, Минуций, рассмотри и отношение со стороны богов, с каким я сталкиваюсь ныне и какое выпадет на мою долю в оставшуюся жизнь, если только, послушавшись вас, предам доверие этих людей. Как раз теперь во всяком деле, за какое я бы ни взялся против вас, они мне помогают, и ни в каком начинании я не знаю неудач. 2. И сколь значимым свидетельством моего благочестия вы считаете это? Ведь несомненно, если я начал против родины нечестивую войну, то следовало, чтобы со стороны богов все было против меня. Но поскольку в войнах я до сих пор пользовался попутным ветром судьбы, и, за какие дела ни берусь, все мне в точности удается, то очевидно, что я являюсь благочестивым мужем и избрал прекрасную деятельность. 3. Следовательно, что случится со мной, если я переменюсь и буду стараться вашу власть усиливать, а их — ослаблять? Не случится ли обратное, и не навлеку ли я на себя со стороны божества враждебный гнев, мстящий за обиженных, и так же, как благодаря богам из малого стал великим, не стану ли вновь из великого малым, и не окажутся ли мои несчастья наукой для остальных? 4. Вот какие мысли приходят мне в голову касательно богов, и я убежден, что те самые Фурии,

грозные и беспощадные к совершившим что-либо нечестивое, о которых и ты вспомнил, о Минуций, тогда будут преследовать меня, терзая душу и тело, когда я покину и предам людей, спасших меня, погубленного вами, и одновременно со спасением оказавших много прекрасных благодеяний, кому я предоставил богов поручителями, что прибыл не со злым умыслом и что сохранию имеющееся ко мне доверие, до сих пор безупречное и незапятнанное.

XXXIV. А когда ты, Минуций, упоминаешь еще друзей, изгнавших меня, и родину, отрекшуюся от меня, взываешь к законам природы и рассуждаешь о священном, то ты кажешься мне единственным не знающим простейших и общеизвестных вещей: что друзей или врагов определяют не внешние черты и не наименование, но каждый из них проявляется в делах и поступках, и все мы любим тех, кто оказывает помощь, и ненавидим тех, кто причиняет нам вред. Закон этот не какие-то люди учредили для нас и, соответственно, не отменяют его когда-нибудь, если вдруг решат наоборот, но мы унаследовали закон, установленный с начала времен всеобщей природой для всех наделенных чувствами и навечно сохраняющий свою силу. 2. И поэтому мы отрекаемся от друзей, когда они поступают с нами несправедливо, и признаем друзьями врагов, когда с их стороны оказывается нам какая-либо услуга, и город, породивший нас, мы любим, когда он помогает, а когда вредит нам — покидаем, любя его не из-за местоположения, но из-за пользы. 3. И так думают не только частные лица поодиночке, но и целые государства и народы, так что тот, кто придерживается этого взгляда, не желает ничего выходящего за рамки божественных установлений и не совершает ничего противоречащего общему суждению всех людей. Вот почему я и полагаю, что, поступая таким образом, я поступаю и справедливо, и выгодно, и благородно, и, вместе с тем, также весьма благочестиво по отношению к богам и не желаю считать людей, определяющих истину по догадке и личному суждению, судьями над ними, поскольку я делаю то, что угодно богам. Ведь я не думаю, что берусь за невыполнимые дела, имея богов их руководителями, если только следует судить о будущем по уже случившемуся.

XXXV. Относительно же умеренности, к которой вы призываете меня, и относительно просьбы не уничтожать с корнем римский род и не разрушать до основания весь город я ведь уже имел возможность, Минуций, ответить, что не я распоряжаюсь этим и не ко мне речь об этих вопросах, все-таки я — командующий войском, а над войной и миром властны вот они: так что у них просите перемирия для заключения мирного договора, но не у меня. 2. Впрочем, чтя отеческих богов и уважая могилы предков и страну, которой был порожден, жалея жен и детей ваших, на коих незаслуженно падут ошибки отцов и мужей, и ничуть не менее остального также и ради вас, о Минуций, послов, назначенных государством, я даю следующий ответ: если римляне вернут вольскам землю, которую у них отняли, и, отозвав своих поселенцев, их города, которыми сейчас владеют, а кроме того, заключат с вольсками договор о дружбе на вечные времена и предоставят равные права гражданства, как и латинам,

вознеся клятвы и проклятия против нарушителей условий договора, тогда я прекращу войну с ними, но раньше — нет. 3. Итак, сообщите это римлянам и точно так же, как со мной, весьма тщательно обсудите и с ними следующие соображения касательно справедливости: несомненно, прекрасно для каждого, владея своим имуществом, жить в мире, и многого стоит ничего не бояться — ни врагов, ни обстоятельств, — но постыдно, держась неотступно за чужое, терпеть ненужную войну, в которой они будут рисковать и всем своим собственным добром. И покажите им, что награды для тех, кто домогается чужой земли, оказываются неравными при успехе и неудаче, а если хотите, то добавьте для желающих завладеть еще и городами тех, кому был причинен вред, что если не победят, то лишатся и собственной земли, и собственного города и в дополнение к этому увидят своих жен, терпящих величайший позор, и детей, уводимых на бесчестье, и родителей, на краю могилы обращаемых из свободных в рабов. 4. И вместе с тем объясните сенату, что они не смогут обвинить в этих бедах Марция, но только собственное безрассудство. Ибо, хотя в их власти поступить справедливо и не подвергнуться никакому бедствию, они окажутся в крайней опасности, если будут до конца цепляться за чужое. 5. Вы имеете ответ: ничего более этого вы не сможете получить от меня. Возвращайтесь-ка и обсудите, что вам следует делать. И чтобы вы могли посоветоваться, я даю вам сроку тридцать дней. А на это время в угоду тебе, о Минуций, и ради остальных вас я отведу войско с вашей земли: ведь вы, пожалуй, будете нести значительные убытки, если оно останется здесь. Но на тридцатый день ожидайте меня, явившегося получить ваш ответ».

XXXVI. Молвив это, Марций встал и распустил собрание. А на следующую ночь, около последней стражи³⁰, подняв войско, он повел его против оставшихся городов латинов — или на самом деле получив сведения, что оттуда должна прийти какая-то помощь римлянам, как сказал тогда, выступая публично, или сам выдумав предлог, чтобы не показалось, что он в угоду врагам прекратил войну. 2. Итак, напав на так называемую Лонгулу³¹ и без труда овладев ею, он поработил и разграбил ее тем же самым способом, что и другие города, после чего направился к городу сатриканцев³². Захватив и его после непродолжительного сопротивления жителей и приказав части своей армии отвезти добычу из обоих этих мест в Эцетру, Марций взял с собой остальное войско и повел его к другому городу, именуемому Цетия³³. Овладев также им и разграбив, он вторгся на землю полусканцев³⁴. Поскольку и полусканцы не

³⁰ Римляне и греки в военном лагере делили ночь на стражи: греки — на три, римляне — на четыре. Последняя стража у римлян охватывала промежуток времени приблизительно от трех до шести часов ночи.

³¹ Конъектура Силбурга (Sylburg). Во всех рукописях: «Лонгади». Город в области Анция, в 45 км к югу от Рима.

³² Сатрик — город в Лации между Велитрами и Анцием. Полностью разрушен римлянами в 346 г. до н.э.

³³ Название города встречается только у Дионисия.

³⁴ Полуска — город в области Анция, в 45 км к югу от Рима.

смогли оказать сопротивление, он, захватив штурмом и их, направился против следующих городов: а именно, альбиетов и мугилланцев Марций берет приступом, хориеланцев³⁵ же подчиняет по договору. 3. Итак, став за тридцать дней хозяином семи городов, он пришел к Риму, ведя войско гораздо больше прежнего, и, оказавшись от города на расстоянии немногим более тридцати стадиев³⁶, расположился лагерем возле дороги, ведущей в Тускул³⁷. А в то время как Марций захватывал и привлекал на свою сторону города латинов, римляне, после длительного обсуждения его требований, решили не делать ничего недостойного их государства, но, если вольски уйдут с их земли и земли союзников и подданных Рима и, прекратив войну, отправят послов для переговоров о дружбе, то сенату принять тогда предварительное постановление, на каких справедливых условиях они станут друзьями, и эти решения внести на утверждение народу; пока же вольски совершают враждебные действия, оставаясь на их землях и землях союзников — не принимать никакого дружественного им постановления. 4. Ведь всегда у римлян, несомненно, большое значение придавалось тому, чтобы никогда ничего не совершать по приказу или уступив страху перед врагами, но противнику, заключившему мир и покорившемуся, охотно предоставлять и уступать то, что из разумного он просил. И этот возвышенный образ мыслей Рим постоянно сохранял вплоть до нашего времени среди многих великих опасностей во внешних и внутренних войнах.

XXXVII. Итак, сенат проголосовал за это решение и выбрал послами десять других человек из бывших консулов, чтобы они предложили Марцию не выдвигать никакого тяжкого или недостойного римлян требования, но, прекратив вражду и выведя войско из римских пределов, стараться достичь своих целей убеждением и с помощью миролюбивых речей, если он хочет заключить прочное и постоянно действующее соглашение между государствами: ведь уступки, предоставляемые и частным лицам, и общинам в силу какой-либо необходимости или тяжкого обстоятельства, вместе с изменением обстоятельств или исчезновением необходимости тотчас отменяются. Назначенные сенатом послы, как только стало известно о прибытии Марция, сразу были отправлены к нему и высказали много заманчивых предложений, соблюдая и в переговорах достоинство государства. 2. Но Марций никакого другого ответа им не дал, однако посоветовал решить что-нибудь получше и явиться к нему в течение трех дней, ибо только это одно перемирие будет у них на войне. Когда же послы захотели что-то возразить на это, он не позволил, но приказал им поскорее уходить из лагеря, пригрозив, если они не сделают этого, поступить с ними, как с лазутчиками. И они тотчас молча поспешили удалиться. 3. Однако сенаторы, узнав от послов о

³⁵ Неизвестные города. Названия «альбиеты» и «хориеланцы» явно искажены.

³⁶ Немногим более пяти километров.

³⁷ Тускул — крупный город в 20 км к юго-востоку от Рима, занимавший руководящее положение в Латинском союзе.

надменных ответах и угрозах Марция, даже тогда не постановили выступить с войском в поход — или поостерегшись ратной неопытности собственных воинов (ведь большинство из них были новобранцами), или опасным посчитав малодушие консулов (действительно, решительность у них была весьма слабой), чтобы предпринимать столь важную борьбу, или, возможно, поскольку и божество противодействовало им в их походе через вещих птиц³⁸, либо сивиллины оракулы³⁹, либо через какое-нибудь унаследованное от отцов гадание, чем тогдашние люди не считали возможным пренебрегать, подобно нынешним. Охрану же города решили нести с большей бдительностью и от врагов обороняться со стен.

XXXVIII. Но занимаясь этим и делая приготовления, они все же не оставляют надежды, что еще имеется возможность переубедить Марция, если попросят его с помощью более многочисленного и уважаемого посольства. Поэтому принимают постановление, чтобы верховные жрецы⁴⁰, птицегадатели⁴¹ и все остальные, кто, получив, имел какой-нибудь священный сан или службу, относящиеся к общественному почитанию богов, — ведь у них очень много жрецов и служителей богов, и эти жрецы самые знаменитые среди остальных граждан как по происхождению, так и по славе собственной доблести, — так вот, чтобы все они, неся с собой священные символы богов, кому они поклоняются и служат, и обрядившись в священные одежды, вместе отправились к лагерю врагов с теми же самыми, что и раньше, предложениями. 2. Когда же эти мужи прибыли и объявили то, что им поручил сенат, Марций даже им не дал ответа по поводу того, что они предлагали, но посоветовал удалиться и либо выполнить его повеления, если хотят жить в мире, либо ожидать войну, которая придет прямо к городу, и запретил впредь вести с ним переговоры. 3. Так как римляне потерпели неудачу и в этой попытке, они, оставив всякую надежду на заключение мира, стали готовиться к осаде, поставив самых крепких воинов около

³⁸ Такое гадание по полету, крику или кормлению птиц называлось у римлян ауспигиями, которые проводились перед началом всякого важного мероприятия с целью узнать волю богов в отношении этого мероприятия.

³⁹ Сивиллины оракулы — тайные книги стихотворных оракулов, использовавшиеся римским государством в исключительных обстоятельствах для определения способов умилостивления богов. Для их охраны и толкования была создана специальная коллегия жрецов священнодействий, которые обращались к оракулам только по приказу сената. По преданию, появились в Риме при царе Тарквинии Гордом. См.: Дионисий. IV. 62.

⁴⁰ Имеется в виду понтифики — римская жреческая коллегия, которой подчинялись и некоторые другие жрецы. Понтифики разрабатывали вопросы сакрального права, оказывали помощь при проведении религиозных ритуалов, давали консультации в сфере своей компетенции, ведали календарем, вели летопись, осуществляли надзор над частным культом и т. д.

⁴¹ Имеются в виду авгуры — римская жреческая коллегия гадателей по птицам, консультировавшие магистратов и частных лиц и оказывавшие помощь при гаданиях, а также осуществлявшие инавуграцию (посвящение божеству людей, земли и др.).

рва и у ворот, а на стенах — тех освобожденных уже от военной службы, кто еще был способен переносить тяготы.

XXXIX. А их жены, как будто опасность была уже рядом, оставив благопристойность домашней жизни, с плачем бежали к храмам богов и простирались перед статуями: и каждое священное место было наполнено рыданиями и мольбами женщин, но особенно храм Юпитера Капитолийского. 2. Именно там одна из них, выделявшаяся своим происхождением и авторитетом, находившаяся тогда в расцвете сил и самая способная здраво рассуждать, по имени Валерия, сестра Попликолы, одного из тех, кто освободил государство от царей, встала, побужденная неким божественным внушением, на самом верху цоколя храма и, позвав к себе остальных женщин, прежде всего успокоила и ободрила их, прося не пугаться опасности. Затем Валерия заверила, что есть у города одна надежда на спасение, но она заключается только в них, женщинах, если они согласятся сделать то, что нужно. 3. Тогда кто-то из них спросил: «И как же, мы, женщины, сможем спасти родину, когда даже мужчины отчаялись? Какая такая сила есть у нас, слабых и несчастных?» — «Та, — ответила Валерия, — что нуждается не в оружии и крепости рук, ибо от этого освободила нас природа, но в доброжелательности и красноречии». Когда же после этого поднялся крик и все стали просить, чтобы Валерия пояснила, в чем заключается помощь, она говорит им: 4. «Давайте в этой грязной и растрепанной одежде, пригласив остальных женщин и взяв наших детей, пойдем к дому Ветурии, матери Марция. Поставив детей у ее колен⁴², будем со слезами умолять ее, чтобы, пожалев и нас, не причинивших ей никакого зла, и родину, находящуюся в крайней опасности, отправилась в лагерь врагов, ведя внуков и их мать и всех нас — ибо давайте последуем за ней вместе с детьми. Затем, чтобы она, став просительницей у сына, просила и умоляла его не причинять родине никакого непоправимого вреда. 5. Ведь овладеют же им какое-нибудь сострадание и человеческие мысли, когда она будет плакать и молить. Не настолько суровое и неузвимое имеет он сердце, чтобы вынести вид матери, протершейся у его колен».

XL. А когда присутствующие женщины одобрили ее речь, Валерия, попросив у богов придать их просьбе убедительность и привлекательность, вышла из святилища, и другие последовали за ней. И после этого, взяв с собой остальных женщин, они все вместе отправились к дому матери Марция. Увидев же приближающуюся толпу, жена Марция Волумния, сидевшая рядом со свекровью, удивилась и спросила: «С какой целью вы, женщины, пришли во множестве в несчастный и униженный дом?» И Валерия ответила: 2. «Находясь в крайней опасности — и сами, и вот эти малые детки, — мы обратились как просительницы к тебе, о Ветурия, к одной-единственной защите, заклиная тебя, прежде всего, пожалеть общую родину: ее, еще никогда никому не подчинявшуюся, не дай вольскам лишить свободы, если даже, допустим,

⁴² Знак мольбы и просьбы.

они пощадят ее, одержав победу, и не будут стремиться совершенно уничтожить. Затем — умоляя за нас самих и за этих несчастных малышей, чтобы не подверглись мы бесчинствам врагов, не будучи повинны ни в одном из постигших вас несчастий. 3. Если осталось у тебя в душе сколько-нибудь доброты и человечности, посочувствуй, о Ветурия, нам, как женщина женщинам, соучаствовавшим некогда вместе с тобой в священном и мирском, и, взяв с собой Волумнию, добрую жену, и ее детей, и нас, просительниц, с этими вот детками, хотя бы одних знатных, иди к сыну и уговаривай его, и неотступно умоляй, и не прекращай упрашивать, добиваясь у него одной милости взамен многих — чтобы он заключил мир с собственными гражданами и вернулся на родину, желающую возвратить его. Ведь ты убедишь его, будь уверена, и не отвергнет тебя, простершуюся у его ног, благочестивый сын. 4. Вернув же сына в родной город, ты и сама безусловно обретешь бессмертную славу, избавив отечество от столь большой опасности и страха, и явись причиной определенного уважения к нам со стороны мужчин, поскольку именно мы прекратим войну, которую они не смогли остановить, и мы предстанем действительно потомками тех женщин, которые сами, став посредниками, прекратили войну, вспыхнувшую у Ромула против сабинян⁴³, и сделали город из малого великим, соединив и предводителей, и народы. 5. Прекрасно, о Ветурия, подвергнуться опасности, чтобы обрести снова сына, освободить родину, спасти собственных согражданок, оставить потомкам после себя бессмертную славу своей доблести. Окажи нам милость добровольно и охотно, но поторопись, о Ветурия: ведь положение крайне опасно и не допускает обсуждения или промедления».

XLI. Сказав именно это и пролив много слез, она замолчала. Когда же и остальные женщины начали жаловаться и обращаться с многочисленными просьбами, Ветурия, немного помедлив и заплакав, молвила: «К слабой и ничтожной надежде прибегли вы, о Валерия, — к помощи от нас, несчастных женщин, у которых имеются любовь к родине и желание спасти граждан, какими бы они ни были, но отсутствуют сила и возможность делать то, что мы хотим. 2. Ведь Марций отвернулся от нас, Валерия, с тех пор как народ вынес ему этот прискорбный приговор, и возненавидел всю свою семью вместе с родиной: и это мы можем сказать вам, услышав не от кого-то иного, а от самого Марция. Ибо когда после осуждения на процессе он в сопровождении друзей вернулся домой и застал нас сидящими в траурных рубищах, подавленных, держащих у колен его детей и, что естественно, рыдающих и оплакивающих судьбу, предстоящую нам, как только лишимся его, он, встав немного поодаль от нас, без слез, словно камень, и непреклонный, сказал: 3. “О мать, а также ты, Волумния, наилучшая из жен, потерян для вас Марций, изгнанный гражданами, поскольку был благороден и любил свой город и много тяжелых трудов перенес за родину. Но сноси́те несчастья так, как подобает достойным женщинам, не совершая ничего

⁴³ См.: Дионисий. II. 45; 46. 1.

постыдного или низкого, и деток этих — утешение за мое отсутствие — воспитывайте достойно вас и нашего рода. Пусть боги дадут им, когда они повзрослеют, судьбу лучшую, чем у отца, а доблесть — не хуже. Так что прощайте. Ибо я уже ухожу, покидая город, более не имеющий места для доблестных людей. И вы, о боги-покровители дома, и отчий очаг, и божества, обитающие в этом месте⁴⁴, — прощайте!”

4. Когда же он это изрек, мы, несчастные, издавая вопли, каких требовало наше горе, и бия себя в грудь, окружили его, чтобы обняться в последний раз — из этих детей я вела старшего, а младшего держала на руках мать — но он, отвернувшись и оттолкнув нас, заявил: “Больше не будет с этого времени Марций твоим сыном, мать, но отняла у тебя родина кормильца в старости, и не твой он муж с этого дня, о Волумния, но пусть ты будешь счастлива, выйдя замуж за другого, более удачливого, чем я, и не ваш он отец отныне, о дети любимейшие, но вы, сироты, лишенные отца, будете воспитываться у этих женщин, пока не повзрослеете”. 5. Сказав это, но не распорядившись и не поручив ничего, не сообщив, куда направляется, ушел из дома один, о женщины, без рабов, без средств, не взяв, несчастный, даже на один день продовольствия из своего хозяйства. И вот уже четвертый год — с тех пор как он находится в изгнании вне родины — он считает всех нас чужими себе, ничего не пишет, не извещает, не желает ничего знать насчет нас. 6. Для такой-то души, столь суровой и неуязвимой, Валерия, какую будут иметь силу просьбы от нас, кому он не уделил ни объятий, ни поцелуев, ни какой-нибудь другой ласки, уходя из дома в последний раз?

XLII. Но даже если вы этого хотите, о женщины, и непременно желаете увидеть нас в неподобающей роли, представьте себе, что мы явимся к нему — и я, и Волумния с детьми, — какие слова сначала скажу ему я, мать, и с какой просьбой обращусь к сыну? Расскажите и научите меня! Призову ли пощадить собственных сограждан, коими был изгнан из отечества, и притом не совершив никакого преступления?! Стать милосердным и сочувствующим по отношению к плебеям, от которых не увидел ни милосердия, ни сочувствия?! И, следовательно, покинуть и предать тех, кто принял его в изгнании, кто, претерпев от него раньше много бед, явил по отношению к нему не ненависть врагов, а доброжелательность друзей и родственников?! 2. С какими чувствами я буду требовать, чтобы сын любил тех, кто погубил его, и вредил тем, кто спас?! Не таковы речи матери, находящейся в здравом уме, к сыну или жены, рассуждающей должным образом, к мужу. И вы, женщины, не принуждайте нас просить

⁴⁴ Богами-покровителями дома в древнем Риме считались Пенаты и Лары, иногда отождествлявшиеся. Пенаты — прежде всего хранители запасов продовольствия. Функции Ларов были разнообразны, но семейные Лары являлись покровителями дома в целом и следили за соблюдением традиционных норм во взаимоотношениях членов семьи. Культ Пенатов и Ларов был связан с очагом — сакральным центром домохозяйства, рядом с которым в особом шкафу хранились их изображения. Имелись Пенаты и Лары — покровители всей римской гражданской общины.

у него то, что ни по отношению к людям не является справедливым, ни по отношению к богам — благочестивым, но позвольте нам, несчастным, как уж пали мы по воле судьбы, оставаться униженными, не испытывая еще большего позора».

XLIII. А когда она замолчала, такой плач поднялся среди присутствующих женщин и такое рыдание охватило дом, что крик был услышан в значительной части города и улицы рядом с домом заполнились народом. 2. Тогда и Валерия опять стала высказывать другие пространные и прочувствованные просьбы, и остальные женщины, близкие обоим в силу дружбы или родства, оставались там, неотступно умоляя и припадая к коленям, так что Ветурия, не зная, как ей вытерпеть их причитания и многочисленные просьбы, уступила и пообещала совершить посольство ради отчизны, взяв с собой жену и детей Марция, а также желающих из прочих гражданок. 3. Итак, весьма обрадовавшись и призвав богов помочь им в их надеждах, они удалились из дома и сообщили о случившемся консулам. Те же, восхвалив их усердие, создали сенат и стали выяснять мнения относительно похода женщин, стоит ли разрешать им. В итоге, речей было сказано много и многими, и вплоть до вечера продолжали обсуждать, что следует делать. 4. Ибо одни доказывали, что для государства является немалым риском позволить женщинам вместе с детьми отправиться в лагерь врагов: ведь если те, презрев широко признанные священные права в отношении послов и молящих о помощи, решат более не отпускать женщин, то их город будет захвачен без боя. Они предлагали разрешить пойти одним только родственницам Марция вместе с его детьми. Другие же считали, что и этим женщинам не следует позволять уйти, и даже убеждали усердно их стеречь, чтобы, признав их заложницами, иметь порукой от врагов, что ничего ужасного город от тех не испытает. 5. Однако третьи советовали всем желающим женщинам предоставить свободный выход, чтобы родственницы Марция с большим достоинством походатайствовали за родину. А что ничего страшного с ними не случится, гарантами этого, доказывали, станут, во-первых, боги, которым женщины будут посвящены, прежде чем обратиться с просьбами, затем — сам человек, к которому они собирались отправиться, ведущий жизнь чистую и незапятнанную никаким несправедливым и нечестивым деянием. 6. Все-таки победило предложение позволить женщинам пойти, заключавшее в себе величайшую хвалу обоим: сенату — за мудрость, поскольку он наилучшим образом сумел предвидеть будущее, ничуть не смутившись опасностью, которая была столь велика, а Марцию — за благочестие, ибо, являясь врагом, он тем не менее пользовался доверием, что не совершит никакого нечестивого поступка против слабейшей части общества, обретя над ней власть. 7. И как только сенатское постановление было записано, консулы отправились на площадь и, созвав народное собрание, хотя было уже темно, разъяснили решения сената и объявили, чтобы на рассвете все пришли к воротам проводить уходящих женщин. Они сказали также, что позаботятся о самом необходимом.

XLIV. Итак, когда уже близился рассвет, женщины, ведя детей, с факелами пришли к дому Ветурии и, взяв ее с собой, направились к воротам. А консулы, подготовив

как можно больше упряжек мулов, повозок и прочих средств передвижения, посадили на них женщин и долго провожали их. Сопровождали их также и члены сената, и многие прочие граждане с обетами, похвалами и просьбами, придавая их походу больше блеска. 2. И как только приближающиеся женщины еще издали стали хорошо видны воинам из лагеря, Марций посылает нескольких всадников, приказав выяснить, что за толпа подходит из города и ради чего они явились. Узнав же от них, что идут римские женщины, ведя детей, а впереди них его мать, жена и сыновья, он прежде всего удивился отваге женщин, если они решились пойти с детьми в лагерь врагов без мужской охраны, и к тому же не заботясь о стыдливости, подобающей женщинам свободным и добродетельным, что возбраняет показываться перед незнакомыми мужчинами, и не испугавшись опасностей, которым, как можно было ожидать, они подвергнутся, если враги, предпочтя свой интерес справедливости, вознамерятся получить от них выгоду и пользу. 3. И когда они были уже близко, он решил встретить мать, выйдя из лагеря с немногими сопровождающими, кроме того, приказал ликторам отложить секиры, которые, по обычаю, носили перед военачальниками, и, как только он окажется рядом с матерью, — опустить фасции⁴⁵. 4. Есть у римлян обычай именно так поступать, когда те, кто имеет меньшую власть, встречают более высоких по положению должностных лиц, что соблюдается вплоть до нашего времени. Несомненно, следуя подобному обыкновению того времени, Марций, как будто ему предстояло явиться к высшей власти, отложил все знаки собственной должности. Столь велики были его почтительность и забота об уважении к своей семье.

XLV. Когда же они приблизились друг к другу, первой мать подошла к нему, чтобы поприветствовать, — одетая в траурное рубище и глаза иссушившая слезами, вызывающая большую жалость. Увидев ее, Марций, до тех пор неумолимый и суровый, способный противостоять всем тяготам, оказался уже не в состоянии следовать своим принципам: чувства быстро взяли верх, и он, обняв мать, стал целовать ее и называть самыми нежными словами и в течение долгого времени, проливая слезы, бережно поддерживал ее, лишившуюся сил и оседающую на землю. А после того как вдоволь получил материнских ласк, он поприветствовал жену, подошедшую с детьми, и сказал: 2. «Поступок добродетельной жены совершила ты, о Волумния, оставшись у моей матери и не покинув ее в одиночестве, и мне тем самым преподнесла приятнейший из всех даров». После этого он привлек к себе каждого из сыновей и, воздав им подобающие отцу ласки, снова обратился к матери и предложил сказать, о чем она пришла просить. А она ответила, что будет говорить в присутствии всех, ибо не собирается просить о чем-либо нечестивом, и призвала его расположиться на том месте, где он обычно заседал, творя суд воинам. 3. И Марций охотно принял пред-

⁴⁵Фасции — связанные ремнями пучки прутьев с воткнутыми в них секирами, символ карающей власти высших римских магистратов, впереди которых их несли специальные служители (ликторы).

ложение, несомненно, чтобы высказать много обоснованных возражений на ее обращение и чтобы дать ответ в удобном для толпы месте. Придя же к трибуналу⁴⁶, он прежде всего приказал ликторам снять оттуда курьное кресло⁴⁷ и установить его на земле, считая, что не должен занимать место выше матери и использовать по отношению к ней какие-либо атрибуты власти. Затем, усадив рядом самых выдающихся военачальников и младших командиров и позволив присутствовать всем остальным, кто желает, он повелел матери говорить.

XLVI. И вот Ветурия, поставив рядом с собой жену Марция, его детей и самых знатных из римских женщин, сначала стала плакать, надолго обратив взор к земле, и вызвала у присутствующих глубокое сочувствие. Затем, взяв себя в руки, она молвила: 2. «Эти женщины, о сын мой Марций, осознавая, какие насилия и прочие бедствия случатся с ними, если наш город окажется под властью врагов, и отчаявшись в любой другой помощи, после того как ты дал надменные и суровые ответы их мужьям, предлагавшим прекратить войну, обратились, приведя детей и облачившись в эти траурные рубища, ко мне, твоей матери, и к Волумнии, твоей супруге, прося не допустить, чтобы им пришлось изведать от тебя величайшие из человеческих зол: ведь они ни в чем, — ни в большем, ни в меньшем, — не погрешили против нас, напротив, проявили и полное благожелательство, когда мы были счастливы, и глубокое сочувствие, когда мы попали в беду. 3. Действительно, мы можем заверить, что с тех пор, как ты покинул родину, а мы остались одни и уже без всякого влияния, они постоянно приходили к нам, утешали в наших бедах и сочувствовали нам. Так вот, помня об этом, я и твоя жена, живущая со мной, не отвергли их мольбы, но решились, о чем они просили нас, пойти к тебе и обратиться с просьбой за отечество».

XLVII. Но, хотя она еще не закончила речь, Марций прервал ее и сказал: «Желая невозможного, мать, ты пришла, предлагая мне предать изгнавшим меня тех, кто принял, и лишившим меня всего собственного — тех, кто охотно оказал величайшие из человеческих благодеяний. Им, получая эту власть, я предоставил богов и божества порукой того, что не предам их государство и не прекращу войну, если это не будет угодно всем вольскам. 2. Итак, чтя богов, коими клялся, и уважая людей, которым поручился в верности, я буду воевать с римлянами до конца. Но если они вернут вольскам их землю, которую удерживают силой, и признают их друзьями, предоставляя им равенство во всем, подобно латинам, тогда я прекращу войну с римлянами: иначе же — нет. 3. Ну, а вы, о женщины, ступайте и скажите это мужьям, убеждайте их не держаться вопреки справедливости за чужое добро, но быть доволь-

⁴⁶ Lat. tribunal — специальное возвышение, на котором восседал магистрат или полководец при выполнении своих обязанностей.

⁴⁷ Курьное кресло — украшенное слоновой костью складное сидение без спинки со скрещенными изогнутыми ножками, которым имели право пользоваться только высшие магистраты, курьные адилы и жрец Юпитера. Являлось наследием царских инсигний.

ными, если им позволят владеть собственным, а что касается имущества вольсков, которым римляне обладают, захватив на войне, — не дожидаться, пока оно будет отнято у них вольсками опять же войной. Ведь победителям не будет достаточно только свое вернуть, но они захотят завладеть и собственностью самих побежденных. Итак, если римляне, цепляясь за то, что им вовсе не принадлежит, в своей гордыне решатся вытерпеть все, что бы ни было, тогда вы будете обвинять в грядущих бедствиях их, а не Марция и не вольсков и никого другого из людей. 4. Тебя же, о мать, я, как твой сын, в свою очередь вновь молю не призывать меня к нечестивым и неправедным деяниям и не считать врагами самых близких родственников, примкнув к враждебнейшим мне и тебе самой людям, но, оказавшись у меня (что справедливо), жить в том отечестве, где я живу, и в том доме, который я приобрел, пользоваться моими почестями и наслаждаться моей славой, считая друзьями и врагами тех же, что и я. Еще прошу немедленно сложить с себя траур, который ты, несчастная, приняла из-за моего изгнания, и прекратить наказывать меня этим своим одеянием. 5. Ведь прочие блага, о мать, достались мне от богов и людей лучшие, чем ожидал, и бóльшие, чем мечтал, но глубоко запавшее в душу беспокойство за тебя, которую я не отблагодарил в старости своими заботами, сделало мою жизнь горькой и не имеющей пользы от всех этих благ. Если же ты займешь свое место рядом со мной и согласишься разделить со мной все мои дела, то более мне ничего не нужно будет из человеческих благ».

XLVIII. А когда Марций умолк, Ветурия, выждав немного времени, пока не прекратились громкие и продолжительные восхваления со стороны окружающих, говорит ему: «Да я же и не предлагаю, чтобы ты, о сын мой Марций, предал вольсков, которые, приняв тебя, изгнанника, доверили командование над собой и удостоили остальных почестей, и не хочу, чтобы ты в нарушение соглашений и клятв, которые дал им, когда принимал под начало войска, единолично, без общего согласия, прекратил вражду. Не думай, что твоя мать настолько выжила из ума, чтобы призывать любимого и единственного сына к позорным и нечестивым деяниям. 2. А желаю я, чтобы ты отказался от войны при общем согласии вольсков, убедив их стать умереннее в отношении мирного договора и заключить мир, выгодный и почетный для обоих народов. И это могло бы произойти, если бы теперь ты поднял и увел войско, предварительно заключив годичное перемирие, а в течение этого срока, обмениваясь послами, добивался бы истинной дружбы и прочного примирения. 3. И будь уверен: римляне, убеждаемые уговорами и просьбами, будут готовы сделать все, насколько не окажется препятствием что-либо невыполнимое или какое-нибудь иное бесчестие, имеющееся в условиях договора, но под принуждением, как, например, ты ныне требуешь, они, пожалуй, ни в чем никогда вам не уступят, ни в большем, ни в меньшем, что ты можешь уяснить из многих других примеров, а за последнее время — из тех уступок, которые они сделали латинам, когда те сложили оружие. Конечно, вольски сейчас чрезмерно самонадеянны, что случается при большом успехе. 4. Однако,

если ты будешь учить их, что всякий мир лучше любой войны, а добровольное соглашение друзей прочнее, чем уступки, сделанные по необходимости, и что мудрым людям свойственно распоряжаться судьбой по своему усмотрению, когда, по их мнению, дела идут хорошо, но когда они попадают в тяжелое и скверное положение — не подчиняться ничему позорному, и если ты приведешь прочие, сколько найдется, ведущие к кротости и человечности поучительные изречения, которые вы, кто занимается государственными делами, лучше всех знаете⁴⁸, то будь уверен, что вольски по своей воле умерят гордыню, под влиянием которой ныне находятся, и дадут тебе власть вершить все, что, как ты считаешь, принесет им пользу. 5. Если же они станут противиться тебе и не одобряют твои слова, кичась успехами, случившимися у них благодаря тебе и твоему руководству, как будто те постоянно будут иметь место, открыто откажись от командования у них и не становись ни предателем для доверившихся тебе, ни врагом для самых близких людей: ведь и то и другое нечестиво. Я пришла просить тебя предоставить мне с твоей стороны, сын мой Марций, именно это, что не совсем уж невозможно, как ты утверждаешь, и чисто от всяких неправедных и нечестивых помыслов.

XLIX. Да, но ты боишься приобрести дурную славу, если сделаешь то, к чему я призываю тебя, полагая, что будешь обвинен в неблагодарности по отношению к благодетелям, кто, приняв тебя — врага, дал участие во всех благах, на которые имеют право их урожденные граждане: ведь именно это ты постоянно подчеркиваешь в своих речах. 2. Все же, разве ты не отблагодарил их многими прекрасными делами и не превзошел, безусловно, безмерностью и количеством своих услуг благодеяния с их стороны? Вольсков, считавших достаточным и величайшим из всех благ, если они живут в свободном отечестве, ты не только сделал совершенно самостоятельными в собственных делах, но и привел к тому, что они уже обсуждают, лучше ли для них уничтожить римскую власть или принять в ней равное участие, установив общее гражданство! 3. Я уж воздерживаюсь говорить, каким количеством военной добычи ты украсил их города и сколь большие богатства даровал участникам своих походов. И ты в самом деле полагаешь, что они, став благодаря тебе столь сильными и достигнув такого процветания, не будут довольны теми благами, какие ныне имеют, но станут сердиться на тебя и негодовать, если ты их руками не прольешь и кровь своей родины? Я так не думаю. 4. Остается у меня еще один довод — веский, если будешь судить о нем разумно, но слабый, если в гневе, — касательно несправедливо ненавидимого тобой отечества. Ведь не в здравом уме и не по обычаям предков управляемое вынесло оно неправедный приговор против тебя, но больное и раскачиваемое сильной бурей. И не все отечество тогда поддержало это решение, а худшая

⁴⁸ В рукописях сказуемое отсутствует. «Знаете» предложил Якоби (Jacoby), Райске (Reiske) предложили «имеете под рукой (наготове)», Кэппс (Capps) — «постоянно говорите», Синтенис (Sintenis) — «используете».

часть в нем, последовавшая за дурными вождями. 5. Если же и в самом деле так считали не только наихудшие граждане, но и все остальные, и ты был изгнан ими за то, что не лучшим образом управлял общественными делами, то и тогда тебе не подобало быть столь злопамятным по отношению к собственной родине. Ведь, несомненно, многим другим политическим деятелям, исходившим из наилучших побуждений, пришлось испытать подобное. И также, безусловно, мало таких, кому, по причине признанной доблести, не противодействовала несправедливая зависть со стороны сограждан. 6. Но, Марций, все благородные люди переносят несчастья по-человечески и терпеливо и выбирают города, поселившись в которых они не будут причинять родине никакого беспокойства. Так поступил и Тарквиний по прозвищу Коллатин (достаточно одного примера и притом из собственного прошлого), который принял участие в освобождении граждан от тиранов, но впоследствии был перед ними оклеветан, — якобы он содействует тиранам вернуться назад, — и поэтому сам был изгнан из отечества⁴⁹. Однако он не стал питать злобу против изгнавших его и не пытался идти войной на родное государство, привлекая на свою сторону тиранов, и не совершал действий, подтверждающих обвинения, но, удалившись в нашу метрополию Лавиний, прожил там всю остальную жизнь, оставаясь патриотом и другом родине.

Л. Впрочем, пусть будет именно так и пусть позволено тем, кто испытал ужасные обиды, не проводить различие, свои ли причинили зло или чужие, но негодовать на всех одинаково: тем не менее разве недостаточное удовлетворение ты взыскал с оскорбивших тебя, превратив их лучшую землю в пастбище для овец, полностью разрушив союзные города, которыми римляне обладали, приобретя ценой больших трудов, и вот уже третий год подвергая их крайней нехватке необходимых вещей? Но ты доводишь свой дикий и неистовый гнев вплоть даже до порабощения и уничтожения самого их государства. 2. И к тому же ты не проявил уважения ни к послам, отправленным сенатом, — твоим друзьям и достойным людям, которые пришли, неся тебе освобождение от обвинений и разрешение вернуться домой, — ни к жрецам, которых затем отправил город, старцам, простиравшим священные венки богов: но ты и их прогнал, дав ответы надменные и в повелительном тоне, как побежденным. 3. Я не знаю, как мне одобрить эти суровые и высокомерные притязания, выходящие за пределы человеческой природы, когда вижу, что для всех людей в качестве помощи и способа извиниться, если они в чем поступают несправедливо друг с другом, придуманы оливковые ветви и просьбы⁵⁰, которыми гасится любой гнев и человек вместо ненависти испытывает жалость к врагу, а те, кто высокомерно повел себя и надменно отнесся к мольбам просителей, — все они навлекают на себя гнев богов и заканчивают несчастным исходом. 4. Ведь в первую очередь, конечно, сами боги, устано-

⁴⁹ См.: Дионисий. V. 9–12.

⁵⁰ После слова «просьбы» во всех рукописях стоит не признаваемая издателями фраза: «и обращение за убежищем для претерпевших низкую несправедливость, ибо боги установили нам эти обычаи».

вившие и передавшие нам эти обычаи, снисходительны к человеческим проступкам и сговорчивы, и уже многие люди, сильно против них грешившие, смягчили гнев их молитвами и жертвоприношениями. Разве только, Марций, ты считаешь, что гнев у богов смертен, а у людей — бессмертен! Так вот, ты поступишь справедливо и как подобает тебе самому и родине, простив ей обиды, когда она раскаивается, желает примирения и все, что раньше отняла, ныне тебе возвращает.

LI. Но если ты действительно к родине относишься непримиримо, предоставь, о сын мой, эту честь и милость мне, от кого ты имеешь дары не самого малого значения и не такие, на которые смог бы притязать еще кто-нибудь другой, но величайшие и ценнейшие дары — тело и душу, благодаря которым ты приобрел все остальное. Ведь эти ссуды ты имеешь от меня, и этого меня ничто не лишит — ни место, ни время, и те же благодеяния и милости вольсков или всех в совокупности остальных людей не будут обладать такой силой, даже если станут огромными до небес, чтобы перечеркнуть и обойти права природы. Все же ты навсегда останешься моим и мне прежде всех будешь обязан благодарностью за жизнь, и во всем, что бы я ни просила, будешь безоговорочно помогать. 2. Ибо закон природы определил всем сопричастным чувству и разуму это право, полагаясь на которое, сын мой Марций, я также прошу тебя не вести войну против родины и становлюсь на пути твоих насильственных действий. Так вот, или сначала первой принеси собственноручно в жертву Фуриям меня, противодействующую тебе мать, и тогда только берись за войну против родины, или, страшась тяжкого греха матерубийства, уступи собственной матери и добровольно окажи, о сын мой, эту милость. 3. Соответственно, имея заступником и союзником указанный закон, который никогда никакое время не отменит, я не желаю, Марций, оказаться из-за тебя единственной, кто лишен почестей, которые он мне дает. Но, чтобы я оставила в покое этот закон, в свою очередь обрати внимание на столь многочисленные и великие воспоминания о добрых делах: как я, взяв тебя младенца, покинутого отцом сироту, осталась ради тебя вдовой и вынесла все тяготы по воспитанию, став тебе не только матерью, но и отцом, и кормилицей, и сестрой, и всем самым дорогим. 4. Когда же ты возмужал, то, хотя у меня была тогда возможность освободиться от забот, вторично выйдя замуж, вырастить других детей и обеспечить себе прочные надежды на поддержку в старости, я не захотела этого, но осталась у того же самого очага и удовлетворялась той же самой жизнью, в тебе одном полагая все свои радости и интересы. В этом ты обманул меня, отчасти вынужденно, отчасти по своей воле, и сделал меня несчастнейшей из всех матерей. Ведь какое время, с тех пор как вырастила тебя до зрелого возраста, провела я без скорби или страха? Или когда же я имела от тебя радость в душе, глядя, как ты отправляешься на войну за войной, предпринимая сражение за сражением и получаешь рану за раной?

LII. А с тех пор как ты начал участвовать в политической деятельности и заниматься общественными делами, какую-нибудь отраду я, мать, получила от тебя? Поистине,

именно тогда я была наиболее несчастной, видя тебя находящимся посреди гражданской распри. Ведь при той политике, при которой ты казался процветающим и был неукротим, борясь против плебеев за аристократию, все это наполняло меня страхом, когда я обдумывала человеческую жизнь, насколько она зависит от ничтожных обстоятельств, и из многих рассказов и случаев узнала, что выдающимся людям противодействует какой-то божественный гнев или ведет войну некая человеческая зависть: и, таким образом, я достоверно предсказала грядущие события — о, если бы этого никогда не случилось! Все же тебя, по крайней мере, одолело и похитило из отечества обрушившееся ярое недоброжелательство сограждан, а моя жизнь после того — если, конечно, и жизнью ее следует называть с тех пор, как ты ушел, оставив меня одной при этих вот детях, — она расточается в этой грязи и в этих траурных рубищах. 2. За все это я, которая никогда не была тебе в тягость и не буду в остальное время, пока живу, требую от тебя одну милость — наконец-то уж примириться с собственными согражданами и прекратить питать неумолимый гнев против родины. Требуя этого, я желаю получить общее нам обоим, а не только мне одной, благо. 3. Ибо и тебе, если послушаешься меня и не совершишь ничего непоправимого, удастся сохранить душу свободной и чистой от всякого ниспосланного божеством гнева и смятения, и мне почет, оказываемый гражданами и гражданками при жизни, делает ее счастливой, а воздаваемый, быть может, после смерти — прославит навеки. 4. И если в самом деле какое-либо место примет человеческие души, освобожденные от тела, мою примет не подземное и мрачное царство, в котором, говорят, обитают несчастливые души, и не так называемая равнина Леты⁵¹, но небесный и чистый эфир, где, как утверждает молва, живут родившиеся от богов, ведя счастливую и блаженную жизнь. Рассказывая им о твоём благочестии и твоих милостях, которыми ты почтил ее, моя душа будет вечно просить для тебя у богов какое-нибудь прекрасное вознаграждение.

ЛIII. Если же ты оскорбишь собственную мать и отошлешь, не уважив, то, хотя я не могу сказать, что тебе самому придется из-за этого испытать, все же предрекаю, что ничего хорошего. Я ведь отлично знаю, что, если даже и во всем остальном ты будешь счастлив — ибо пусть будет так — все же скорбь из-за меня и моих несчастий, которая будет следовать за тобой и никогда не отпустит душу, лишит твою жизнь пользы от всех благ. 2. Ведь не сможет Ветурия, получив при стольких свидетелях страшное и ужасное оскорбление, прожить хоть малейшее время, но на глазах всех вас, друзей и врагов, я покончу жизнь самоубийством, оставив тебе вместо себя тяжкое проклятие и грозных Фурий мстителями за меня. 3. О, если бы не было нужды в этом, боги-хранители римского владычества! Внушите же вы Марцию благочестивые и благородные мысли: и так же, как только что при моем приближении

⁵¹ В греческой мифологии Лета — река в царстве мертвых. Испив ее воду, души умерших забывали свою земную жизнь. Сюда попадали обычные души — и не хорошие, и не плохие.

он отложил в сторону секиры, склонил фасции, курульное кресло с полководческого возвышения поставил на землю и все остальное, чем обычай предписывает почитать высших магистратов, одно умерил, а другое полностью устранил, желая ясно показать всем, что властвовать ему подобало над прочими, матери же — подчиняться, так и теперь пусть он сделает меня уважаемой и знаменитой и, облагодетельствовав нашу общую родину, превратит меня из несчастнейшей в счастливейшую из всех женщин. 4. А если справедливо и законно, чтобы мать припадала к коленям сына, то и эту и всякую иную униженную позу и службу вытерплю ради спасения отечества».

LIV. Произнеся это, Ветурия бросилась на землю и, обняв обеими руками ноги Марция, расцеловала их. А как только она упала, женщины все вместе подняли пронзительный и долгий плач, и присутствовавшие на собрании вольски не выдержали непривычного зрелища, но отвратили взоры. Сам же Марций, вскочив с кресла и кинувшись к матери, поднял ее с земли, едва дышащую, обнял и, пролив много слез, сказал: «Ты, о мать, одерживаешь победу, которая не принесет счастья ни тебе, ни мне: ибо родину ты спасла, а меня, почтительного и горячо любящего сына, погубила». 2. После этих слов он удалился в палатку, пригласив мать, жену и детей следовать за ним, и там провел остаток дня, обсуждая с матерью и женой, что следует делать. А решения их были таковы: никакое постановление о возвращении Марция из изгнания сенату не вносить на утверждение народу и последнему не голосовать прежде, чем у вольсков не будет все вполне готово для договора о дружбе и прекращении войны; а ему, подняв войско, увести его как по дружественной стране. Отдав же отчет за свою должность и показав свои заслуги, просить тех, кто вверил ему войско, прежде всего с дружелюбием относиться к врагам и заключить справедливый договор, поручив ему контроль за беспристрастностью и отсутствием обмана в соглашениях. 3. Но если, преисполненные самонадеянности в силу собственных успехов, вольски не захотят примирения, — отказаться от власти у них. Ведь они или не осмеяются избрать кого-нибудь другого главнокомандующим из-за отсутствия хорошего полководца, или, рискнув кому бы то ни было вверить войска, с большим уроном научатся выбирать то, что выгодно. Итак, именно это они обсудили и решили по поводу того, что является справедливым и правильным и что заслужит у всех людей добрую славу, к которой сей муж особенно усердно стремился. 4. Но тревожило их определенное опасение, вызывающее страх, что когда-нибудь неразумная толпа, ныне питающая надежду, что противник покорен, воспримет потерю с неумеренным гневом и затем поспешит собственноручно казнить Марция как предателя, даже не предоставив слова. Все же они решили с достоинством, сохраняя верность, переносить и эту, и любую другую, если случится, более грозную опасность. 5. А когда уже солнце клонилось к закату, они, нежно попрощавшись друг с другом, вышли из палатки. Затем женщины вернулись в Рим, а Марций на собрании изложил присутствующим причины, по которым он намеревался прекра-

тить войну, после чего настоятельно попросил воинов простить его и, когда придут домой, стать его союзниками, помня о том, что испытали хорошего, дабы не изведать ему ничего ужасного от остальных граждан, и, сказав многое другое с целью склонить их на свою сторону, приказал готовиться, чтобы наступающей ночью сняться с лагеря.

LV. Римляне же, когда узнали, что угроза им миновала, — ибо молва пришла раньше, опередив прибытие женщин, — в бурном ликовании покинули город, торопясь наружу, и встречали женщин радушными приветствиями и благодарственными гимнами, то вместе, то каждый по отдельности делая все то, что совершают и говорят от радости люди, неожиданно попавшие в счастливое положение из больших опасностей. 2. Ту ночь, соответственно, они провели в пирах и удовольствиях, а на следующий день созванный консулами сенат объявил свое решение: что касается Марция — отложить причитающиеся ему почести на другое, более удобное время, а женщинам за усердие воздать в общественном постановлении хвалу, которая принесет им немеркнущую память среди потомков, и особую почесть, получение которой должно быть для них приятнее всего и ценнее. И народ утвердил это. 3. Посоветовавшись, женщины надумали не желать никакого дара, вызывающего зависть, а просить, чтобы сенат позволил им возвести храм Женской Фортуны⁵² на том месте, где они обратились с просьбами за свой город, и ежегодно всем вместе приносить ей жертвы в тот день, когда они прекратили войну. Но сенат и народ постановили посвящать богине участок, купленный на общественные средства, и из них же соорудить на нем храм и алтарь, как укажут жрецы⁵³, и жертвенных животных доставлять за общественный счет, а начинать священные обряды той, кого сами женщины назначат исполнять эти обряды. 4. После того как сенат принял это постановление, впервые тогда женщинами была избрана жрица, а именно Валерия, подавшая им мысль о посольстве и убедившая мать Марция помочь остальным в этом предприятии. И первую жертву женщины принесли за народ, а священные обряды начала Валерия на алтаре, установленном на священном участке, еще до того как были воздвигнуты храм и статуя, в месяце декабре следующего года, в новолуние, которое эллины называют «нумения», а римляне — календы⁵⁴: ведь как раз в этот день была закончена война. 5. А на следующий год после первого жертвоприношения храм, построенный на общественные средства, был закончен и освящен приблизи-

⁵² О посвящении этого храма см. также: *Плутарх*. Гай Марций. 37; *Ливий*. II. 40. 11–12; *Валерий Максим*. I. 8. 4. Культ Судьбы (Фортуны) в разных ипостасях был весьма популярен в Древнем Риме. Как богиня счастья и удачи Фортуна была отождествлена с греческой Тихе. Первоначально, видимо, — богиня плодородия и материнства.

⁵³ Видимо, понтифики.

⁵⁴ Календы — в римском лунном календаре первый день каждого месяца, начинавшегося с новолуния (пока календарь следовал лунным месяцам).

тельно в седьмой день, ведя счет по луне, месяца Квинтилия: этот день у римлян является предшествующим дню квинтильских нон⁵⁵. Освятил же его Прокул Вергиний, один из консулов⁵⁶.

LVI. Однако было бы соответствующим форме исторического повествования и ради исправления тех, кто полагает, будто боги не радуются почестям от людей и не гnevаются на нечестивые и неправедные поступки, поведать о явлении богини, случившемся в то время не один раз, а даже дважды, как сообщают записи верховных жрецов⁵⁷, чтобы у более благоразумных в вопросе сохранения представлений о божественном, которые они унаследовали от предков, такой именно образ мыслей оставался неизменным и не принес разочарования, но прежде всего, чтобы те, кто пренебрегает отчими обычаями и считает божество не имеющим никакой власти над человеческим разумом, отказались от этого мнения, а если они неисправимы — чтобы навлечь им на себя еще большую ненависть и стать еще более жалкими. 2. Итак, рассказывают: когда сенат постановил оплатить все расходы на храм и статую за общественный счет, а женщины соорудили другую статую на те средства, которые сами собрали, и обе они одновременно были принесены в дар в первый день освящения храма, одно из изваяний — то, которое установили женщины, — в присутствии многих произнесло отчетливо и громко фразу на латинском языке. Смысл этой фразы в переводе на эллинское наречие таков: «По священному закону города вы, жены, принесли меня в дар»⁵⁸. 3. Однако, как обыкновенно бывает при необычных голосах и видениях, присутствовавшими женщинами овладело большое сомнение, что, пожалуй, не статуя была источником звука, но какой-то человеческий голос. А в особенности услышавшим не доверяли те, кто как раз в то мгновение отвлекся на что-нибудь другое и не заметил, что же было источником звука. Затем опять, когда храм был полон и случайно установилась глубокая тишина, та же статуя произнесла те же самые слова более громким голосом, так что уже не оставалось никакого сомнения. 4. Сенат же, когда узнал об этом, постановил ежегодно совершать дополнительные жертвоприношения и ритуалы, которые разрешат истолкователи священных обрядов⁵⁹. А женщины, воспользовавшись предложением своей жрицы, ввели для себя в обычай, чтобы женщины, которые познали второй брак, не возлагали венки на эту статую и не касались ее руками, но чтобы все почитание и кумьт ее

⁵⁵ Т.е. 6 июня. Ноны — в римском лунном календаре первая лунная четверть, соответствовали седьмому дню марта, мая, июля и октября и пятому дню остальных месяцев. Дионисий явно ошибается, когда говорит о седьмом дне как предшествующем нонам.

⁵⁶ 486 г. до н.э.

⁵⁷ Понтифики.

⁵⁸ У Валерия Максима (I. 8. 4) есть латинский эквивалент этой фразы: «Rite me, matronae, dedistis riteque dedicastis» (по установленному обряду вы, матроны, принесли меня (в дар) и по установленному обряду посвятили).

⁵⁹ Видимо, понтифики.

были отданы новобрачным. Впрочем, относительно этих событий было справедливо и не пренебречь местным преданием, и не уделять ему большего внимания. И я возвращаюсь туда, откуда уклонился к данному рассказу.

LVII. После ухода женщин из лагеря Марций, разбудив войско на рассвете, увел его как по дружественной стране и, когда оказался в пределах вольсков, подарил войнам всю добычу, которой завладел, себе же ничего не оставил, после чего распустил их по домам. Поэтому соучаствовавшее с ним в боях войско, вернувшееся отягощенное богатством, не без удовольствия приняло отдых от войны и к Марцию относилось доброжелательно, считая его заслуживающим снисхождения, хотя он не привел войну к успешному завершению, уважив жалобы и просьбы матери. 2. Но молодежь, оставшаяся дома, завидуя большой добыче участников похода и обманувшись в том, на что надеялась, если бы взятием города было укрошено римское высокомерие, гневалась на главнокомандующего и была очень раздражена. И, в конце концов, когда она обрела в самых влиятельных в народе людях предводителей своей ненависти, то ожесточилась духом и совершила нечестивое деяние. 3. Возбудил же их страсти Тулл Аттий, имевший вокруг себя немало сторонников из каждого города. В самом деле, он давно уже, будучи не в силах сдерживать зависть, решил: если Марций придет к вольскам, добившись успеха и разрушив город римлян, то погубить его тайно и коварно, а если вернется, потерпев неудачу в этом предприятии и не осуществив дела, казнить как предателя, выдав своим сторонникам. 4. Именно это он пытался совершить тогда и, собрав немалую толпу, начал обвинять Марция, делая живые выводы на основе истинных событий и предполагая по случившемуся то, чего не произойдет. И он приказал Марцию, сложив власть, дать отчет об исполнении должности. Ведь Тулл, как и ранее было сказано у меня⁶⁰, являлся главнокомандующим войска, остававшегося в городах, и имел право созывать народное собрание и кого угодно вызывать на суд.

LVIII. И Марций не считал правильным оспаривать какое-либо из этих двух требований, но возражал против их последовательности, желая сначала дать отчет в свершенном им на войне, а затем, если все вольски так решат, сложить власть. Он полагал также, что верховенство в этом деле следует иметь не одному городу, где большая часть граждан подкуплена Туллом, но всему народу, созванному на законное собрание, на которое было у них в обычае посылать представителей от каждой общины, когда предстояло обсуждение важнейших вопросов. 2. Но Тулл выступал против этого, ибо прекрасно понимал, что Марций, превосходный оратор, представляя отчет о многих своих славных деяниях и оставаясь в ранге главнокомандующего, убедит народ и настолько будет далек от наказания за предательство, что даже станет у них еще более знаменитым и уважаемым и с всеобщего согласия будет уполномочен прекратить войну так, как ему угодно. 3. И долго шла упорная борьба, когда

⁶⁰ В главе XIII.

ежедневно на собраниях и на площади происходили их выступления и споры друг с другом, ибо ни у кого из них не было возможности действием принудить другого, огражденного авторитетом такой же власти. 4. Но, поскольку не было никакого конца спору, Тулл объявил день, в который приказал Марцию явиться, чтобы сложить власть и понести наказание за предательство, и, побудив надеждами на вознаграждение самых дерзких людей стать зачинщиками нечестивого дела, пришел на назначенное народное собрание, где, выйдя на ораторскую трибуну, стал рьяно обвинять Марция, а также убеждал народ сместить его, используя всю свою силу, если он не пожелает добровольно отказаться от должности.

LIX. Когда же Марций поднялся для защиты, то со стороны окружения Тулла разразился громкий крик, мешавший говорить. И вслед за этим, крича «бей» и «кидай», самые дерзкие окружают его и забивают камнями до смерти. А пока он лежал на площади на земле, то и присутствовавшие при несчастье, и пришедшие после этого, когда он уже был мертв, стали сокрушаться о судьбе человека, получившего от них столь нехорошее вознаграждение, перечисляя все, в чем он был полезен обществу. И они жаждали схватить совершивших убийство как зачинщиков незаконного и опасного для общин дела: убивать кого-либо без суда по кулачному праву, да к тому же верховного военачальника. 2. Но более всего негодовали участники его походов, и они решили, поскольку не смогли предотвратить беду при его жизни, воздать надлежащую благодарность после смерти, собрав на площадь то, что было необходимо для почести, причитающейся доблестным людям. 3. Когда же все было готово, то, возложив Марция в одеянии главнокомандующего на украшенное превосходнейшим образом ложе и распорядившись нести перед его носилками добычу, вражеские доспехи, венки и памятные изображения городов, которые он захватил, самые прославленные в военных делах юноши подняли носилки и, доставив в наиболее знаменитое предместье, установили на подготовленный костер, причем весь город провожал тело с рыданиями и слезами. 4. Затем, заколов в честь него много скота и принеся в жертву первинки от всего остального, что люди жертвуют для погребальных костров царям или предводителям войска, наиболее преданные Марцию остались там, пока не погасло пламя, и после этого, собрав останки, похоронили их на том же месте, соорудив замечательный памятник в виде высокого кургана, насыпанного множеством рабочих рук⁶¹.

LX. Такая вот смерть выпала на долю Марция, человека, который и в военных делах был лучшим из сверстников, и во всех удовольствиях, которые властвуют над юношами, воздержанным. Он следовал справедливости скорее не по принуждению закона в силу страха перед наказанием и вопреки собственной воле, а добровольно и будучи по природе склонным к ней, и, не считая уделом доблести всего лишь ни в

⁶¹ Но был и другой вариант традиции, согласно которому Кориолан дожил в изгнании до глубокой старости. См.: *Ливий*. II. 40. 11 — со ссылкой на первого римского анналиста Квинта Фабия Пиктора.

чем не грешить, не только сам старался воздерживаться от всякого зла, но и полагал необходимым побуждать к тому же остальных. 2. Он был великодушен и щедр, и более всех готов помочь в том, в чем нуждался любой из его друзей, всякий раз как узнавал об этом. В политической деятельности он выглядел не хуже любого из сторонников аристократии, и если бы мятежная часть общества не помешала его политическим мероприятиям, то римское государство достигло бы благодаря им величайшего усиления могущества. Но ведь невозможно было, чтобы все добродетели одновременно оказались в человеческой природе, и никогда не родится от смертного и брэнного семени кто-либо совершенный во всем.

LXI. Поэтому божество, даровав ему эти доблести, добавило к ним также злосчастные недостатки и заблуждения. Ведь не было ни мягкости и веселости в его характере, ни обходительности в приветствиях и обращениях к согражданам, ни даже миролюбия и умеренности в страстях, когда он гневался на кого-нибудь, ни обаяния, украшающего все человеческие дела; напротив, он всегда был суровым и строгим. 2. Именно это вредило ему во многом, но более всего чрезмерная и непреклонная строгость в отношении права и соблюдения законов, не допускающая никаких уступок требованиям разумности. Истинным, по-видимому, является высказывание древних философов, что нравственные добродетели заключаются в умеренности⁶², а не в крайностях, особенно же — справедливость⁶³. Ведь по своей природе она не только лишена надлежащей меры, но и переступает ее, становясь бесполезной самим ее обладателям, а порой причиной великих бед, и ведет к достойной сожаления смерти и непоправимым несчастьям. 3. Таким образом, не что иное, как строгая и крайняя справедливость явилась тем обстоятельством, которое изгнало Марция из отечества и сделало для него бесполезными остальные блага. Ведь, тогда как следовало в разумном идти на компромисс с плебеями, уступать в чем-нибудь их желаниям и тем самым достичь главенства у них, он не захотел делать это, но, возражая против всякой несправедливости, навлек на себя ненависть и был ими изгнан. Или, когда можно было сразу же, одновременно с окончанием войны, сложить с себя командование у вольсков, переселиться куда-нибудь в другое место, пока родина не даст ему разрешения вернуться, и тем самым не сделать себя целью для козней врагов и невежества черни, Марций не счел это достойным. Полагая, что он, облеченный ответственностью, должен предоставить свою личность тем, кто доверил ему власть, и, дав отчет в том, что свершил во время исполнения должности, подвергнуться законному наказанию, если окажется виновным в каком-либо прегрешении, он все же получил не лучшую награду за свою крайнюю справедливость.

LXII. Конечно, если вместе со смертью тела одновременно умирает и некая субстанция души, чем бы это ни было, и ничто нигде более не сохраняется, то не знаю,

⁶² Ср.: *Аристотель*. Никомахова этика. 1106 в 27.

⁶³ Ср.: Там же. 1133 в 32.

как мне признать счастливыми не вкусивших никакого блага от своей доблести, а, напротив, погибших из-за нее самой. Если же наши души, возможно, вечно бессмертны, как полагают некоторые, или существуют какое-то время после освобождения от тел (души доблестных мужей — наибольший, а души дурных — наименьший срок), то достаточной почестью тем жившим добродетельно, кому противодействовали обстоятельства судьбы, явились бы хвала со стороны живущих и память, сохраняющаяся длительное время. Это и произошло с данным человеком. 2. Ведь не только вольски оплакали его смерть и все еще почитают Марция как одного из самых доблестных людей, но и римляне, когда узнали о его гибели, объявили траур для частных лиц и государства, сочтя это известие величайшим бедствием для граждан. А их жены, что в обычае у них делать при похоронах друзей и родственников, сняв с себя золото, пурпур и все остальные украшения, облачились в черные одеяния и оплакивали Марция в течение года. 3. И хотя после его смерти до настоящего времени уже прошло около пятисот лет, память об этом муже не угасла, но он все еще прославляется и восхваляется всеми как благочестивый и справедливый человек.

Итак, угрожавшая римлянам опасность от вторжения вольсков и эвков под водительством Марция, ставшая крупнейшей из бывших до нее и едва не приведшая к уничтожению всего государства до основания, разрешилась таким вот образом.

LXIII. А несколько дней спустя⁶⁴ римляне, выйдя в поле с большим войском под командованием обоих консулов и продвинувшись до границ своей земли, расположились лагерем на двух холмах, и свой лагерь каждый консул устроил на самом неприступном месте. Однако они ничего не совершили, ни великого, ни малого, но вернулись ни с чем, хотя враги предоставили им прекрасный повод сделать что-нибудь замечательное. 2. Ведь еще раньше них свое воинство на римскую землю привели вольски и эквы, которые решили не упустить удобный случай, но, пока противник казался им все еще устрешенным, напасть на него, полагая, что из-за страха он и сам сдастся. Однако, заспорив между собой о командовании, они схватили оружие и, бросившись друг на друга, стали сражаться без строя и не по приказу, а беспорядочно и как попало, так что с обеих сторон погибло много людей. И если бы заход солнца не упредил, то все их войска были бы уничтожены. Итак, против воли уступив ночи, прекратившей битву, они были отведены друг от друга и удалились в собственные лагерь. На рассвете подняв войска, обе стороны вернулись в свои земли. 3. Консулы же, узнав от перебежчиков и пленных, которые убежали во время самого сражения, какое бешенство и безумие охватило врагов, не воспользовались предоставившимся желанным случаем, хотя находились на расстоянии не более тридцати стадиев⁶⁵. Не стали они и преследовать уходящих, в то время как их войска, не изнуренные и идущие в боевом строю, легко бы полностью уничтожили врагов — уставших, раненых,

⁶⁴ О дальнейших событиях этого года ср.: *Ливий*. II. 40. 12–13.

⁶⁵ Немногим более пяти километров.

уменьшившихся в числе и отступающих в беспорядке. 4. Но консулы также, разрушив лагерь, вернулись в город — то ли довольствуясь уже тем благом, что предоставила судьба, то ли не доверяя своему необученному войску, то ли считая главным не потерять даже немногих из своих воинов. Вернувшись в Рим, они все же навлекли на себя большой позор, обрета за свои действия репутацию трусов. И не совершив больше ни одного похода, они передали власть очередным консулам.

LXIV. Итак, в следующем году консульство получили Гай Аквиллий и Тит Сикций, мужи опытные в военных делах⁶⁶. Сенат же, после того как консулы доложили вопрос о войне, постановил прежде всего отправить посольство к герникам⁶⁷, чтобы потребовать от них, как от друзей и союзников, законного удовлетворения — ведь во время похода вольсков и эквов Рим понес ущерб от грабежей и набегов герников на пограничные им римские земли. А пока от них не получают ответа, пусть консулы набирают как можно большее войско, созывают союзников, отправив посольства, а также с помощью многочисленных работников спешно подготовят хлеб, оружие, деньги и остальное, что необходимо для войны. 2. Но, как сообщили сенаторам вернувшиеся послы, ответ, который они получили от герников, был таков: те заявляют, что у них вообще никогда не было публично заключенных с римлянами договоров, а соглашения с царем Тарквинием они считают расторгнутыми, поскольку он был лишен власти и умер на чужбине; если же и случились какие-то грабежи и набеги шаек разбойников на римскую землю, то, говорят они, это произошло не по общему решению герников, но является преступлением частных лиц, преследующих свои частные же интересы, и они не могут представить на суд совершивших это, утверждая, что и сами претерпели подобное, и выдвигая встречные обвинения, а в итоге заявили, что охотно принимают войну. 3. Узнав это, сенат постановил разделить набранное из молодежи войско на три части и консулу Гаю Аквиллию во главе одной из них напасть на военные силы герников, ибо они уже взяли за оружие, другую же часть вести на вольсков Титу Сикцию, второму консулу, а Спурию Ларцию, которого консулы назначили префектом, оборонять ближайшую к городу округу, взяв себе оставшуюся третью часть. Освобожденным же по возрасту от воинской службы, которые еще способны были носить оружие, сенат приказал, построившись под знаменами, нести охрану укреплений и стен города, чтобы не произошло никакого неожиданного нападения врагов, после того как вся молодежь выступит в поход. Командовать этими силами поручили Авлу Семпронию Атратину, одному из бывших консулов. И вскоре все приказы были выполнены.

⁶⁶ 487 г. до н.э. Ср.: *Ливий*. II. 40.14. Все рукописи Ливия дают Сидиний, а не Сикций, но Кассиодор (VI в. н.э.) видел «Сикций».

⁶⁷ Герники — племя, возможно, самнитского происхождения, жившее на востоке Лация между эквами (на севере) и вольсками (на юге) и также страдавшее от их набегов. Окончательно покорены Римом в 306 г. до н.э.

LXV. Итак, Аквиллий, один из консулов, обнаружив во владениях пренестинцев⁶⁸ поджидающую его рать герников, расположился лагерем как можно ближе к ним, от Рима находясь на расстоянии немногим более двухсот стадиев⁶⁹. Когда же на третьи сутки с того дня, как он разбил лагерь, герники выступили из своего лагеря на равнину в боевом строю и подняли сигнал к битве, он также вывел навстречу войско организовано и по отрядам. 2. Как только они сошлись друг с другом вплотную, то, издав боевой клич, бросились в бой. И сначала легковооруженные, сражавшиеся дротиками, стрелами и камнями из пращей, нанесли друг другу много ран. Затем сталкиваются всадники с всадниками, атакуя по турмам, и пехота с пехотою, сражаясь в манипулах. Итак, вспыхнула славная сеча, ибо обе стороны бились ожесточенно, и они долго стояли твердо, не уступая друг другу ни пяди земли, на которой были построены. Все же римская фаланга начала уставать, поскольку тогда впервые спустя длительное время ей пришлось вступить в сражение. 3. Увидев это, Аквиллий приказал еще свежим и для этой самой цели сохраняемым отрядам подкрепить уставшие части строя, а раненым и обессилевшим бойцам отходить в тыл фаланги. Когда же герники заметили перемещения римских отрядов, они решили, что римляне начинают отступать, и, подбодрив друг друга, бросаются сомкнутыми рядами на передвигающиеся части врагов, но их натиск встречают свежие силы римлян. И вновь разразилась упорная схватка, так как обе стороны опять принялись ожесточенно сражаться, ведь и отряды герников пополняли свежие силы, направляемые командующими к измотанным частям. 4. Но так как дело шло уже к позднему вечеру, консул, призвав всадников именно сейчас проявить себя доблестными бойцами, атакует врагов на правом фланге, сам возглавляя конный отряд. Те, на какое-то короткое время сдержав римлян, все же отступают, и тогда начинается большое кровопролитие. Итак, правый фланг герников был уже тесним и не удерживал строй, левый же еще сопротивлялся и даже одолевал правое крыло римлян. Однако вскоре и он отступил. 5. Ведь Аквиллий во главе самых храбрых юношей и тут оказывал помощь, ободряя и вызывая по именам тех, кто обычно отличался в прежних сражениях, и бросал в гущу врагов, выхватывая у знаменосцев, значки тех центурий, которые казались нерешительно сражающимися, чтобы страх перед установленным законом наказанием в случае, если они не вернут знамена, заставил их быть отважными; и постоянно сам приходил на помощь той части боевого порядка, которая уставала, пока не оттеснил с позиции и другой фланг. А поскольку фланги оказались оголены, центр герников также не устоял. 6. Вслед за тем началось стихийное и беспорядочное бегство герников в лагерь, а римляне преследовали их и убивали. И такое в итоге рвение овладело римским войском в том сражении, что некоторые пытались взобраться и на враже-

⁶⁸ Пренесте — город в Лации в 35 км к востоку от Рима, известный своим храмом Фортуны, где гадали по жребиям (дубовым дощечкам с надписями).

⁶⁹ Более тридцати пяти километров.

ский вал, чтобы с ходу захватить лагерь. Понимая, что их стремление небезопасно и даже бесполезно, консул приказал дать сигнал к отступлению и заставил вступивших в бой сойти с укреплений против их воли, опасаясь, что забрасываемые сверху копьями и стрелами они будут вынуждены с позором и большим ущербом отступить и, следовательно, умалят свою славу от предыдущей победы. И вот тогда, — ведь было уже около захода солнца, — ликуя и распевая гимны, римляне раскинули лагерь.

LXVI. А наступившей ночью из лагеря герников доносился громкий шум и крик и был виден свет от многих факелов. Ибо уже не надеясь оказать сопротивление еще в одной схватке, они решили по собственному почину покинуть лагерь, и это явилось причиной их беспорядка и крика. Ведь они бежали так быстро, насколько у каждого доставало сил и резвости, окликая друг друга и слыша оклики, но не обращая никакого внимания на вопли и мольбы оставляемых из-за ран или болезней. 2. Римляне, не догадываясь об этом, но ранее получив от пленников сведения, что на помощь своим должно подоспеть еще одно войско герников, посчитали, что шум и суматоха вызваны его прибытием. Они снова взяли оружие и, окружив лагерь кольцом, чтобы ночью не случилось какого-нибудь нападения на них, то все вместе с грохотом потрясали своим оружием, то неоднократно издавали боевой клич, как будто устремляясь в битву. Герникам и это также внушило немалый страх, и, думая, что их преследуют враги, они бежали, рассеявшись врозь по разным дорогам. 3. А с началом дня, когда посланные на разведку всадники доложили римлянам, что и другое войско не пришло на помощь врагам, и участвовавшие в предыдущем сражении бежали, Аквиллий, выведя армию, завладевает вражеским лагерем, полным выючного скота, продовольствия и оружия, захватывает их раненых, коих было не меньше, чем убежавших, и, выслав конницу в погоню за рассеявшимися по тропам и лесам, берет в плен много людей. В конце концов, он вторгся уже на земли герников, грабя их безбоязненно, так как никто больше не отваживался вступать в рукопашную схватку. Таковы были деяния Аквиллия.

LXVII. Второй же консул Тит Сикций, посланный против вольсков, вторгся на территорию Велитр⁷⁰, взяв сильнейшую часть войска. Ведь именно здесь находился командующий вольсков Тул Агтий, снарядивший отборное войско с намерением сначала нанести ущерб союзникам римлян (подобно тому, как поступил Марций, когда начинал войну), посчитав, что римляне пребывают еще в том же страхе и не пошлют никакой помощи тем, кто подвергается ради них опасности. Когда же войска стали видны и заметили друг друга, то уже без всякой проволочки вступили в бой. 2. А местность между лагерями, на которой должно было произойти сражение, представляла собой неровный во многих частях по своей окружности каменистый холм, где ни одной из сторон не могла пригодиться конница. Римские всадники, заметив это и посчитав позором, если, присутствуя при сражении, не окажут никакой

⁷⁰ Более тридцати пяти километров.

помощи, обратились к консулу, подойдя все вместе, с просьбой позволить им слезть с коней и сражаться пешими, если это предложение покажется ему наилучшим. 3. И тот, изрядно похвалив их, спешивает всадников и, построив рядом, держал при себе для наблюдения и помощи тем, кто окажется в трудном положении: и именно они явились у римлян причиной одержанной тогда весьма блистательной победы. Ибо пехота у обеих сторон была почти равна и по численности людей, и по вооружению и сходна по организации боевого порядка и по ратному опыту как в атаках и отходах, так и, с другой стороны, в нанесении и отражении ударов. 4. Ведь вольски изменили всю свою военную тактику, после того как командующим у них побывал Марций, и перешли к обычаям римлян.

Итак, большую часть дня фаланги оставались на том же месте, сражаясь с одинаковым успехом, и неровный характер местности предоставлял обоим противникам много преимуществ друг перед другом. Римские же всадники разделились на две части — одни атакуют врагов в бок с правого фланга, а другие, обойдя вокруг, нападают через холм на задних воинов. 5. В итоге, одни из них метали в вольсков копья, а другие разили противников более длинными всадническими мечами в предплечья и наносили удары по локтям, так что у многих отсекали руки вместе с самой одеждой и защитным вооружением и многих сильными ударами в колени и лодыжки с наилучших позиций повергали полумертвыми на землю. 6. И вольсков обступила со всех сторон опасность: ведь с фронта их теснили пехотинцы, а с флангов и тыла всадники. Так что сверх возможного выказав себя доблестными мужами и явив много примеров отваги и опыта, почти все стоявшие на правом фланге вольски были убиты. Когда же воины, выстроенные в центре боевого порядка и на другом крыле, увидели, что правый фланг смят и римские всадники таким же образом атакуют их, то, развернув отряды, стали медленно отступать в лагерь, а римские всадники, соблюдая строй, преследовали их.

7. Но как только они оказались близ укреплений, начинается иное сражение — жестокое и с переменным успехом, ибо всадники пытались во многих местах лагеря взобраться на палисады. И поскольку римлянам приходилось тяжело, консул, приказав пехотинцам принести валежник и засыпать рвы, первым устремился по сделанному проходу с лучшими из всадников к самым укрепленным воротам лагеря. Оттеснив тех, кто сражался перед ними, и взломав решетки ворот, он проник внутрь укреплений и стал ожидать подхода своих пехотинцев. 8. Здесь Тулл Аттий с самыми бравыми и отважными воинами из вольсков нападает на него и после ряда блестящих подвигов (ведь в битвах он был очень храбрым бойцом, но неспособным полководцем) в конце концов погибает, измученный усталостью и множеством ран. Остальные же вольски после взятия лагеря либо погибли в сражении, либо, бросив оружие, стали умолять победителей о пощаде, но лишь немногие спаслись бегством домой.

9. Когда же в Рим прибыли отправленные консулами вестники, огромнейшая радость охватила народ, и тотчас богам назначили благодарственные жертвоприно-

шения, а консулам предоставили честь триумфа, однако не одну и ту же обоим, но Сикцию даровали более почетный триумф, поскольку решили, что он освободил государство от большого страха, уничтожив дерзкое войско вольсков и убив их командующего. Итак, он въехал в город с добычей, ведя пленников и сражавшееся вместе с ним войско, сам стоя на колеснице, запряженной конями в золотой сбруе, облаченный в царское одеяние, как предписывает обычай относительно больших триумфов. 10. Аквиллию же предоставили малый триумф, который они называют овацией (а у меня было ранее показано⁷¹, какое отличие он имеет от большого): он вошел в город пешком во главе остальной процессии. Так закончился этот год.

LXVIII. Принявшие от них консульскую власть Прокул Вергиний и Спурий Кассий, назначенный тогда консулом в третий раз⁷², собрав войска из граждан и союзников, также выступили в поход: Вергиний — против общин эквов, а Кассий — против общин герников и вольсков, жребием распределив кампании между собой. В итоге эквы, укрепив города и свежая туда с полей все наиболее ценное, позволили римлянам опустошать их страну и сжигать жилища, так что Вергиний с большой легкостью разорил и разграбил столько их земель, сколько смог, ибо никто не выходил сражаться за них, и увел войско обратно. 2. Также вольски и герники, против которых отправился в поход Кассий, приняли решение пренебречь опустошением своих полей и укрылись в городах. Тем не менее, когда плодородная земля начала подвергаться разорению и к тому же они испугались, что нелегко будет ее восстановить, то не стали упорствовать в прежних намерениях, подвигнутые жалостью и притом не полагаясь на не слишком надежные укрепления, в которых они укрылись, но отправили послов к консулу просить о прекращении войны. Первыми это сделали вольски, и они быстрее получили мир, выдав столько денег, сколько им предписал консул, и предоставив все остальное, что было нужно войску. Кроме того, они согласились подчиниться римлянам, не присваивая себе впредь никаких равных прав. 3. А герники начали вести с консулом переговоры о мире и дружбе позже, когда увидели, что остались в одиночестве. Но Кассий, предъявив послам против них немало обвинений, сказал, что прежде они должны исполнить то, что подобает побежденным и подвластным народам, и тогда только затевать переговоры о дружбе. Когда же послы согласились сделать все возможное и приемлемое, он приказал им внести столько денег, сколько обычно давали воинам с учетом каждого человека для пропитания за шесть⁷³ месяцев, и продовольствия — за два⁷⁴ месяца. 4. А чтобы они имели возможность выполнить эти требования, он предоставил им перемирие, назначив для него

⁷¹ Дионисий. V. 47.

⁷² 486 г. до н.э. Во всех рукописях «Публий» вместо «Прокул». О событиях этого года также см.: *Ливий*. II. 41. 1–9.

⁷³ В рукописях отсутствует (добавлено Силбургом).

⁷⁴ Во всех рукописях: «за месяц» (исправлено Кисслингом).

определенное количество дней. Когда же герники доставили римлянам все быстро и с усердием и снова отправили послов для переговоров о дружбе, Кассий, похвалив их, отослал к сенату. И сенаторы после длительного обсуждения постановили наладить с герниками дружественные отношения, но на каких условиях заключить с ними договор — пусть определит и установит консул Кассий, а что он решит, то они и утверждают.

LXIX. После этого постановления сената Кассий по возвращении в Рим стал требовать предоставления ему второго триумфа, поскольку, мол, он победил величайшие народы, — скорее из милости вырывая почесть, чем получая ее по праву: ведь он, не захватив приступом ни единого города и не обратив в бегство войско врагов в полевом сражении, каким-то образом должен был доставить в Рим пленников и трофеи, чем украшается триумф. Потому-то данный поступок впервые принес ему славу человека заносчивого и имеющего уже образ мыслей, совершенно несхожий с остальными согражданами. 2. Добившись же, чтобы ему дали триумф, Кассий представил договор с герниками. Однако тот был списан с имевшегося договора с латинами, чем самые старшие и уважаемые сенаторы были весьма недовольны и стали с подозрением относиться к Кассию, не желая, чтобы чужеземцы герники получили равную честь с родственными латинами и чтобы те, кто не сделал вообще никакого добра, пользовались той же самой благосклонностью, как и явившие много примеров доброжелательства. Возмущало их и высокомерие Кассия, который, будучи почтен сенатом, не воздал ему равного уважения и представил договор, составив его не в соответствии с общим мнением всех сенаторов, но как самому было угодно. 3. В самом деле, иметь удачу во многих предприятиях было всегда для человека делом опасным и пагубным, ибо для многих это становится скрытой причиной безрассудной гордыни и подспудным основанием желаний, выходящих за пределы человеческой природы, что случилось и с данным мужем. Ведь будучи единственным из современников удостоен государством трех консульств и двух триумфов, он стал вести себя высокомерно и возымел сильное стремление добиться монархической власти. Сознавая же, что для добывающихся царской или тиранической власти самым легким и безопасным путем из всех является привлечение плебса на свою сторону всякими благодеяниями и воспитание у него привычки кормиться из рук раздающего общественную собственность⁷⁵, он обратился к этому способу. И немедленно, никому не сообщив о своем замысле, он решил раздать народу некую обширную общественную землю, которая прежде была заброшена и затем занята самыми богатыми гражданами. 4. И если бы, дойдя до этого, Кассий сим и удовольствовался, то дело у него, пожалуй, пошло бы в соответствии с замыслом. Теперь же, стремясь к большему, он поднял немалую смуту, из-за которой с ним приключился несчастливый конец. Ведь, включая в список на раздел земли и латинов, и даже герников, только что допущенных к римскому гражданству, он хотел расположить эти народы в свою пользу.

⁷⁵ Ср.: *Аристотель*. Афинская полития. 27. 4.

LXX. Замыслив это, на следующий день после триумфа Кассий созвал плебс на сходку и, взойдя на ораторскую трибуну, как по обычаю поступают справившие триумф, сначала дал отчет о совершенном им, где основным было следующее: 2. он, впервые получив консульство, победил в сражении племя сабинян, претендовавшее на верховенство, и вынудил его подчиниться римлянам⁷⁶, а будучи выбран консулом во второй раз, обуздал внутреннюю смуту в государстве и вернул народ на родину⁷⁷; с латинами же, которые, являясь родственными римскому народу, все же всегда завидовали ему из-за власти и славы, он установил дружественные отношения, предоставив им гражданское равноправие⁷⁸, так что более не соперником, но отечеством считают они Рим; 3. назначенный на ту же самую должность в третий раз, он и вольсков заставил стать из врагов друзьями, и осуществил добровольное подчинение герников — племени многочисленного, храброго и имеющего, поскольку оно находится рядом с римлянами, наибольшие возможности причинять величайший вред и приносить величайшую пользу. 4. Изложив все это и тому подобное, он просил народ обратить на него внимание как на человека, который, в отличие от всех остальных, заботится об общественном благе и будет заботиться в дальнейшем. А в заключение речи он сказал, что окажет народу столь многочисленные и столь великие благодеяния, что превзойдет всех, кого восхваляли за дружественное отношение и покровительство плебсу, и добавил, что сделает это в ближайшее время. 5. Итак, распустив собрание и не отложив дела даже на незначительный срок, он на следующий день созвал на заседание сенат, который был встревожен и перепуган сказанными им словами. И прежде чем приступить к какому-либо иному делу, он стал публично излагать сохранявшийся перед народным собранием в тайне свой замысел, предлагая сенаторам, — поскольку простой народ оказался весьма полезен государству, содействовав как в защите свободы, так и в управлении другими народами, — в свою очередь проявить заботу о нем, наделив его землей, которая, будучи захвачена на войне, лишь на словах являлась общественной, а на деле принадлежала самым наглым из патрициев, занявшим ее без всякого законного основания. Кроме того, он предложил, чтобы стоимость хлеба, посланного им в качестве дара тираном Сицилии Гелоном, — который бедняки получали за деньги, хотя следовало разделить между всеми гражданами бесплатно, — купившим его была возмещена из тех средств, которые имела казна.

LXXI. Конечно, сразу же, еще когда Кассий говорил, поднялся большой шум, поскольку все сенаторы были недовольны его речью и отказывались терпеть ее. А когда он закончил, то рьяно обвинять Кассия в разжигании мятежа стал не только его коллега по консульству Вергиний, но и самые старшие и почтенные из остальных

⁷⁶ См.: Дионисий. V. 49. 1–3.

⁷⁷ См.: Дионисий. VI. 49–96, но там нет ни слова об особых заслугах Кассия в деле примирения с плебями.

⁷⁸ См.: Дионисий. VI. 95. 1–2.

сенаторов, в особенности же — Аппий Клавдий. И до позднего часа они, вне себя от ярости, продолжали бросать друг другу самые резкие упреки. 2. А в следующие дни Кассий, постоянно созывая народные сходки, старался склонить плебс на свою сторону: произносил речи в пользу наделения землей и ревностно обвинял своих противников. Вергиний же, собирая ежедневно сенат, со своей стороны готовил, с общего согласия патрициев, законные меры предосторожности и законные преграды замыслам Кассия. 3. И у каждого имелся многочисленный отряд сторонников, сопровождавших и охранявших его: неимущие, грязные и готовые отважиться на любую выходку были подчинены Кассию, а самые родовитые и безупречные — Вергинию. 4. Все же некоторое время на народных сходках преобладала худшая сторона, намного превосходя другую, затем установилось равновесие, когда к лучшей части примкнули плебейские трибуны, возможно, в том числе и потому, что они не считали для государства благом, чтобы плебс, развращаемый раздачами денег и разделами общественного имущества, был праздным и испорченным, а возможно — и в силу зависти, поскольку не они, вожди народа, стали инициаторами этого благодеяния, но кто-то иной. Впрочем, ничто не препятствует предположить, что они так поступили и из-за страха, который испытывали вследствие возвышения данного человека, которое сделалось большим, чем это отвечало интересам общества. 5. Во всяком случае, они тут же принялись изо всех сил возражать на народных сходках против вносимых Кассием законов, объясняя народу, что несправедливо, если не только римляне разделят между собой то, что приобретено в ходе многих войн, но равную с ними долю будут иметь и латины, не участвовавшие в этих войнах, и герники, лишь недавно установившие дружественные отношения, коим, принужденным к тому войной, достаточно было не лишиться собственной территории. 6. Народ же, внимая, то присоединялся к доводам плебейских трибунов, осознавая, что причитающаяся каждому доля из общественной земли будет чем-то маленьким и не заслуживающим упоминания, если они разделят ее вместе с герниками и латинами, то менял мнение под влиянием Кассия, демагогически заявлявшего, что плебейские трибуны якобы предают их патрициям и как благовидный предлог для противодействия используют равное участие в разделе герников и латинов. По его словам, он включил это в закон ради усиления бедняков и создания заслона на случай, если кто-нибудь когда-нибудь захочет отнять у них предоставленное, ибо полагал, что лучше и безопаснее многим, получив мало, этим владеть неизменно, чем всего лишиться, понадеявшись на многое.

LXXII. В то время как именно этими доводами Кассий часто переубеждал толпу на народных сходках, один из плебейских трибунов, Гай Рабулей, человек не безрассудный, выступив вперед, пообещал быстро прекратить распрю между консулами и разъяснить народу, что нужно делать. А когда последовало громкое одобрение его слов и после этого воцарилось молчание, он спросил: «Не в том ли, о Кассий и Вергиний, заключается главное в законе — первое, следует ли, чтобы общественная земля была разделена между всеми нами поголовно, а второе, следует ли, чтобы

часть ее получили латины и герники?» После того как они согласились, он продолжил: «Что ж, хорошо. Ты, Кассий, желаешь поставить на голосование народа оба эти положения. Ну, а ты, о Вергиний, скажи нам, ради богов, отвергаешь ли только одну часть предложения Кассия, которая касается союзников, считая, что не следует герников и латинов уравнивать с нами в разделе, или отвергаешь и другую часть, требуя не разделять общественное имущество даже среди нас самих? Именно на это ответь мне, ничего не утаив». 3. Когда же Вергиний заявил, что возражает только против равного участия латинов и герников, а что касается граждан — он согласен на раздел, если все примут такое решение, тогда плебейский трибун, обернувшись к толпе, сказал: «Итак, поскольку одна часть данного предложения одобрена обоими консулами, а другая встречает возражения со стороны одного из них, оба же они равны по власти, и ни у кого нет возможности применить принуждение к другому, давайте сейчас возьмем то, что они оба согласны дать, а в чем они расходятся — отложим». 4. А так как плебс одобрил этот совет как наилучший и стал требовать убрать из закона пункт, разжигающий раздор, Кассий, не зная, что следует делать, — с одной стороны, не желая отказаться от своего предложения, с другой, не имея возможности придерживаться его, ибо противодействие оказывали плебейские трибуны, — распустил тогда народную сходку. В следующие дни он, ссылаясь на болезнь, более не выходил на Форум, но, оставаясь дома, прилагал усилия, чтобы утвердить закон принуждением и силой, и старался пригласить для голосования столько латинов и герников, сколько мог. 5. В итоге, они стали толпами сходить в Рим, и вскоре город был полон чужеземцев. Увидев это, Вергиний повелел глашатаям возвестить по улицам, чтобы те, кто не проживает в Риме, удалились, и установил им небольшой срок. Кассий же, наоборот, приказал глашатаям объявить, чтобы все имеющие гражданские права оставались на месте, пока закон не будет утвержден.

LXXIII. А поскольку спору не было видно никакого конца, патриции, испугавшись, как бы не произошло похищения камешков для голосования и рукоприкладства, равно как и иных насильственных действий, которые обычно случаются в охваченных междоусобицами народных собраниях при внесении закона, сошлись на сенатское заседание, чтобы обо всем разом посоветоваться. 2. Там Аппий, первым спрошенный о своем мнении, отговаривал уступать народу раздел земли, указывая, что праздная толпа сограждан, приученная лакомиться общественным достоянием, станет опасной и бесполезной и никогда уже ничему из общественной собственности — ни из имущества, ни из денег — не позволит остаться общим. Он утверждал, что заслуживает порицания дело, если сенаторы, обвиняя Кассия в дурном и пагубном управлении государством и в развращении народа, сами затем общим решением утверждают эти мероприятия как справедливые и полезные. Аппий предлагал им также обратить внимание на то, что даже признательность от бедняков, если те разделят между собой общественные земли, достанется не тем, кто дал свое согласие и одобрение, но одному Кассию, который выдвинул эту идею и предстал как человек, заставивший

сенат против воли одобрить ее. 3. Все это и другое в том же духе высказав, в заключение он посоветовал следующее: выбрать десять⁷⁹ человек из самых уважаемых сенаторов, которые, обойдя общественную землю, определяют ее границы, и если какие-нибудь частные лица, действуя обманом или силой, что-то из нее используют под пастбища или возделывают, пусть члены комиссии, проведя расследование, вернут это государству. А отмежеванную ими землю, разделив на какое будет угодно число участков и разграничив их добротными столбами, он убеждал частично продать, — и в особенности ту, по поводу которой имели место какие-либо разногласия с частными лицами, чтобы у купивших были тяжбы из-за нее с теми, кто предъявит притязания, — частично сдавать в аренду на пятилетний срок; деньги же, поступающие от сдачи в аренду, использовать для снабжения воинов и на оплату тех расходов, которые необходимы для ведения войн. 4. «Ведь ныне, — сказал он, — оправдана неприязнь бедных к богатым, которые, присвоив себе общественное имущество, удерживают его, и нет ничего удивительного, если они считают, что лучше разделить общественные земли между всеми, чем оставить их в руках небольшого числа самых наглых сограждан. Если же они увидят, что те, кто в настоящее время пользуется этими землями, отказываются от них, и общественное имущество становится на самом деле общественным, то прекратят завидовать нам и перестанут желать поголовного раздела земель, осознав, что общее со всеми владение будет выгоднее маленькой доли каждому. 5. Давайте же объясним им, — продолжил Аппий, — какова здесь разница, и что каждый в отдельности бедняк, получив небольшую землю и (если так случится) имея беспокойных соседей, и сам не будет в состоянии по своей бедности ее обработать, и арендатора, за исключением соседа, не найдет. А если большие наделы, предоставляющие земледельцам разнообразную и выгодную работу, будут сдаваться в аренду государством, то они принесут много дохода. И что для бедняков, когда они отправляются на войну, лучше получать продовольствие и жалование из общественного казначейства, чем всякий раз уплачивать в казначейство из собственного имущества, тогда как порой их средства к жизни бывают скудными, а добывание этих денег еще более обременит их».

LXXIV. Когда Аппий внес это предложение и, казалось, получил всеобщее одобрение, Авл Семпроний Атратин, спрошенный следующим, сказал: «Конечно, сегодня не впервые я имею возможность восхвалять Аппия как человека, который более всех способен задолго предвидеть будущее и высказывает самые лучшие и полезные суждения, тверд и непоколебим в своих взглядах, не уступает страху и не склоняется перед милостями. В самом деле, я всегда хвалю его и постоянно удивляюсь здравомыслию и благородству, которое он являет в минуту опасности. И сам я высказываю не иное предложение, а то же самое, лишь добавив к нему то небольшое, что, на мой

⁷⁹ В рукописях цифра не указана, но ниже (75. 3) есть ссылка на предложение Аппия, предполагающая, что число десять уже было упомянуто.

взгляд, Анний пропустил. 2. Ибо сам я также считаю, что герники и латины, которым мы только что предоставили равные гражданские права, не должны участвовать в разделе наших земель. Ведь мы владеем этой землей, приобретя ее не после того, как они установили с нами дружественные отношения, но еще раньше отняв ее у врагов благодаря собственному риску, без чьей-либо посторонней помощи. Давайте ответим им, что имеющимся у нас прежним владениям, то есть которыми каждая сторона располагала на момент заключения между нами договора о дружбе, следует оставаться для всех своими собственными и неотчуждаемыми, а чем завладеем на войне в совместных походах после заключения договора, от этого уже каждому достанется надлежащая доля. 3. Это ведь и союзникам не даст справедливых оснований для гнева за причиненную обиду, и народу не внушит опасения, что его сочтут предпочитающим выгоду своему доброму имени. Я полностью согласен и с избранием мужей, которых Анний предлагал назначить для установления границ общественной земли. Ведь это принесет нам большое доверие в отношениях с плебеями, ибо именно сейчас они недовольны в силу двух причин — и поскольку сами не получают никакой выгоды от общественных владений, и поскольку некоторые из нас незаконно пользуются ими. Если же они увидят, что эти владения обращены в общественную собственность и доходы с них идут на общие и насущные цели, то поймут, что для них нет никакой разницы, иметь ли долю в земле или в плодах с нее. 4. Само собой, я воздерживаюсь упоминать, что некоторых бедняков чужой ущерб радует больше собственных выгод. Однако я полагаю, что недостаточно записать в постановлении только эти два положения, но, думаю, следует приобрести расположение народа и склонить его на свою сторону и с помощью какой-либо другой умеренной услуги. О ней я вскоре скажу, предварительно показав вам причину, или, скорее, необходимость, в силу которой нам нужно сделать также и это.

LXXV. Вы, конечно, знаете слова, сказанные на народной сходке плебейским трибуном, когда он спросил у одного из консулов, а именно Вергиния, какое мнение тот имеет по поводу раздела земли, то есть согласен ли он разделить общественное имущество среди граждан без участия союзников, или даже нам, римлянам, не разрешает получать в надел долю от наших общих владений. И он согласился не препятствовать той части закона о разделе земли, которая касается нас, если все будут считать это наилучшим решением. Вот какая уступка сделала плебейских трибунов нашими соратниками, а народ — более благоразумным. 2. Итак, по какому еще разумению мы откажемся теперь от того, что тогда уступили? Или какая польза будет нам от следования в государственном управлении благородным и прекрасным политическим принципам, достойным нашего владычества, если мы не убедим тех, кому предстоит ими пользоваться? А мы не убедим, и никто из нас в этом не сомневается. Ведь, когда терпят неудачу, сильнее могут рассердиться те, кто обманут в своих надеждах и не получает обещанного. Несомненно, их опять быстро увлечет кто-нибудь, действующий в угоду им, и никто уже из плебейских трибунов не встанет

на нашу сторону. 3. Потому послушайте, что я советую вам делать и что добавляю к предложению Аппия, но не вставайте и не поднимайте шум прежде, чем выслушаете все, что я хочу высказать. Тем, кто будет избран для осмотра и установления границ общественной земли (десять ли человек или любое иное их число), поручите определить, каким конкретно землям и в каком количестве следует оставаться общими для всех и, будучи сдаваемыми в аренду на пять лет, увеличивать доходы казны, а сколько, в свою очередь, и какие именно следует разделить среди наших плебеев. Землю же, которую они назначат для раздела, вы должны распределить, предварительно приняв решение, — или среди всех граждан, или только среди тех, у кого уже нет надела, или среди имеющих наименьший имущественный ценз, или любым другим образом, как вам будет угодно. А выборы лиц для установления ее границ и ваше постановление, которое вы вынесете о разделе земель, и остальное, что необходимо сделать, пусть осуществят новые консулы так, как сочтут наилучшим, поскольку у нынешних консулов слишком краток оставшийся срок правления. 4. Ибо и сами дела такого рода требуют немало времени, да и нынешняя охваченная распрями власть едва ли сможет судить более здраво о том, что выгодно, чем назначенная после нее, если, правда, та будет единодушной, как мы надеемся. Ведь отсрочка — полезная вещь во многих случаях и ничуть не опасная, а время многое меняет за один день. И отсутствие разногласий между руководителями общественных дел — причина всех благ в государствах. Я высказываю именно такое мнение, но если кто-либо предлагает иное, лучшее, пусть поведает».

LXXVI. Когда Семпроний закончил, он встретил громкое одобрение со стороны присутствующих и уже никто из спрошенных после него не выдвигает другого предложения. Итак, после этого записывается следующее решение сената: избрать десять самых старших сенаторов из бывших консулов, которые, определив границы общественной земли, назначат, сколько из нее следует сдать в аренду и сколько разделить среди народа; 2. имеющим равные гражданские права и союзникам выделять причитающуюся каждому по соглашениям часть, если позднее приобретут еще какую-нибудь землю в совместных походах; выборы же указанных лиц, распределение наделов и остальное, что необходимо сделать, — осуществить новым консулам. Это решение, внесенное на утверждение народа, заставило Кассия прекратить демагогию и не допустило развиваться дальше разжигаемому бедняками мятежу.

LXXVII. В следующем году, когда началась семьдесят четвертая Олимпиада (на которой в беге победили Астил Сиракузский), а в Афинах архонтом был Леострат, консульство получили Квинт Фабий и Сервий Корнелий⁸⁰, мужи из патрициев, возрастом еще молодые, но по знатности предков самые выдающиеся из всех и очень влиятельные благодаря своим сторонникам и богатству, а также, несмотря на моло-

⁸⁰ 495 г. до н.э., по Дионисию — 484/483 г. до н.э. О судьбе Кассия см.: *Ливий*. II. 41. 10–12; *Валерий Максим*. VI. 3. 1.

дость, ничем не хуже никого из людей более зрелого возраста в ведении политических дел. Так вот, в указанном году Цезон Фабий, брат⁸¹ тогдашнего консула, и Луций Валерий Попликола, брат того Попликолы, который сверг царей, в это же самое время обладая квесторской⁸² властью и потому имея право созывать народные собрания, привлекли к ответственности перед народом по обвинению в стремлении к тирании Спурия Кассия, консула прошлого года, осмелившегося предложить законы о разделе земли. И назначив определенный день, они вызвали его, чтобы тот оправдался на суде перед народом. 2. Когда же в объявленный день собралась весьма многочисленная толпа, оба квестора, созвав плебс на народное собрание, стали обстоятельно излагать общеизвестные деяния Кассия, доказывая, что они не вели ни к чему хорошему. Так, сначала латинам, которым достаточно было, чтобы их сочли достойными общего с римлянами гражданства, и почитавшим за великое счастье получить хотя бы его, Кассий, будучи консулом, не только охотно предоставил гражданские права, о чем они просили, но и еще провел решение выделять им треть военной добычи в случае совместного похода. Затем герников, которым, побежденным на войне, следовало быть довольными, если они хотя бы не наказаны лишением какой-либо части своей собственной земли, он сделал друзьями вместо подданных и гражданами вместо данников, а также установил, чтобы они получали вторую треть той земли и добычи, какую римляне приобретут любым образом. 3. Так что из разделяемой на три части добычи двойную долю берут римские подданные и чужеземцы, а сами местные уроженцы и повелители — только одну треть. А вследствие этого, указывали квесторы, у римлян случится одна из двух нелепейших ситуаций, если они вознамерятся почтить какие-нибудь другие народы за множество великих благодеяний теми же дарами, коими почтили не только латинов, но и не сделавших никакого добра герников. Ведь, поскольку у них остается только одна треть, они либо не будут иметь доли, какую можно дать тем благодетелям, либо, приняв постановление о подобных почестях, ничего не оставят самим себе.

LXXVIII. А кроме того, квесторы подробно рассказывали, как, замыслив отдать народу общее имущество государства, Кассий, несмотря на то что и сенат не принял положительного решения, и коллега по консульству воспротивился, собрался силой утверждать закон, который являлся пагубным и несправедливым не по одной только той причине, что, в то время как следовало принять предварительное постановление сената и в случае его одобрения оказать благодеяние от имени всех властей, Кассий, напротив, старался сделать его милостью одного человека, 2. но и в силу того обстоятельства, преступнейшего из всех, что лишь на словах это было дарение гражданам общественной земли, а на деле — лишение: ведь римляне, захватившие ее, получили бы только одну долю, а герники и латины, у которых не было на нее никаких прав, —

⁸¹ Или, скорее, племянник.

⁸² Квесторы — см. примеч. 79 к кн. VII.

две доли. Рассказывали они также, что Кассий не подчинился даже плебейским трибунам, выступившим против него и предлагавшим убрать из закона одну часть — о равном участии чужеземцев, но продолжил действовать вопреки и плебейским трибунам, и коллеге по консульству, и сенату, и всем, кто давал наилучшие советы на благо общества. 3. Изложив это, в свидетели чего призвали всех граждан, уже затем квесторы стали приводить также и неизвестные доказательства его тиранических намерений, утверждая, будто бы латины с герниками собрали ему деньги, запаслись оружием и сходились к нему самые дерзкие из их молодежи, проводя тайные совещания и содействуя во многих других делах помимо указанных. И они называли многих свидетелей этого — как жителей Рима, так и из прочих, союзных, городов, людей не низкого звания и не безвестных. 4. Народ поверил им и вынес Кассию обвинительный приговор, уже не поддавшись на речи, сочиненные с большой тщательностью, которые сей муж публично произнес, и не уступив чувству жалости, хотя три маленьких сына оказывали Кассию заметную помощь в привлечении сочувствия, а многие другие — и родственники, и друзья — все вместе оплакивали его, и, наконец, нисколько не пощадив его деяния на войне, благодаря которым он достиг величайшего почета. 5. В самом деле, народ был до такой степени настроен против самого имени тиранни, что даже при определении наказания не умерил свой гнев на Кассия, но приговорил его к смертной казни. Ведь народом овладел страх, как бы этот человек, самый способный военачальник того времени, будучи отправлен в изгнание за пределы отечества, не поступил подобно Марцию, ссоря друзей и объединяя врагов, и не повел непримиримую войну против родины. Когда суд завершился таким образом, квесторы, приведя Кассия на возвышающийся над Форумом утес⁸³, в присутствии всех сбросили его со скалы. Ведь таким было принятое у римлян того времени наказание для приговоренных к смерти.

LXXIX. Именно таков более правдоподобный рассказ из переданных об этом человеке, но не следует пренебрегать и менее достоверным, поскольку он также пользуется доверием со стороны многих людей и сообщается в авторитетных сочинениях. Так вот, в некоторых книгах утверждается, что, когда для всех еще оставалась тайной подготовка им тиранни, первым заподозрил отец Кассия и, выяснив дело с помощью самого тщательного расследования, пришел в сенат. Затем, приказав сыну явиться, он стал для него и доносчиком, и обвинителем, а когда и сенат вынес обвинительный приговор, то, приведя его домой, казнил. 2. Действительно, суровость и неумолимость отцовского гнева на сыновей, совершавших преступления, и особенно у римлян того времени, не позволяет отбросить и данную историю. Ведь ранее Брут, изгнавший царей, осудил на смерть обоих своих сыновей по закону о злодеях, и секирами им отрубили головы, так как решили, что они оказывали содей-

⁸³ Тарпейская скала: см. примеч. 47 к кн. VII.

ствие царям в возвращении из изгнания⁸⁴. И позднее Манлий, командуя на галльской войне, награды за доблесть своего сына, отличившегося в бою, почетными венками, но, обвинив при этом в неповиновении, — поскольку тот не остался на сторожевом посту, куда был назначен, а вопреки приказу командующего покинул его, чтобы сразиться с врагом, — казнил сына как дезертира⁸⁵. 3. И многие другие отцы, кто за большие проступки, кто за меньшие, не щадили и не жалели своих детей. Именно поэтому я не считаю возможным, о чем сказал, пренебречь данным сообщением как недостоверным. Однако следующие соображения, будучи из доказательств не самыми незначительными и не лишенными убедительности, тянут меня обратно и ведут к первому утверждению. После казни Кассия его дом был скрыт до основания, и до сего дня это место остается без построек за исключением храма Теллус⁸⁶, который государство возвело в более поздние времена на некоторой части его территории у дороги, ведущей в Карины⁸⁷. Кроме того, государство изъяло имущество Кассия, из коего посвятили первинки в различные святилища, и в том числе Церере⁸⁸ бронзовые статуи с надписями⁸⁹, указывающими, из чьего имущества эти первинки. 4. Ведь если бы его отец оказался одновременно и доносчиком, и обвинителем, и палачом для своего сына, то и дом его не был бы разрушен, и достояние не конфисковано. Ибо у римлян никакое благоприобретенное имущество не является их собственностью, пока еще живы отцы, но и вещи, и личности сыновей отданы отцам в полное распоряжение по их усмотрению. Так что государство, наверно, не сочло бы справедливым за преступления сына отнимать и конфисковывать имущество отца, который, к тому же, сам сообщил о его тиранических намерениях. Именно поэтому я скорее согласен с первым сообщением, а оба привел для того, чтобы читателям можно было выбирать из них какое угодно.

LXXX. Но, хотя некоторые замыслили казнить и сыновей Кассия, сенат счел данную меру ужасной и вредной и, собравшись, постановил, чтобы отроки были освобождены от кары и жили в полной безопасности, не будучи наказаны ни изгнанием, ни лишением гражданских прав, ни другим образом. И с тех пор этот обычай укоренился у римлян, соблюдаясь вплоть до нашего времени, а именно: дети, чьи отцы совершили преступление, освобождаются от всякого наказания, даже если они

⁸⁴ Дионисий. V. 8; Ливий. II. 5. 5–8; Плутарх. Попликола. 6.

⁸⁵ См.: Ливий. VIII. 6. 7.

⁸⁶ Теллус (греч. Гея) — богиня земли. Ее храм был обетован консулом Публием Семпронием Софом в 268 г. до н.э., когда в ходе битвы случилось землетрясение.

⁸⁷ Карины — городской район в центре Рима на западном склоне холма Циспий, в конце Республики один из самых богатых и престижных районов.

⁸⁸ Церера (греч. Деметра) — богиня производительных сил земли, злаков и урожая. В ее храме, где она почиталась вместе с божествами Либером и Либерой, освященном в 493 г. до н.э. (см.: Дионисий. VI. 94. 3), хранился плебейский архив, и сюда нередко посвящали имущество осужденных преступников.

⁸⁹ Ливий (II. 41. 10) приводит эту надпись: «...дано из Кассиева имущества» (ex Cassia familia datum).

окажутся сыновьями тиранов, отцеубийц или предателей, что у римлян является величайшим преступлением. 2. А тех, кто в наши дни, после окончания Марсийской и гражданской войн⁹⁰, замыслили упразднить указанный обычай и на все то время, пока сами были у власти, лишили детей проскрибированных⁹¹ при Сулле родителей права добиваться должностей, которые занимали их отцы, и быть членами сената, — их считали совершившими деяние, заслуживающее ненависти людей и гнева богов. Потому-то со временем воспоследовало им мстителем за беззаконное справедливое возмездие, благодаря которому они были низвергнуты с высот небывалого до тех пор величия на самое дно, и даже никакого потомства от них, кроме как по женской линии, более не осталось. 3. Обычай же восстановил согласно исконному порядку человек, сокрушивший их⁹². У некоторых эллинов, однако, нет такого рода установления, а родившихся от тиранов детей одни считают нужным казнить вместе с отцами, другие же наказывают вечным изгнанием, словно природа не допускает, чтобы от дурных отцов появились порядочные дети или от хороших — плохие. Но о том, у эллинов ли лучше установление или обычай римлян предпочтительнее, я предоставляю судить тому, кто хочет, а сам возвращаюсь к последовавшим событиям.

LXXXI. Итак, после смерти Кассия⁹³ сторонники усиления аристократии стали более дерзкими и сильнее презирать плебеев, а граждане безвестные по своему имени и богатству были унижены до крайности и ругали свою собственную неимоверную глупость при осуждении Кассия, поскольку, мол, погубили самого лучшего защитника плебейского сословия. Причиной же этого было то, что консулы не выполняли решения сената о наделении землей, хотя они должны были назначить десять человек для установления границ общественной земли и внести предложение, сколько ее и кому следует раздать. 2. И много людей собиралось группами, постоянно разговаривая об обмане и обвиняя прежних плебейских трибунов в предательстве общественных интересов. Непрерывно шли народные сходки, созываемые трибунами того года, и выдвигались требования исполнить обещанное. Увидев это, консулы замыслили под благовидным предлогом войн успокоить возмущенную и растревоженную часть общества. Действительно, как раз в это самое время римская земля терпела ущерб от шаек грабителей из соседних городов и еще каких-то набегов. 3. Итак, с целью наказания этих нарушителей они выставили боевые знамена и

⁹⁰ Марсийская (или Союзническая) война — война 91–88 гг. до н.э. между римлянами и их италийскими союзниками, требовавшими гражданского равноправия. Гражданская война — имеется в виду война 83–82 гг. до н.э., завершившаяся установлением диктатуры Суллы (82–79 гг. до н.э.).

⁹¹ Проскрипции — особые списки лиц, объявленных вне закона и подлежащих смерти. Всякий, кто убивал или выдавал их, получал награду. Имущество проскрибированных подлежало конфискации. Впервые проскрипции были использованы Суллой во время своей диктатуры.

⁹² Имеется в виду Гай Юлий Цезарь, допустивший к занятию должностей сыновей казненных при Сулле родителей. См.: *Светоний*. Божественный Юлий. 41. 2.

⁹³ О дальнейших событиях этого года ср.: *Ливий*. II. 42. 1–2.

начали набирать войска из граждан. Но, хотя бедняки не стали являться на набор, консулы не имели возможности применять к неповивающимся законное принуждение, ибо трибуны встали на защиту плебса и были готовы воспрепятствовать любой попытке наложить арест на личность или имущество уклоняющихся от военной службы. Тогда консулы прибегли к многочисленным угрозам, что не уступят подстрекателям плебса, оставив тем самым скрытое подозрение, что собираются назначить диктатора, которому надлежало, упразднив остальные должности, одному иметь тираническую и неподотчетную власть. 4. И как только плебеи возымели это подозрение, они, испугавшись, что назначат Аппия, человека сурового и строгого, решились все терпеть вместо этого.

LXXXII. После набора войск консулы, приняв командование, вывели силы против врагов. Итак, Корнелий, вторгшись в пределы вейян⁹⁴, увел захваченную там добычу, а затем, когда вейяне отправили послов, отпустил им за выкуп пленников и заключил годичное перемирие. А Фабий с другим войском напал на землю эквов, потом оттуда — на землю вольсков. 2. Конечно, какое-то непродолжительное время вольски вытерпели, хотя их поля подвергались разграблению и разорению. Затем, отнесясь к римлянам с презрением, поскольку те пришли с небольшими силами, вольски взяли за оружие и сообща устремились на помощь своим с территории анциатов, приняв решение скорее поспешное, чем осмотрительное. Несомненно, если бы они напали раньше, застав врасплох рассеявшихся римлян, то обратили бы их в паническое бегство. Теперь же, узнав об их нападении от тех, кого он отправил на разведку, консул, быстро отдав приказ, вернул разосланных для фуражировки воинов и поставил их в строй, подобающий для сражения. 3. Вольсков же, продвигавшихся с презрением и дерзостью, охватывает страх ввиду неожиданного зрелища, когда вопреки их чаяниям показалось все войско врагов, стоявшее в боевом порядке, и тут уж не стало никакого дела до общей безопасности, но каждый думал только о собственном спасении. А потому, развернувшись, они бежали со всех ног врозь по разным дорогам, и большинство благополучно достигло города, но один небольшой отряд, который был лучше всех организован, бегом взобрался на вершину некоей горы и оставался здесь с оружием наготове всю следующую ночь. Однако, когда в ближайшие дни консул расставил вокруг холма стражу и перекрыл все выходы, голод заставил их покориться и сложить оружие. 4. Консул, приказав квесторам продать добычу, которую он захватил, а также трофеи и пленников, увез вырученные деньги в город. И немного спустя, подняв войско, отвел его из вражеской земли домой, так как год уже завершался. А когда настали выборы магистратов, патриции, видя, что народ раздражен и сожалеет об осуждении Кассия, решили принять в отношении народа меры предосторожности, чтобы тот снова не поднял каких-нибудь волнений

⁹⁴ Вейн — богатый и могущественный город в 18 км к северу от Рима, захваченный в 396 г. до н.э. после длительной осады.

в надежде на подкуп и раздачу наделов, обольщенный искушенным в демагогии человеком, получившим должность консула. Казалось же им, что легче всего удастся воспрепятствовать тому, к чему стремится народ, если консулом станет человек с наименьшими симпатиями к нему. 5. Поэтому, решив так, патриции побуждают домогаться консульства одного из обвинителей Кассия — Цезона Фабия, приходившегося братом тогдашнему консулу Квинту, а из остальных патрициев — Луция Эмилия, мужа аристократического образа мыслей. Когда же они стали добиваться этой должности, плебей, не имея возможности помешать, покинули выборы и удалились с Поля⁹⁵. 6. Ведь на центуриатных собраниях преимущество при голосовании принадлежало самым знатным и имеющим первые имущественные цензы, и редко случался какой-нибудь вопрос, который решали средние разряды; последняя же центурия, в которой голосовала самая многочисленная и беднейшая часть плебса, обладала одним, заключительным, голосом, как и раньше мною уже упоминалось⁹⁶.

LXXXIII. Итак, в двести семидесятом году от основания Рима консульство получают Луций Эмилий, сын Мамерка, и Цезон Фабий, сын Цезона⁹⁷, когда архонтом в Афинах был Никодем. Им, как они того и хотели, не пришлось испытать никаких беспокойств от гражданского раздора, поскольку город обступили внешние войны. 2. Действительно, у всех народов и во всех местах, как у эллинов, так и у варваров, прекращение бед извне обычно разжигает междоусобные и внутренние войны, а в особенности это испытывают те, кто выбирает из стремления к свободе и власти жизнь ратную и полную лишений. Ведь натуры, научившиеся добиваться большего, с трудом переносят утрату привычных занятий, и поэтому самые разумные из руководителей постоянно возобновляют какую-нибудь вражду с чужеземцами, полагая, что внешние войны предпочтительнее внутренних. 3. Так вот, тогда, как я сказал, по воле божества на консулов сразу обрушились восстания подчиненных народов. Ведь вольски, либо понадеявшись на гражданскую смуту у римлян, поскольку, мол, плебс вовлечен в борьбу с властями, либо побуждаемые стыдом за предыдущее поражение, случившееся без боя, либо возгордившись вследствие многочисленности собственных войск, либо в силу всего этого, приняли решение начать войну с римлянами. 4. И, собрав молодежь из всех общин, с одной частью армии они отправились в поход против городов герников и латинов, а с помощью остального войска, которое было самым многочисленным и сильным, предполагали давать отпор тем, кто нападет на их города. Узнав это, римляне решили разделить свои силы надвое и одной части нести охрану территории герников и латинов, а другой — опустошать землю вольсков.

⁹⁵ Марсово поле (Campus Martius) — равнина в излучине Тибра к западу от городской стены республиканского Рима, площадью около 250 га, где проходили центуриатные народные собрания и военные смотры, а также использовавшаяся для военных упражнений (см.: *Дионисий*. V. 13. 2).

⁹⁶ *Дионисий*. IV. 20. 5; VII. 59. 8.

⁹⁷ 484 г. до н.э., по Дионисию — 483/482 г. до н.э. Ср.: *Ливий*. II. 42. 2–7.

LXXXIV. Когда же консулы жребием распределили войска между собой, как у них заведено, то войско, предназначенное для помощи союзникам, получили Цезон Фабий, а Луций с другим пошел против города анциатов. Оказавшись вблизи границ и заметив вражеские войска, он тогда устроил лагерь на холме напротив них, и, хотя в следующие дни враги часто выходили на равнину и вызывали его на битву, Луций вывел свою армию, когда посчитал, что наступил подходящий срок. И прежде чем вступить в рукопашный бой, он долго призывал и ободрял бойцов, затем приказал подать сигнал к сражению, и воины, издав обычный боевой клич, в сомкнутом строю по манипулам⁹⁸ и центуриям начали битву. 2. А когда они израсходовали копья и дротики, а также все имевшиеся метательные снаряды, то, обнажив мечи, схватываются друг с другом, каждый обладая равной отвагой и рвением в бою. И способ ведения боя, как я и ранее говорил⁹⁹, был у них схожим, и не давали преимущества ни мастерство и боевой опыт римлян, благодаря которым они много раз побеждали, ни их выносливость и терпение в трудах, закаленные во многих битвах, ибо то же самое имелось и у врагов, с тех пор как главнокомандующим у них побывал Марций, не самый безвестный полководец среди римлян. Так вот, обе стороны выдерживали натиск, не уступая позиции, на которые встали с самого начала. 3. Затем понемногу вольски начали отходить с соблюдением порядка и строя, давая отпор римлянам. Но это была военная хитрость, чтобы разорвать ряды римлян и самим оказаться на более высоком месте.

LXXXV. Римляне же, подумав, что вольски обращаются в бегство, стали преследовать отходящих шагом врагов, сами также двигаясь организованно, но когда увидели, что те начали отступать к лагерю бегом, то и сами погнались поспешно и беспорядочно. И даже последние, охраняющие тыл, центурии принялись снимать доспехи с трупов, как будто уже победили врагов, и приступили к разграблению округи. 2. Заметив это, те вольски, кто изображали притворное бегство, развернулись и встали, когда приблизились к укреплениям лагеря, а те, кто был оставлен в нем, открыли ворота и выбежали все вместе во многих местах. И сражение у них принимает иной оборот, ибо преследователи обратились в бегство, а беглецы стали преследовать. В нем, конечно же, погибают многие доблестные римляне, теснимые вниз по наклонной местности и окруженные более многочисленными врагами. 3. Схожее с этим испытывали и те, кто, принявшись снимать вражеские доспехи и грабить, был лишен возможности отступить организованно и строем, ибо и они, застигнутые противником, были частью убиты, а частью взяты в плен. А те из них и из числа сброшенных с возвышенности, которые спаслись, получив на исходе дня помощь от всадников, все вернулись в лагерь. И, вероятно, от полного разгрома римлян уберегла сильная буря, обрушившаяся с небес, и тьма, какая бывает при густых туманах, что внушило

⁹⁸ Манипул (у Дионисия — *ολεῖρα*) — боевое подразделение легиона. Легион первоначально состоял из 10 манипулов, каждый из которых делился на две центурии.

⁹⁹ Дионисий. VIII. 67. 3.

врагам страх перед дальнейшим преследованием, поскольку они не могли далеко видеть. 4. А следующей ночью, подняв войско, консул увел его тихо и в строю, стараясь остаться незамеченным для врагов, и поздним вечером разбил лагерь около города, называемого Лонгула, выбрав холм, пригодный для отражения нападающих. Оставаясь там, он старался лечением вернуть в строй тех, кто страдал от ран, и подбадривал, утешая, воинов, удрученных неожиданным позором поражения.

LXXXVI. Итак, римляне находились в таком вот положении, а вольски, с началом дня узнав, что враги покинули укрепления, подошли и расположились лагерем. Затем, сняв доспехи с трупов врагов, подобрав полумертвых воинов, у которых имелась еще надежда выжить, и похоронив своих павших, они ушли в Анций, ближайший город. Там, распевая победные гимны и принося жертвы во всех святилищах, вольски в следующие дни обратились к удовольствиям и наслаждениям. 2. Конечно, если бы они удовлетворились недавней победой и ничего более предпринимать не стали, то война для них получила бы прекрасное завершение. Ведь римляне не отважились бы снова выйти из лагеря на битву, но охотно ушли бы из вражеской страны, сочтя, что бесславное бегство лучше явной смерти. Теперь же, стремясь к большему, вольски лишились и славы от прежней победы. 3. Ибо, слыша от разведчиков и перебежчиков из вражеского лагеря, что римлян спаслось совсем немного и притом большинство из них ранено, вольски преисполнились глубоким презрением к ним и, тотчас схватив оружие, устремились на неприятеля. А за ними следовала из города большая невооруженная толпа — посмотреть сражение и одновременно ради грабежа и добычи. 4. Но когда, атаковав холм, вольски окружили лагерь и принялись разрушать частокол, первыми вылазку против них совершили римские всадники, сражавшиеся пешими в силу особенностей местности, а затем, вслед за ними, сомкнув ряды центурий, — так называемые триарии. Они являются самыми старшими воинами, которым поручают охранять лагерь, когда остальные выходят на битву, и к ним последним обращаются в случае необходимости, не имея другой помощи, когда гибнет цвет войска. 5. Все же вначале вольски отразили их натиск и в течение длительного времени держались, ожесточенно сражаясь, но затем, находясь в худшем положении в силу характера местности, начали отходить и, наконец, причинив врагам незначительные и незаслуживающие упоминания потери, а сами понеся гораздо большие, отступили на равнину. Разбив там лагерь, в следующие дни они постоянно выстраивали войска и вызывали римлян на бой, но те не выходили против них. 6. А когда вольски это увидели, они, презирая римлян, стали созывать войска из своих городов, готовясь изгнать гарнизон превосходящими силами. И легко бы совершили они великое деяние, захватив консула и римскую армию либо силой, либо даже через сдачу в плен (ведь и местность к тому же не изобиловала продовольствием), но их упредила подошедшая раньше помощь римлянам, которая помешала вольскам довести войну до наилучшего завершения. 7. Ибо другой консул, Цезон Фабий, узнав, в каких тяготах оказалось войско, выставленное против вольсков, хотел, ведя как можно

быстрее все свои силы, немедленно напасть на врагов, осаждающих укрепление. Однако, поскольку при жертвоприношении и гадании по птицам¹⁰⁰ благоприятные знамения ему не являлись, напротив, божество противодействовало его походу, то сам он остался на месте, но, выбрав наилучшие манипулы, отослал их коллеге по должности. 8. И они, проделав путь скрытно по горам и в основном ночью, вошли в лагерь, оставшись незамечены врагами. Конечно, с прибытием подкреплений Эмилией воспрянул духом. Враги же, опрометчиво уповав на свою численность и возгордившись, поскольку римляне не выходили на битву, начали подниматься на холм сомкнутым строем. А римляне позволили им спокойно взойти и предоставили много потрудиться над разрушением частокола, но, когда были подняты значки к бою, — нападают на них, разобрав во многих местах укрепления. Одни вступили в рукопашный бой и сражались мечами, а другие поражали противника с укреплений камнями, дротиками и копьями, и ни один метательный снаряд не бил мимо цели, поскольку много воинов столпилось на узком пространстве. 9. В итоге, вольски, потеряв много своих людей, были сброшены с холма и, обратившись в бегство, едва спасаются в собственный лагерь. А римляне, считая себя, наконец-то, в безопасности, немедленно стали предпринимать вылазки на поля врагов, с которых уносили съестное и прочее, чего в лагере не хватало.

LXXXVII. Когда же пришло время выбора магистратов, Эмилией остался в лагере, стыдясь прибыть в город после позорных несчастий, в которых погубил лучшую часть войска. А его коллега по должности, оставив в лагере подчиненных себе командиров, отправился в Рим и, созвав плебс на выборы, не стал предлагать для голосования тех из бывших консулов, кому хотел дать консульство народ, поскольку даже сами они, по своей воле, не домогались власти, но созвал центурии и предложил голосовать за выдвинувших свои кандидатуры. 2. Ими оказались те, кого предпочел и кому приказал добиваться должности сенат, не очень-то угодные народу. И консулами на следующий год были объявлены Марк Фабий, сын Цезона, младший брат консула, осуществившего выборы, и Луций Валерий, сын Марка, обвинивший в тиранических намерениях и казнивший Кассия, трижды консула.

3. Они, получив власть¹⁰¹, предложили взамен воинов, погибших в войне против анциатов, набрать других, чтобы восполнить нехватку в центуриях. Добившись постановления сената, они назначили день, в который должны были явиться все, имеющие годный для военной службы возраст. После этого по всему городу был большой переполох, и раздавались мятежные речи самых бедных граждан, не желавших ни исполнять решения сената, ни повиноваться власти консулов, ибо в

¹⁰⁰ Ауспиции. В походе военачальников сопровождали так называемые пуллари («цыплатники»), которые носили клетки со священными курами. Гадали при кормлении птиц: благоприятным знаком считалось, если они поедали пищу с такой жадностью, что роняли из клюва ее куски.

¹⁰¹ 483 г. до н.э. Ср.: *Ливий*. II. 42. 7–11.

отношении них те нарушили обещания о разделе земли. Сходясь во множестве к плебейским трибунам, они упрекали их в предательстве и громко кричали, взывая к их помощи. 4. Однако почти все трибуны считали момент неподобающим, чтобы вновь разжигать гражданские распри, поскольку разразилась внешняя война, но один из них, некий Гай Мэний, заявил, что не предаст плебеев и не позволит консулам набирать войска, если прежде они не назначат межевателей общественной земли и, записав постановление сената о ее разделе, не представят его народу на утверждение. Когда же консулы начали возражать против этого и выдвигать имевшую тогда войну в качестве предлога, чтобы ни в чем не уступать его требованиям, Мэний сказал, что не станет обращать на них никакого внимания, но будет всеми силами препятствовать набору. 5. И он пытался делать это, но, в конечном итоге, все же не смог, ибо консулы, покинув город, установили курульные кресла на близлежащей равнине¹⁰². Здесь они осуществляли военный набор и тех, кто не повиновался законам, наказывали пениями, поскольку арестовать их не имели возможности: у кого была земля — разоряли ее и разрушали жилища, а чья земледельческая жизнь проходила в чужих владениях — у тех отнимали подготовленные к работе бычьи упряжки, домашний и рабочий выючный скот, а также различный инвентарь, которым обрабатывают землю и собирают урожай. 6. Плебейский же трибун, препятствовавший набору, был уже не в силах что-либо сделать. Ведь обладающие трибунскими полномочиями не имеют вне города никакой власти, ибо их полномочия ограничены стенами, и им не дозволено даже ночевать вне города, за исключением только одного случая — когда все должностные лица государства приносят общую жертву Юпитеру за народ латинов, поднимаясь на Альбанскую гору¹⁰³. 7. Этот обычай продолжает сохраняться вплоть до наших времен, а именно: плебейские трибуны вне города не имеют никакой власти. И даже повод, подтолкнувший случившуюся на моем веку междоусобную войну у римлян, которая стала величайшей из всех войн, что были до нее, этот повод, среди многих прочих казавшийся более важным и вполне достаточным, чтобы расколоть государство, был вот каким: некоторые из плебейских трибунов, жалуясь, что насильно изгнаны из Рима правителем¹⁰⁴, распорядившимся тогда делами Италии, с целью лишить их впредь всякой власти, бежали к командующему войсками в Галлии¹⁰⁵, якобы не имея, куда обратиться. 8. А он, воспользовавшись этим предлогом, под видом оказания благочестивой и справедливой помощи непри-

¹⁰² На Марсовом поле (см. примеч. 95).

¹⁰³ Альбанская гора — горная вершина в Лации (954 м над уровнем моря), в 25 км к юго-востоку от Рима. Здесь в честь Юпитера Латинского ежегодно совершали священнодействия члены Латинского союза. В силу гегемонии Рима в союзе эти священнодействия осуществляли, после вступления в должность, римские консулы в сопровождении прочих римских должностных лиц и магистратов латинских городов. См.: *Дионисий*. IV. 49.

¹⁰⁴ Помпей.

¹⁰⁵ К Цезарю.

косновенной власти народа, лишенной своих прав вопреки клятвам предков, сам явился с армией в Рим и вернул упомянутых лиц к власти¹⁰⁶.

LXXXVIII. Поэтому тогда плебеи, не получая никакой поддержки от трибунской власти, умерили свою дерзость и, являясь к назначенным для проведения набора лицам, приносили священную клятву и записывались под знамена. Когда же нехватка в центуриях была восполнена, консулы разделили между собой по жребию командование легионами: Фабий получил войско, отправленное на помощь союзникам, а Валерий — стоящее лагерем у вольсков, одновременно командуя только что набранными воинами. 2. Узнав о его прибытии, враги решили послать за дополнительными силами и устроить лагерь на более укрепленном месте, а также более не допускать, как прежде, никакого необдуманного риска из презрения к римлянам. Все это было быстро осуществлено, и у обоих командующих противостоящими войсками возник одинаковый замысел относительно ведения войны: отстаивать собственные укрепления, если кто-либо нападет, но на вражеские, чтобы захватить их приступом, не нападать. 3. И между тем прошло немалое время, проведенное в страхе перед атаками, но все же они не смогли до конца соблюдать свои решения. Ведь всякий раз, когда какую-либо часть войска отправляли за продовольствием или за чем-нибудь иным из предметов первой необходимости, в которых ощущалась нужда у обеих сторон, тут же происходили у них стычки и обмен ударами, и победа не всегда оставалась у одних и тех же. А так как они часто вступали в бой друг с другом, то гибло немало людей, а еще больше получало раны. 4. Все же римлянам никакая помощь со стороны не восполняла потери в войсках, а армия вольсков заметно увеличивалась, поскольку один за другим прибывали новые воины. И, побуждаемые этим обстоятельством, их командиры вывели из лагеря войско, готовое к битве.

LXXXIX. Когда же и римляне вышли и также выстроились в боевом порядке, начинается упорное сражение и между всадниками, и между пехотинцами, и между легковооруженными: все бьются с одинаковым рвением и опытом, и каждый возлагает надежду победить только на самого себя. 2. И так, много их с обеих сторон лежало убитыми, пав на том месте, где они были поставлены, и еще больше, чем трупов, лежало полумертвых воинов, а тех, кто еще продолжал сражаться и подвергаться опасностям, оставалось мало, и даже они были не в состоянии выполнять боевые задачи, поскольку из-за множества вонзившихся стрел и дротиков щиты отягощали им левые руки и не позволяли выдерживать натиск врагов, а у кинжалов затупились лезвия и некоторые даже полностью сломались, так что ими вообще уже нельзя было пользоваться. Кроме того, обе армии, сражаясь целый день, сильно устали, что уменьшало их силы и ослабляло удары, а также их мучили пот, жажда,

¹⁰⁶ Речь идет о бегстве к Цезарю в начале 49 г. до н.э. его сторонников, плебейских трибунов Марка Антония и Квинта Кассия, а также трибуна 50 г. до н.э. Куриона. После этого началась гражданская война между Цезарем и Помпеем.

одышка, как обычно бывает в душное время года у тех, кто сражается в течение длительного времени. Поэтому битва не получила никакого достопамятного завершения, но оба войска охотно вернулись в свои лагеря, когда полководцы дали приказ об отступлении. И после того ни одна из сторон более не выходила на битву, но, расположившись в лагерях напротив, они стерегли вылазки друг друга за продовольствием. 3. Все же сочли (таково было распространенное в Риме мнение), что римская армия, имевшая тогда возможность победить, умышленно не совершила никакого блистательного деяния из-за ненависти к консулу и негодования, которое она испытывала против патрициев вследствие обмана в наделении землей. Сами же войны, посылая письма каждый к своим друзьям, обвиняли консула в неспособности командовать.

Таковы были события в лагере, а в самом Риме появлялись многочисленные божественные знамения, указывающие через необычные голоса и видения на гнев богов. 4. И все это побуждало к тому выводу, как заявляли также, объединив свои знания, прорицатели и толкователи священных обрядов¹⁰⁷, что некоторые боги гnevаются, поскольку они не получают установленные обычаем почести, ибо священных действия для них совершаются небезупречно и неблагочестиво. Именно после этих заявлений был начат всеми усердный розыск, и спустя некоторое время верховным жрецам¹⁰⁸ передают донос, что одна из дев, охраняющих священный огонь¹⁰⁹, по имени Опимия¹¹⁰, лишившись девственности, оскверняет священные обряды. 5. Выяснив же с помощью пыток и других доказательств, что указанное преступление случилось на самом деле, они, сняв с головы девы священные венки и проведя ее в шествии по Форуму, закопали живьем у внутренней стороны городской стены¹¹¹, а двух изблеченных в том, что совершили растление жрицы, публично бичевали и тотчас казнили. И после этого жертвы и прорицания стали благоприятными, поскольку, как полагали, боги прекратили гневаться на них.

ХС. Когда же наступило время выборов должностных лиц и консулы прибыли в Рим, началось рьяное соперничество и спор между народом и патрициями относительно лиц, которые получают высшую власть. Ведь последние хотели продвинуть на консульство людей энергичных и наименее благоволящих к народу, из более молодых. И, получив от них приказ, власти стал добиваться сын Аппия Клавдия, считавшегося

¹⁰⁷ По всей видимости, понтифики.

¹⁰⁸ Понтификам.

¹⁰⁹ Речь идет о весталках — коллегии жриц богини очага Весты. Их главной обязанностью было постоянно поддерживать огонь в ее храме, угасание которого считалось страшным предзнаменованием для государства. Весталки обладали весьма значительными привилегиями, но при этом целиком подчинялись великому понтифику и обязаны были соблюдать строгий обет целомудрия. См.: *Дионисий*. II. 64. 5–69; *Плутарх*. Нума. 9–11.

¹¹⁰ Ливий (II. 42. 11) передает ее имя как Опния.

¹¹¹ На «Проклятом поде» у Коллинских ворот на севере Рима. См.: *Дионисий*. II. 67. 3–4; *Плутарх*. Нума. 10; *Ливий*. VIII. 15. 7–8.

самым враждебным народу, человек, преисполненный высокомерия и отваги, наиболее влиятельный из всех сверстников благодаря друзьям и клиентам. Со своей стороны, народ, предлагая тех, кто будет иметь попечение об общественном благе, желал сделать консулами людей постарше и уже давших доказательства своих способностей. Власти разделились и старались отменить полномочия друг друга. 2. Ведь всякий раз, когда консулы созывали плебс, чтобы объявить консулами своих кандидатов на должность, плебейские трибуны, имея право запрета, распускали избирательные собрания. Когда же трибуны, в свою очередь, приглашали народ на выборы должностных лиц, этого не допускали консулы, обладавшие исключительной властью созывать центурии и производить голосование. Имели место взаимные обвинения и постоянные стычки между противниками, организованными в сообщества, так что некоторые в гневе даже наносили друг другу удары, и недалеко уже было раздору до оружия. 3. Осознав это, сенат долгое время обсуждал, что предпринять в данных обстоятельствах, с одной стороны, не имея сил заставить народ, а с другой, — не желая пойти на уступки. Более жестким мнением было избрать диктатором для проведения выборов того, кого сенаторы сочтут наилучшим, чтобы он, получив власть, устранил из государства всех смутьянов, а также, если прежними должностными лицами была совершена какая-либо ошибка, исправил ее и, установив порядок управления государством, какой пожелает, передал должности наилучшим мужам. 4. А более умеренным было предложение тем же самым способом, каким происходили выборы в случае смерти царя, избрать междуцарями самых старших и уважаемых сенаторов, чьей обязанностью будет позаботиться о делах, касающихся власти, чтобы устроить ее наилучшим образом. Так как большинство присоединилось к этому мнению, то сенат назначает междуцарем Авла Семпрония Атрапина, остальные же должности были временно упразднены. 5. Он, осуществив управление не раздираемым междоусобиями государством столько дней, сколько разрешалось¹¹², назначает (каков был у них обычай) другого междуцаря, Спурия Ларция. А тот, созвав центуриатное собрание и проведя голосование по имущественным разрядам, объявляет консулами, при одобрении обеих сторон, Гая Юлия, по прозвищу Юл, из сочувствующих народу, и вторично Квинта Фабия, сына Цезона, из сторонников аристократии. 6. И народ, ничего не претерпев от него в прежнее консульство, дозволил ему получить эту власть во второй раз, поскольку ненавидел Аппия и весьма радовался, что тот выглядел униженным. Власти же, добившись, чтобы консульства достиг человек деятельный, который не проявит никакой слабости по отношению к народу, полагали, что ситуация с расколом приняла оборот, соответствующий их желанию.

ХСІ. Во время правления этих консулов¹¹³ эквы, вторгшись на земли латинов разбойничьим набегом, увели много рабов и скота, а из тирренов так называемые вейяне

¹¹² Этот срок составлял пять дней. См.: *Дионисий*. II. 57. 2; *Ливий*. I. 17. 6.

¹¹³ 482 г. до н.э. Ср.: *Ливий*. II. 43. 1.

разорили набегами значительную часть римской земли. Но поскольку сенат отложил войну против эквов на другое время, а удовлетворения постановил требовать от вейян, то эквы, побужденные безрассудной дерзостью, так как начало у них удалось в соответствии с их замыслом и никто, казалось, отныне не будет им препятствовать, решили не предпринимать более обычных разбойничьих экспедиций и, направившись с сильным войском к городу Ортона¹¹⁴, захватывают его приступом. Разграбив поля и город, они ушли, увозя большое богатство. 2. Вейяне же ответили пришедшим из Рима послам, что грабившие римскую округу были не из их граждан, а из прочих тирренов, и отослали их, не удовлетворив ни одного из справедливых требований. Между тем послы случайно сталкиваются с вейянами, везущими добычу из римской земли. Узнав от них обо всем этом, сенат постановил начать войну против вейян и обоим консулам вывести войска. 3. Конечно, возникли споры по поводу данного решения, и много было таких, кто препятствовал объявлению войны и напоминал плебеям о разделе земли, в котором они кругом обмануты, доверившись пустой надежде, хотя уже пятый год, как сенатом принято постановление о нем. Они, кроме того, доказывали, что война будет касаться каждого, если вся Тиррения по общему решению придет на помощь своим единоплеменникам. 4. Все же речи смутьянов не возобладали, но народ также утвердил постановление сената, последовав предложению и уговорам Спурия Ларция. И вслед за этим консулы вывели войска и расположились лагерем отдельно друг от друга недалеко от города¹¹⁵. Однако, простояв на месте много дней подряд, поскольку враги не выводили свои силы навстречу противнику, консулы, опустошив столько их земель, сколько могли, увели затем армию домой. Но ничего другого достойного упоминания во время их консульства совершено не было.

¹¹⁴ Конъектура Сидбурга. Во всех рукописях: «Хорона».

¹¹⁵ Имеются в виду Вейи.

СОДЕРЖАНИЕ

Книга V. Первые консулы Луций Юний Брут и Луций Тарквиний Кротонийский — Раскрытие заговора против консулов — Наказание заговорщиков — Публий Валерий, новый консул — Войско изгнанников против римлян — Поединок Брута с сыном Тарквиния. Гибель предводителей — Церемония погребения именитых мужей — Постановления Валерия, за которые он получает прозвище «Попликомы» — Царь клузийцев, Ларс, по прозвищу Порсена, объявляет римлянам войну — Спурий Ларций, Тит Герминий и Публий Гораций спасают войско. Этот поступок приносит бессмертную славу Горацию — Мужественный поступок Муция — Завершение войны между римлянами, тарквинийцами и тирренцами — События в третье и четвертое консульство — Война римлян в пятое консульство — Победа над сабинянами. Город возвращает себе прежнее величие — Третье вторжение сабинян — Возвращение консулов после блистательно одержанной победы — Почести, оказанные римлянами при погребении Публия Валерия — События, произошедшие при правлении консулов Постумия Коминия и Тита Ларция — Заговор во время правления консулов Сервия Сульпиция Камерина и Манья Туллия Лонга — Мятельный дух в государстве при правлении консулов Тита Ларция Флава и Квинта Клодия Секла — Ларций, первый в Риме, назначается единоличным правителем с абсолютной властью — Власть Ларция как первого диктатора 7

Книга VI. Мирная передышка во времена правления консулов Семпрония Аtratина и Марка Минуция — Авл Постумий получает власть диктатора — Сражения латинов с римлянами — Условия заключения мирного договора с латинами — Возникновение гражданской смуты после окончания внешних войн — Сенат голосует за войну против вольсков — Сервилию удается прекратить смуту и собрать новое войско — Победа Сервилия — Новая победа римлян над сабинянами и новые сражения за господство — Консульство Авла Вергиния и Тита Ветурия — Назначения Манья Валерия диктатором — Убедительная речь Валерия перед народом. Народ дает согласие воевать — Исход войны с вольсками — Недовольные плебеи покидают город — Переговоры сената с народом. Взаимные обвинения — Речь Менения Агриппы — Заключение с сенатом соглашения. Утверждение новой магистратуры — Набор полководцами армии против внешних врагов — Сражения и победы римлян — Заключение нового договора о мире со всеми латинскими городами — Конец жизни Менения Агриппы. Установление сенатом ритуала и правила погребения самых знаменитых римлян 65

Книга VII. Отправка послов для закупки хлеба на Сицилию, к тирренам и на так называемую Помптинскую равнину — Краткая история прихода к власти тирана Аристодема и его

управления делами государства — Возвращение послов и отправка поселения в Велитры — Выступление Спурия Сициния и Брута против сената и разжигание ими неприязни плебеев к патрициям — Многочисленные споры плебейских трибунов с консулами. Враждебные позиции друг к другу — Набор войска для набегов и грабежей — Назначение консулами Марка Минуция Авгурина и Авла Семпрония Атратина — Спор среди патрициев по поводу продажи прибывшего хлеба из Сицилии — Призыв Марция выступить патрициям против плебса — Противодействие плебейских трибунов Марцию и его сторонникам — Выступление Минуция в защиту правомерных действий сената — Обвинительная речь плебейского трибуна Сициния против Марция — Объявление суда над Марцием — Выступление Деция — Доводы Аппия Клавдия — Речь Манья Валерия, самого яркого сторонника плебеев — Созыв, впервые у римлян, трибунного народного собрания, голосующего по поводу отдельного человека — Открытие судебного процесса. Первое слово берет Минуций — Обвинение Марция в тирании — Определение наказания Марция — Избрание консулами Квинта Сульпиция Камерина и Спурия Ларция Флава — Ниспосланные божеством знамения и явления необычайных видений — Обряды, совершаемые в каждом полисе при установленном предками почитании богов и божеств 136

Книга VIII. Марций подымает вольсков против римлян — Нападение вольсков на земли римлян под командованием Марция и Тулла — Тулл одерживает победы над союзными с римлянами городами — Переговоры послов римлян с Марцием о примирении и дружбе — Неприятие сенатом условий перемирия, выдвинутых Марцием — Женщины Рима, во главе с матерью Марция, идут в его лагерь с просьбой за отечество — Обращение матери к сыну — Марций объявляет о своем намерении прекратить войну — Сенат принимает постановление о сооружении храма и тогда впервые женщинами избирается жрица — Дальнейшая судьба Марция. Смерть, выпавшая на его долю — Войны, которые ведут римляне при консулах Гае Аквиллии и Тите Сикции — Выступление в поход Прокула Вергиния и Спурия Кассия, принявших консульскую власть — Вольски соглашаются подчиниться Риму, а герники начинают переговоры о мире и дружбе — Кассий, пытаясь расположить побежденные народы в свою пользу, своими действиями поднимает смуту — Решение сената о разделе земли, вынесенное на утверждение народа, гасит разжигаемый бедняками мятеж — Народ выносит Кассию обвинительный приговор — Консулы под благовидным предлогом войны пытаются успокоить возмущенную часть общества — Войны во время правления консулов Луция Эмилия и Цезона Фабия — Новыми консулами объявлены Марк Фабий и Луций Валерий — Объявление консулами нового набора войска — События в военном лагере и в самом Риме — Соперничество при выборах новых консулов. Консулами объявлены Гай Юлий и вторично Квинт Фабий 199

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное иллюстрированное издание

Дионисий Галикарнасский «Римские древности»

Издание в 3-х томах, 20-ти книгах

Том 2 (книги V–VII)

Книги готовились к изданию при участии Центра изучения римского права.

Ответственный редактор и научный руководитель: д. и. н., профессор Маяк И. Л.

Координатор работ по подготовке книг к изданию: к. и. н., д. ю. н., Кофанов Л. Л.

Общая редакция издания: к. и. н. Токмаков В. Н.

Редакция перевода V, VII и VIII книги: к. и. н., доцент Шабага И. Ю.

Редакция перевода VI книги: к. и. н., д. ю. н. Кофанов Л. Л.

Выпускающий редактор издания: к. ф. н. Кофанова Е. В.

Автор серийного оформления: Яковлев А. Т.

Автор рисунков для заставок и концовок к главам: Бисенгалиев В. К.

Компьютерный набор: Сморгчов М. К.

Допечатная подготовка выполнена ООО УпакГрафика.

Компьютерная верстка и монтаж: Алексеев С. А.

Технический редактор: Пущаева Л. Д.

Корректор: Ужегова В. Х.

Набрано гарнитурой: Елизаветинская © Paratype Ink

Издательский дом «Рубежи XXI»
127254, Москва, ул. Гончарова, 7-А, кв. 17

Сдано в набор: 04.07.2004 г.

Подписано к печати: 20.02.2005 г.

Формат 70 x 90/16. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.

Усл. печ. л. 17,5. Тираж 1 500 экз. Тип. зак № 1402.

Цена договорная.

Отпечатано в ОАО «Типография «Новости»

105005, Москва, ул. Ф. Энгельса, 46